

ISSN 2307-2598

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

Сборник статей

Выпуск 11

Под редакцией О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

УДК 316 (082)

ББК 60.5я43

С 693

Рецензент:

кафедра эмпирической социологии и конфликтологии
Алтайского государственного университета

Ответственные редакторы:

декан факультета социологии О. Н. Колесникова,
профессор, завкафедрой общей социологии Е. А. Попов

Техническая поддержка: К. И. Коваль

С 693 **Социология в современном мире: наука, образование, творчество** : сборник статей / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. — Вып. 11. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. — 394 с.

ISSN 2307–2598

В издание включены материалы по широкому кругу социальных проблем, рассматриваемых авторами сквозь призму современного социологического знания и на уровне междисциплинарных научных связей социологии с философией, историей, антропологией, психологией и другими теоретическими и прикладными сферами. Особое внимание уделяется потенциалу социологической науки в развитии социально мыслящего человека, проблемам социологического образования и другим актуальным вопросам.

Будет полезно широкому кругу специалистов в области социогуманитарного знания — ученым, педагогам, аспирантам и студентам.

УДК 316 (082)

ББК 60.5я43

ISSN 2307-2598

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И ЗНАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

<i>Александрова Н. Х.</i> Личностно-психологические аспекты старения как условие сохранности и безопасности пожилых	10
<i>Галиев М. С.</i> Роль обществознания в формировании социального мышления школьников	13
<i>Грошева Д. В.</i> Функции и роль социологии как науки в современном обществе	15
<i>Домашев А. Н., Прокопьева Н. В.</i> Этническая картина мира: смысл и значение	20
<i>Ежова В. А.</i> Социология конфликта в системе социологического знания	26
<i>Замятина О. Н.</i> Роль правовой культуры в социокультурном пространстве	29
<i>Иода С. В.</i> Проблема лидерства в социальной группе	32
<i>Кеняйкина А. Е.</i> Гендерные стереотипы и СМИ	36
<i>Колесникова О. Н.</i> Магистратура по социальной работе: из опыта работы в Алтайском крае	40
<i>Комышников Е. А.</i> Сельские пенсионеры и современная реформа пенсионного законодательства	44
<i>Коростелева О. Т.</i> Идеальные типы в современном социогуманитарном знании	48
<i>Кряклина Т. Ф.</i> Использование междисциплинарного подхода при анализе современных моделей российских университетов	52
<i>Мазурина Ю. Р.</i> Ответственность в сфере трудовых отношений	57
<i>Малетина А. С.</i> Теоретические основания правового интереса в исследовании экологических проблем в Алтайском крае	62
<i>Мицких Д. А.</i> Штрихи к социальному портрету кинолога как работника правоохранительных органов	65
<i>Мукова Л. А.</i> К вопросу о теории разделения властей (на материалах Республики Болгария)	68
<i>Нагайцев В. В.</i> Стадии и уровни социальной напряженности в обществе	74
<i>Попов Е. А., Бугазов А. Х.</i> Образованность как ценностно-смысловой комплекс человека	78

<i>Пустовалова Е. В.</i> Развитие социального мышления в профессиональной подготовке социолога	84
<i>Радонова А. В.</i> Региональные механизмы воспроизводства социальной сферы	87
<i>Романова Н. Н.</i> Правовое регулирование в сфере социальной работы с мигрантами в Российской Федерации	90
<i>Стерляева Н. А.</i> Некоторые аспекты социально-трудовых прав несовершеннолетних в современном законодательстве	93
<i>Сытых О. Л., Синцова Л. К.</i> Социальная жизнь и социально-гуманитарное познание: взаимосвязь явлений	97
<i>Хатунцева П. Е.</i> Трансформация ценностных установок в современном потребительском обществе	106
<i>Хвастунова Ю. В.</i> Перспективы междисциплинарных исследований в социологии религии (на примере изучения религиозных объединений в полевых условиях в Республике Алтай)	109
<i>Цакова И.</i> Применение общего европейского регламента (ЕС) 2016/679 в защите личных данных (практические аспекты на материалах Болгарии)	112
<i>Чурсина Н. С.</i> Проблемы использования технологии медиации в России	116
<i>Шафоростова С. Н.</i> Основные подходы к понятию «гражданское общество»	120
<i>Шрайбер А. Н.</i> Роль истории социологии в подготовке социологов	123

РАЗДЕЛ II. ПОТЕНЦИАЛ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ

<i>Антипова Ю. А.</i> Деонтологический аспект профессии полицейского	126
<i>Блохина Е. А.</i> Социальная реклама в деятельности органов управления	129
<i>Воронина С. А.</i> Качественные методы в исследовании скрытых элементов социальной структуры	132
<i>Голубицких Ю. В.</i> Анализ управленческих конфликтов: междисциплинарный аспект	137
<i>Гуреева М. А.</i> Манипулирование сознанием и поведением людей в системе массовой культуры	140

<i>Иванова А. А.</i> Социально-правовой механизм защиты прав детей-сирот в колледжах г. Барнаула.....	144
<i>Карамышев Н. П.</i> Развитие и формирование социального мышления субъектов малого сельского бизнеса в условиях кооперации	147
<i>Качур А. С.</i> Распространение русского языка в странах СНГ.....	152
<i>Кашкарова А. А.</i> Социально-правовые формы регулирования образовательных услуг как залог успешности функционирования современного вуза (на примере ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»).....	156
<i>Кащенко А. С.</i> Образ мигранта в представлениях населения приграничного региона (на примере Алтайского края)	158
<i>Кащенко А. С.,</i> Ветошкина Н. Н. Роль русского языка в обществе XXI века.....	161
<i>Климова К. И.</i> Роль семьи в формировании личности	164
<i>Котенок Е. Г.</i> Бюрократия как социальное явление.....	167
<i>Кротова А. А.</i> Социальный портрет должника, уклоняющегося от уплаты алиментов: к постановке проблемы	170
<i>Лобанова А. Д.</i> Нормативно-правовые источники, регламентирующие деятельность социального предпринимательства.....	174
<i>Монгуш А. А.</i> Современное состояние межэтнических отношений в Республике Тыва (по результатам социологических исследований)	178
<i>Мотина А. В.</i> Стереотипы о профессиях правовой сферы в представлениях студенческой молодежи вузов Алтайского края.....	181
<i>Никифорова А. И.</i> Междисциплинарность в исследовании социального феномена чайлдфри.....	184
<i>Оргина К. А.</i> Место и роль социологии в системе социально-гуманитарного знания	188
<i>Прудникова А. В.</i> Компьютерно-игровая зависимость у подростков.....	192
<i>Пугачев М. Д.</i> Роль СМИ в репрезентации инвалидности	196
<i>Решетова А. С.</i> Медиация как инновационная технология профилактики правонарушений несовершеннолетних (на примере Алтайского края).....	199
<i>Саркисян С. Г.</i> Ценности современной молодежи.....	200

<i>Синдяшова А. Н.</i> Сельское поселение как объект изучения в социологии	204
<i>Сиротина Т. В., Дубровина Я. Ю.</i> Социальное обслуживание семей с детьми с нарушениями слуха и зрения в полустационарной форме (по результатам пилотного исследования в Алтайском крае).....	208
<i>Скосырева С. О.</i> Информационная безопасность детей в современном обществе	211
<i>Стерляева Н. А.</i> Правовое положение несовершеннолетних в РФ: анализ семейного законодательства	216
<i>Струганик В. В.</i> Жизненный мир сельских жителей России	220
<i>Тесля Ю. И.</i> Престижность юридических профессий.....	224
<i>Фролова В. С.</i> Социальные причины девиантного поведения в современном российском обществе	227
<i>Черепанова М. И., Горбунова А. А., Глухверова Д. А., Сарыглар С. А.</i> Миграционные процессы в Алтайском крае: будет ли у региона будущее?.....	232
<i>Чудова С. Г., Великжанина К. А.</i> Практико-ориентированное обучение как ресурс профессионализации социальной работы	236
<i>Шахова Е. В.</i> Приграничные регионы Российской Федерации: особенности и значимая роль в национальной безопасности страны	241

РАЗДЕЛ III. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБЪЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Баёва А. А.</i> Ответственное родительство в контексте социологии семьи	246
<i>Болотова А. В.</i> Коррупция в России и методы борьбы с ней	249
<i>Борисова О. В.</i> Социальная безопасность населения Алтайского края (по материалам социологических исследований).....	253
<i>Боровинская Ю. К.</i> Проблема экстремизма в современной социальной среде	255
<i>Будлянская Л. С.</i> Отношение трудоспособного населения города Барнаула к иностранным трудовым мигрантам.....	259
<i>Ветошкина Н. Н., Кащенко А. С.</i> Ценностные ориентации представителей субкультуры ролевого движения живого действия (на примере исторической реконструкции).....	264
<i>Воронина С. А.</i> Эволюция критериев элиты в современном социальном знании	268

<i>Горшунова Е. Е.</i> Харакири (сэппуку) и феномен «испаряющихся людей» в Японии как одна из исторически сложившихся форм проявления стратегии ухода в конфликтном взаимодействии.....	274
<i>Горшунова Е. Е., Домашев А. Н.</i> Конформизм как реакция на социальную напряженность.....	278
<i>Данилова М. В.</i> Образ социолога в глазах россиян.....	282
<i>Дерягина В. В.</i> Организация социального обслуживания одиноких пожилых людей, проживающих в сельской местности	285
<i>Дурманова Т. Ю.</i> Возможности песочной терапии в реабилитации наркозависимых	288
<i>Журавлев Ф. Б.</i> Проблемы социальной рекламы в современной России.....	291
<i>Зайцев К. А.</i> Ролевая игра как технология работы с дезадаптивными подростками.....	295
<i>Калинина А. П.</i> Организация внеучебной и воспитательной работы в студенческом общежитии	298
<i>Кобец А. С.</i> Профилактика делинквентного поведения в молодежной среде Республики Алтай	302
<i>Кужим Н. В.</i> Социологические особенности детской субкультуры	306
<i>Кузнецова В. А.</i> Социальная реабилитация лиц, вышедших из мест лишения свободы.....	309
<i>Кульгускина И. А.</i> Проблема развития волонтерской деятельности как социального феномена	312
<i>Литягин Е. В.</i> Основные направления профилактики и борьбы с наркотизацией населения	315
<i>Лихошерстова Н. В.</i> Аборт как социальное явление: проблема искусственного прерывания беременности	317
<i>Максимов И. С.</i> Особенности взаимодействия сотрудников ГИБДД и граждан во время охраны общественного порядка	320
<i>Меркетова Е. А.</i> Социально-педагогическая поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях учреждения среднего профессионального образования	323
<i>Назарова Х. А.</i> Неформальные практики работников в условиях нестабильной среды малого бизнеса	327
<i>Недосекова Е. С.</i> Пятая волна эмиграции: установки населения Российской Федерации.....	331

<i>Плотникова М. В.</i> Сопровождаемое проживание как инновационная технология социальной защиты подростков с инвалидностью.....	334
<i>Поневин К. В.</i> Анализ изменений системы независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере социального обслуживания.....	337
<i>Попов Е. А., Бугазов А. Х.</i> Философия уголовного права как система знаний	339
<i>Рекунова М. В.</i> Дауншифтинг как социальный феномен	343
<i>Сивоконь А. С.</i> Критерии независимой оценки качества условий оказания услуг в учреждениях социального обслуживания населения	348
<i>Смирнова А. С.</i> Роль ученического самоуправления в процессе социализации школьников.....	353
<i>Соколова А. С.</i> Представление экологической проблематики в современных СМИ.....	356
<i>Трофимова Ю. В.</i> Принятие решений и психологическое благополучие сотрудников полиции на этапе вхождения в профессиональную деятельность.....	358
<i>Феданюк Е. Д.</i> Перспективы развития среднего класса в современном российском обществе	362
<i>Федулова Е. А.</i> Социологические теории потребления	366
<i>Черепанова М. И., Горбунова А. А., Глуховева Д. А., Сарыглар С. А.</i> Апокалипсис к реализации не обязателен: проблемы демографического развития приграничных регионов России	369
<i>Чудова С. Г.</i> Коллективный портрет бабушки: «рисунок» современной молодежи	373
<i>Чуканова Т. В., Шунк Е. П.</i> Теоретико-исторические аспекты изучения иппотерапии как технологии социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья	377
<i>Швайгерт В. Л.</i> Социальная работа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы, в Алтайском крае	381
<i>Яныканова К. В.</i> Мобильный бригадный метод социального обслуживания как инновационная технология оказания срочной социальной помощи населению	384
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	388

Раздел I

**ИНТЕГРАЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
И ЗНАНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

Н. Х. Александрова (Ботевград, Болгария)

ЛИЧНОСТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАРЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ СОХРАННОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ПОЖИЛЫХ

В научной литературе утверждается точка зрения, согласно которой старение не может рассматриваться как простая инволюция, угасание или регресс. Оно рассматривается как продолжающееся становление человека, которое включает не только многие приспособительные и компенсаторные механизмы жизнедеятельности, но и способности активного взаимодействия с миром. Люди позднего возраста вынуждены ориентироваться не только в новой внешней ситуации, но и реагировать на изменения в самих себе. Не менее важно знать, какие положительные изменения в личности стареющих людей способствуют лучшей адаптации к новым условиям и увеличению продолжительности активной жизни [1; 2; 3].

В теоретическом отношении понимание сущности процесса старения имеет самостоятельную ценность, поскольку без понимания закономерностей развития на поздних этапах онтогенеза невозможно полностью охватить целостный процесс развития личности, происходящие изменения и их динамику. На сегодняшнем этапе развития общества равновесие между личностью и психосоциальной средой требует адекватной приспособляемости. Это вызывает необходимость исследования реальных выражений диссоциации психических функций человека, проявляющихся в результате отсутствия такой адаптивности. Очень часто невозможность адаптации порождается чувством тревожности. В отношении характера и особенностей процесса адаптации человека, а в конкретном случае на примере людей пожилого и старческого возраста, важное значение имеет качество жизни на этом этапе онтогенетического развития. Именно проявление и уровень тревожности служат надежным индикатором характера и содержания приспособления к другим, к среде и к самому себе. Эффективность и функционирование выведенных характеристик субъектности обуславливается в определенной степени уровнем и содержанием психического состояния пожилых и старых людей.

Независимо от того что в процессе старения затухают психофизиологические функции, вместе с изменяющимися условиями среды постоянно возрастает необходимость адаптации. Тревожность, ее уровни и особенности различных этапов онтогенетического развития взаимосвязаны с такими состояниями, как фрустрация, агрессия,

ригидность. Их изучение способствует осуществлению результативной социально-психологической работы и психопрофилактики неблагоприятия в физическом и психическом здоровье людей пожилого и старческого возраста. Ряд исследований показывает, что сильно выраженная тревожность предполагает наличие ригидных механизмов защиты, которые создают трудность не только пожилым и старым людям, но и человеку вообще в адаптации к постоянно изменяющейся среде, к другим и к самому себе. Констатированные нами средний и низкий уровни тревожности показали незначительную корреляционную связь с проявлениями ригидности, что дает основание считать, что в этом случае нет сильно выраженных защитных механизмов.

Переживание собственной старости зависит от характера и содержания субъектности человека. Эта характеристика личности пожилого и старого человека определяется свойствами его самосознания: переживанием идентичности, сохранностью функций контроля, устойчивостью и вариативностью Я-образа, уровнем самопринятия. Исследования показывают, что детерминирующим началом в субъектности пожилого человека выступает принятие им себя как активного деятеля в оставшийся период жизни, позволяющее ему активно адаптироваться к изменяющейся среде, к другим людям, к собственным физическим, физиологическим, личностным изменениям. Таким образом, умение сохранить психологические возможности активно адаптироваться к быстро меняющимся с возрастом условиям жизни и среды является результатом всего жизненного пути. Это и есть предпосылка проявления личностного характера безопасности пожилого человека. Эффективность программ практической психологической помощи таким людям связана с созданием условий, обеспечивающих их активное отношение к себе как к субъектам собственной жизни. Нам удалось выявить, что субъектность пожилого и старого человека как интегративное, системообразующее свойство его личности определяет возможности активной адаптации к изменениям в жизни и в самом себе на поздних этапах онтогенеза.

Основой организации практической психологической помощи пожилым и старым людям является положение о приоритете личностной сохранности и социальной активности человека на поздних этапах онтогенеза, что обеспечивает его психологическую безопасность.

Диагностируя субъектность личности пожилого человека, надо иметь в виду определенные атрибуты, предикативные предпосылки адекватности и реальности Я-образа, самовосприятия, уровни и тип локализации контроля. В этом смысле существующие или не существующие изменения могут иметь свою объяснительную функ-

цию и играть роль в отношении адаптации или дезадаптации, изменения или стабильности, целостности личности на данном этапе жизни. Одновременно с этим такие люди имеют и свои личностные нюансы и проявления в отношении личностной системы в целом. Субъектность как интегративная личностная характеристика имеет медиативный характер, что и обеспечивает адаптационные возможности пожилых и старых людей [3; 4].

В этом смысле роль и функции субъектности опосредуются и определяются структурой, уровнем и функционированием содержательных характеристик личностно-психологических особенностей людей позднего онтогенеза. Уровень функционирования личностно-психологических характеристик и в основном их субъектность атрибутирована и опосредована также психическим состоянием пожилых людей, их тревогами, беспокойством и т. д.

На поздних этапах жизни происходит дальнейшее изменение личности. Оно детерминировано субъектностью пожилого и старого человека, смысловым содержанием которого является отношение к себе как к деятелю в оставшейся период жизни, и обуславливает возможности адаптации к быстроменяющимся условиям жизненных ситуаций [4; 5]. Субъектность человека в пожилом и старческом возрасте характеризуется степенью сохранности идентичности, уровнем самопринятия, выраженностью Я-образа. Эта сохранность в определенном смысле предопределена низким уровнем проявления тревожности и других психических состояний. Численное выражение и содержание проявлений тревожности дает основание говорить, что для людей пожилого и старческого возраста свойственна индивидуальная вариативность уровня тревожности от низкого и среднего до эпизодически завышенного и сильно завышенного.

Данные исследования показали аналогичные численные выражения и проявления других психических состояний: фрустрации, агрессии и характеристик ригидности в наблюдаемых возрастных группах. Субъектность пожилого и старого человека определяется и характеристиками его самосознания: переживанием идентичности, сохранностью функций контроля, устойчивостью и вариативностью Я-образа, уровнем самопринятия. Гармоничное, сбалансированное сочетание выраженности этих компонентов составляет вариативную индивидуальность старости, что является условием функционирования личной безопасности.

Активная адаптация в пожилом и старческом возрасте связана с уровнем развития субъектности человека. Именно деятельная позиция в жизни позволяет человеку активно адаптироваться к изменяю-

щейся среде, к другим людям (повзрослевшим детям и внукам, утраченным друзьям и родственникам и т. д.), к собственным физическим, физиологическим, психологическим и социальным изменениям.

Библиографический список

1. Александрова Н. Х. Старите хора. 2001.
2. Александрова Н. Х. Малка книжка за голямата самота. София, 2015.
3. Александрова Н. Х. Субъектность на поздних этапах онтогенеза. Н. Новгород, 2000.
4. Александрова Н. Х. Тревожность при хора в напреднала и старческа възраст. София, 2002.
5. Волкова Е. Н. Психологические аспекты субъектности учителя. Н. Новгород, 1997.

М. С. Галиев (Барнаул)

РОЛЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Кризис современного школьного образования обусловлен кризисом российского общества в целом [1, с. 45–52]. Ценностные ориентации, регулирующие социальные действия граждан на протяжении десятилетий, разрушены. Сегодня общественное сознание ориентировано на индивидуализм, прагматизм, духовный нигилизм. Индивидуалистическая ориентация современного общественного сознания часто реализуется вне моральных мотиваций, уступая место прагматическому отношению, что способствует доминированию в обществе духовного нигилизма, снижению авторитета не только гуманитарных, но и рациональных форм знания в целом [2, с. 22–26].

Возникает вопрос — какой человек нужен современности? Философы предполагают, что нужен «тонко настроенный человек, умеющий ценить социальное во всей его сложности, неопределенности, и в то же время способный творчески, непринужденно вскрывать влияние идеологем, институций, устоявшихся привычек мышления и образа действий, всего того, что препятствует свободному участию человека разумного в конструировании дружественной ему социальности» [3, с. 191–196]. То есть человек, обладающий социальным мышлением, потому что понимание общественной реальности через понимание ее смысла есть, по сути, мировоззренческий

аспект социального мышления. Эту же задачу — постепенного формирования социального мышления — ставит перед школьным образованием ФГОС.

Социальное мышление — это особый тип мышления. Это критическое мышление. Сам процесс развития критического мышления начинает активно развиваться в средней школе. Нужен ли обществу критически мыслящий человек? Человек, осмысливающий социальную реальность? Современные экономические, политические, культурные реалии вынуждают нас ответить на этот вопрос отрицательно. Нужно ли самому молодому человеку развитие критического мышления? Нужна ли ему социальная компетентность, которая, на наш взгляд, есть компетентность взросления? (Социальная компетентность взросления определяется как «способность молодых анализировать происходящее вокруг них, адекватно оценивать свои возможности и выстраивать стратегии взаимодействия с окружающим миром» [4, с. 21]). Несомненно — да.

Разобравшись с тем, кому нужно формирование социального мышления, подумаем над вопросом о способах его формирования. Традиционный способ — от обучающего к обучаемому. Предполагается, что у учеников нет своего сформированного ценностного потенциала. Может ли он быть активным и компетентным в таком случае?

Полагаем, что ученик не должен быть лишь объектом образовательных технологий для передачи готовых знаний. Современное знание — это не только применение понятий, знаний, законов. Это их понимание и осмысление.

Какие задачи стоят перед учителем в данной ситуации? Проблема преподавания обществознания — кажущаяся понятность устройства общества. Здесь задача учителя заключается в объяснении сложности взаимодействия человека и общества. Необходимо показать скрытые смыслы социальной реальности, сформировать механизм критического восприятия социальных явлений. Это требует новых подходов к преподаванию, новой критической модели преподавания.

Задача педагога-преподавателя состоит в том, чтобы учащийся осознавал то, что он чего-то не знает. Очевидно, именно этот момент изменения в самой природе «образования», связанный с изменением мотивационной структуры сознания учащегося на всех уровнях обучения, и должен сегодня стать неотъемлемым компонентом «непрерывного образования» [5, с. 5–18].

То есть целью взаимодействия учителя и ученика является формирование у ученика мотивации не просто к усвоению материала,

но и прежде всего к расширению сферы знания, к самообразованию. Как это сделать?

Необходимо, на наш взгляд, изучение наиболее важных тем в старших классах осуществлять с помощью технологии смешанного обучения, в частности — методики «перевернутого класса», когда базовые категории и понятия изучаются учеником самостоятельно с помощью интерактивных технологий, а содержательная составляющая, анализ социальной реальности осуществляется на уроке путем обсуждения поставленных ранее проблемных вопросов и заданий. Здесь опыт учителя, его взгляд на общественные процессы и явления помогают формировать социальное мышление у школьников.

Библиографический список

1. Осипов А. М. Учительство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследований // Социологические исследования. 2018. № 3.

2. Миронов В. В. О школьном образовании, гуманитарном знании и уровнях изучения философии // Вопросы философии. 2018. № 6.

3. Ивлева М. Л., Курмелева Е. М., Рудановская С. В. Человек и общество в контексте современности : обзор Всерос. науч. конф. с междунар. участием // Вопросы философии. 2018. № 4.

4. Прямикова Е. В. Развитие социального мышления старшеклассников в процессе изучения общественных наук : автореф. ... дис. канд. соц. наук. Екатеринбург, 2004.

5. Пружинин Б. И. Прогностические функции педагогического исследования: философско-методологический анализ // Вопросы философии. 2018. № 6.

Д. В. Грошева (Барнаул)

ФУНКЦИИ И РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Роль социологии как науки трудно переоценить. Ведь какая еще наука охватывает такое множество социальных процессов, осуществляет анализ места и роли человека в жизни общества, его взаимодействие с другими членами общества и социальными институтами, исследует специфику общностей разного типа и уровня? Действительно, за последние десятилетия социология вышла далеко за гра-

ницы только лишь науки и превратилась в неотъемлемый атрибут повседневной жизни российского общества. Результаты социологических опросов регулярно публикуются на страницах газет и журналов, звучат в теле- и радиоэфирах. Ни один новый товар массового спроса не появляется на прилавках магазинов без предварительной социологической экспертизы на востребованность (однако это уже сфера отдельной дисциплины — маркетинга), как и ни одна предвыборная кампания не обходится без социологического изучения электоральных предпочтений населения, выявления рейтинга различных политических сил и их лидеров.

Чтобы разобраться с функциями социологии, для начала обратимся к определению этого понятия. Социология (от лат. *societas* — общество) — наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах, социальных группах и общностях, отношениях личности и общества, закономерностях массового поведения людей [1, с. 1251]. Говоря проще, социология — это наука об обществе, его системах и закономерностях его функционирования и развития. Первым понятие социологии ввел французский философ Огюст Конт, он же и считается родоначальником социологии как самостоятельной научной дисциплины.

Разными исследователями в науке выделяются и совершенно разные функции. Среди основных чаще всего встречаются следующие: 1) познавательная, обеспечивающая прирост нового социологического знания и раскрывающая закономерности развития и функционирования общества; 2) прогностическая функция, заключающаяся в составлении научных прогнозов развития общества и всех его компонентов; 3) управленческая функция социологии — выработка практических рекомендаций для принятия управленческих решений, направленных на повышение эффективности механизмов социального управления; 4) разработка социальных технологий; 5) описательная функция в интерпретации полученных результатов [2, с. 15–16].

Эта классификация, как нам кажется, в наиболее полной мере отражает сущность социологических функций, однако рассмотрим для сравнения функции, выделяемые другими исследователями.

Так, Г. Е. Зборовский делит функции социологии на три группы: познавательные, прогностические и управленческие, выделяя в каждой группе еще ряд подфункций. В основе такого деления, с одной стороны, объективная необходимость многообразного и дифференцированного включения социологии в систему общества и социальных наук, с другой — выделение различных форм социологической деятельности в соответствии с характером и содержанием труда со-

циолога [3, с. 12]. По сути своей, это более упрощенный и краткий вид основной классификации, однако стоит отдать автору должное, так как действительно функцию разработки социальных технологий и описательную функцию можно без труда отнести в группу познавательных функций, что Зборовский, по-видимому, и сделал.

Еще одной интересной классификацией функций социологии поделилась в своей работе Н. В. Проказина. Она выделяет всего две группы функций: мировоззренчески-ориентационные и практически-преобразовательные. Первая группа включает в себя рефлексивную, теоретическую, аналитическую, критическую, реляционистскую и гуманистическую функции. Во вторую группу входят функции, связанные с нахождением рациональных способов решения существующих проблем, с поиском методов и технологий изменения и преобразования сложившейся ситуации. Вторая группа функций включает в себя: коммуникативную, социально-технологическую, прогнозную, функцию обеспечения «обратной связи», информационно-аналитическую, контрольно-аналитическую и диагностическую [4, с. 95–96]. Исследователь условно делит все функции науки на два уровня: теоретический и практический — и строит свою классификацию в соответствии с этим делением.

Рассмотрев несколько классификаций и ознакомившись с наиболее важными функциями социологии как науки, попробуем понять, в чем исследователи видят роль социологии. В этом вопросе сложно достичь единой точки зрения, так как на него можно смотреть под разными углами и со стороны разных функций.

С. А. Заглубский, например, проводя анализ потребности общества в социологическом знании, полагает, что «явно и требовательно звучит в сообществе социологическом и в обществе человеческом заказ на создание социологии еще одного уровня — третьего, проясняющего причины и направления изменений и общества в целом и каждой составляющей его части в отдельности» [5, с. 134]. Ученый утверждает, что именно социология третьего уровня способна удовлетворять требованиям, сформулированным обществом в середине XIX в. и предъявляемым к ней в настоящее время [5, с. 138].

М. К. Горшков констатирует: «Социология является тем ресурсом изменений в общественной жизни и общественных институтов, который сосредоточивает на себе способы рационального осмысления социальных проблем. А это означает, что социология есть не что иное, как форма самопознания общества» [6, с. 20].

А. Г. Здравомыслов дополняет и расширяет определение М. К. Горшкова, говоря о том, что социология есть форма самопознания обще-

ства и, следовательно, она представляет собой тот ресурс измененной общественной жизни и общественных институтов, который сосредоточивает в себе способы рационального осмысления социальных проблем [7].

Д. Г. Подвойский подчеркивает, что предназначение социолога, который вторгается в публичную сферу, заключается не в практических действиях как таковых, а, скорее, в адекватной научной экспертизе их многочисленных вариаций, перспектив, последствий и шансов [8, с. 15].

О. Н. Яницкий видит основной задачей социологии рефлексию, т. е. критическое осмысление происходящего и «возвращение» этого осмысления обществу [4, с. 95].

Таким образом, можно сделать вывод, что роль социологии хоть и нельзя определить однозначно в связи с многогранностью и дискусионностью этой темы, но исследователи, выражая это разными терминами, приходят к примерно одинаковым выводам. Во-первых, социология должна заниматься исследованиями в общественной сфере, во-вторых, основной задачей социолога должна быть ориентация на разработку острых социальных проблем и, в-третьих, после нахождения проблем обязательно должен присутствовать и поиск наиболее эффективных решений. При этом решением проблем социологу заниматься совсем необязательно; важно провести исследование, правильно и точно интерпретировать данные и передать их, как писал Яницкий, обратно обществу или же, наиболее вероятно, правящей элите.

Интересно также рассмотреть отношение общества к профессии социолога. 13 ноября 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные исследования, приуроченного ко Дню социолога в России. Исследование должно было показать, известно ли россиянам понятие «социология» и их отношение к профессии социолога.

Были сделаны следующие выводы. Понятие «социология» в целом знакомо большинству россиян и характеризуется ими нейтрально. По уровню доверия в текущем рейтинге профессий социолога находятся в середине списка (3,33 балла из 5 возможных) — между статистиками (3,47) и политологами (3,25), по престижности и доходности — ближе к концу. Так, социальный статус профессии социолога оценивается в среднем на 3,23 балла (для сравнения, политолог — на 3,44, статистик — на 3,14, из несмежных профессий: инженер — 3,37, предприниматель — 3,67).

Уровень заработных плат в социологической сфере представляется не слишком высоким — средний балл 3,08. Ниже всего показатель профессии в рейтинге, составленном по ответам на вопрос о том, какая профессия является наиболее подходящей для подрастающих детей — 2,69 (для сравнения, статистик — 2,59, политолог — 2,71), однако можно отметить, что ни одна из представленных для оценки профессий не набрала и четырех баллов [9].

Подытоживая всю изложенную информацию, можно выделить следующие тезисы: 1) функции социологии очень разнообразны, как и их классификации, но основные все же характеризуют роль социолога в обществе сквозь призму функций (познавательная, прогностическая, управленческая и другие); 2) роль социолога в обществе достаточно высока, как и уровень доверия к нему; 3) на современном этапе роль социолога заключается в выявлении актуальных социальных проблем общества и в поиске их решений с наибольшей эффективностью.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : СПб., 1998.
2. Социология : уч. пособие / под ред. проф. В. Н. Стегния. Пермь, 2014.
3. Зборовский Г. Е. Общая социология : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
4. Проказина Н. В. Общественная роль социологии в современном российском обществе // Известия Тульского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 1.
5. Заглубский С. А. Какая социология нужна обществу? В продолжение темы // Социологические исследования. 2009. № 6.
6. Горшков М. К. Уроки и перспективы отечественной социологии // Социологические исследования. 2008, № 7.
7. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире / под общ. ред. Н. И. Лапина. М., 2010.
8. Подвойский Д. Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат // Социологические исследования. 2009. № 5.
9. ВЦИОМ: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8780>.

А. Н. Домашев, Н. В. Прокопьева (Барнаул)

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ

Этническая картина мира — целостный комплекс представлений о мире, основанный на 1) бессознательных комплексах, складывающихся в процессе адаптации этноса к окружающей природно-социальной среде; 2) ценностных доминантах. Концепция «картины мира» была сформулирована Р. Редфилдом. По его определению, «картина мира» — это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире [1, с. 87]. Картина мира включает взгляд члена этноса на внешний мир. Это как бы комплекс ответов, даваемых той или иной культурой на извечные вопросы бытия: кто такой я и кто такие мы? Среди кого я существую? Каково мое отношение к тем или иным вещам? По определению, данному в 70-е гг. XX в. К. Гирцем, «картина мира» представляет собой присущую носителю данной культуры «картину того, как существуют вещи... его концепцию природы, себя и общества» [1, с. 88].

Этническая картина мира формирует такой образ окружающей среды, где все элементы мироздания структурированы и соотношены с самим человеком, так что каждое человеческое действие является компонентом общей структуры. Этнос адаптируется к реальному миру тем, что всему в мире как бы дает свое название, определяет свое место в мироздании. Это представление о бытии, присущее членам этноса, проявляется через поступки людей, через их объяснения своих поступков. Картина мира складывается как ответ на практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. Прагматический эгоцентризм структурирует деятельность таким образом, чтобы она оптимально выстраивалась в когнитивном поле человека, была максимально удобной. Неозримые пространства, трудовую и интеллектуальную деятельность, бурю своих чувств человек измеряет через себя самого, принимая все в себя и распространяя себя на окружающий мир. Картина мира отличается значительной прагматичностью. Ее критерием выступает не формально-логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей матрицей для структурирования опыта.

Картина — это модель, образ, интерпретация того, что, с одной стороны, внешне по отношению к миру и человеку, а с другой сторо-

ны, особым образом их включает. Это образ мира, объективно пребывающего и в разной степени «переносимого» субъектом в содержание картины. Образ, создаваемый человеком в картине, — это образ, в котором отражен не только (и в ряде случаев не столько!) объект отражения — мир, — сколько сам субъект, создатель образа. В качестве субъекта деятельности здесь выступает этнос, объекта — внешний мир, результата — картина, образ. Как в произведении живописи искусствоведу всегда более интересно проявление в картине своеобразия художественного метода, авторской манеры изображения, так и в данном случае исследователя картины мира интересует прежде всего проявленность в результате (картине мира) своеобразия субъектности этноса [2, с. 121–137]. Изучающего картину мира, воплощенную в языковых структурах, интересует не мир, но этнос, отраженный в образах этого мира. Субъект деятельности избирает средства создания образа. Произвольность выбора средств изображения варьируется в зависимости от природы отражаемого объекта, целенаправленности при создании образа, результативности коммуникации через посредство создаваемого образа. Когда обнаруживается когнитивная и коммуникативная недостаточность данного средства выразительности, субъект избирает средства другой семиотической системы — других естественных языков, таких как музыка, живопись, язык жестов и пр.

Если мир — это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира — результат переработки информации о среде и человеке. Картина мира не есть простой набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т. д., ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта — такая же реальность, как и сами объекты. Более того, поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельностное, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно изменить их (через деятельность).

Совокупность предметных образно-наглядных эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек на протяжении жизни встречается чаще, чем с другими, в целом формирует некоторую стабильную картину отражения объективной действительности. Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. В центре каждой картины мира как определенного (сакрального, научного, художественного, операционально-практического или технологического и т. д.) описания, изображения той или иной реальности лежит совокупность априорных онтологических допущений о том, что есть описы-

ваемая реальность в отношении к тому, кто ее описывает. По мнению А. Н. Леонтьева, существует особое «пятое квазиизмерение», в котором представлена человеку окружающая его действительность: это «смысловое поле», система значений [3]. Тогда картина мира — это система образов.

М. Хайдеггер в статье «Время картины мира» писал, что при слове «картина» мы думаем прежде всего об отображении чего-либо, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [4, с. 49]. Как изображение она предполагает не буквальную копию с оригинала, а фиксацию черт, которые мы считаем наиболее существенными, значимыми. А это означает, что мы имеем дело с определенной конструкцией, создание которой предполагает некоторую точку отсчета, а именно автора или зрителя, и известную степень дистанции от объектов, изображенных на картине. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх — низ, правый — левый, восток — запад, далекий — близкий), временных (день — ночь, зима — лето), количественных, этнических и других параметров. Этническая картина мира не создает какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а привносит в нее лишь специфическую окраску, обусловленную этнической значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности и образа жизни данного этноса.

Интегральный образ реальности в обыденном сознании прежде всего включает повторяющиеся представления как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной. Каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и свой «образ мира», в котором получают значения элементы этого языка. О. Шпенглер даже предложил термин парасимвол для характеристики культуры в пространственной протяженности. Парасимвол понимается как некий образ, являющийся основной темой для культуры. Так, символом египетской культуры является дорога, так как ее представители видят себя идущими по предначертанному пути, парасимвол арабской культуры — мир-пещера, идея такого мировосприятия выразилась в изобретении арки и купола; парасимвол русской культуры — бесконечная равнина [3].

Любая картина мира в своем истоке является мифичной (т. е. исходит из некоторых нерефлектируемых очевидных установок, опосредована горизонтом жизненного мира) и репрезентирует некоторую мифологию. В этом причина амбивалентности: подлинности и одновременно неподлинности, или аутентичности, симулятивности

всякого представления, изображения реальности. То, что в картине мира является определяющим, те основные характеристики, которые придают ей специфичность, в свою очередь, определяется интерпретативным выбором автора картины — что считать важным, а что — нет, задается его (автора) первичной мифической интуицией как истоком понимания мира, латентно содержащим все возможные смысловые линии реализации этого понимания [5, с. 23–29].

Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса. Поэтому на основе этнической картины мира складывается языковая картина мира. Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный. Языковая картина мира — это картина мира, формируемая средствами естественного языка как определенного типа семиотических систем. Именно языковая картина мира способна представить глобальный образ мира, так как естественный язык является универсальной семиотической системой, опосредующей действие других семиотических систем. Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В. фон Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [6, с. 324].

Своеобразие «конструируемой» картины мира определяется тем, что в ней опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт. Люди с помощью языка создают свой особый мир, отличный от того, который их окружает. Картина мира говорящего действительно существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, ибо она есть субъективный образ объективного мира. Языковая картина мира у каждого народа своя: каждый народ по-своему видит один и тот же предмет, по-своему вычленяет те или иные его признаки, по-своему отражает их в словах и других языковых единицах. Одним из классических примеров, демонстрирующих лексические различия языков, являются соотносительные названия подснежника у русских, французов, англичан и немцев. В названии русского слова подснежник ярко выражен временной признак — раннее появление цветка сразу после таяния снега, буквально — «цветок под снегом»; во французском слове *perce-neige*, буквально — «просверливающий снег», тоже запечатлен вре-

менной признак, с той же ассоциацией со снегом, но с дополнением активного, олицетворенного признака — просверливающий снег; в английском соответствии snowdrop, буквально «снежная капля», при том же временном признаке, с той же ассоциацией со снегом, выражен дополнительный образ не субъектного, а объектного, предметного, характера — снежная капля, и, наконец, в немецком слове Schnee Glockchen, буквально «снежный колокольчик», снова при одном и том же, временном, признаке, выраженном посредством ассоциации со снегом, дополнительно использован, как и в английском языке, признак формы — сходство с колокольчиком [7]. Таким образом, явно прослеживаются особенности восприятия одного и того же цветкового растения представителями разных индоевропейских языков. Этнос, создавший язык, сформировавший и выразивший в языковых структурах определенный образ мира, находится под влиянием этого образа, являясь объектом его обратного активного воздействия. Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру.

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. В лингвистике существует направление, которое изучает языковую картину мира через устойчивые образные выражения (идиомы) [см., напр., 7]. В образных фразеологических сочетаниях, как в зеркале, отражается самобытный взгляд народа на мир и его оценка. «В образном зеркале идиом» отражены такие фрагменты мира, как внутренние и внешние свойства человека (душа нараспашку, от горшка два вершка), физическое состояние и действия человека (голова раскалывается, на всех парах), деятельность человека (бросить тень, внести свою лепту), его поведение (коптить небо), речевая деятельность (язык подвешен, придержать язык), бедность и богатство (биться как рыба об лед, грести деньги лопатой), труд и безделье (не разгибать спины, сидеть сложа руки) и т. п. Идиомы отражают социальные явления (пригвоздить к позорному столбу, не чета), исторические события (Мамаево побоище, как швед под Полтавой), поверья и гадания (на седьмом небе, гадать на кофейной гуще), мир времени и пространства (в долгий ящик, как сельди в бочке).

Итак, картина мира отображает специфику этноса и его бытия, взаимоотношения его с миром, условия его существования. Языковая картина мира эксплицирует различные картины мира человека

и отображает общую этническую картину мира. Во-первых, картина мира упорядочивает представления этнической общности о мире, структурирует их, выстраивает различные элементы в определенную иерархию и тем самым обеспечивает реализацию функции этнической культуры по гармонизации отношений человека с самим собой и окружающим миром. Во-вторых, так как картина мира основана на индивидуальном опыте каждого субъекта, который ее формирует, то только она содержит индивидуальный для каждого этноса набор моделей поведения. Из этого следует, что картина мира выполняет функцию аккумуляции способов взаимодействия этноса с окружающим природным и социальным миром. В-третьих, картина мира действует средством социализации членов этноса.

Включение в единое смысловое поле в первую очередь посредством картины мира, зафиксированной в языке, позволяет членам этноса овладеть нормами, необходимыми для жизнедеятельности в данной конкретной социальной общности. Единство картины мира позволяет членам этноса понимать смысл поступков друг друга, прогнозировать поведение социального окружения и эффективно взаимодействовать. В целом можно сделать вывод, что картина мира выступает основным каналом аккумуляция способов взаимодействия этноса с окружающим природным и социальным миром, выполняет функцию социализации и коммуникативную функцию.

Библиографический список

1. Лурье С. В. Историческая этнология : учеб. пособ. для вузов. Москва, 1997.
2. Резанова З. И. Языковая картина мира: взгляд на явление сквозь призму термина-метафоры картины // Картина мира: модели, методы, концепты : матер. Всерос. междисциплин. школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука», 1–3 ноября 2001 г. Томск, 2002.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология : уч. пособ. для студ. вузов. М., 2001.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем., комм. В. В. Бибихина. М., 1993.
5. Осаченко Ю. С. Миф и мифология: «возможные миры» и их картины // Картина мира: модели, методы, концепты : матер. Всерос. междисциплин. школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука», 1–3 ноября 2001 г. / под общ. ред. проф. З. И. Резановой. Томск, 2002.

6. Гумбольдт В. фон. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

7. Блинова О.И. Язык как средство образного отражения мира // Картина мира: модели, методы, концепты : матер. Всерос. междисциплин. школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука», 1–3 ноября 2001 г. / под общ. ред. проф. З.И. Резановой. Томск, 2002.

В. А. Ежова (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЯ КОНФЛИКТА В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Научный руководитель — Е. В. Пустовалова

Социология конфликта занимает важное место в системе социологического знания. Это обусловлено тем, что одной из основных сфер ее интересов является изучение природы социального конфликта как неотъемлемой части социальной жизни общества. Развитию социологии конфликта способствовало то, что в обществе возникла потребность в теоретических знаниях о закономерностях возникновения, развития и завершения конфликтного взаимодействия социальных субъектов. Большое влияние оказал процесс глобализации, который, с одной стороны, привел к всеобщей интеграции и унификации различных сфер жизни общества, а с другой стороны, обострил проблемы, связанные с глобальными противоречиями.

Е. Н. Соломатина выделяет ряд социальных причин, способствовавших развитию социологии конфликта. Наиболее актуальная из них — угроза ядерной войны, так как большое количество стран мира является обладателями ядерного оружия. Другая причина — рост различий между развитыми капиталистическими странами и всем остальным человечеством. Также все большее внимание стало уделяться духовно-нравственному кризису, демографической и экологической проблеме во взаимоотношениях между различными странами. Все эти причины потребовали появления научно обоснованных знаний о социальных конфликтах [1, с. 7–8].

С. М. Шатрабаева в своей работе «Конфликт и консенсус в социологии» определяет социальный конфликт как столкновение мнений, идеологий, целей и интересов индивидов, групп, общества в целом, часто выражающееся в виде противостояния [2, с. 289]. Для того чтобы социальные конфликты можно было изучать как элементы,

встроенные в структуру социологического знания, они, по мнению Д. М. Марковича, должны соответствовать двум условиям: «а) нужно, чтобы данные явления могли быть предметом социологического анализа и чтобы между этими явлениями и обществом объективно существовали специфические связи; б) необходимо, чтобы имелась общественная потребность в рассмотрении этих явлений с социологической точки зрения, т. е. в изучении специфических связей между этими явлениями и обществом как совокупностью всех общественных отношений» [1, с. 11]. Безусловно, социальный конфликт в полной мере соответствует этим условиям. Он, с одной стороны, неразрывно связан с обществом, охватывает все его сферы и социальные институты, а с другой — его изучение необходимо для поддержания нормальных взаимоотношений в обществе.

Социология конфликта помогает обосновать тезис, что конфликты — это нормальное явление общественной жизни. Вместе с тем она определяет целый комплекс правил, которые способствуют оптимальному урегулированию конфликтов. В учебнике «Социология конфликтов» А. Г. Здравомыслов выделяет следующий перечень таких правил:

- не допускать насилия как способа разрешения конфликтов;
- найти средства выхода из тупиковых ситуаций в тех случаях, когда насильственные действия все же совершились и стали средством углубления конфликтов;
- добиваться взаимопонимания между сторонами, противостоящими в конфликте [3, с. 6].

Объектом науки принято считать область действительности, совокупность реальных явлений и процессов, на изучение и обоснование которых направлена данная отрасль научных знаний. Объектом социологии как науки является общество. Общество исследуется многими дисциплинами, такими как философия, демография, политология и т. д. Отличием является то, что каждая из общественных наук выделяет свои специфические аспекты, свойства объекта, которые и становятся предметом ее исследования. Социология конфликта также является общественной научной дисциплиной. Она изучает часть общественной жизни, связанную с социальными конфликтами. Объектом социологии конфликта принято считать социальные конфликты и их закономерности, в то время как объектом самих социальных конфликтов является любой реально существующий элемент материального мира или социальной реальности, на который претендуют конфликтующие стороны.

О. Б. Божков в своей работе «Об объекте и предмете социологии» пишет о предмете социологии следующее: «Если согласиться с тем,

что объект социологии — именно общество как целостность, то ее предмет можно рассматривать в качестве некоей самой общей теоретической модели объекта этой науки. Эта модель включает наиболее существенные его компоненты, неотделимые от объекта и находящиеся в непростых взаимодействиях между собой, а именно: общности (группы, слои, классы и т. п.), социальные отношения, социальные институты и, наконец, социальные процессы» [4, с. 16].

В таком случае, рассматривая социологию конфликта как дисциплину, изучающую определенный аспект общественной жизни, связанный с социальными конфликтами, можно сказать о том, что ее предметом является система социальных взаимодействий, характеризующихся столкновением сторон или субъектов. В то время как предметом самого социального конфликта можно считать конкретную сторону объекта, из-за которой сталкиваются интересы различных социальных субъектов.

Таким образом, можно отметить, что социология конфликта является неотъемлемой частью социологического знания, так как она изучает важные для общественной жизни процессы — социальные конфликты. Их исследование в современных условиях активного развития общественных связей и отношений приобретает все большую актуальность. Считая конфликт нормальным общественным явлением, она разрабатывает специальные правила, следуя которым социальные субъекты могут избежать множества негативных аспектов конфликтов. Социология конфликта является неотъемлемой частью социологического знания, это подтверждается тем, что ее объект и предмет неразрывно связаны с общественной жизнью. Изучение социальных конфликтов является актуальным направлением в социологической науке, что обусловлено возрастанием уровня социальных противоречий в современном обществе.

Библиографический список

1. Соломатина Е. Н. Социология конфликта : уч. пособие для академ. бакалавриата. М., 2016.
2. Шатрабаева С. М. Конфликт и консенсус в социологии // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : матер. XV (заочной) Всерос. научн. конфер., посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга. Пермь, 2016.
3. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996.
4. Божков О. Б. Об объекте и предмете социологии // Телескоп. 2015. № 2 (110).

О. Н. Замятина (Барнаул)

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Правовая культура является составной частью культуры и влияет на деятельность людей в различных сферах жизни. Большинство проблем нашего общества, с которыми мы сталкиваемся, связано с необходимостью повышения правовой культуры в целом. Несмотря на то что понятие правовой культуры традиционно принадлежит к сфере правоведческого дискурса, исследованию этот термин принадлежит и с точки зрения социологии.

Сущность и содержание понятия правовой культуры связаны с рядом теоретических вопросов, такими как «культура», выделение основных подходов к исследуемому явлению.

Имеется более тысячи определений категории «культура», и почти каждое достаточно убедительно обосновано теоретически. В последнее время в отечественной науке наиболее распространены следующие представления о понятии «культура»:

- совокупность способов и приемов материальной и духовной деятельности человечества, объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям;
- совокупность норм, ценностей и идеалов, выполняющих функцию социальной ориентации в исторически конкретном обществе.

С одной стороны, культура выступает как область профессиональной художественно-эстетической, научной и образовательной деятельности с показателями (образованность, воспитанность, ученость). С другой стороны, культура является результатом духовной и материально-производственной деятельности человека.

Рассмотрим подходы к понятию правовая культура.

Правовая культура как вид деятельности. Согласно этому подходу, правовая культура рассматривается как результат и способ правовой деятельности. Так, Н. Л. Гранат и В. В. Панасюк отмечают, что «это не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения, а применительно к личности выражается в ее менталитете» [1, с. 2–8]. Таким образом, правовая культура представляет собой сложный комплекс характеристик правовой жизни: пра-

восознания, правоотношений, правового поведения и возможностей реализации собственных прав.

Правовая культура как информация. В этом контексте заслуживает внимания научный взгляд Е. В. Клеймановой и К. А. Моралевой. По их мнению, правовая культура «есть информация, которая сохраняется не только в объективном носителе — знаковых системах, но и в субъективном, которым являются человек, общество, социальные группы» [2, с. 50–56]. Иначе говоря, в современном обществе приобретают актуальность знания, информированность людей о правах и обязанностях, их законодательном закреплении, о правовых механизмах их реализации.

В ценностном подходе главным компонентом выступают не деятельность человека, а непосредственно те материальные и духовные ценности, которые явились итогом этой деятельности.

Так, В. С. Нерсесянц считает, что «правовая культура — социальное явление, имеющее ярко выраженную цель, охватывает всю совокупность важных ценностных компонентов в правовой реальности в ее фактическом функционировании и развитии» [3, с. 406–407].

Т. В. Синюкова утверждает, что правовая культура — это сфера человеческой практики, представляющая собой совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социально-правовой ориентации людей в конкретном обществе [4].

Можно сказать, что правовая культура как социальная ценность включает в себя конкретное выражение собственной ценности права в практической жизни — безопасность человека в конфликтных ситуациях, определенность и гарантированность прав и свобод человека, обеспечение истины, правды при решении юридических вопросов и др.

Сторонники *идеального подхода* в изучении правовой культуры рассматривают правовую культуру как достигнутый обществом или его конкретным субъектом уровень знаний и понимания права. В данном случае правовая культура выступает в качестве идеального, интеллектуально-эмоционального явления. На интеллектуальном уровне правовая культура находит отражение в правовых знаниях, а на эмоциональном — в уверенности в действенности права и уважении к нему [5, с. 154–155].

С позиции *качественного подхода* правовая культура является качеством функционирования правовой системы и ее элементов, а также состоянием правовой жизни общества, которое выражается в су-

ществующем уровне развития законодательной и правотворческой деятельности, правосознания субъектов.

Аксиологический подход относит к правой культуре только ту деятельность человека и ее результаты, которые являются ценностью для индивида и общества в целом. Так, Н. Смелзлер считал, что «культурой называется система ценностей, представлений о мире и правил поведения, общих для людей, связанных определенным образом жизни» [6, с. 122–136].

В рамках *социологического подхода* уровень правовой культуры определяется степенью признания обществом значимости правовых норм. Именно от степени признания будет зависеть модель правового поведения личности. Кроме того, согласно социологическому подходу, правовая культура, обеспечивая включенность субъектов в единую социальную систему, обладает интегративной функцией. Интегративная функция правовой культуры определяет результативность регулятивной и правоохранительной деятельности. Правовая культура упорядочивает и систематизирует практику отношений, получающую общественное признание [7, с. 17].

Таким образом, правовая культура представляет собой часть культуры общества, создаваемой постепенным, преемственным общественным развитием, совокупной работой сменяющих друг друга поколений. В современной науке сложились различные подходы к пониманию правовой культуры, под которой мы понимаем процесс усвоения, принятия и реализации субъектами правовых ценностей общества, идей, переживаний, чувств и эмоций людей, правовых оценок, норм и моделей поведения.

Библиографический список

1. Гранат Н. Л., Панасюк В. В. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11/12.
2. Клейменова Е. В., Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 1.
3. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2001.
4. Синюкова Т. В. Правовая культура. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 1995.
5. Кейзеров И. М. Политическая и правовая культура. М., 2014.
6. Государство // Ученые записки. Вып. 1. Ростов н/Д, 2016.
7. Евплова Н. Ю. Правосознание молодежи: теоретический и социологический аспекты. Волгоград, 2016.

С. В. Иода (Барнаул)

ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЕ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Интерес к такому феномену, как лидерство, возник еще в глубокой древности. Проблема лидерства считается одной из главных в социальной психологии, а также социальной философии еще со времен античности. Многие ученые на протяжении столетий пытались исследовать данную проблематику.

Лидерство существует везде — в больших и малых организациях, в бизнесе, в различных неформальных организациях и массовых демонстрациях. Для того чтобы существовало лидерство, необходимо наличие групп, и везде, где возникают группы, появляется лидерство. Вероятно, это связано в первую очередь с тем, что в процессе формирования какой-то определенной социальной группы некоторые ее участники начинают играть более активную роль, чем другие, пытаются все взять в свои руки, направить деятельность членов группы в нужное русло. К таким людям начинают прислушиваться, относиться с большим уважением, т. е. они приобретают доминирующее положение в данном объединении.

Так как лидерство встречается везде, где есть устойчивое объединение людей, то актуальность изучения лидерства обусловлена, во-первых, тем, что на данный момент существует огромное множество различных социальных групп и организаций, и просто необходимо изучать, как явление лидерства влияет на взаимоотношения между участниками внутри группы. Во-вторых, некоторые сферы лидерства остаются недостаточно разработанными и исследованными. Это, конечно же, является большим упущением, так как большинство профессий в настоящее время требует той или иной степени проявления лидерства, и именно поэтому данная проблематика очень важна для изучения.

Проблема лидерства достаточно изучена прежде всего в трудах зарубежных авторов. Они более детально и систематично исследовали проблему лидерства, так как история изучения начинается со времен формирования великих империй и государств, таких как Древняя Греция и Рим.

Углубленному и крупномасштабному изучению проблема лидерства подверглась в конце XIX — начале XX столетия. Работы итальянского ученого С. Сигеле и французских социологов Г. Тарда и Г. Лебона знаменуют расцвет описательного периода лидерства. Главное качество, согласно Г. Тарду, которым должен обладать герой, чтобы

воздействовать на толпу, — это обаяние. С его помощью он очаровывает толпу, гипнотизирует ее, используя ее стремление подражать герою и быть похожим на него [1]. Стоит отметить, что с помощью обаяния человек действительно способен добиться от группы признания, так как он использует не какие-либо методы принуждения и насилия, чтобы люди пошли за ним, а пытается притянуть к себе толпу харизматичностью и иными индивидуальными качествами.

Находясь под большим влиянием Г. Тарда, С. Сигеле подчеркивал, что наиболее одаренные личности увлекают за собой большинство и предписывают ему свою волю. Чтобы влиять на толпу, герой должен обладать следующими качествами: умом, смелостью, знанием жизни, лучше других олицетворять идею, но главное — обладать даром внушения. Еще больше подчеркивал роль толпы в процессе выдвижения героя Г. Лебон. Хотя толпа пользуется достижениями великих людей, она не любит явного превосходства над собой, как не любит и особых новшеств, и требует от героя быть сильным (вплоть до насилия) и воплощать ее мечтания [2, с. 54]. Действительно, ни один человек не захочет, чтобы им манипулировали и заставляли делать то, чего он делать не желает. Поэтому общество принимает на «пост» лидера только таких людей, которые дают ему ощущение собственной власти, но при этом власть все же остается за лидером.

Проблема лидерства исследовалась многими отечественными и зарубежными учеными (Н. К. Михайловский (1906–1914), А. Ф. Лазурский (1925), В. М. Бехтерев (1928), М. Вебер (1990) и др.). В XXI в. лидерство изучают во многих европейских странах: во Франции (Ж. Фрейли, Г. Джохэннорт), в Германии (Ф. Кемпс, М. Келбер), в Польше (К. Ройан) и многих других.

Лидерство существует везде, где есть коллективная деятельность и организация. Лидеры нужны для определения целей и задач, для координации, для выбора наиболее эффективных путей решения тех или иных проблем.

Понятие лидерства широко распространено в различных науках о человеке и обществе, но для тематики данной работы актуально рассмотрение этого феномена именно с точки зрения социологической науки. Отрасль социологии, изучающая закономерности построения, функционирования, развития и постоянной деятельности лидеров различных уровней во всей сложности и многообразии общественных структур и социальных процессов, называется социология лидерства [3, с. 11].

Существует огромное множество определений понятия «лидер», так как различные авторы теорий лидерства трактовали этот фено-

мен, исходя из своего опыта, знаний и взглядов. По мнению К. В. Сельченко, лидерство — это многоаспектное социальное явление. Трудно дать общее определение лидерства. Это объясняется тем, что лидерство проявляется везде и всегда, где группе людей приходится решать какие-либо проблемы, затрагивающие интересы всех или большинства ее членов [4, с. 12]. И. В. Котляров дает собственное определение понятию «лидер». По его мнению, лидер — это социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествам и волевым компонентам, профессионализму и моральному авторитету, чувствительности к ситуации и гибкости в поведении, ценностным ориентациям и стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность группы, пользуется активной поддержкой ее членов, признается ими в качестве ведущего, ответственен перед ними и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой в наиболее сложных ситуациях [5, с. 18].

При определении лидерства необходимо учитывать и тот факт, что у человека, занимающего в рамках группы лидерские позиции, должно быть желание того, чтобы группа шла за ним. Если человек — лидер, то он знает, куда ведет свою группу, и группа должна ему доверять, а если не будет доверия, то внутри коллектива будет хаос. Б. Д. Парыгин, анализируя лидерство в социальных группах, выделяет его как феномен «... воздействия или влияния индивида на мнения, оценки, отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов» [6, с. 112]. Иными словами, лидер должен быть образцом для подражания, неким «эталонном», чтобы к нему тянулись окружающие его люди. Индивид должен обладать такими качествами, которые будут полезны для группы в целом и смогут направить деятельность ее членов в нужном направлении, сделать их работу наиболее продуктивной. В противном случае попытки лидера воздействовать на коллектив, пытаться внушить ему свою точку зрения окажутся безуспешными.

В той же мере, в какой лидер обладает приоритетом в своем влиянии на других членов группы, он несет ответственность за них. Именно по этой причине лидер должен вести себя в кругу коллектива таким образом, чтобы к нему прислушивались и признавали его решения, основываясь на его авторитете. Человек, который использует силу и против воли группы пытается подчинить ее себе, не является лидером.

Что касается функций лидерства, то тут довольно широкий спектр классификаций. Одной из важнейших функций лидера является объединение людей под общей целью, определение базовых ценностей

группы. Лидер должен согласовывать интересы членов группы, создавать прочные связи внутри нее. Также лидеру следует оправдывать ожидания тех, кого он ведет за собой. У членов группы может быть общее установившееся мнение относительно того, как должен вести себя лидер и какие функции он должен выполнять. И они будут выбирать и удерживать только таких лидеров, которые соответствуют их ожиданиям.

В зависимости от характера лидерства, функций, реализуемых лидером в группе или организации, и многих других факторов выделяют целое множество типологий лидерства. Широко распространена типология М. Вебера. По его мнению, лидерство является определенным типом господства, а точнее — связано с типичными для него притязаниями на господство. Вебер выделяет три «чистых» типа господства: рациональный тип, основанный на вере в легальность порядков, установленных конвенциональным путем; традиционный тип, базирующийся на повседневной вере в священность и незабываемость традиций; харизматический тип, ориентированный на героя и образцовый характер его поведения [7, с. 34].

В психологии приняты различные классификации лидеров: 1) по содержанию деятельности (лидер-вдохновитель и лидер-исполнитель); 2) по характеру деятельности (универсальный лидер и ситуативный лидер); 3) по направленности деятельности (эмоциональный лидер и деловой лидер) и т. д. [6, с. 114].

Лидерство — очень сложное и многогранное явление. Лидера характеризует целый набор качеств, функций, многообразие ролей. В целом от того, какой тип лидерства выберет для себя лидер, какие функции он будет выполнять в группе и насколько это все будет эффективно, зависит успешность этой самой группы и то, как быстро она достигнет поставленных целей и задач.

На основании данных опроса по теме «Лидерство», проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 10 апреля 2018 г., большинство россиян (66%) считают, что быть лидером дано не каждому, для этого нужны определенные «врожденные» качества. Молодежь, напротив, чаще, чем старшее поколение, полагает, что лидерству можно научиться (46% среди 18–24-летних против 19% среди 60-летних и старше). В ТОП-3 народного рейтинга качеств успешного руководителя входят честность / открытость, целеустремленность и профессионализм.

Лидерство является одним из традиционных объектов социологии. В целом вопрос о влиянии лидера на социальную группу очень интересен и важен, но пока еще полностью не выяснен. Человек, желающий

стать лидером, должен обладать определенными качествами, которые в различных ситуациях должны быть разными. Лидер — первый, главный, за кем идут, на кого равняются, кто определяет поведение других. Лидером должен быть тот, кто направляет, сплачивает группу, тот, за кем не страшно следовать и кому не страшно довериться.

Библиографический список

1. Горбатов Д. С., Большаков С. Н. Феномен толпы в российской психолого-педагогической мысли конца XIX — начала XX в. // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3.
2. Бендас Т. В. Психология лидерства : уч. пособие. СПб., 2009.
3. Котляров И. В. Лидерство в историческом нарративе (социологический дискурс) // Социологический альманах. 2015. № 6.
4. Сельченко К. В. Психология лидерства : хрестоматия. М., 2004.
5. Котляров И. В. Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты. Минск, 2013.
6. Шмаков Б. В. Лидерство в малых группах // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. № 4.
7. Мень М. А. Социальная типология лидерства (комплексный подход) // Социология власти. 2011. № 5.

А. Е. Кеняйкина (Барнаул)

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СМИ

Научный руководитель — О. Н. Замятина

Средства массовой информации в современном мире играют мощную роль в процессе формирования общественного сознания. В XXI в. вопросы, связанные с социальными и психологическими особенностями пола человека, стали особенно популярны. В связи с этим представляется актуальным научное осмысление способов и причин влияния СМИ на формирование представлений о тех или иных особенностях мужчин и женщин.

Нельзя сказать, что человек полностью свободен от стереотипов. Например, американский писатель Уолтер Липшман, автор оригинальной концепции общественного мнения, считал, что стереотип является необходимым инструментом для нашего сознания, так как помогает экономить энергию (так называемая функция «экономии мышления»). Эта экономия достигается за счет того, что сложная и запутанная реальность благодаря набору стереотипов превращается

щается в систему четких, определенных суждений [1]. Реальность воспринимается человеком не объективно, а сквозь призму стереотипов.

Термин «гендер», появившийся впервые в 1960-х гг. в Западной Европе и США, означает «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [2, с. 21]. Различия в поведении мужчин и женщин обусловлены, в первую очередь, двумя факторами — процессом социализации и идентификации с определенным гендером.

В сознании человека биологический пол настолько отождествляется с социальной ролью, что все модели поведения, психологические качества, виды деятельности становятся как бы заранее определенными. Так происходит формирование гендерного стереотипа — «упрощенного, схематизированного, эмоционально четко окрашенного устойчивого образа мужчины и женщины, распространяемого на всех представителей той или иной гендерной общности, независимо от личных особенностей тех или иных представителей» [3, с. 26]. Именно эти стереотипы представляют собой барьер на пути к установлению подлинного гендерного равенства в нашем обществе.

Между тем СМИ играют немаловажную роль в гендерно-ролевой социализации, так как регулярно демонстрируют стереотипные образы мужчин и женщин. Психолог Шон Меган Берн писала, что «родители — не единственные, кто участвует в процессе дифференциальной социализации. Информация о правильном гендерно-ролевом поведении передается через литературу, телевидение и разговорный язык» [4, с. 5].

Гендерные стереотипы могут претерпевать изменения в разных условиях. Этим изменениям способствуют и СМИ.

Рассмотрим в качестве примера образ женщины в 20–40-х гг. XX в. Доминировала тема освобождения женщины от «оков старого быта» (как противопоставление образу женщины в дореволюционной России). Достаточно посмотреть на рекламные плакаты тех лет, проследить заголовки газет, чтобы понять, какой образ женщины являлся социально желательным. Формировался образ сильной женщины, способной действовать и принимать решения наравне с мужчиной. Плакаты издательства Московского Комитета ВКП(б) гласят: «Крестьянка, рви старого сети, грамотной будь, работай в совете, сядь за книгу, не робей, неграмотность учебой бей. Лишь В. К. П. не в словах, а на деле, ведет крестьянок к счастливой цели. Строй кооперацию, сплотившись в артель: кооперация — путь, социализм — цель. Чем дома терпеть ребячий содом, с матерями налаживай детский дом. Крестьянкам стойким, испытанным, честным в рядах Коммунисти-

ческой партии место» [5]. Однако с началом перестройки образ женщины стал меняться и начала выдвигаться идеология «естественного предназначения женщины». СМИ активно стали формировать отношение к женщине как к смиренной, покорной «хранительнице домашнего очага». Так, М. С. Горбачев в 1987 г. заявил о том, что «женская эмансипация зашла слишком далеко и женщина должна вернуться к своей женской миссии» [6, с. 227]. Таким образом, можно сказать, что гендерные стереотипы в СМИ обладают динамичностью и подвижностью, поскольку являют собой некоторый результат взаимодействия творческого акта и осмысления.

Проведя анализ материала из источников сети Интернет, прессы, телевизионных программ, можно сделать вывод о том, какие образы формируют российские СМИ относительно мужчин и женщин. Мужчина представляет собой набор черт, связанных с авторитетностью, активностью, эффективностью, успешностью, автономией, инициативностью. Мужчины представлены чаще всего в формальном, деловом облике. Выражение лица — чаще нейтральное или серьезное. Женский набор черт связан с пассивностью, излишней эмоциональностью, нацеленностью на интересы мужчины или семьи. Выражение лица — чаще доброжелательное или улыбающееся.

В исследовании А. Н. Гайфуллина на основе анализа гендерных стереотипов в виртуальной реальности было выявлено следующее заключение: акцентуации мужчин были направлены на материальное обеспечение семьи, умение защитить, потребление женской сексуальности; у женщин — эстетизация женской внешности, материнство, образ женщины как сексуального объекта [7].

Исходя из вышесказанного, видим, что СМИ оказывают значительное влияние на представления человека о мужчине и женщине. Но является ли это социальной проблемой, или стереотип сам по себе — явление нейтральное и никакой угрозы для общества не несет?

На конструирование медиаобраза прессой, рекламой, телевидением накладывают отпечаток особенности самого общества. В связи с этим российская ученая Р. М. Римашевская в своих статьях с некоторой обеспокоенностью говорит, что в настоящее время в массовом сознании россиян (не без помощи СМИ) все большую силу набирают патриархальные настроения: считается правильным, что женщина должна выполнять свои традиционные роли — матери, жены, домохозяйки. Возникает вопрос — способствует ли это появлению проблем в обществе?

Во-первых, в рамках социальных отношений возникают обострения и конфликты, связанные с гендерной дискриминацией, стереотипностью мышления, гендерной асимметрией и другими подобны-

ми явлениями. Например, работодатели не заинтересованы в работнике, который усложняет организацию труда на предприятии и требует дополнительных расходов. Между тем женская рабочая сила обременена широким спектром социальных факторов. В связи с рождением ребенка женщине необходимо предоставлять оплачиваемый отпуск, ей могут потребоваться социальные услуги, помощь, трудовые льготы. Так женщина становится менее приоритетной в качестве сотрудника в сравнении с мужчиной.

Во-вторых, негативные последствия гендерных стереотипов состоят в том, что женщина из-за своей двойной занятости, обретая семью, теряет активность в процессе социальной мобильности. Возникает некая «социальная пирамида», в которой прослеживается следующая закономерность: чем выше положение работника, тем ниже доля женщин на этом уровне. Гендерная дискриминация и сегрегация женщины приводит к тому, что интеллектуальный и физический потенциал женщины используется недостаточно или неэффективно, если вообще используется. В связи с этим общество закономерно несет определенные потери.

В-третьих, гендерные стереотипы проникают во внутрисемейные отношения, тем самым ухудшая коммуникацию между супругами. В результате происходит дестабилизация семейных структур.

Таким образом, можно сказать, что СМИ — это своего рода лаборатория по проверке на прочность старых гендерных стереотипов и производству новых. При этом гендерные стереотипы могут негативно отражаться как на жизни конкретного человека, так и на общественном организме в целом. Для того чтобы изменить гендерно-стереотипизированную ситуацию в обществе, необходимо работать с сознанием каждого человека, искать причины возникновения этих стереотипов и разрабатывать методы по их устранению. Это длительный, непростой, но важный процесс, так как уход от стереотипизации даст возможность как мужчинам, так и женщинам обрести внутреннюю гармонию, свободу и будет способствовать улучшению отношений между полами во всех аспектах жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Липшман У. Общественное мнение. М., 2004.
2. Словарь гендерных терминов. М., 2002.
3. Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск, 2003.
4. Берн Ш. Гендерная психология : уч. пособ. по психологии. СПб., 2001.

5. 600 плакатов / А. Е. Снопков, П. А. Снопков, А. Ф. Шклярчук. М., 2004.
6. Скорнякова С. С. Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации : сборн. научн. трудов. СПб., 2004.
7. Гайфуллина А. Н. Гендерные стереотипы в электронной коммуникации // Вестник Татарского гос. гуманитарно-пед. ун-та. 2007. № 11.

О. Н. Колесникова (Барнаул)

МАГИСТРАТУРА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В настоящее время в нашей стране социальная работа становится профессией, которая требует специальной подготовки и предъявляет особые личностно-психологические и профессиональные требования к человеку, ставшему на путь оказания помощи нуждающимся в ней людям. Н. А. Аминов писал, что система отечественной профессиональной подготовки специалистов по социальной работе «представляет собой достаточно сложную проблему прежде всего из-за отсутствия целостной теоретической концепции социальной работы, разработанных технологий обучения, научно обоснованных требований, предъявляемых к программам профессионального образования, профессионального отбора абитуриентов и к самой работе в этой области» [1]. По факту, становление образовательной системы в области социальной работы началось в XX в. Данная профессия имеет возраст более 100 лет, как относительно новый вид профессиональной деятельности, она не имеет традиций и того багажа знаний, который есть у смежных с ней областей, таких как педагогика, медицина.

Образование в области социальной работы в России, пишет В. А. Никитин, «имеет непродолжительную (с августа 1991 г.), но интересную и вполне самостоятельную историю» [2, с. 11]. Вместе с тем В. А. Луков отмечает, что процесс формирования высококвалифицированного поколения специалистов по социальной работе в количестве, требующемся для проведения эффективной работы в области социальной защиты, может занять несколько десятилетий [3, с. 63]. Зарубежный опыт показывает, что данный процесс от начала организации систематической подготовки таких кадров до насыщения ими социальной инфраструктуры требует 30–40 лет. В России описываемый процесс будет продолжаться примерно такое же время.

Преобразования, происходящие в социальной сфере российского общества, построение новой парадигмы принципов социальной работы с населением обозначили острый дефицит квалифицированных кадров в данной области. В связи с чем последние годы наблюдался рост количества вузов, предоставляющих образовательные услуги по специальностям, связанным с социальной сферой. По данным на конец 2017 г., подготовкой специалистов по социальной работе занимались в 201 вузе в 78 регионах Российской Федерации [4]. Сложился целый ряд крупных образовательных и научно-методических центров в области социальной работы (Российский государственный социальный университет, Алтайский государственный университет, Московский гуманитарный университет, Московский государственный университет сервиса и др.). В России появилась широкая сеть высших учебных заведений, на базе которых выстраивается модель современной системы подготовки специалистов по социальной работе. Это, в свою очередь, является большим шагом на пути развития социального знания и социального образования в стране.

По состоянию на 2014 г. в Алтайском крае насчитывалось 3 800 работников социальной сферы [5, с. 47]. Многие из них получили узкопрофильное профессиональное образование (медики, педагоги, психологи, социологи и т. д.), но не имеют профессиональной подготовки в области социальной работы. Увеличение масштабов охвата и значимости социальной работы как сферы профессиональной деятельности выводит на первый план проблему недостатка квалифицированных специалистов, несмотря на то что по всей России сегодня насчитывается более 100 образовательных учреждений, осуществляющих подготовку и переподготовку кадров по данному направлению. Одним из самых неудобных и неподдающихся какому бы то ни было управлению факторов является противоречие между необходимостью массовой подготовки специалистов по социальной работе и их отбору по некоторым личностным характеристикам, определяющим успешность и полезность деятельности в данной сфере. Подготовка магистра по социальной работе обеспечивается синтезом профессиональных знаний и умений, учитывающих специализацию выпускника, определяет готовность его к профессиональной деятельности и дальнейшему профессиональному росту, его личностные качества, что и составляет профессиональную компетентность.

В Алтайском государственном университете, опорном вузе региона, на факультете социологии ведется подготовка магистров по социальной работе с 2002 г. Программы подготовки магистров по направлению «Социальная работа»: «История, методология и теория соци-

альной работы», «Организация и управление в социальной работе», «Инновационные технологии социальной защиты населения». Выпуск за эти годы составил 126 человек.

В государственном образовательном стандарте высшего и профессионального образования предъявляется ряд требований к знаниям и умениям магистра по социальной работе. Эти требования представлены несколькими группами: у выпускника, освоившего программу магистратуры, в соответствии с видами профессиональной деятельности, на которые ориентирована программа магистратуры, должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Это дает возможность разрабатывать научно обоснованные рекомендации по их освоению на разных ступенях профессиональной подготовки, по различным профилям с опорой на интегративно-дифференцированный подход; проектирование и реализацию образовательных технологий, направленных на формирование заявленных в стандарте компетенций. Система высшего профессионального образования, предусматривающая обучение в магистратуре на факультете социологии, ориентирована на исследовательско-аналитическую и преподавательскую деятельность.

Особую роль в подготовке магистра играет работа над магистерской диссертацией и ее защита. На факультете разработаны и утверждены ученым советом Методические рекомендации по написанию ВКР (магистерской диссертации), включающие: требования по подготовке; структуре и объему; содержанию; оформлению; презентации; процедуре публичной защиты. Одним из требований является написание автореферата, выполняемого по аналогии с авторефератом диссертационного исследования, что значительно улучшает восприятие материала всеми присутствующими на защите, а самим магистрантам дает возможность попрактиковаться в сжатии материала, в выделении наиболее важных его частей.

Структура автореферата: I. Общая характеристика работы: актуальность темы исследования; степень научной разработанности; объект, предмет, цель, задачи и гипотезы исследования; теоретические и методологические основы исследования; информационная база исследования; положения, выносимые на защиту; теоретическая и практическая значимость исследования; апробация результатов исследования; структура работы II. Основное содержание работы: краткая характеристика содержания введения, основного текста (глав и параграфов) и заключения диссертации. III. Список публикаций автора по теме диссертации. Это важное требование: за вре-

мя обучения в магистратуре необходимо иметь публикации по теме своих исследований.

Основная часть выпускных квалификационных работ выполняется по заявкам работодателей, что говорит об их актуальности и практической значимости. Не случайно по итогам защит ГЭК рекомендует работы к публикации и к внедрению. Доля работ с оценкой оригинальности текста более 70–100%. Тематика выпускных квалификационных работ является актуальной и объективно-необходимой, вызывает научный интерес и требует всестороннего анализа и выработки устойчивых подходов к решению исследуемых социальных проблем. Магистранты продолжают исследовательский интерес, сформированный при обучении в бакалавриате. Работы отличаются междисциплинарным подходом при формулировании объекта, предмета, цели и задач. Диссертационные исследования содержат как теоретическую, так и практическую новизну, связанную с исследованием инновационных социальных технологий, внедряемых в Алтайском крае. Например, темы такие: «Приемная семья как инновационная форма жизнеустройства граждан пожилого возраста в Алтайском крае», «Импотерапия как инновационная технология социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья (на примере г. Барнаула)», «Сопровождаемое проживание людей с инвалидностью как инновационная технология социального обслуживания (на примере Алтайского края)», «Выездной интенсив как инновационная технология социальной работы с семьями „группы риска“ в городе Барнауле».

Результаты исследований имеют высокую степень значимости для развития новых социальных практик в регионе. Практическая значимость работ в основном связана с разработкой конкретных рекомендаций студентов по совершенствованию социальных связей или отношений, по улучшению или оптимизации деятельности различных организаций, учреждений и предприятий. Кроме того, магистранты представляют на защите ВКР имеющиеся публикации по теме своих исследований, опубликованных в научных журналах, что дает возможность профессиональному сообществу ознакомиться с результатами их исследований.

Таким образом, подготовка магистра по социальной работе обеспечивается синтезом профессиональных знаний и умений, учитывающих специализацию выпускника, определяет готовность его к профессиональной деятельности и дальнейшему профессиональному росту, его личностные качества, что и составляет профессиональную компетентность.

Библиографический список

1. Аминов Н. А. Социальный интеллект и социальная компетенция // Социальная работа. 1993. Вып. 5.
2. Никитин В. А. Основные проблемы развития образования в области социальной работы // Социальные технологии, исследования. 2004. № 1.
3. Луков В. А. Социальное проектирование. М., 2007.
4. Федеральный портал «Российское образование» // Реестр вузов РФ, проводящих подготовку по направлению «Социальная работа» [Электронный ресурс]. URL: <https://postupi.online/vuzi/razdel-sociologiya-i-socialnaya-rabota/>.
5. Система социальной защиты населения Алтайского края в цифрах и фактах за 2013–2014 гг. / под общ. ред. С. И. Дугина. Барнаул, 2014.

Е. А. Комышникова (Барнаул)

СЕЛЬСКИЕ ПЕНСИОНЕРЫ И СОВРЕМЕННАЯ РЕФОРМА ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научный руководитель — Е. А. Попов

В течение последних десятилетий одной из основных социально-демографических тенденций в России являлось уменьшение в общей численности населения доли детей и молодежи и увеличение доли пожилых людей. Очень явно проявилась тенденция старения населения.

Для россиян пожилого возраста характерна гендерная диспропорция, состоящая в перевесе женщин. Чем старше рассматриваемый возраст, тем больше разрыв в соотношении полового состава пожилого населения.

На локальном уровне женщины по всем группам пожилого возраста и по всем населенным пунктам разного типа значительно превышали и превышают долю мужчин. В сельской местности центральных районов наиболее высока доля людей пожилого возраста по сравнению с территориями Сибири и Дальнего Востока.

Наступление пенсионного возраста может по-разному влиять на мужчин и женщин. В течение всей жизни люди приобретают и утрачивают социальные роли и статусы, и в каждой местности эти процессы имеют общие черты. Например, женщины практически везде несут ответственность за домашнее хозяйство, а для мужчин характерна роль «добытчика», они должны обеспечить семью. Имен-

но это различие в позициях, с точки зрения исследователей, обуславливает невыигрышное положение женщин в старости. Прежде всего это бедность и необходимость выполнять семейные обязанности и домашнюю работу без «выхода на пенсию» [1, с. 150–162]. По мнению населения, это обуславливает необходимость сохранения неизменной разницы в возрасте выхода на пенсию у мужчин и женщин. По результатам опроса, проведенного нами в Целинном районе Алтайского края летом 2018 г., выяснилось, что более 70% респондентов пенсионного и предпенсионного возраста выступают против перспектив уравнивания возраста выхода на пенсию у мужчин и женщин.

Статус пожилых людей в современном российском обществе зависит от ряда факторов: уровень образования, семейное положение, размер дохода, место проживания, прежний статус на рабочем месте.

«Старость институционализована, т. е. закреплена в статусах и ролях, в социальной категории „пенсионеров“» [2, с. 99]. Словом «пенсия» обозначается не просто факт получения человеком пенсии. Обращаясь к разным источникам, можно сделать вывод, что так обозначают и «исключение» из «социально-активного» возраста, и включение в возраст наиболее активных «общественников».

Поскольку одной из основных современных демографических тенденций является существенный рост продолжительности жизни населения (следствие ее — увеличение доли представителей старших возрастных групп в общей популяции населения), создается ряд социально-экономических проблем. Главная из них сводится к тому, что уменьшается доля экономически активного населения, способного справиться со всем объемом хозяйственных задач и «кормить» вышедших на пенсию. Темп роста старшего населения опережает темп прироста всего населения, происходит изменение соотношения между группой старше трудоспособного возраста и трудоспособным населением [3, с. 76–96]. В связи с этим тенденция продолжения трудовой деятельности после выхода на заслуженную пенсию является закономерной.

В грядущее десятилетие эта категория населения будет только расти, что особенно важно, поскольку роль пенсионеров в российском обществе весьма значительна и в будущем ей предстоит лишь увеличиваться. Эта категория населения, как и люди предпенсионного возраста, неминуемо будет включена в конфликт по поводу повышения пенсионного возраста и обсуждение проводимых в сфере пенсионного обеспечения реформ.

Некоторые авторы предлагают рассматривать те или иные правовые изменения в аспекте развития правовой жизни человека и общества, что напрямую связано в том числе и с обеспечением социаль-

ной безопасности [4, с. 96–101]. Поэтому необходимо реформу пенсионного законодательства связывать с ценностями и нормами правой жизни человека.

Попытки привести старую структуру российской пенсионной системы в состояние, более соответствующее современной ситуации, уже предпринимались. В 2013 г. были приняты Федеральный закон № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» и Федеральный закон № 424-ФЗ «О накопительной пенсии», но эти попытки не увенчались успехом. Связывают это в первую очередь с экономическим кризисом, из-за которого были предприняты такие непопулярные среди населения меры, как «заморозка» пенсионных накоплений и отмена индексации пенсий работающим пенсионерам.

Осознание того, что данные изменения не принесли ощутимого результата, привело к тому, что весной 2018 г. было объявлено о старте новой пенсионной реформы в России. Было запланировано поэтапное повышение пенсионного возраста в России с 1 января 2019 г. на 5 лет для мужчин (с 60 до 65 лет) и на 8 лет для женщин (с 55 до 63 лет).

Законопроект с корректировками относительно пенсионного возраста (для женщин норматив был установлен на уровне 60 лет) и правил назначения досрочных пенсий был одобрен Государственной Думой 27 сентября и подписан Президентом 3 октября 2018 г. Реализовываться реформа начала в 2019 г.

При этом мнения граждан пенсионного и предпенсионного возраста по данному вопросу разделились. Более 83% граждан предпенсионного возраста отрицательно относятся к последним изменениям в пенсионной системе Российской Федерации. Среди населения пенсионного возраста лишь 48% процентов респондентов отнеслись полностью отрицательно к происходящим изменениям и более 25% респондентов в данной возрастной группе оценили свое отношение к проходящей реформе «положительно», тогда как среди респондентов предпенсионного возраста данный вариант ответа выбрали лишь 7%.

Одной из главных задач последних этапов реформирования пенсионной системы стала попытка мотивировать население работать и после наступления пенсионного возраста. Но согласно существующей сегодня в России модели трудовой занятости населения, опирающейся на негласный «возрастной ценз», при трудоустройстве и планировании карьеры людям старше 45 лет уже сложно найти работу в соответствии с уровнем их квалификации и опытом [5, с. 19–25]. Непродуманные механизмы повышения пенсионного возраста также могут обернуться обрушением качества жизни пожилых людей.

В сельской местности более важна поддержка старшим поколением своих взрослых детей за счет пенсии. И это относится не только к детям, живущим в селе, но и ставшим горожанами. Кроме того, сельские пенсионеры часто заняты воспитанием внуков. При этом на данном механизме повышение пенсионного возраста может сказаться негативно, поскольку с увеличением пенсионного возраста у людей старшего поколения останется меньше времени на общение с внуками.

Небольшая часть жителей вошла в старшую возрастную группу, оставаясь членами коллективно-долевых и фермерских хозяйств. За многие годы они проявили добросовестность, преданность руководству. Из-за нехватки кадров ими особенно дорожат, не настаивают на переходе «на заслуженный отдых». Схожая ситуация складывается и в отношении специалистов высокой квалификации: агрономов, инженеров, экономистов.

Но положение работников старшего поколения весьма противоречиво. Отсутствие налаженной модели пополнения специалистами повышает востребованность этой категории старших возрастов. В результате свободных мест для выпускников аграрных вузов в момент их прибытия с намерением трудоустройства может не оказаться. Это повлечет обострение конфликта между поколениями и негативно скажется на жизни села.

В заключение хочется отметить: уже на начальном этапе проведения новой пенсионной реформы становится понятно, что она недостаточно учитывает особенности сельского быта и жизни сельских пенсионеров. Большое значение имеет вопрос о взаимодействии поколений и межпоколенном конфликте в связи с нехваткой рабочих мест, и пенсионная реформа лишь обостряет это противоречие. Требуется и дальше изучать то, каким образом скажется изменение пенсионной системы на различных сферах жизни в сельской местности.

Библиографический список

1. Щанина Е. В. Интеграция пожилых людей в современный социум // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия : Общественные науки. 2015. № 1 (33).
2. Левинсон А. Г. Пенсионеры как социальная группа и политическая сила [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0499/tema010.php>.
3. Великий П. П., Бочарова Е. В. Созидательный потенциал старшей возрастной группы в сельском социуме // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 9 (1–2).

4. Попов Е. А. Проблемы и перспективы исследования правовой жизни человека и общества // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1.

5. Бушкова-Шиклина Э. В., Старикова М. М. Пенсия: что дальше? К проблеме занятости пенсионеров и повышения пенсионного возраста // Вестник ВятГГУ. 2014. № 12.

О. Т. Коростелева (Барнаул)

ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Метод идеализации — один из самых значимых методов теоретического исследования, предполагающих выделение в изучаемом объекте наиболее существенных черт и доведение их в процессе мысленного конструирования до максимальной степени выраженности, логической завершенности. Формирующиеся при этом идеализированные объекты используются как в целях теоретико-методологических построений, так и в целях теоретической интерпретации эмпирических данных.

Идеализированные объекты широко представлены в сфере точных наук и естественнонаучного знания (например, «материальная точка», «абсолютно прямая линия», «идеальный газ», «абсолютно упругое тело» и т. п.). На рубеже XIX–XX вв. в контексте развития неклассической социологии идеализированные объекты (так называемые идеальные типы) становятся своеобразной визитной карточкой гуманитарной, понимающей методологии в сфере наук о человеке и обществе.

Как известно, теория идеальных типов занимает особое место в учении М. Вебера и порождает отнюдь не однозначные трактовки его методологической позиции. С одной стороны, идеальные типы — по сути дела, теоретические мысленные конструкции, выделяющие и фиксирующие интересующие исследователя сущностные черты социального и культурного объекта «в чистом виде». М. Вебер неоднократно подчеркивал, «что надо полностью отказаться от мысли, будто эти „идеальные“ в чисто логическом смысле мысленные образования... в какой бы то ни было мере носят характер долженствования, „образца“. Речь идет о конструировании связей, которые представляются нашей фантазии достаточно мотивированными, следовательно, „объективно возможными“, а нашему номологическому

знанию — адекватными» [1, с. 391]. С другой стороны, ученый вынужден признать, что в реальной практике культурно-исторических исследований (например, при изучении христианства) подобные идеально-типические изображения «хотят быть или осознанно являются идеальными типами не только в логическом, но и в практическом смысле, а именно стремятся быть „образцами“, которые... указывают на то, каким христианство, по мнению исследователя, должно быть, что исследователь считает в нем „существенным“, сохраняющим постоянную ценность. Если это происходит осознанно или... неосознанно, то в идеальные типы вводятся идеалы, с которыми исследователь соотносит христианство как с ценностью» [1, с. 398]. В этой связи использование идеальных типов в социальном познании предполагает движение мысли не только от абстрактных теоретических моделей к эмпирическим фактам, но и от совершенного — к несовершенному, становящемуся; от должного — к сущему.

Весомый вклад в формулирование и использование идеальных типов в социальном познании вносит также Г. Зиммель. Так, в рамках своей формальной социологии Г. Зиммель пытается моделировать идеальную, «рафинированную» форму собственно человеческого существования — общения, выступающего как самоцель, богатство и роскошь, как самоценность бытия человека для другого человека и для самого себя как социального существа. «Отнюдь не случайно, — пишет Г. Зиммель, — даже из словоупотребления следует, что в любом общении, ... если, конечно, оно осмысленно и устойчиво, особенно важна форма. Ибо форма есть взаимодействие элементов, благодаря которому они и образуют единство; и если отпадут конкретные жизненно целесообразные мотивации общения, тем большую силу и действенность будет иметь чистая форма, так сказать, свободно-парящая, внутренне-действующая взаимная связь индивидов» [2, с. 489].

Прекрасно осознавая условность «чистой формы» как собственно социального, субъект-субъектного взаимодействия, Г. Зиммель отчетливо соотносит ее с искусством, игрой, порождением символических сил, значений и смыслов [2, с. 488–491]. Вместе с тем формулируя правила подобной игры «в общение в чистом виде» (такие как взаимное уважение, такт, скромность, равенство партнеров), он фактически выходит на патетику морального звучания, о чем свидетельствует почти дословное совпадение принципа самоценного общения с кантовским категорическим императивом: «каждый должен дать другим тот же максимум ценностей общения (радость, легкость, оживленность), который совместим с максимумом этих ценностей, полученных им самим» [2, с. 492].

При сравнении «чистых форм» Г. Зиммеля с «идеальными типами» М. Вебера выявляется как их сущностное сходство (и то и другое — результаты идеализации!), так и фундаментальные методологические различия.

М. Вебер рассматривал идеальные типы прежде всего в качестве понятийных вспомогательных средств изучения социальной реальности. «Идеальный тип», по М. Веберу, есть нечто, в отличие от оценивающего суждения, совершенно индифферентное и не имеет ничего общего с каким-либо иным, не чисто-логическим «совершенством» [1, с. 399]. Г. Зиммель же разрабатывал учение о «чистых формах» не столько в логико-гносеологическом, сколько в социально-онтологическом ключе и вовсе не стремился при этом избегать оценивающих суждений. Напротив, он со всей определенностью связывает абстракцию «чистого» субъект-субъектного взаимодействия с понятием социального идеала [2, с. 492, 497], с представлением о верхнем «пороге общения» [2, с. 491], с «чистой и возвышенной формой двусторонности из всех, известных социологии» [2, с. 496], с «тончайшей сублимированной динамикой общественного существования» [2, с. 499]. В целом при чтении работ Г. Зиммеля складывается впечатление, что именно гуманитарный идеал равноправия, диалога, бескорыстия онтологизируется и выступает реальной ценностью, в полной мере разделяемой самим автором.

Проблема свободы от оценочных суждений широко обсуждалась в XX в. в контексте дискуссий, инициированных методологией науки М. Вебера. Подводя своеобразный итог знаменитой «дискуссии об оценках», произошедшей в «Обществе по вопросам социальной политики», Р. Дарендорф обнаруживает целых шесть мест встречи науки с оценочными суждениями.

В современном социальном познании идеальные типы используются весьма широко, и ученые даже не пытаются скрыть ценностного содержания этих мысленных конструкций. В качестве примера назовем такие идеализированные объекты, как «гражданское общество», «правовое государство», «информационное общество» и т. д. Они выступают сегодня не только (и не столько) в роли познавательных логических конструкций, сколько в роли ценностно-целевых ориентиров для социальной практики. Однако в их формировании и использовании в последнее время можно выделить ряд особенностей:

1. Радикальные изменения в системе ценностей в постперестроечной России приводят к изменению базовых социологических категорий, в том числе доминирующих идеализированных объектов. «Теоретически это означает, что диалектическая логика заменяется логи-

кой формальной, а системный подход — фетишизацией одного из элементов социальной системы, — подчеркивает Г. Б. Осипов. — Плановому началу противопоставляется рынок, стабильным ценам — цены гибкие, колхозам и совхозам — арендный подряд и коллективы индивидуального труда, управлению — самоуправление, компетентности и профессионализму — демократия и т. д. Вопрос обычно ставится четко и принципиально — или то, или другое. Иного не дано» [3, с. 36].

2. В связи с идеологическим противостоянием ученых-обществоведов одни и те же, казалось бы, мысленные конструкции сопровождаются различными (в том числе противоположными) коннотациями. Отрицательная ценностная окраска идеализированных объектов нередко маркируется соответствующим словесным обрамлением. В аналитических программах из уст экспертов можно услышать выражения: «так называемый рынок»; «так называемые рыночники»; «наши доморощенные либералы»; «печально известная интеллигенция» и т. п. Вообще-то, тенденция амбивалентной ценностной трактовки идеализированных социальных объектов имеет давние корни и представлена, в частности, в русской художественной литературе XIX в. Так, современные филологи проводят сравнительный анализ образов «новых женщин» в романах «Некуда» Н. С. Лескова и «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Если хрестоматийный образ Веры Павловны окрашен в исключительно радужные тона мечты и снов о «светлом будущем», то в романе Лескова трагический образ Лизы увязывается с описанием «Дома согласия» как места обитания «новых людей». Этот Дом прослыл «чудовищно-извращенным... грязным, циничным местом, турецким гаремом, где самое бесцеремонное отношение живущих там граждан с живущими гражданками» [цит. по: 4, с. 504].

Аналогичную ситуацию мы могли наблюдать сравнительно недавно в трактовке идеального типа «новый русский». Возникнув как позитивная альтернатива советскому человеку («совку»), этот социальный тип очень быстро приобрел негативно-сатирические (и даже карикатурные) коннотации.

3. Актуализируются идеи принципиального разрыва идеального типа с социальной реальностью. Это особенно отчетливо проявляется в сравнении с советским периодом. Советская идеология последовательно настаивала на закономерном приближении реального общества к коммунистическому идеалу.

В период же перестройки популярной становится и сохраняется до сих пор оппозиция мифа и реальности, что само по себе, на наш взгляд, имеет как положительные, так и негативные последствия.

С одной стороны, трудно не согласиться с авторами, призывающими к демифологизации общественного сознания, к освобождению его от социально-политических утопий; при этом ведущая роль в процессе демифологизации сознания россиян нередко отводится социологической науке [3, с. 377–382]. С другой стороны, слишком скептическое отношение к социальным идеалам, их полное «развенчание» лишает общество смысло-жизненных ориентиров, стимулов к активной созидательной деятельности.

И в этом плане по возможности объективное подведение результатов социологических исследований должно показать, какие ценностные и целевые установки значимы для граждан нашей страны, какие идеальные типы они готовы использовать, соотнося с ними как с образцами социальную реальность и различные аспекты собственной жизни.

Библиографический список

1. Вебер М. «Объективность» в социально-научном и социально-политическом познании // Избранные произведения. М., 1990.
2. Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996.
3. Осипов Г. В. Социальное миротворчество и социальная практика. М., 2000.
4. Уздеева Т. М. Типология образов «новых женщин» в романах «Некуда» Н. С. Лескова и «Что делать?» Н. Г. Чернышевского // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70).

Т. Ф. Кряклина (Барнаул)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ПРИ АНАЛИЗЕ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Для всестороннего анализа моделей российских университетов как социальных институтов, на наш взгляд, необходимо использовать междисциплинарный подход, включающий исторический, социокультурный, институциональный, деятельностный подходы, а также такие методы, как моделирование, компаративистика, количественный и качественный анализ данных о численности современных российских университетов, мнение экспертов (в нашем случае — специалистов в области университетского образования).

Исторический подход позволяет установить хронологию возникновения первых университетов в России, выявить тенденции их развития и отличительные особенности.

Первые университеты в России появились позже, чем в Европе, в XVIII–XIX вв. Санкт-Петербургский был основан в 1724 г., Московский университет — в 1755 г., Казанский — в 1804 г., Томский — в 1878 г. (считался первым и единственным университетом в Сибири вплоть до 70-х гг. XX в.).

За основу модели первых российских университетов была взята немецкая модель классического университета исследовательского типа, считавшегося центром развития науки, образования, культуры. В такой модели университета культура выполняла унифицирующую функцию. Образование в нем носило в большей степени гуманистический характер и было представлено на первых этапах факультетами, готовящими специалистов гуманитарной направленности.

Значительная часть российских университетов создана в XX–XXI вв. в советское и постсоветское время. Они во многом реализовывали гумбольдтовскую модель университета исследовательского типа.

Во второй половине XX в. в России в связи с изменениями, происходящими в мире, начинает формироваться новая модель общества — общество знания. Оно стало отражением общемировой тенденции значительного распространения образования, не ограниченного жесткими рамками учебного процесса, что позволило организациям оперативно удовлетворять потребности стратегического управления. Традиционные университеты не всегда успевали за этими изменениями, высшее образование теряло статус стабильного социального института. Под влиянием внешних факторов вузам приходилось проводить преобразования для сохранения и обеспечения качества образования.

Либерализация общественных отношений в России, начавшая в 90-х гг. XX в., привела не только к трансформации классических университетов, но и к возникновению отраслевых (политехнических, педагогических, медицинских) университетов. В моделях отраслевых университетов, на наш взгляд, были реализованы попытки соединения идеи культуры и утилитаризма и желания сделать их более привлекательными и востребованными. При таком подходе университет одновременно предстает и как социальный институт, и как явление культуры, и как продукт человеческой деятельности.

Моделирование, как известно, — это метод изучения объектов с помощью условных образов, аналогов, конструкций. Модели социальных явлений создаются на основе имеющихся знаний о них

для облегчения их системно-структурно-функционального анализа, разработки программ развития. По форме и содержанию они могут быть самыми разнообразными: плоскостными (в виде схем), объемными, графическими, математическими, логическими, знаковыми и т. д. Вышеназванные модели университетов являются логическими и названы по направлениям их деятельности и направлениям подготовки выпускников.

Их можно соотнести с известными ранее моделями университетов, имеющими цифровое обозначение, таким как: «университет 1.0», предлагающий только образовательные программы; «университет 2.0», в котором предлагаются не только образовательные программы, но и развивается наука, т. е. гумбольдтовская модель; «университет 3.0» — предпринимательский университет, возникающий как экосистема инноваций; «университет 4.0», способствующий развитию промышленности; «университет 5.0» — ожидаемая модель университета будущего. Цифровизация моделей университетов также связана с характеристикой их деятельности и направлений подготовки выпускников, появлением новых особенностей в развитии.

Перенос рыночных механизмов и принципов бизнес-менеджмента на управление наукой и образованием в вузы, начавшийся в 1990-е гг., привел к корпоратизации высшего образования и формированию корпоративной модели университета. Канадский исследователь Билл Ридинг в своей работе «Университет в руинах» выделяет следующие характерные признаки корпоратизации высшего образования: менеджеризм (приоритет администрирования и администраторов в науке и образовании); соревновательность и засилие рейтингов; гонка за показателями (публикационная активность, получение грантов, установка на прибыльность и экономическую отдачу научных исследований и проч.) [1].

В последние 10–15 лет корпоративная модель университета усиленно насаждается и в российской системе высшего образования. Однако корпоративная модель университета подвергается резкой критике на Западе. По мнению ее противников, в результате насаждения менеджеризма принципы администрирования и бухгалтерского учета вытесняют из университетов академический дух. Торжество администрирования и всепоглощающей отчетности подавляет атмосферу научных дискуссий, а индексы и импакт-факторы душат на корню очаги научной эрудиции и интеллигентности. Критики корпоративизма подвергают сомнению сам принцип конкурентоспособности и мнимой престижности вузов в глобальном образовании. В качестве разумной альтернативы ему предлагают принципы многообра-

зия и диверсификации, отражающие уникальные особенности университетов и отвечающие нуждам образования в конкретных странах и регионах [2, с. 14].

К настоящему времени в России насчитывается около 1500 вузов (вместе с филиалами), 288 из них считаются ведущими. Они включают 29 национальных исследовательских университетов, 10 федеральных университетов, 33 опорных вуза и 7 негосударственных образовательных организаций высшего образования [3, с. 2]. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», принятом в 2012 г., только статус Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета нормативно закреплён как ведущих классических университетов Российской Федерации; официально признаются такие категории образовательных организаций высшего образования, как федеральный университет, национальный исследовательский университет, и определяются направления их деятельности, а также названы критерии и порядок конкурсного отбора программ развития национальных исследовательских университетов, перечень показателей и периодичность оценки эффективности их реализации. Что же касается других вузов, включая иные типы университетов, то они должны руководствоваться общими положениями, имеющими отношение к образовательным организациям высшего образования, и самостоятельно определяться в выборе, обосновании и поддержании своего статуса.

Поскольку большинство российских классических университетов за основу своего развития взяло гумбольдтовскую модель, трансформация ее связана с формированием модели, соответствующей современному статусу университета. Если речь идет об опорном университете, к примеру, необходимо определить и в модели прописать, в каких направлениях социально-экономического развития региона местная власть может опереться на кадровый потенциал вуза, его достижения и возможные научные разработки, способствующие эффективному региональному развитию; какие направления подготовки и учебные программы могут обеспечить качественную подготовку выпускников, востребованных на рынке профессий и труда, имеющих необходимые компетенции. Формирование модели опорного вуза должно обеспечить трансформацию университета в центр инновационного, технологического, социального развития региона. Таким образом, речь идет о расширении социальной базы моделирования пространства функционирования университета, трансформации всей его архитектуры.

Мировая образовательная практика демонстрирует различные типы университетов, выполняющих множество функций. Данное обстоятельство обусловило появление даже нового названия университета — мультиуниверситет. Этот термин был придуман в 1963 г. тогдашним ректором системы Калифорнийских университетов Кларком Керром, дабы отобразить многообразие форм деятельности университета.

Несмотря на многообразие форм деятельности, университет, по мнению британского историка С. Коллини, должен обладать абсолютным минимумом следующих четырех характеристик:

- обеспечивать ту или иную форму высшего образования;
- развивать некую форму передового исследования или научной работы;
- осуществлять такие виды деятельности в одной дисциплине или четко определенном секторе дисциплин;
- пользоваться определенной формой институциональной автономии, по крайней мере, в том, что касается интеллектуальной деятельности [4].

В этих характеристиках, на наш взгляд, содержатся сущностные признаки университета, отличающие его от иных социальных организаций, такие как: образование, исследование или научная работа, автономия интеллектуальной деятельности. Причем эти характеристики взаимосвязаны и взаимопроникающи, благодаря чему образуется целостное пространство деятельности университетов. Основу его составляет интеллектуальная деятельность, которая облекается как в национальную (национальный язык), так и в интернациональную форму (цифровизация, языки программирования и т. д.). Отсюда следует, что в любой модели университета должны быть представлены его сущностные черты как института образования, ведущего образовательную, исследовательскую и интеллектуальную деятельность. Характер этой деятельности, ее направления и объемы определяются спецификой и возможностями вуза, статусностью его персонала и уровнем развития материально-технической базы.

Глобализация современного мира, его неопределенность и непредсказуемость, оказывая влияние на университет, разрушают его традиционные (национальные) модели и обуславливают необходимость осмысления университета и конструирования его новых версий.

Попытки осмыслить университет и сконструировать его будущее предпринимаются и в нашей стране. Так, например, на базе Томского государственного университета открывается Институт передового обучения (Advanced Learning Institute). Институт будет развивать направления, связанные с цифровизацией образования, его персонали-

защитой и формированием предпринимательского мышления. Он станет площадкой для проведения исследований, результаты которых лягут в основу новых образовательных технологий и продуктов, помогут разработать систему оценки эффективности цифрового образования. Их внедрение позволит создавать в России университеты новой формации. В рамках реализации проекта национальных технических инициатив в Санкт-Петербурге скоро откроется пилотная площадка «Университет-2035» для отработки функций университета будущего.

Таким образом, использование междисциплинарного подхода при анализе моделей университетов дает возможность выявить их сильные и слабые стороны, смоделировать наиболее перспективные и востребованные в будущем.

Библиографический список

1. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. Корбута. М., 2010.
2. Чошанов М. Внимание, тревога! Корпоративная модель в высшем образовании вызывает вопросы // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 2018. 18 мая.
3. С учетом репутации // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 2018. 8 июня.
4. Коллини С. Зачем нужны университеты? / пер. с англ. под науч. ред. А. Смирнова. М., 2016.

Ю. Р. Мазурина (Барнаул)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

Отношения в сфере труда между работодателем и работником регулируются трудовым договором, заключение которого происходит во время приема человека на работу. В отношениях подобного характера довольно часто возникает ситуация, когда одна сторона, которая является подписантом договора, причиняет второй определенный вред. Учитывая это, стороны договора должны согласовать все вопросы, касающиеся ответственности, которая наступает в результате совершения противоправных действий, еще на этапе подписания трудового договора. Это поможет решать большинство конфликтных ситуаций, не прибегая к судебному разбирательству. Работник находится в сфере организационно-распорядительных полномочий рабо-

тодателя, который имеет право привлечь работника к дисциплинарной и (или) материальной ответственности.

Вопросы дисциплинарной ответственности необходимо рассматривать в их неразрывной связи с дисциплиной труда. Дисциплина труда представляет собой неотъемлемый элемент содержания трудового правоотношения, который предусматривает обязательное подчинение работника правилам поведения, устанавливаемым работодателем. Работодатель, как собственник средств производства, хозяйствующий субъект, организует труд и управляет им. Правовая природа отношений наемного труда определяет обязанность работников подчиняться указаниям работодателя. Работник должен выполнять свои трудовые обязанности, которые включают в себя не только выполнение индивидуальной трудовой функции, но и подчинение определенному порядку взаимоотношений как между работниками, так и с работодателем (его представителями) в процессе труда. Таким образом, трудовое правоотношение развивается в условиях установленного работодателем внутреннего трудового распорядка.

Одной из основных предметных областей изучения социологии труда являются трудовые отношения. Эти отношения складываются с момента включения человека в процесс труда и подлежат регулированию юридическими нормами с целью защиты прав работников. Нормы права, регулирующие трудовые отношения работников, являются важным фактором, который определяет положение работника в трудовой сфере и одновременно выполняет важные социально-экономические функции в масштабе государства. Сущность предмета социологии труда раскрывается путем познания закономерностей социального развития, которые отражают наиболее важные и устойчивые связи различных трудовых явлений и процессов. Также к предметной области социологии труда относят нормы социально-трудовых отношений, нормы трудовой морали и уровень степени ответственности субъектов трудового коллектива [1, с. 29].

Долгие годы проводилась рационализация производственной целесообразности, она дополнялась и закреплялась в сознании и поведении как наиболее рациональная, выгодная не только производству, но и самому работнику. Переход к рыночным отношениям сразу же потребовал немедленного поиска новых форм организации и стимулирования труда. Отсюда реальное привлечение таких компонентов процесса организации и стимулирования труда, как ответственность, точность, аккуратность и внимательность работников, т. е. факторов, определяющих их реальное сознание. Сейчас мало действует слепая сила приказа. Все большее значение приобретают граждан-

ская позиция человека, экономическая целесообразность. Стоит отметить, что на первом этапе использования человеческого фактора на производстве этот резерв отрицали даже его инициаторы. Фредерик Тейлор считал, что работник должен оставить за воротами завода свои религиозные, политические и нравственные заботы. Однако время показывает, что участие работников в общественной деятельности, несмотря на издержки различных ее форм, серьезно влияет на стабильность и результативность производственной деятельности.

Исследования общественно-политической активности (В. Х. Беленький, Ю. В. Волков, В. Г. Мордкович, Е. А. Якуба) еще в 1970-е гг. показали зависимость и взаимосвязь гражданского сознания и политического поведения с творческой деятельностью работников производства. Согласно их выводам, низкую эффективность трудовой деятельности человека можно объяснить главным образом дефицитом социальной и профессиональной ответственности и незаинтересованностью в работе. Социально-политические позиции работника, его трудовые усилия во многом зависят от его гражданского взросления. Окончание не только школы, но даже и вуза не говорит о том, что человек и окружающие его люди осознают себя полноправными членами общества, несущими ответственность за личное поведение во всех жизненных ситуациях. Именно в такой ситуации возможен анализ этой проблемы с точки зрения правового человека [2, с. 40].

Коллективный трудовой договор — это трудовое соглашение между работодателем и коллективом сотрудников и фиксирование правовой ответственности.

Коллективный и индивидуальный трудовой договор довольно тесно связаны. Коллективный составляется дополнительно к индивидуальным трудовым договорам, требуемым при приеме каждого из сотрудников на работу, и регулируется положениями гл. 7, ст. 40 и ст. 44 Трудового кодекса РФ. Имеет статус правового акта локального назначения, отражает основные спорные моменты, которые могут возникнуть между руководителем и членами профсоюза. Соответственно, выступает в роли рычага управления, заведомо расставляя акценты на значимых для обеих сторонах вопросах.

Уклонение работодателя от участия в коллективных переговорах, непредставление им необходимой для заключения коллективного договора информации, отказ в заключении коллективного договора и невыполнение работодателем обязательств по коллективному договору влечет административную ответственность.

Административная ответственность — вид юридической ответственности, который определяет обязанности субъекта претерпе-

вать лишения государственно-властного характера за совершение административного правонарушения. Административная ответственность регламентируется Кодексом РФ об административных правонарушениях [3, с. 1].

Правовая ответственность же неотделима от свободы. Понятие «правовая (юридическая) ответственность» употребляется в двух смыслах. Во-первых, это замечательное, ценнейшее внутреннее качество гражданина, черта его правовой культуры, особенно когда правовая ответственность становится нормой поведения, руководством к действию. Она проявляется в глубоком уважении человека к праву и правовому закону, в сознательном и добровольном соблюдении всех требований права и закона. Юридически ответственный гражданин глубоко понимает всю важность и необходимость соблюдения права и закона для поддержания порядка и справедливости в обществе. И, конечно же, он способен предвидеть все неприятные последствия нарушения права и закона. Именно юридическая ответственность — уважение к праву и закону, сознательное и добровольное их соблюдение — служит главным определителем, критерием правовой культуры любого гражданина, в том числе и находящегося на государственной службе (чиновника, должностного лица), вплоть до самой высокой. Во-вторых, понятие «юридическая ответственность» имеет строго юридический смысл — это применение мер государственно-принуждения за совершенное правонарушение. И если моральная ответственность — это ответственность перед окружающими и перед собственной совестью, то юридическая ответственность — это ответственность перед законом, перед судом.

Разница существенная, хотя юридическая ответственность, конечно, не исключает стыда перед людьми и мук совести того человека, который совершит правонарушение. Впрочем, человек ответственный умеет предвидеть последствия своих поступков. В выборе поступка он свободен, выбор — на его совести. Ему же и отвечать за последствия, в том числе и юридические. А умение предвидеть не дается от рождения. Оно является результатом воспитания и самовоспитания, частью правовой культуры гражданина.

Ответственность — это обязательство отчитываться в каких-то действиях и принятие вины за их возможные последствия [4, с. 724].

Получается, что ответственность наступает тогда, когда человек чувствует себя причиной происходящего.

Мы считаем, что нужно выработать варианты и способы повышения ответственности, вот некоторые из них:

1. Качественное обучение является первым ключом к повышению ответственности. Только хороший специалист сумеет принимать ответственные решения.

2. Грамотное руководство. Самый легкий способ избавиться от начальника — это свалить на него все проблемы фирмы. Ведь работников для того и принимают, чтобы они занимались этими вопросами, каждый на своем месте. Для этого есть хороший способ — потребовать обращения к начальнику с проблемой только в письменном виде и с готовым вариантом ее решения. Тогда рабочая обстановка резко стабилизируется, а уровень ответственности сотрудников повысится. Пропорционально этому снизится нагрузка на руководителя.

Какие факторы могут снизить ответственность? Об этом тоже важно сказать, вот несколько вариантов:

1. «Разрешение» совершать сотруднику вредные поступки. Как бы странно ни звучал данный фактор, но это говорит лишь о том, что воюющий человек не заинтересован в успешной работе организации. Поэтому решение некоторых руководителей разрешить работникам немножко воровать является убийством для бизнеса. Требуется свобода в решении вопросов, но контроль за поступками и действиями должен быть в каждой организации.

2. Ограничение свободы выполнения задание. Когда сотруднику поручают задание, но не дают возможности его выполнить, все время контролируют и задают уточняющие вопросы.

3. Уменьшение работнику зарплаты. Руководитель видит, что некоторые сотрудники увивают от своих прямых обязанностей, трудятся без энтузиазма, и принимает решение платить им меньше. Если сотрудник и раньше плохо работал, то и предпринятые меры не будут являться для него стимулом.

Таким образом, ответственность в сфере трудовых отношений является неотъемлемой частью в выполнении трудовых обязанностей, в ее производительности и дисциплине. Ответственность тесно связана с самосознанием личности, с гражданской позицией человека, это то, что нужно в себе воспитывать, ориентируясь на личные профессиональные интересы и интересы организации.

Библиографический список

1. Горшков А. В. Социология труда. М., 2010.
2. Тощенко Ж. Т. Социология труда: генезис идей в контексте мировых и российских реалий (опыт нового прочтения) // Мир России. 2004. Т. 13. № 4.

3. Википедия. Административная ответственность [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Административная ответственность](https://ru.wikipedia.org/wiki/Административная_ответственность).

4. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. М., 2008.

А. С. Малетина (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО ИНТЕРЕСА В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Научный руководитель — С. А. Воронина

Алтайский край в целом характеризуется удовлетворительной экологической ситуацией. Однако региональная обстановка не исключает проявления локальных экологических проблем, среди которых наиболее значимы загрязнение воздуха, воды и почвы, накопление промышленных и бытовых отходов. Основными источниками загрязнения окружающей природной среды являются предприятия по выработке тепла и электроэнергии, по производству и переработке сельскохозяйственного сырья, химии и нефтехимии, автомобильный транспорт.

Необходимость регионального подхода к решению экологических проблем обуславливается многими факторами, и главные среди них — природно-географические, экономические, национальные. Обширность российской территории, многообразие природно-климатических зон определяют существенные различия региональных природоресурсных потенциалов, влияют на природоохранную деятельность региона [1, с. 23].

Важным направлением в деятельности органов государственной власти субъекта Федерации является законотворческая деятельность, при осуществлении которой органы государственной власти субъекта Федерации, учитывая экологическую обстановку в регионе, масштабы негативного воздействия на окружающую среду, самостоятельно определяют приоритеты в формировании экологического законодательства: охрану атмосферного воздуха, борьбу с выбросами, обеспечение экологической безопасности, контроль за промышленными и бытовыми отходами [2, с. 133].

Анализируя криминальную обстановку в Алтайском крае в целом, можно констатировать, что количество зарегистрированных

экологических преступлений за последние пять лет имеют общероссийские тенденции к снижению их числа. Так, в 2009 г. в Алтайском крае было зарегистрировано 842 рассматриваемых преступления. При сравнении темпов снижения экологических преступлений за последние пять лет было выявлено, что с 2009 г. общее количество зарегистрированных данных преступлений в Алтайском крае сократилось в 1,6 раза (при этом в Российской Федерации количество зарегистрированных экологических преступлений уменьшилось почти вдвое) [3, с. 150].

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что на фоне общего снижения количества зарегистрированных экологических преступлений наблюдается рост отдельных его видов.

Так, в Алтайском крае увеличилось почти в два раза количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ (Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов): в 2009 г. было зарегистрировано 21 рассматриваемое преступление, что на 250% больше, чем в предшествующем году.

Рассматривая структуру экологической преступности в Алтайском крае, следует отметить, что наиболее устойчивую и значительную часть составляют незаконная рубка лесных насаждений (около 84%), уничтожение или повреждение лесных насаждений (около 6%), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (около 4%), незаконная охота (около 3%). И только 2–3% приходится на все остальные преступления, предусмотренные гл. 26 УК РФ. Составление и динамика совершения преимущественно этих четырех составов преступлений и характеризуют экологическую преступность в регионе в целом [3, с. 153].

Особо необходимо обратить внимание на изменение суммы причиненного материального ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам по экологическим преступлениям за рассматриваемый период времени.

Президент В. В. Путин издал указ, объявляющий 2017 год Годом экологии. Россия является одной из наиболее загрязненных в экологическом плане стран в мире. Окружающая среда на территории ее субъектов характеризуется большим количеством различных экологических проблем. Многие из существующих проблем остались после Советского Союза, где хозяйствование зачастую приводило к загрязнению окружающей среды, особенно в тяжелой промышленности и добыче полезных ископаемых. К сожалению, в то время государство экологические проблемы считало несущественными. Также многие исследователи, например Е. А. Попов, отмечают, что эколо-

гические проблемы создают непосредственную опасность социальной безопасности [4, с. 35].

Современная экологическая обстановка в Алтайском крае в целом благоприятна для жизни и здоровья проживающего в нем населения. Однако на территории края можно выделить очаги с высокой экологической напряженностью. Такие очаги сосредоточены в районе крупных городов края.

Проблема загрязнения природных массивов на территории Алтайского края и города Барнаула стоит достаточно остро. Для ее решения необходимо принять все возможные меры по улучшению экологической ситуации в нашем городе. Со стороны местных властей должны приниматься все возможные меры по очистке окружающей среды [5, с. 32].

На основании социологического исследования по теме «Роль молодежных общественных организаций в обеспечении экологической обстановки региона», проведенного нами в 2017 г., можем выделить особо важные экологические проблемы региона: загрязнение водоемов и атмосферного воздуха выбросами промышленного производства и выхлопными газами автотранспорта, а также ухудшение состояния почв региона из-за загрязнения химикатами и радиоактивными веществами.

В связи с текущим состоянием экологической ситуации региона можно говорить об интересе многих авторов к изучению регионального состояния экологической обстановки в целом.

Представители экологического права, рассматривающие природу в качестве объекта, требующего особой охраны, уделяют внимание особенностям организации охраны природы. Экологическое право основывается на экологическом законодательстве, источниками которого являются нормативно-правовые акты, составляющие основу механизма регулирования экологической обстановки как в Российской Федерации, так и на территории ее субъектов.

Правовые аспекты регулирования экологических проблем как в российском обществе в целом, так и региона в частности, рассматриваются в работах социологов-правоведов, таких как Е. А. Попов, который уделяет особое внимание проблеме опасности и безопасности в фокусе современных социологических исследований; также и в работах представителей юридических наук: Ф. Х. Адиханова, Н. И. Калашник, Н. В. Карловой, Е. В. Киселевой, Е. П. Титаренко, чей научный интерес направлен на изучение особо значимых региональных экологических проблем, а именно: загрязнение воздуха, почвы и водоемов в Алтайском крае.

Полное решение экологических проблем практически невозможно, но улучшение экологической ситуации — вполне. Для этого необходимо разработать долгосрочную программу развития экологической культуры на всех уровнях: поощрять экологическую активность, предоставлять достоверную информацию об окружающей среде, заниматься экологическим просвещением и развивать экологическое образование. Для реализации этих основ необходимо активное взаимодействие государства и общественных организаций.

Библиографический список

1. Белоусов В. Г., Лебин А. Н. Проблемы обеспечения экологической безопасности региона // *Естествознание*. 2012. № 3.
2. Ключанова Л. Г. О некоторых особенностях юридической техники в современном эколого-правовом нормотворчестве // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 2.
3. Отто О. В., Данилова Е. А. Анализ экологической преступности в Российской Федерации // *География и природопользование Сибири*. 2015. № 19.
4. Попов Е. А. Социальная безопасность в фокусе современных социологических исследований // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2016. Вып. 8. Ч. 1.
5. Воронина С. А. Социальная безопасность региона как объект социологических исследований // *Вестник БЮИ МВД России*. 2016. № 2.

Д. А. Мицких (Барнаул)

ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ КИНОЛОГА КАК РАБОТНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

В настоящее время российское общество остро нуждается в получении обоснованных научных данных о кинологах как работниках правоохранительных органов. Деятельность специалистов-кинологов мало освещена в научных работах, между тем их работа по защите и охране общественного порядка имеет большое значение для социума. В связи с тем что нет возможности обращения со своими правовыми проблемами напрямую в кинологическую службу, население не имеет должного понятия, кто же такой специалист-кинолог.

Актуальность темы заключается в специфике кинологической службы, которая значительно отличается от деятельности других представителей правоохранительных органов.

В первую очередь тем, что в работе им непосредственно помогает служебно-разыскная собака; помимо обязанностей по обеспечению соблюдения общественного порядка и борьбе с преступностью, в их обязанности входит уход за служебной собакой и ее воспитание. Также работником кинологической службы может стать не каждый желающий, а лишь имеющий способности к взаимодействию с собаками, их дрессировке, обладающий такими личными качествами, как доброта, любовь к животным, но в то же время жесткость и дисциплинированность. Отличительной особенностью работы кинологической службы можно назвать и то, что специалисты-кинологи принимают участие в расследовании преступлений при осмотре мест происшествия, поиску и задержанию злоумышленников. Кроме того, занимаются обнаружением предметов, которые могут служить вещественными доказательствами, поиском и выявлением оружия и боеприпасов, наркотических веществ, а также обеспечивают охрану общественного порядка, в том числе в группах задержания пунктов охраны. Тем не менее их деятельность не всегда может быть эффективной, например, когда преступление совершено на территории с интенсивным движением.

Данные отличия позволяют выделить кинологов в особую категорию среди других работников правоохранительных органов. В связи с этим результаты исследований, посвященных работникам органов внутренних дел в целом или каких-либо их частей, нельзя распространять и на работников кинологической службы.

Основными понятиями, касающимися изучаемой нами проблемы, являются:

социальный портрет — это совокупность информации о личностных, профессиональных и социокультурных характеристиках, а также ролевых функциях и социальных настроениях, типичных для представителей какого-либо народа, исторической эпохи или отдельной социальной группы [1, с. 11];

правоохранительные органы — государственные органы, основной функцией которых является охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью [2, с. 563];

кинолог — специалист в области обучения (дрессировки) и использования служебно-разыскных собак [3, с. 100].

Для изучения социального портрета кинолога как работника правоохранительных органов нами была разработана программа

социологического исследования, обоснована выборка, а также охарактеризованы методы, с помощью которых проводилось исследование.

В основы методики социологического исследования были заложены эмпирические методы. В данной работе мы использовали анкетный опрос как количественный метод. Анкетирование по нашей проблеме проводится индивидуально с каждым респондентом раздаточным способом, анонимно.

В данном исследовании тип выборки неслучайный, методом направленного отбора в местах скопления представителей интересующей социальной группы. В опросе приняли участие 30 специалистов-кинологов УФСИН России по Алтайскому краю.

На вопрос: «Почему Вы выбрали профессию кинолога?» — почти половина опрошенных ответили, что эта профессия является престижной (45%), 36% сказали, что выбрали профессию для удовлетворения своих собственных интересов. На следующий вопрос: «Что повлияло на Ваш выбор этой профессии?» — 40% отметили любовь к животным, 20% — интерес к профессии, 20% — работу в силовых структурах. На вопрос о том, какую профессию они бы выбрали, если бы не стали кинологом, 40% опрошенных ответили, что стали бы ветеринарами, 20% выбрали другие профессии, связанные с работой в правоохранительных органах (полицейский, следователь). На основе полученных данных можем сделать вывод о том, что профессия кинолога совмещает в себе две оппозиции — работу в силовых структурах и любовь к животным.

Специалисты-кинологи отметили, что главное в их труде — интересная работа (25%) и хороший трудовой коллектив (15%), а собака для них в первую очередь коллега (29%) и надежный защитник (21%).

Таким образом, в результате исследования был получен социальный портрет среднестатистического кинолога. Средний возраст специалиста-кинолога составил 28,6 года. Мы не можем сделать однозначного вывода, что работник кинологической службы обязательно мужчина, поскольку разница оказалась небольшой: 60% сотрудников — мужчины, 40% — женщины. Для работы в данной профессии достаточно получить среднее специальное образование. В Алтайском крае эту специальность можно получить в АН ПОО «Алтайский техникум кинологии и предпринимательства». На вопрос о заработной плате треть опрошенных ответили, что зарабатывают больше 35 тысяч рублей, каждый пятый выбрал вариант «от 20 до 30 тысяч рублей». Представленные выводы имеют предварительный характер, изучаемая тема требует более детального исследования.

Библиографический список

1. Социология: курс лекций для студентов всех направлений и специальностей / под ред. В. А. Михайлова. Ульяновск, 2004.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007.
3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000.

Л. А. Мукова (Ботевград, Болгария)

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИЯ)

В своем труде «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» (1989 г.) Фридрих Хайк указывает четыре основные ошибки социализма, *которые все могут быть оспорены*, но мы остановимся только на одной из них, связанной с теорией разделения властей: «...пагубная самонадеянность реформаторов (социалистов) проявляется в преувеличении роли разума в публичном развитии». Тезис может быть принят, но не в полном объеме. Следует сразу отметить, что это «ошибка» первых социалистов, но не их последователей, которые плохо выучили и / или / быстро забыли основы марксизма. Следующие «партийные лидеры» не были настолько интеллектуальными, но достаточно «расчетливыми». Полностью согласна с тем, что людей нужно обучать уважению чужих прав, включая и права собственности.

За годы социализма преобладающее большинство населения первично верило и соблюдало этот тип социально-экономического поведения. Отсюда следует, что в этом первые реформаторы-социалисты не ошиблись. Их «ошибкой» было допущение неприкосновенности номенклатуры правящей партии. Именно эта часть общества впоследствии показала свои качества социально-экономического поведения при использовании государственной власти, ее структуры и материальных ресурсов. Полученная реально неограниченная власть партократии оказалась непреодолимым «барьером» — сама по себе, для соблюдения социалистических принципов. Подчиняясь человеческим природным эгоцентрическим инстинктам, следующие социалисты (их элитная часть) не стали исключением из общего правила. Современные «нежные революции» демонстрируют те же тенденции. Народ опять поверил и снова разочаровался.

Поэтому народ должен быть воспитан в трезвости, расчетливости и критичности к «революционным порывам» определенных политических групп, их лозунгам как внутри страны, так и за ее пределами. Потому что есть естественный ход истории, который преподносит уроки, которые людям свойственно забывать. Неслучайно несколько веков назад был выведен принцип «власть ограничивает власть». Современными сдерживающими факторами являются конституции, законы и народы в лице гражданского общества с точно определенной позицией к законности и трезвым расчетом по отношению к своим социально-экономическим и политическим правам и интересам. В данном контексте с государственно-правовой точки зрения настало время поставить под сомнение теорию (принцип) разделения властей в современных государствах, которая рассматривается как пагуба эффективного воздействия на сознание людей в условиях рыночной экономики.

Теория разделения властей — это, скорее, политическая и идеологическая категория, чем правовая. Анализ содержания теории, ее значения в государственном механизме посвящены многочисленные научные исследования не только на Западе, но и на Востоке. Предлагаемые исследования иногда весьма противоречивы по своему характеру концептуальной интерпретации. Противоречивость определяется с точки зрения того, каких классиков этого направления политической мысли берет за основу автор.

Так, опираясь на учение Дж. Локка, исследователи обязательно достигают абсолютизации законодательной власти над другими ветвями государственной власти. Используя теорию Ш. Монтескье, интерпретатор, не отрицая доминирующую роль законодательной власти в системе власти в государстве, однако, не абсолютизируя ее, акцентирует свое внимание на равновесии системы. Дж. Медисон и другие на примере Соединенных Штатов доказали, что полномочия, принадлежащие государственному институту, не должны прямо или косвенно принадлежать кому-либо другому и что всеобъемлющая прерогатива исполнительной власти, поддерживаемая наследственным законом, представляет собой угрозу свободе и независимости народа. Узурпация власти законодателями также является формой тирании [1, с. 331–332].

Различное прочтение также и по ряду других вопросов: о роли концепции разделения властей в современной государственной практике; об оптимальных отношениях между законодательной, исполнительной и судебной властью; проблемы национальной практики применения теории, возможности использования одних и тех же людей в разных органах власти и т. д. Различные взгляды и подходы к тео-

рии разделения властей сами по себе варьируют в диапазоне от безусловного принятия до полного отрицания. В этом отношении особенно показательны тексты конституций, которые не только провозглашают принцип в общем виде, но и делают его юридически обязательным. Например, в Конституции Республики Болгария (далее — КРБ) в ст. 8 объявляется, что государственная власть делится на законодательную, исполнительную и судебную, исполняется отдельно и независимо. Чтобы обеспечить финансовую независимость и, следовательно, свободу применять принцип, в ст. 56 (2) Конституции записано, что Народное собрание имеет свой собственный бюджет, то же самое относится и к судебной системе согласно ст. 3 Конституции (КРБ). В ст. 117 (1) КРБ еще раз подчеркивается, что судебная власть независима и подчиняется только законам и т. д.

Другие ученые-конституционисты пришли к выводу, что в жизни теория остается формальной, а практика ее применения часто противоречива или даже отрицательна. Э. Гресман отмечает, что в стремлении всех органов власти контролировать друг друга необходимый уровень разделения властей для эффективного управления вряд ли будет найден и задержится продолжительное время. Кроме того, он отмечает, что постановка вопроса о том, что законодательная власть осуществляется одним органом, исполнительная другим, а судебная третьим органом, является исторически неверной [2, с. 492]. К такой оценке автор приходит из-за функций, которые выполняются тремя властями в смежной зоне, что противоречит идеям теории и реальности. Существование «чистой» теории разделения властей не подтверждается реальной практикой государственно-правового строительства. Такой «формализованный» подход, по мнению ряда авторов, пагубен для оптимального взаимодействия различных органов власти.

Аналогичным образом суждения о «чистоте», вытекающей из неукоснительного выполнения своих функций каждым из органов власти, теории разделения властей также высказываются представителями судебных органов, особенно при рассмотрении дел в Конституционном суде на предмет конституционности (неконституционности) делегирования законодательных функций от одного государственного органа к другому. Именно в этих случаях суд выражает свое отношение к органам судебной власти, к теории и ее роли в государственном строительстве.

Опыт многих стран, эволюционирующих по собственной логике и в конкретных социально-политических условиях, свидетельствует о том, что использование разделения властей в качестве принципа конституционно-правовой доктрины не обязательно означает

его осуществление в политической жизни. Есть примеры, когда разделение полномочий происходит в режиме симуляции, направленном на получение политических (внешних и внутренних) и экономических дивидендов.

На протяжении существования теории разделения властей возникает вопрос: что в ней общего и особенного (национального)? В последние десятилетия ученые все чаще говорят о принципе, а не о теории разделения властей. Б. Зиган, американский исследователь, прямо указывает, что следует решить противоречивые вопросы, связанные с созданием такой государственно-правовой системы, которая, с одной стороны, была бы достаточно мощной, чтобы достичь своей цели, а с другой, не настолько всемогущей, чтобы угнетать общество и людей. Неограниченная власть, независимо от того, в чьих она руках, несет риск превращения в безудержную тиранию [3, с. 1]. Все чаще происходит разделение функций различных государственных органов.

Должны ли мы отказаться от теории (принципа) в государственной жизни? *Разделение властей в государствах (в том числе бывших социалистических) действует с большой пользой только в первые годы тех или иных реформ, т. е. в период реформирования с целью перераспределения властных компетенций.* Постепенно его эффективность снижается по тренду до самого низкого предела. Значит, нам нужно говорить об относительно динамичном состоянии государственности в течение определенного периода (в большинстве случаев кризисного) ее развития. Из-за этого разделение властей, скорее всего, является механизмом перераспределения власти среди новых участников, которые ранее не имели или имели ограниченный доступ к ним, нежели одним из обязательных элементов системы управления в любой период развития государства. Поддержание идеального состояния механизма практически невозможно по причинам, характерным для конкретных стран.

Национальная специфика, а также факторы, влияющие на процесс использования разделения властей в том или ином суверенном государстве, обусловлены его характерным развитием: состоянием государственного устройства, развитием экономики, психологией общества, тем, какие характеристики принципа имеют для него первостепенное значение, наличием определенной зависимости от внешней (международной) среды. Значение имеют форма управления (президентская, парламентская республика или монархия), форма государственного устройства (федеративная — в основном большая в странственном смысле страна или унитарное государство, обычно небольшое) и политический режим. В современных демократиче-

ских режимах, особенно в посттоталитарных странах, декларируется разделение властей, но эффективность его применения для развития демократических принципов публичной власти не всегда та, к которой они должны стремиться. Например, эффективность реализации этого элемента власти во многом определяется размером государства и возможностью обновления участников в государственно-властном процессе. Если в больших странах разделение властей может показать некоторую производительность для более демократического управления, в небольших странах результат еще ниже. Объяснением тому является относительно небольшое количество участников властных отношений из-за небольшого масштаба самого государства. По сути, одни и те же люди в течение длительных периодов времени участвуют в управлении государством, переходя из одной ветви власти в другую. Например, из формулировки п. 1 ст. 68 Конституции РФ видно, что депутаты не могут выполнять другую государственную службу, и, согласно п. 2 той же статьи, депутат, избранный министром, со временем прерывает свои полномочия, во время которого он является министром. Это означает, что вчерашний представитель законодательного органа может перейти к исполнительной власти, а завтра он присоединится к судебной власти или вернется в законодательный орган.

Но главная цель разделения властей на практике — предотвратить узурпацию всей государственной власти одним человеком или группой лиц, сохраняя целостность государственной структуры и всего общества. Если один человек может создать право, применить его и судить за его нарушение, то свобода не может долго существовать [4, с. 91]. Понимаю, что сразу же буду опровергнута, что последняя цитата имеет другое содержание, чем когда один и тот же человек в одно и то же время выполняет все три функции. Но разве присутствие во власти одного и того же человека в течение длительного времени и в разных ролях не есть форма узурпации этой власти? Только периодическая заменяемость новыми людьми с высокими профессиональными навыками и знаниями, организационными качествами есть способ противодействия узурпации и коррупции власти, а значит, и повышения эффективности государственного управления. Кроме того, будет решен вопрос обновления политических сил, участвующих в формировании государственных структур.

Разделение властей не может нарушать единство государственной власти с точки зрения ее целей и задач. В реальной действительности не существует независимой судебной или исполнительной власти отдельно от законодательной. Все три ветви власти решают одни

и те же задачи общества, только рассмотренные с разных точек зрения их компетенций в единой государственной организации. В идеале должно быть достигнуто такое состояние государственной власти, чтобы не было доминирования одной власти над другой и каждая из них имела свои механизмы воздействия на незаконные действия других властей. Более чем двадцатилетняя практика государственного строительства в постсоциалистических странах не очень большой срок, но он в какой-то степени достаточен, чтобы сделать вывод, что сегодня не существует практически ориентированной и эффективной модели разделения властей. На это указывает прежде всего способ формирования персонафицированного состава соответствующих институций. В качестве примера рассмотрим конституционную модель Болгарии:

- законодательная власть формируется населением посредством прямых выборов (ст. 64 КРБ);
- исполнительная власть, согласно ст. 84, пп. 6, 7, 8 Конституции РБ, избирается Народным собранием (избирает и освобождает министра-председателя и по его предложению — Совет министров; осуществляет изменения в составе правительства по предложению министра-председателя; создает, преобразует и закрывает министерства по предложению министра-председателя; избирает и освобождает руководителей Болгарского народного банка и других институций, определенных законом). Кроме того, согласно ст. 91 от КРБ Народное собрание избирает Счетную палату, которая осуществляет контроль за исполнением госбюджета;
- судебная власть персонафицируется Высшим судебным советом (ст. 130 КРБ), состоящим из 25 членов, одиннадцать из которых избираются Народным собранием и одиннадцать — судебными органами. В соответствии со ст. 129 п. 2 КРБ Председатель Верховного кассационного суда, Председатель Высшего административного суда и Главный прокурор назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Республики по предложению Высшего судебного совета сроком на семь лет без права переизбрания.

Вышеупомянутые конституционные процедуры устанавливают различные способы (от прямых выборов до вторичных выборов или назначений) по формированию органов власти и очевидное доминирование законодательного органа над двумя другими ветвями власти. Объявленная конституционными положениями принадлежность каждого из органов власти к автономному бюджету, возмож-

но, единственный признак некоторой независимости от Народного собрания, если не принимать во внимание, что бюджет вновь принимается им. Согласно Конституции Народное собрание обладает самым широким арсеналом сдерживающих механизмов исполнительной и судебной власти. Возникает вопрос: каково содержание разделения властей и существует ли оно вообще?

В то же время бесконечная «война» институтов за превосходство также не создаст государственно-правового комфорта и экономического благополучия для страны. Голосование по внешним признакам за кандидата во время выборов в соответствующие государственные структуры другим членам общества не принесет больше свободы и материального благополучия и не компенсирует непрофессиональное управление страной, независимо от того, из какой ветви власти оно проистекает.

Библиографический список

1. А. Гамильтон, Дж. Медисон, Дж. Джей. Федералист. Политические эссе. М., 1993.
2. Gressman E. Separation of Powers: The Third Circuit Dimention // Seton Hall Law Review. 1989. № 3.
3. Siegan B. Separations of Powers and Other Divisions of Authority under the Constitution // Suffolk University Law Review. 1989. № 1.
4. Fitzgerald J. Congress and Separation of Powers. N.-Y., 1986.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

СТАДИИ И УРОВНИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

В социологическую науку термин «напряженность» пришел из естествознания и прежде всего — из физики. Несмотря на кажущуюся простоту, есть основание полагать, что речь идет о мало изученном до сих пор социальном феномене, который имеет свой собственный механизм возникновения, развития, объективные и субъективные факторы, предпосылки и определенные причины, действующие по-разному в каждом конкретном случае. Содержание социальной напряженности осмысливается в социологической, психологической и конфликтологической научной литературе, как правило, в связи с такими явлениями, как социальная дезинтеграция, отсутствие солидарности у личностей и групп, девиация, утрата ста-

бильности в обществе, аномия, депривация, фрустрация, классовая борьба, межнациональные конфликты и др. [1, с. 68].

Социальная напряженность — особое состояние общественной жизни, при котором возникают и быстро развиваются социально значимые противоречия (объективного и субъективного характера) в отношениях, интересах, действиях индивидов, социальных групп, социальных институтов и общества в целом. Она присуща всем социальным системам, имеет свое прошлое, настоящее и будущее. Социальная напряженность не только является сигналом о кризисном состоянии социальной системы, о нарушении нормального функционирования ее структур и элементов, но и отражает определенное социально-психологическое состояние индивидов и социальных групп. Данный феномен характеризуется усилением противоположных тенденций, потребностей и целей социальных общностей и индивидов, сопровождается ростом недовольства, негативными настроениями, разрывом прежних социальных связей. Социальная напряженность является предшественником конфликтности, когда кризисные явления в обществе еще не наступили и не оформились все противостоящие стороны. Социальная напряженность может проявляться как общее недовольство населения сложившейся ситуацией, в форме негативных настроений, разнообразных акций протеста, конфликтных намерений и т. п. В подавляющем большинстве существующих работ по проблематике социальной напряженности она рассматривается авторами только как достаточно деструктивный социальный феномен, вносящий негативные структурно-функциональные изменения в жизнедеятельность общества [2; 3; 4].

Социальная напряженность ведет к вполне конкретным действиям людей — ажиотажный спрос на определенные товары и продукты питания; миграция населения в другие регионы страны и за рубеж; активизация различных общественных движений; проведение митингов, демонстраций, других акций социального протеста, часто не согласованных с властями и др.

Определенный уровень социальной напряженности свойствен любому обществу и всегда сопровождает его. Высокая социальная напряженность в регионе возникает и продолжается в течение более или менее продолжительного времени. Напряженность может быть вызвана не только стремлением социальных субъектов достичь каких-либо целей, но и разного рода ошибками или некомпетентностью властных структур. Нормальное состояние может измениться из-за воздействия на социум неподконтрольных человеку факторов: техногенных катастроф, истощения природных ресурсов региона, наводнений, земле-

трясений и т. д. На уровень социальной напряженности воздействует информация, например, местных СМИ, вызывающая обострение ситуации. Социальная напряженность также связана с активностью различных общественно-политических сил в борьбе за власть, с деятельностью разного рода экстремистских и террористических группировок, криминальных структур и т. д. Главная предпосылка возникновения социальной напряженности — это устойчивая, длительное время присутствующая ситуация наличия социально значимого противоречия в интересах социальных субъектов, разрыв между ожиданиями значительной части населения региона и мерой их фактического удовлетворения, приводящие к усилению недовольства отдельных социальных групп и категорий граждан, нарастанию социально-психической усталости и раздражительности большинства населения региона.

Изучение механизмов возникновения и развития социальной напряженности, форм ее проявления во взаимосвязи с феноменом конфликтности позволило автору выделить следующие стадии, уровни и соответствующие им характеристики развития напряженности в обществе:

1. Латентная стадия социальной напряженности (фоновый уровень напряженности), характеризующаяся относительной сбалансированностью социальной ситуации в обществе, а также соответствия ожиданий и реальности в представлениях большинства социальных субъектов. Формы проявления социальной напряженности в латентной стадии носят «скрытый» характер. При опросе респондентов это выражается в положительной или нейтральной оценке сложившейся в социуме ситуации, условий их жизнедеятельности. Однако это не означает полного отсутствия в обществе недовольных, социальных проблем и конфликтов. Конфликты могут находиться в латентной стадии своего развития, но их существование и необходимость диагностики развития событий в социуме являются не менее актуальными, чем на любой другой стадии социальной напряженности.

2. Начальная стадия социальной напряженности (повышенный уровень напряженности), для которой свойственно появление в обществе несоответствия между предпочтениями, ожиданиями, потребностями и реальным уровнем жизни членов социума. Общественное сознание оценивает сложившуюся в обществе ситуацию как сложную и неоднозначную, что вызывает определенное недовольство некоторых социальных субъектов. Формы проявления социальной напряженности на этой стадии — возрастает недовольство населения региона ситуаций, появляется осознание им потенциальных угроз важным интересам и потребностям, растет недоверие властям, появляются при-

знаки готовности протестовать против негативных явлений в обществе. На этой стадии уже возможно проведение мирных санкционированных властями пикетов, митингов, демонстраций различными социальными группами населения с выдвижением конкретных требований, возникновение зон нестабильности в социальной системе.

3. Пиковая стадия социальной напряженности (высокий уровень напряженности) характеризуется ростом неудовлетворенности сложившимся социально-экономическим и общественно-политическим положением, осознанием ситуации, реально угрожающей интересам социального субъекта. Формы проявления социальной напряженности на данной стадии — доминирует представление о ненормальности существующей в обществе обстановки, формирование «образа врага», проведение многочисленных акций протеста, санкционированных (в отдельных случаях и несанкционированных) митингов, забастовок, голодовок и т. п.

4. Стадия конфликтности социальных субъектов (критический уровень социальной напряженности). Характеризуется осознанием большинством социальных субъектов (слоев, больших социальных групп, национальных общностей и т. п.) кардинального несоответствия сложившейся в обществе ситуации их ценностям и интересам, появлением готовности устранить данное несоответствие путем социального конфликта. Формы проявления социальной напряженности на этой стадии — предпринимаются целенаправленные действия в виде несанкционированных митингов, забастовок, блокировок, не всегда имеющих мирный характер и ведущих к беспорядкам и нестабильности в социуме. Возможны многочисленные и массовые столкновения отдельных личностей. В случае превышения критического уровня социальной напряженности регулятивные механизмы социальной системы не могут справиться с задачей поддержания сложившегося баланса отношений между социальными субъектами, что приводит к трансформации всего общества. При этом социальные субъекты, которые выбрали в качестве средства разрешения противоречий социальный конфликт, становятся инициаторами данных трансформаций. Достигшая такого уровня социальная напряженность имеет деструктивные функции, так как формы ее проявления ведут к социальным беспорядкам и нестабильности в обществе, возникновению угроз безопасности, здоровью и жизни людей.

Определенный уровень социальной напряженности оказывается необходимым для изменения социальной системы. С этой точки зрения социальная напряженность в определенных параметрах есть не что иное, как тонус для общества. Поэтому социальную напряжен-

ность не следует рассматривать только как однозначно негативное явление общественной жизни. В случае изменения социальной ситуации возможно снижение социальной напряженности до фонового уровня, минуя стадию конфликтности. Фоновый уровень напряженности призван стимулировать социальные группы к изменениям в качестве их жизни. Следовательно, задача специалистов должна состоять не в ликвидации социальной напряженности, а в управлении ее проявлениями, в которых она будет работать на конструктивные изменения социальной системы, выражающиеся в социальной активности субъектов в направлении поиска конструктивного выхода из кризисной ситуации.

Библиографический список

1. Киселев В. И. Социальная напряженность как социально-философская категория // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 160.
2. Хаджалова Х. М. Социальная напряженность в обществе: региональный аспект // Вопросы структуризации экономики. 2008. № 2.
3. Ильин В. А., Гулин К. А. Социальная напряженность в регионе: причины и тенденции // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2006. № 3 (34).
4. Якимец В. Н., Никовская Л. И. Сложносоставные конфликты — атрибут трансформации общества // Социологические исследования. 2005. № 8.

Е. А. Попов, А. Х. Бугазов (Барнаул, Кыргызстан)

ОБРАЗОВАННОСТЬ КАК ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ КОМПЛЕКС ЧЕЛОВЕКА

Исследованию проблем образования в современной социологической науке уделяется повышенное внимание, поскольку данный социальный институт затрагивает все слои и группы населения, оказывает влияние на разностороннее совершенствование человека. Как известно, в системе социальных и гуманитарных наук на протяжении длительного времени существуют и активно развиваются самостоятельные отрасли знания, изучающие образование во всех его аспектах — от онтологического до институционального. В этом ряду не последнее место занимает социология образования, которая сосредоточена прежде всего на исследовании соответствующего социального института. Действительно, в границах социологического интере-

са к образованию лежат насущные проблемы, затрагивающие и общество в целом, и каждого человека в отдельности. При этом социология сформировала свой «прицельный» взгляд на образование, позволяющий существенным образом изменить или поколебать имеющиеся оценки и представления о данном феномене, или же точнее — социальном институте.

Между тем основной вопрос, который могут и должны решить социологи, связан с дифференциацией образования и образованности. Тот факт, что эти феномены или явления тесно связаны между собой, не вызывает сомнений; вместе с тем их разграничение необходимо, поскольку это определит круг первоочередных задач, стоящих перед исследователями, которые обращаются к изучению образования.

Но всегда ли социолог верно определяет свой объект изучения: осознает ли он, что рассматривает образование как социальный институт или образованность как состояние личности или ценностно-смысловой комплекс? И в первом, и во втором случае цель и задачи такого социологического исследования могут быть различными и не совпадающими друг с другом, а значит, и результаты также могут заметно различаться. Более того, в русле исследования образования и в аспекте изучения образованности социолог должен обращать внимание на проблематизацию того объекта, с которым ему предстоит работать, и, таким образом, выделять соответствующий эмпирический инструментарий. Очевидно, что «для социологической дисциплины <...> взгляд на соотношение индивидуального и социального начал в человеческом мире имеет принципиальное значение» [1, с. 17], а следовательно, институциональный и человекоцентричный путь в постижении изучаемого объекта и дополняют друг друга, и в то же время имеют важные отличия.

В изучении образовательных общностей на первый план выдвигается проблема социального взаимодействия субъектов образовательной среды. При этом внимание социологов может быть сосредоточено на выявлении особенностей качества и уровня образования, анализа образовательной среды на предмет ее доступности, наличия или отсутствия возможностей для ее расширения, вовлеченности в нее людей всех возрастных категорий и т. д. Хотя, как полагают А. М. Осипов и В. А. Иванова, «некоторые функции образования могут не восприниматься общественным сознанием, тогда по ним не возникает социального заказа, и они не переводятся в плоскость задач школы. Но доминирующие социальные группы и организации могут усиливать внимание к некоторым функциям, добиваясь их перевода в статус публичных задач образования. Значит, реализация

функций опосредована социальной структурой, идеологией данного общества и его доминантных групп в экономике, политике, социальном развитии и культуре» [2, с. 121].

Конечно, социологу предстоит не просто констатировать то или иное состояние сферы образования в целом или каких-либо его субъектов в частности, но и отразить полномасштабную картину развития всей системы образования. Безусловно, важное значение приобретает и выявление особенностей реализации государственной политики в сфере образования, причем как на общероссийском уровне, так и в регионах. В данном случае это не только вопрос политического или даже идеологического характера, который попадает в поле зрения, например, политологов или чиновников, но и вопрос акцентированно социальный, а значит, должен активно исследоваться социологами. И если проблематика регионального плана в сфере образования довольно популярна у социологов, то все же обобщений по поводу состояния данной сферы во всей стране явно недостаточно. По понятной причине такая работа потребовала бы значительных усилий социологов из всех регионов России, перед которыми была бы поставлена единая цель, а кроме того, появилась бы необходимость создания «мозгового центра», способного проанализировать и обобщить полученные региональные измерения. Тем не менее исследования такого уровня крайне важны; их должно быть и не много, и не мало, однако главная их цель — описать состояние всей системы образования и всей образовательной среды, а также дать оценку эффективности реализации политики в этой сфере.

В институциональном аспекте изучение образования имеет устоявшуюся традицию и не вызывает особых противоречий. Вместе с тем такой подход нуждается в некотором расширении: сегодня наиболее актуальным вопросом, пожалуй, следует признать вопрос о включенности системы образования в обеспечение социальной безопасности человека, общества и государства в целом. В этом аспекте образование становится особым объектом для изучения как в теоретическом плане, так и в эмпирическом. И если, например, качество образования рассматривается как один из главных показателей, свидетельствующих о том или ином состоянии образования, то роль образования в обеспечении социальной безопасности должна оцениваться уже с точки зрения государственности и государства как политико-правовой организации общества. И в этой связи у социолога появляется возможность несколько отойти от традиционного направления исследований, связанных с измерениями качества образования, и обратить внимание на то, как повышается значимость

образования как социального института в системе обеспечения безопасности человека и общества. Очевидно, что в данном контексте перед социологом должны стоять другие задачи, направленные в том числе и на изменение самого подхода к концептуальному осмыслению образования. И если, допустим, в оценках качества образования или системы управления образованием могут быть, к примеру, учтены «стратагемы, пригодные для планирования управления образовательным процессом» [3, с. 17–20], то в аспекте обеспечения безопасности на первое место выдвигаются такие показатели, как доступность образования, повышение эффективности образования в воспитании гражданственности и патриотизма, уменьшение конфликтности в образовательной среде и т. д.

Образование, конечно же, является мощной силой для консолидации любого общества, именно поэтому многократно возрастает его роль в достижении безопасности человека и общества. Какие же наиболее актуальные проблемы необходимо решить социологу, если он принимает позицию концептуализации образования как фактора обеспечения социальной безопасности? Здесь появляется соблазн уклониться в сторону оценки международных событий, которые серьезно повлияли на систему обеспечения безопасности в стране и на систему образования тоже. Однако эвристическую ценность все же будут иметь такие социологические исследования, которые сосредоточатся на выявлении, например, рисков, способных привести к социальной напряженности в силу того, что система образования испытывает серьезные сложности и уже не может, как прежде, выполнять свои функции в полном объеме или выполняет их неэффективно. Далее мы рассмотрим некоторые из проблем системы образования, способствующих повышению или же снижению рисков в обеспечении социальной безопасности.

Риски угроз социальной безопасности увеличиваются и в том случае, если в системе образования проявляются конфликты, возникающие на этнонациональной или религиозной почве, а также в результате недостаточного внимания к нравственному и культурному воспитанию обучающихся. Как известно, в последнее время участились случаи чрезвычайных ситуаций в школах, связанные с использованием оружия и совершением преступлений против несовершеннолетних, а в российских вузах все чаще обучаются студенты из разных государств, и всей системе образования приходится «перенастраиваться» с учетом этих особенностей и специфики диалога культур. Очевидно, что сохранение гуманистического профиля образования способно минимизировать возможные последствия конфликтов и про-

тиворечий в образовательной среде, вызванных сложными этнонациональными отношениями.

Образованность — это *ценностно-смысловой комплекс* человека, в котором особое место занимают ценности достижения результата: профессиональная самоидентификация, перспективность жизни и ее уровень, планирование человеческого капитала и т. д. При этом «особенность человеческого капитала заключается в том, что, для того чтобы он эффективно «работал» на рынке труда или в сфере общественного признания, т. е. мог быть успешно конвертирован в экономический и другие виды капитала, он должен постоянно приумножаться: человек должен непрерывно учиться и самосовершенствоваться, вкладывая в накопление человеческого капитала свое время, материальные средства и интеллектуальные усилия» [4, с. 239]. В сочетании же с важными для повседневной жизни человека популярными концептами, такими как «жизненные задачи («жить своей жизнью», «выглядеть привлекательно» и т. д.), личные стремления (то, что человек обычно пытается делать)» [5, с. 13–14], образованность становится фактически ключевой ценностью, определяющей и повседневный мир человека, и его социальные притязания, и планы на будущее.

В понимании образованности социологу необходимо исходить из того, что человек живет в безграничном мире смыслов, за каждым из которых закрепляется определенная ценность или даже их совокупность. Образованность как раз представляет собой погружение в систему ценностей, но при этом человек должен осознавать, какие из них для него в наибольшей степени значимы, какие могут оказаться второстепенными и т. д. Возникает, по сути, отношение человека с социальной реальностью на ценностной основе. Конечно, как полагают некоторые исследователи, «отношения в отличие от их субъектов нельзя непосредственно потрогать руками, но именно они во многих случаях определяют поведение и деятельность людей, более или менее независимо от их индивидуальных намерений, либо же — благодаря тому, что подобные намерения, потребности, импульсы, мотивы, устремления сами оказываются «интернализированным» продуктом и следствием конфигурации конкретных социальных условий и обстоятельств» [1, с. 20]. Так вот, образованность отвечает в полной мере этим конфигурациям и прочно фиксирует человека в социальной реальности.

С точки зрения возможностей эмпирического исследования образованности в социологии возникают некоторые сложности. Науке уже известны попытки формализовать ценностно-смысловые ком-

плексы человека, например, интеллигентность — через выведенную математическим способом формулу интеллигентности с учетом «интеллектуальной постоянной», «этической переменной» и «коэффициента исторического времени» [6, с. 64]. Имеется опыт разработки индекса человеческого достоинства, прежде всего в нравственном аспекте [7]. По-видимому, имеет смысл поставить перед социологами задачу вывести некую *формулу образованности*, в которой были бы учтены самые разные составляющие и которая позволяла бы определенно сказать, присуща ли образованность каждому отдельному человеку и в какой мере, каждой социальной группе, обществу и в конечном итоге человечеству. Сложность заключается в том, что исследователям придется соотносить разные системы ценностей и разные эпохи и времена, различные социокультурные факторы и механизмы, способствующие формированию образованности. Кроме того, важно не забыть и о том, что образованность как ценностно-смысловой комплекс является продолжением образования как социального института.

Таким образом, при исследовании в рамках социологии образования ее основных объектов — собственно социального института образования и образованности как ценностно-смыслового комплекса человека — необходимо не только обозначать и решать проблемы качества образования и управления в данной отрасли социальных отношений, но и обращаться к изучению духовной безопасности человека и общества, а также ценностей и норм, которые свидетельствуют о формировании образованности.

Библиографический список

1. Подвойский Д. Г. Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности // Социологические исследования. 2016. № 11.
2. Осипов А. М., Иванова В. А. Институциональные функции — «пороговая» проблема современной социологии образования // Социологические исследования. 2016. № 1.
3. Крушинский А. А., Яковлев И. Г. Отечественная высшая школа: стратегемы планирования управления // Социология образования. 2017. № 6.
4. Васильев В. П., Деханова Н. Г. Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования // Вестник Моск. ун-та. Серия 18 : Социология и политология. 2017. № 3.
5. Иванченко Г. В. Самоопределение личности как открытый проект // Человек. 2005. № 3.

6. Соколов А. В. Формула интеллигентности // Вопросы философии. 2005. № 5.

7. Краснов М. А., Краснов П. М. К разработке Индекса охраны человеческого достоинства // Общественные науки и современность. 2011. № 6.

Е. В. Пустовалова (Барнаул)

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СОЦИОЛОГА

В современном образовательном процессе значительное внимание уделяется формированию целого комплекса различных умений и навыков. Немаловажную роль здесь занимает обеспечение оптимального развития социального мышления студента. Социальное мышление будем понимать как индивидуальное мышление отдельной личности по отношению к социальной реальности, связанное с его системой ценностей, социальных оценок и самооценки, самоидентификации человека как части общества.

Стандартизация образовательных моделей предполагает поэтапное освоение профессиональных компетенций и совершенствование личностных качеств студента в контексте будущей специальности. Подготовка социолога регламентирована федеральным образовательным стандартом, в рамках которого предложен комплекс компетенций, служащих ориентиром для организации учебного процесса. Группы общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций включают в себя в том числе развитие у будущего специалиста социального мышления. Это развитие ряда способностей, направленных на:

- формирование мировоззренческой позиции для успешного межкультурного взаимодействия (ОК-1, 2, 5);
- эффективный анализ социально значимых проблем и процессов (ОПК-3);
- использование социологических методов исследования для изучения актуальных социальных проблем, идентификации потребностей и интересов социальных групп, разработки предложений и рекомендаций по решению социальных проблем, по согласованию интересов социальных групп и общностей (ПК-11, 12).

Формирование теоретико-методологического ядра подготовки социологов происходит на организационно-управленческом уровне при составлении учебных планов по направлению. Создается стратегия обучения специалистов, которая служит ориентиром для коллектива преподавателей, привлеченных к ее реализации.

Вместе с тем немаловажную роль играет индивидуальная профессиональная деятельность преподавателя по развитию социального мышления студентов. Современные достижения в методике вузовского преподавания предоставляют широкий спектр возможностей для решения такой задачи [1, с. 145–150]. Например, использование методов контекстного обучения при организации практических занятий.

Контекстное обучение предполагает включение студентов в систему профессиональных отношений и связей через создание игровой модели, имитирующей реальный процесс профессиональной или иной деятельности. Кроме того, что в этой модели формируются и закрепляются специальные навыки, у преподавателя есть возможность принимать значительное участие в развитии социального мышления как такового [2]. Применительно к обучению социологов такое воздействие возможно и при освоении профессиональных компетенций. Решая профессиональные задачи, студент оказывается участником всего комплекса общественных взаимодействий, сопутствующих профессиональной деятельности социолога, что, безусловно, оказывает влияние на эволюцию его отношения к социальной реальности, системе ценностей, а также его самоидентификацию как личности и специалиста. Наиболее разработанными являются такие формы организации практических занятий, как деловая игра и тренинг.

Однако следует отметить, что значительную роль в развитии социального мышления могут играть лекционные занятия как академического, так и интерактивного типа. В рамках академической лекции преподаватель может через приводимые примеры, описание ситуаций, вторичный анализ результатов социологических исследований по изучаемой проблеме стимулировать индивидуальное мышление будущего социолога, обогащая при этом его систему ценностей. Интерактивные приемы организации лекционного занятия позволяют усилить воздействие на мышление, память и даже нравственные принципы обучаемого, достигая тех же целей, что и в пределах академического занятия, но чаще всего с большей эффективностью. Такие формы, как лекция-презентация, проблемная лекция или «лекция вдвоем», позволяют расширить спектр возможностей преподавателя по развитию социального мышления студентов.

Следует также отметить, что формирование и развитие социального мышления необходимо для укрепления самостоятельной жизненной позиции будущего социолога, осмысления стратегии его существования в социуме, личностного и профессионального роста. Развить социальное мышление — это значит научиться адекватно взаимодействовать с отдельными людьми и различными социальными группами как в личном плане, так и при решении профессиональных задач. Это также умение решать возникающие в жизни проблемы и преодолевать социально обусловленные трудности.

Для успешной профессиональной деятельности будущему социологу чрезвычайно важно обладать развитым социальным мышлением. Оно помогает уже на этапе проектирования социологического исследования формировать адекватную программу, четко понимая его цель и задачи, выдвигая перспективные гипотезы, и прогнозировать получение объективных результатов. Интерпретация полученных результатов проведенного исследования также требует зрелого социального мышления [3, с. 318–321]. Развитие социального мышления, таким образом, должно присутствовать как неотъемлемая часть теоретического наполнения смыслового содержания лекционных материалов и в организации практических занятий.

Таким образом, в системе современного вузовского образования при подготовке социологов одной из важнейших задач является формирование и развитие социального мышления. Успешная реализация такой задачи позволит выпускнику не только эффективно применять полученные навыки в своей профессиональной деятельности, но и органично сосуществовать в системе все усложняющихся социальных отношений современного общества.

Библиографический список

1. Черепанова М. И. Условия мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности // Социальные практики современной молодежи: поиск новых идентичностей : матер. Всерос. науч.-практ. конфер. с междунар. участием. Барнаул, 2009.

2. Вербицкий А. А. Компетентный подход и теория контекстного обучения. М., 2004.

3. Артюхина В. А. Методика и методы социологического исследования социальных протестов // I Ростовские чтения «Современные вызовы региональному социуму: конфликтность и потенциал стабильности» : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конфер. Барнаул, 2018.

А. В. Радонова (Барнаул)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В современных условиях развития российского общества процесс перевода экономики на рыночные методы хозяйствования является актуальным. Однако с точки зрения общей цели происходящих изменений перевод подчинен усилению социальной направленности общественного производства. Важный вклад в реализацию этой задачи вносит социальная сфера, которая создает реальные возможности для удовлетворения потребностей населения конкретного региона и способствует постепенному подъему уровня жизни.

Имеющаяся территориальная специфика производства, проявляющаяся в существовании экономических регионов разного уровня, оказывает немалое влияние на социальную сферу. В совокупности внутрирегиональных различий в уровне развития социальной сферы особое место занимают различия между городом и селом. Преимущественно это необоснованные различия, ведущие к заметному отставанию в уровне и качестве удовлетворения потребностей сельского населения по сравнению с уже достигнутым уровнем оказания услуг жителям города. Последствием таких различий являются нежелательные процессы (миграция сельского населения в город, потери рабочего времени в связи с плохим обслуживанием сельских жителей или отсутствием ряда услуг, низкий уровень культуры, большие затраты времени на ведение домашнего хозяйства и т. п.) в экономической и социальной сферах аграрного сектора [1, с. 64].

Следовательно, перед российским обществом в качестве неотложной стоит задача ликвидации необоснованных различий в уровне развития социальной сферы города и деревни. При этом с учетом особенностей аграрного сектора для решения этой задачи требуется длительное вложение бюджетных финансовых средств в развитие социальной сферы села. Выделяемые для аграрного сектора средства должны использоваться прежде всего на развитие производственной и социальной инфраструктуры. Только таким образом можно достичь максимального экономического и социального эффекта в выравнивании уровня социального развития города и деревни [2, с. 91].

Специфика деятельности занятых в ней работников и общая направленность социальной сферы ведут к тому, что отдельные виды деятельности данной сферы частично или полностью выпадают из системы рыночной организации производства и образуют нерыноч-

ный сектор. Необходимость существования нерыночного сектора обуславливается рядом причин, имеющих как экономическую, так и социальную природу. Первое связано с тем, что рынок не способен решить проблему воспроизводства и качества рабочей силы. Те звенья социальной сферы, которые призваны обеспечивать формирование общеобразовательной и профессиональной подготовки работника, могут успешно функционировать только преимущественно на нерыночных основах организации. Что касается причин, с социальной стороны обуславливающих необходимость существования нерыночного сектора, то они связаны с тем, что развитие личности, формирование ее культуры, обеспечение здорового образа жизни и т. п. нельзя полностью замкнуть на платежеспособном спросе населения. Целый ряд услуг социальной сферы, даже в жестких условиях становления рынка и неизбежных при этом потерь в уровне жизни населения, должен предоставляться на бесплатной основе [3, с. 78].

Наличие нерыночного сектора в социальной сфере не отрицает необходимости организации деятельности на платной основе. Анализ показывает, что функционирование части организаций социальной сферы на основе самокупаемости имеет больший экономический и социальный эффект при удовлетворении потребностей населения. Однако процесс предоставления части социальных услуг на платной основе требует определенного контроля со стороны компетентных государственных органов. Необходимость такого контроля обусловлена тем, что рыночный сектор социальной сферы становится базой для развития новых форм хозяйствования, характеризующихся высокой степенью экономической самостоятельности непосредственно хозяйствующих субъектов с возможным при этом возникновением противоречий в интересах. Отсюда следует необходимость постоянного согласования интересов хозяйствующих субъектов и интересов всего народонаселения региона [4, с. 52].

Становление рыночных отношений в Российской Федерации происходит в процессе глубокого преобразования отношений собственности. Этот чрезвычайно сложный процесс, нашедший свое наиболее полное выражение в таких явлениях, как разгосударствление и приватизация, охватил все сферы экономики. Будучи однообразным по своему содержанию, он, тем не менее, имеет в социальной сфере свои особенности. Они связаны с динамикой данного процесса, его формами, их сочетанием, наличием особых условий, отсутствующих в сфере материального производства, и т. д. Все эти особенности следует учитывать при осуществлении разгосударствления и приватизации в социальной сфере, поскольку процесс кардинального из-

менения отношений собственности существенно затрагивает интересы всего общества.

В этих условиях достижение социальной справедливости и предотвращение имущественного расслоения населения требует учета двух основных проблем. Одна из них связана с недобросовестным подходом к оценке рыночной стоимости приватизируемых объектов социальной сферы со стороны некоторых специализированных компаний. Вторая проблема связана с тем, что разгосударствление и приватизация в условиях не всегда должной согласованности протекания этих процессов в различных отраслях может вызвать ухудшение материального положения жителей. Так, например, в процессе приватизации жилья угроза возникновения такой ситуации вполне реальна в случае роста цен и тарифов на услуги, связанные с обслуживанием жилья, перешедшего в личную собственность граждан. Разрешение этой проблемы видится в подборе устойчивых источников целевого финансирования убытков коммунального хозяйства. С этой целью представляется целесообразным установление для всех организаций региона соответствующих отчислений в бюджет. При этом они должны быть связаны в своих размерах с численностью работников каждого конкретного предприятия и учитывать возможные изменения общих условий функционирования объектов социальной сферы (например, изменение оптовых цен и соответствующих затрат коммунального хозяйства) [5, с. 23].

Таким образом, новые принципы организации экономики Российской Федерации требуют коренных изменений в механизме воспроизводства рабочей силы и значительного роста масштабов и качества деятельности, направленной на непосредственное удовлетворение потребностей каждого индивида и общества в целом. Следовательно, необходимость ускоренного развития данной сферы является объективной, а достижение этого становится одной из реальных предпосылок коренных преобразований в экономике и повышения на этой основе уровня жизни россиян.

Библиографический список

1. Радонова А. В. Социальная политика Российской Федерации в 1990-е гг. (на материалах юга Западной Сибири) : монография. Барнаул, 2014.
2. Пушкарев В. М. Социальные проблемы развития региона. Новосибирск, 1988.
3. Радонова А. В. Социальная политика Алтайского края в конце XX в. : монография. Саарбрюккен, 2012.

4. Ржаницына Л. С. Доходы: уровень, дифференциация, гарантии. М., 1991.

5. Радонова А. В. Экономические показатели развития производительных сил Алтайского края в первой половине 90-х гг. XX в. // Экономика и управление. 2018. № 6.

Н. Н. Романова (Барнаул)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МИГРАНТАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мигрант, приезжая в Россию, сталкивается с определенными трудностями на новом месте, и ему необходимо оказать социальную поддержку со стороны государства и общества, связанную с проживанием, трудоустройством, а также адаптацией в обществе, что в настоящий момент является актуальным и требует правового регулирования. Следует предоставить также условия, при которых любой мигрант мог бы спокойно взаимодействовать с социальным окружением, добиться права на постоянное жилье и трудоустройство. Работа с категорией мигрантов выстраивается на основе указов и законов, регулирующих работу с мигрантами в РФ и направленных на улучшение их социального положения, однако не всегда эффективно реализуется на практике.

Правовое регулирование в миграционном законодательстве является необходимым условием социальной поддержки и защиты интересов как самих мигрантов, так и принимающей стороны государства, в котором находится мигрант. С момента становления и дальнейшего развития миграционного законодательства не сложилось четкого понятийного аппарата, который бы закреплял положение мигрантов, это связано с постоянными перемещениями мигрантов, невозможностями качественно отслеживать количество приехавших и уехавших граждан. В основном многие определения толкуют миграцию как определенный процесс перемещения населения, а мигранта — как лицо, осуществляющее это перемещение.

У многих отечественных авторов было свое представление о понятии «миграция», и они пытались охарактеризовать категории мигрантов. Так, например, в Словаре терминов Юдиной дается такое определение понятия мигранта: «Мигрант (от лат. *migrantis* — переселяющийся) — лицо, совершающее миграцию, т. е. пересекающее

границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на более или менее длительное время. Выделяются также несколько видов миграции: миграция экологическая и экономическая. Экологическая связана с неблагоприятным климатом в стране, или определенными загрязнениями, радиациями, мешающими нормальной жизнедеятельности граждан; а также экономическая — добровольная, чаще всего возвратная, миграция, в основе которой лежат экономические мотивы» [1, с. 123].

Социальный работник должен рассматривать миграцию населения «как столкновение самих мигрантов с новой социальной для них средой, отклонения от нормы (дезадаптация, дезинтеграция, девиация). Необходимо находить способы, позволяющие эти отклонения компенсировать, корректировать с помощью разных методов работы как с самими мигрантами, так и с принимающим населением». Следовательно, мигрантов надлежит рассматривать как «субъектов, которым необходима социальная помощь в адаптации и интеграции» [1, с. 6].

В работе Акмоловой описана деятельность социальных работников, которая должна применяться по отношению к мигрантам: «социальные работники помогают в сложной жизненной ситуации, смягчают состояние дезадаптированности мигрантов, поддерживают социальную солидарность, снимают на персональном и групповом уровне социальную напряженность, облегчают поиск персональной, групповой и национально-государственной идентичности» [1, с. 19].

В обязанности социального работника входит помощь мигранту поддерживать и восстанавливать утерянную идентичность человека, меняющего территорию, окружающую среду, соседей, а часто также культуру, профессию. Это может быть помощь в трудоустройстве, обучении, получении гражданства, обретении жилья на новом месте, получении социальных льгот и оказание социальных услуг в социальных центрах занятости, а также оказание государственной помощи и т. д.

Существуют различные общественные организации, а также государственные учреждения, занимающиеся проблемами мигрантов и оказанием им социальной поддержки в различных отраслях, таких как консультирование, право, здравоохранение, образование, психология, СМИ.

Одним из самых главных учреждений, занимающихся вопросами миграции населения, является Федеральная миграционная служба (ФМС России). 5 апреля 2016 г. ФМС упразднили и отдали в распоряжении ГУ МВД. В каждом районе существует свой отдел миграции

под названием ФГУП ПВС (Паспортно-визовый стол), или ФГУП ЕМЦ (Единый миграционный центр) — в каждом городе России.

Деятельность этих организаций направлена на адаптацию и интеграцию мигрантов на территории РФ, оказание услуг в предоставлении разрешений на работу и патентов на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства, разрешение на временное проживание, получение ими гражданства и т. д.

В России также действует Международная организация по миграции (МОМ), которая была создана в 1951 г., деятельность МОМ направлена на «упорядочение и гуманизацию мер регулирования миграции, развитие международного сотрудничества в сфере миграции, оказание помощи в поиске практических решений проблем миграции и предоставление гуманитарной помощи нуждающимся в ней мигрантам, в том числе беженцам и внутренним переселенцам» [2].

Отношение федеральных и городских властей к проблемам мигрантов на протяжении последних двадцати лет менялось от частичного признания необходимости оказывать государственную помощь мигрантам к фактическому отказу от решения их проблем.

Комитет «Гражданское содействие» с самого начала взял на себя консультативную правовую помощь, общественную защиту в судах, содействие в налаживании отношений с официальными структурами вынужденных мигрантов, защиту их прав на жилье, работу, медицинское обслуживание, образование [3].

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими процессы вынужденной миграции, являются:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Закон РФ «О вынужденных переселенцах» от 19 февраля 1993 г. № 4530 (в редакции Федерального закона от 20 декабря 1995 г. № 202-ФЗ, с изменениями на 30 декабря 2015 г.).
3. Закон «О беженцах» (в редакции Федерального закона от 28 июня 1997 г. № 95-ФЗ).
4. Федеральный закон Российской Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».
5. Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».
6. Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

7. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Эти законы в значительной степени обеспечили законодательную реализацию целого ряда задач в регулировании миграционных отношений. Данные нормативно-правовые акты могут быть полезны социальному работнику в целях информированности, консультирования и оказания социальной поддержки мигрантам в различных отраслях жизнедеятельности.

Таким образом, нами был произведен теоретический анализ понятия «мигрант» и «социальная работа с мигрантами», выделены виды миграции, рассмотрены государственные учреждения и общественные организации, оказывающие государственную помощь и поддержку мигрантам в различных отраслях, а также сделан вывод, что такая социальная работа с мигрантами является слабо разработанным направлением и недостаточно эффективно реализуется на практике.

Библиографический список

1. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов : уч. пособие М., 2007.
2. Международная организация по миграции (МОМ) [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.unrussia.ru](http://www.unrussia.ru).
3. Комитет «Гражданское содействие» [Электронный ресурс]. URL: [http:// refugee.ru/ob-organizatsii/](http://refugee.ru/ob-organizatsii/).

Н. А. Стерляева (Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Трудовым правам несовершеннолетних посвящена глава 42 Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет» [1]. А также ряд других статей определяет права несовершеннолетних в сфере труда. По общему правилу минимальный возраст, с которого допускается прием на работу, составляет 16 лет (ст. 63 ТК РФ).

Но законодательством предусмотрены исключения из данного правила. Во-первых, в случаях получения общего образования, либо освоения основной общеобразовательной программы по иной, чем очная,

форме обучения, либо оставления в соответствии с федеральным законом общеобразовательного учреждения трудовой договор может заключаться с лицами, достигшими возраста 15 лет, с учетом того, что труд будет достаточно легким и не причинит вред здоровью ребенка. Во-вторых, с согласия одного из родителей (законных представителей) и органа опеки и попечительства трудовой договор может быть заключен с учащимися, достигшим возраста 14 лет, но с учетом того, что данная работа не противопоказана здоровью ребенка, не будет нарушать процесса обучения, т. к. будет выполняться в свободное от учебы время и будет достаточно легкой для несовершеннолетнего. В-третьих, в организациях кинематографии, театрах, концертных организациях, цирках с согласия одного из родителей (законных представителей) и органа опеки и попечительства возможно заключение трудового договора с лицами, не достигшими возраста 14 лет, для участия в создании и (или) исполнении произведений. Данная работа также не должна причинять вред здоровью и нравственному развитию ребенка. Трудовой договор в этом случае подписывается законным представителем ребенка. А орган опеки и попечительства определяет в своем разрешении условия, в которых может выполняться работа.

Несовершеннолетние, заключая трудовой договор, приравниваются в своих правах к совершеннолетним гражданам. Кроме того, трудовое законодательство предусматривает ряд льгот для несовершеннолетних работников. К ним относятся:

1. *Сокращенный рабочий день.* Нормальная продолжительность рабочего времени составляет 40 часов в неделю. Согласно ст. 92 ТК РФ несовершеннолетним устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени. Продолжительность рабочего времени сокращается:

- для работников от 16 до 18 лет — на 5 часов в неделю (рабочая неделя составляет не более 35 часов в неделю);
- для работников в возрасте до 16 лет — на 16 часов в неделю (рабочая неделя составляет не более 24 часов в неделю).

В соответствии с этим устанавливается и график ежедневной работы (смены). Например, продолжительность смены для работников в возрасте от 14 до 16 лет не может превышать 5 часов, для работников в возрасте от 16 до 18 лет — 7 часов. Для учащихся общеобразовательных учреждений, совмещающих учебу с работой, продолжительность ежедневной работы (смены) не может превышать половины указанных норм для лиц соответствующего возраста. Вышеперечисленные нормы времени устанавливаются в целях охраны здоровья несовершеннолетних.

2. *Ежегодный оплачиваемый отпуск* продолжительностью 31 календарный день, а также право использовать его в любое удобное для подростка время (ст. 267 ТК РФ).

3. *Ежегодный медицинский осмотр* за счет средств работодателя (ст. 266 ТК РФ). В целях охраны здоровья несовершеннолетних медицинские осмотры, проводимые ежегодно, являются обязательными для подростков. А принимаются на работу лица, не достигшие 18 лет, только после предварительного медицинского осмотра. Ежегодные медицинские осмотры осуществляются за счет средств работодателя.

4. *Установление пониженных норм выработки* (ст. 270 ТК РФ). Для несовершеннолетних работников нормы выработки устанавливаются исходя из общих норм выработки пропорционально установленной для этих работников продолжительности рабочего времени. Норма выработки для несовершеннолетних уменьшается соответственно продолжительности их рабочего времени.

5. *Право работодателей за счет собственных средств производить доплаты к заработной плате несовершеннолетних.* Заработная плата несовершеннолетних работников выплачивается с учетом сокращенной продолжительности ежедневной работы (смены). В соответствии со ст. 271 ТК РФ работодатель может за счет собственных средств производить доплаты несовершеннолетним до уровня оплаты труда работников соответствующих категорий при полной продолжительности ежедневной работы. Также работодатель вправе за счет собственных средств производить доплаты к заработной плате несовершеннолетних, допущенных к сдельным работам, до размера тарифной ставки за время, на которое сокращается продолжительность их ежедневной работы. Оплата труда учащихся общеобразовательных учреждений, общеобразовательных учреждений начального, среднего и высшего образования, работающих в свободное от учебы время, производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки. Работодатель может устанавливать этим работникам доплаты к заработной плате за счет собственных средств.

6. *Запрет применять труд несовершеннолетних на тяжелых работах, на работах с вредными или опасными условиями труда* (ст. 265 ТК РФ). Данная статья определяет виды работ, на которых запрещено применение труда лиц моложе 18 лет. К ним относятся: работы с вредными и опасными условиями труда; подземные работы; работы, которые могут причинить вред здоровью несовершеннолетних и их нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими ве-

ществами). Также перечень запрещенных для несовершеннолетних работ закреплён в Постановлении Правительства РФ от 25.02.2000 № 163 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет» [2]. В этот перечень включены горные, геологоразведочные и топографо-геодезические работы, работы в сфере цветной и черной металлургии и др.

7. *Ограничение предельных норм переноски и передвижения тяжестей.* В соответствии со ст. 265 ТК РФ запрещается переноска и передвижение работниками в возрасте до 18 лет тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы. Перечень работ, на которых запрещается применение труда работников в возрасте до 18 лет, а также предельные нормы тяжестей утверждаются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений [3].

8. *Запрещение направлять в служебные командировки, привлекать к работе в ночное время и сверхурочным работам, в выходные и нерабочие праздничные дни работников в возрасте до 18 лет* (ст. 268 ТК РФ). Исключение составляют категории творческих работников, работников СМИ, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении произведений, в соответствии с перечнями работ, профессий, устанавливаемыми Правительством РФ с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

9. *Запрет на расторжение трудового договора с работниками в возрасте до 18 лет без согласия государственной инспекции труда субъекта РФ и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав* (ст. 269 ТК РФ). Данный запрет является дополнительной гарантией для несовершеннолетних при расторжении трудового договора.

10. *Запрет на заключение с несовершеннолетними трудового договора о полной материальной ответственности.* Согласно ст. 244 ТК РФ письменные договоры о полной материальной ответственности могут заключаться с работниками, достигшими возраста 18 лет и непосредственно обслуживающими или использующими денежные, товарные ценности или иное имущество. Следовательно, несовершеннолетние не могут занимать должности или выполнять работы, связанные с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой или применением ценностей.

11. *Запрещение работы по совместительству*. В целях охраны здоровья ребенка не допускается работа по совместительству лиц в возрасте до 18 лет (ст. 282 ТК РФ).

Закрепление данных прав в трудовом законодательстве является важной социальной гарантией их соблюдения, защиты и охраны труда и здоровья несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/f6eddfc736911bca0829e39847962ed78986e550/.

2. Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет : Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 163 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/181762/>.

3. Об утверждении Норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную : Постановление Минтруда России от 07 апреля 1999 г. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/180624/>.

О. Л. Сытых, Л. К. Синцова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ

К числу множества парадоксов, характерных для XX в., можно отнести бурный расцвет антисциентизма.

Человек, осваивающий космос и управляющий атомной энергией, проникший в глубины земных недр и поставивший себе на службу многие природные силы, усомнился в значимости своего познания и начал последовательно критиковать и науку, и основанную на ней техногенную цивилизацию, в которой он живет. Если недавно ценили науку за тот жизненный комфорт, который она дает, и верили в то, что благодаря ее развитию любые мечты могут осуществиться, то сегодня с наукой стали связывать уже имеющиеся и будущие «трагедии человечества». Странники антисциентизма возложили ответственность на науку (и ученых) и за жертвы атомных бомбардировок во Второй мировой войне, и за катастрофу в Чернобыле, и за возник-

новение СПИДа. Многим грезятся (и справедливо) будущие экологические катастрофы. И все это тоже рассматривается как результат «успехов» человека в научной деятельности. Думается, что этот ряд трагичных событий (несомненно, помимо других причин) и привел к кризису сциентизма, к поискам иных методов постижения действительности, альтернативных научному, к повороту от науки к мистике и религии. И как закономерный аккорд всех этих процессов выглядит работа американского ученого Джона Хоргана с символическим названием «Конец науки: взгляд на ограниченность знания на закате века науки». Автор утверждает: «Если ты веришь в науку, то ты должен признать возможность — даже вероятность — того, что эпоха великих научных открытий закончилась» [1, с. 13].

Этот процесс в духовной сфере общества идет параллельно с утверждением у значительной части современной молодежи новых специфических форм жизнедеятельности (образа жизни), в которых, по сути дела, растворяется цельное «Я» человека. Целеустремленность, последовательность достижения цели уходят в прошлое вместе с эпохой модерна. Человек постмодерна растворяет себя и во множестве играемых им ролей, в сиюминутных удовольствиях, и он уже не грезит «будущей счастливой жизнью», он живет здесь и сейчас, зная, что он имеет право жить так, как ему хочется, не задумываясь о прожитом дне и не чувствуя ответственность ни за чье (в том числе и свое) будущее. Законы развитых стран едва поспевают за новыми реалиями, утверждающимися в социальной жизни и в общественном сознании. И вот уже на правовом уровне идет обсуждение, а вслед за обсуждением и принятием в ряде стран законов о свободной продаже наркотиков, о «праве человека на смерть» (эвтаназии), о правах сексуальных меньшинств. Хотя все это сегодня одето в красивую оболочку гуманных суждений «заботы о здоровье человека» и «об избавлении человека от страданий», надо признать, что «одежды» эти скорее обнажают, чем прикрывают новые процессы социальной жизни. Новизна же их заключается в утверждении многообразия способов человеческого бытия.

Трудно с определенностью сказать, новый образ жизни породил новые духовные явления или наоборот, одно несомненно — процессы эти взаимосвязаны, и новые реалии социальной жизни в определенной степени адекватны реалиям духовного состояния общества.

Падение авторитета науки, которое мы наблюдаем в последние десятилетия и которое является важной частью изменений в духовной жизни социума, — довольно сложный процесс, требующий специального рассмотрения. Нам представляется, что часто на науку

в целом распространяют проблемы одного специфического подхода — подхода классического естествознания и при этом, именно исходя из возникших здесь проблем, заявляют о глубоком кризисе и науки, и современной гносеологии.

Несомненно, что методы классического естествознания, которые еще вчера носили всеобщий характер, сегодня ограничены в своем применении, а образы предметов и явлений, которые давала нам классическая физика, все чаще перестают рассматриваться в качестве познавательных идеалов, к которым должны стремиться ученые. В современной науке говорят и пишут о субъективных аспектах знания, о возможности и равнозначности ряда интерпретаций одного и того же явления, о создании множества моделей одного предмета. Все это разрушает классические представления о полной объективности знания, исходящей из жесткого противопоставления субъекта и объекта, об истинности только одного представления исследуемого предмета, о необходимости использования метода научного объяснения для познания предмета или явления. Таковы некоторые реалии изменений в современной науке. Однако они касаются в первую очередь методологии классического естествознания и тех идеальных образов — результатов познания, которые оно утверждало.

Параллельно с этой методологией уже на протяжении нескольких веков существует и развивается методология социально-гуманитарного познания. Она дает нам иные критерии для принятия и использования знания. Критерий объективности знания в традиционном понимании (объективность как независимость от субъекта) здесь отсутствует. Допускается равнозначность (в плане правильности) различных интерпретаций одного и того же образа, одного и того же события. Между многообразием точек зрения, выраженных в гуманитарном знании, с необходимостью предполагается диалог «и провозглашается, что истина здесь просматривается в бесконечном процессе развития диалога». Методология гуманитарного познания в последние десятилетия вышла за традиционные сферы своего применения. И сегодня к ней все чаще обращается ряд ученых, работающих в области естественных наук, ибо она позволяет лучше понять сложное бытие попавшего в поле исследователей микро- и мегамиров, чем традиционная методология классического естествознания.

Думаю, можно предположить, что эти два процесса: появление новых реалий в общественной жизни и утверждение новых подходов в научных исследованиях, связанных с ориентацией ученых на гуманитарное познание, имеют глубокую и сегодня еще до конца не осмысленную связь. Понять ее можно, обратившись к процес-

су формирования социально-гуманитарного знания и методологии его познания.

Еще в античности человек пытался осмыслить себя и мир, в котором он живет. Однако, как справедливо заметил М. Фуко, осмысление собственно социального мира и самого человека длительное время шло по схеме «вещь в мире вещей» [2, с. 365–366]. Это означало, как мы изучаем природу, так мы должны постичь и социум, и как мы можем и должны изменить мир природы, так мы способны изменить социальный мир. Большинство (если не сказать — все) выдающихся философов от античности до современности отмечали несовершенство общественного устройства. Еще Платон считал, что существующее античное (греческое) государство несовершенно. А совершенное общество должно быть разделено на три основные сословия: философов, воинов (стражников) и земледельцев и ремесленников, в зависимости от того, какая часть души (мудрая, яростная или вожделеющая) у человека преобладает. После этой первой утопии Платона было создано немало проектов идеального общества.

Представление о «Граде Божьем» средневекового философа Аврелия Августина и мечты о «городе Солнца» Т. Кампанеллы продолжают поиски социальных идеалов. Каждый из мыслителей рисовал будущее общество, отталкиваясь от его «настоящего» осмысления. Платон считал, что общество, в котором он жил, несовершенно, потому что существующие в нем сословия образованы независимо от преобладания у человека определенной части души. Представления же Платона о душе вывелись им из его общефилософской концепции. Несовершенство земного мира Августин объяснял тем, что люди живут не «по Богу», как это было определено Библией. Для Т. Кампанеллы идеал будущего общества связан с упразднением собственности и семьи и с общностью имущества. Итальянское общество XVI в. не устраивало его тем, что не все трудились и в нем существовало «жестокое» неравенство.

Таким образом, как и в естествознании, в изучении социальной жизни мыслители исходили из наблюдения за своим объектом (обществом), из попыток расчленения его на составляющие части и изучения каждого отдельного фрагмента реальности и при этом руководствовались определенными мировоззренческими (общетеоретическими) представлениями.

Особое место в изучении социальной жизни и прежде всего общества в его истории принадлежит эпохе Просвещения. В это время исследователи стали размышлять о возможностях истинного познания общества. И задумались они над этим, оглядываясь на свою историю и устремляя свой взор в будущее.

Обращение к социальному знанию и прежде всего — к историческому было связано с формированием в этот период исторического сознания.

Для большинства представителей Просвещения история исключалась из состава объективного достоверного знания и рассматривалась как наука, далекая от теоретических систем (теории в это время мыслились по образу математических теорий), как наука описательная, эмпирическая, которая может достичь лишь вероятного знания.

Каковы возможности исторического познания и как в изучении истории избежать ошибок и приблизиться к достоверности, как отойти от вероятного характера исторического знания — это те вопросы, которые интересовали просветителей.

Д. Аламбер (1717–1783), известный французский математик и механик (один из издателей «*Энциклопедии*»), проанализировав отличие знаний друг от друга «по различию операций ума и по способам их применения», раскрывает логико-гносеологические характеристики знания, различающиеся по очевидности, достоверности, вероятности. Очевидность характеризует математические построения, достоверность — физические науки, вероятность — исторические науки, которые не могут познать причины событий и связывают исторические факты со случайностью [см. об этом: 3, с. 51].

У «просветителей» четко просматривается ориентация на математику. Именно опираясь на математику, они хотели осуществить в будущем перестройку всех отраслей знания, в том числе социальных наук, создать социальную науку, очищенную от ложных оснований, строго доказательную и не содержащую гипотетических допущений.

Яркий мыслитель эпохи Просвещения Вольтер заметил, что социальное знание основывается на иных принципах, чем естествознание. В естествознание включается возможность предсказания, что способствует овладению предметом. Но в социальном знании этого достигнуть нельзя. Оно, как считает Вольтер, все основано на идее вероятного знания, гораздо менее достоверного, чем математика и физика [4, с. 328–329].

Именно в период Просвещения целый ряд философов обращает внимание на субъективность знания, прежде всего знания социального, исторического. Так, Д. Дидро пишет о зависимости знания от интересов людей, а Гольбах высказывается еще категоричнее: «Люди сомневались бы в достоверности евклидовых „Начал“, если бы этого требовали их интересы» [5, с. 285].

Таким образом, можно отметить, что в период Просвещения происходит осмысление возможностей социального познания. В итоге

мыслители этой эпохи приходят к выводу о меньшей достоверности (а точнее — вероятности) социального знания по сравнению с естественнонаучным. Они объясняют столь несовершенный характер этого познания сложностью его предмета и зависимостью его результатов от субъективных сторон личностей, исследующих общество. Но просветители надеются со временем перестроить социальное познание таким образом, чтобы приблизить его результаты к достоверности. Надежды свои они возлагают при этом на применение естественнонаучных методов. Образцом идеального знания для них являются прежде всего математические теории. Заметим, что в век Просвещения уже начинается переориентация ученых на ньютоновскую механику, которую длительное время будут рассматривать в качестве нового идеала построения знания в науке.

В ее основе лежат представления о наличии в мире причинно-следственных связей, о строгой детерминации всего, что происходит; отсюда уверенность в существовании одной-единственной истины в каждом конкретном случае и в возможности ее познания. При этом истина должна быть объективной, независимой по своему содержанию от субъекта. В таком строго детерминированном и открытом для познания мире можно жить в соответствии с познанными законами, планировать свою жизнь и жизнь общества на ближайшие годы и десятилетия. Именно такой образ жизни и был характерен для значительной части населения эпохи модерна, эпохи, дававшей уверенность в завтрашнем дне.

Но параллельно с исследованиями гуманитариев, ориентирующихся на естественные науки в качестве своего образца, развивается методология собственно социально-гуманитарного познания, представители которой изначально утверждают, что они имеют дело со специфической областью действительности, которая должна исследоваться собственными методами, отличными от методов естествознания.

Одним из первых с критикой утвердившегося идеала научности выступил в конце XVIII — начале XIX в. Шлейермахер. Занятия интерпретацией теологических текстов подвели его к выводу, что необходимо в познании перейти от выделения общих законов к описанию единичного, индивидуального. Особенность гуманитарных наук он видит в том, что гуманитариям приходится иметь дело с текстами, и здесь важны способность ученого переходить от своих собственных мыслей к мыслям изучаемого «писателя», способность к пониманию.

Дальнейшее развитие представления о сущности гуманитарного знания получили в трудах В. Дильтея, М. Вебера, в нашей отечественной науке — в работах М. Бахтина.

Отметим наиболее значимые для нашей проблемы особенности гуманитарного познания, которые сегодня принимаются практически всеми исследователями:

1. Гуманитарные науки — науки о духе, связанные с внутренним жизненным опытом человека, имеют дело с «нерасчлененными» душевными явлениями, в отличие от естественных наук, связанных с внешним, чувственным опытом, обуславливающих восприятие не связанных между собой предметов. Отсюда различие в задачах и методах. Для естествознания главное — соединить в мышлении (при помощи гипотез) разрозненные явления и объяснить их. Для гуманитарного познания задача противоположная — расчленить данные в единстве душевной жизни, чтобы понять. Для этого объяснение не подходит, а используется метод описания (Дильтей).

2. Гуманитарное познание — это познание переживаний, душевной жизни. Познание переживаний меняет само это переживание. Из этого вытекает проблематичность гуманитарного познания. От субъективных моментов здесь, в отличие от естествознания, нельзя абстрагироваться. Существует тесная зависимость гуманитарного познания от установок познающего субъекта (Дильтей).

3. В гуманитарном познании существует тесная связь исследуемого объекта и установок и ценностей субъекта-исследователя. От последних зависит, что будет избрано для исследования (какой аспект культурной жизни и социальных явлений), как объект исследования будет подвергнут анализу и расчленен. Гуманитарное познание не просто изучает культурную жизнь, но вносит в нее смысл, ценности (Вебер).

4. Используемые в гуманитарном познании, так же как и в естествознании, идеальные объекты выполняют своеобразную функцию. Они служат средством, конструктом, позволяющим исследователю ориентироваться в эмпирическом материале, организовывать его в соответствии с выбранной точкой зрения (ценностью), в отличие от естествознания, где идеальные объекты — это изображения изучаемой действительности (Вебер).

5. Для гуманитарных наук характерна диалогичность мышления. Если в точных науках субъекту противостоит безгласная вещь, то в гуманитарных науках объект познания активен, так как он принадлежит к той же действительности, что и субъект. Гуманитарное познание — активный процесс диалогического мышления (Бахтин).

6. Одно и то же явление социальной жизни, один и тот же художественный образ могут иметь несколько равнозначных вариантов своей интерпретации. Эти интерпретации будут зависеть от ценностно-мира личности, от принятых социальными группами ценностей.

Эти особенности гуманитарного познания и прежде всего его диалогичность, возможность ряда равнозначных интерпретаций одного и того же явления предполагают специфический способ отношения к мнению «другого», специфический по сравнению с функционированием мнений в сфере классической науки. Для классического естествознания наличие ряда мнений по одной проблеме — это этап промежуточный в развитии знания, этап, который должен быть пройден как можно быстрее. Прохождение этого этапа связано с конкуренцией гипотез в науке, отражаемой в борьбе мнений. Иное, «не похожее на мое суждение по данной научной проблеме», должно быть преодолено путем аргументированной критики.

«Гуманитарий» же признает изначально, что мое мнение не является единственно верным, что на то или иное явление можно смотреть с различных сторон, отталкиваясь от разного рода систем ценностей, и отсюда — признание равнозначности ряда его интерпретаций.

Логика гуманитарного познания подводит нас напрямую от утверждения равноправности интерпретаций и равноценности мнений через признание возможности и правомерности различных систем ценностей к утверждению права человека на собственный (желаемый) способ бытия жизни (как и бытия смерти.)

Все, что хорошо для личности, не должно иметь ограничений. Но не приведет ли это к вседозволенности? Видимо, единственным «ограничителем» блага личности должна быть опасность общественному благу. З. Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии» писал о роли христианства в качестве нравственного регулятора поведения человека и считал, что в свое время принятие христианства явилось в определенном смысле благом, позволившим сохраниться человеческому роду, и в то же время оно, слишком жестко упорядочив жизнь человека, породило тем самым множество новых проблем [6, с. 103–104]. Он мечтал о том времени, когда «жесткие» рамки религии ослабнут и человек почувствует себя счастливее.

Сегодня это происходит, но движется к этому человечество разными путями, и один из них — движение от специфического духовного способа освоения мира, способа, сформировавшегося в сфере социально-гуманитарного познания, к утверждению гуманного общества.

Однако последнее (представление о гуманном обществе) связывают прежде всего с новыми свободами личности. При этом логи-

ка рассуждений, идущая от утверждения свобод личности, ведет нас далее к отрицанию какой-либо одной модели совершенного общества, в том числе и к отрицанию «открытого общества» К. Поппера в качестве такого идеала. Вот только этот логичный шаг сегодня сделать не могут, боясь реставрации коммунистического общества. Однако история не знает движения вспять, как не может ни один человек, выбравший для себя тот или иной способ бытия, прожить свою жизнь заново.

В современной российской социально-философской литературе все чаще высказывают мысль о несовершенстве существующей методологии социально-гуманитарного познания. В одних случаях, как, например, это делает Т. М. Дридзе, ведут речь о создании новых социальных парадигм [7], а в других случаях, как утверждает Б. В. Марков, «... сама проблема соотношения естественнонаучной и гуманитарной методологии поставлена неправильно, и речь сегодня должна вестись не о различии предметно-сущностных сторон реальности, а о различии „языковых игр“» [8, с. 35], что, по сути дела, приведет к изменению методологии познания. Обе эти заявки, как и все новое, сегодня проблематичны. Но бесспорно одно, что пока человечество осознает свое несовершенство, в том числе и в способах познания мира, оно движется вперед к освоению новых способов бытия и утверждению правомерности новых реалий социальной жизни.

Библиографический список

1. Хорган Дж. Конец науки: взгляд на ограниченность знания на закате века науки. СПб., 2001.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1984.
3. Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993.
4. Вольтер. Философские сочинения. М., 1988.
5. Гольбах П. А. Система природы. М., 1940.
6. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989.
7. Дридзе Т. М. Экоантропоцентристская парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. 1998. № 2.
8. Марков Б. В. Философия между духовной культурой и научно-технической цивилизацией // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия : сб. статей. СПб, 1997.

П. Е. Хатунцева (Барнаул)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННОМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Научный руководитель — С. А. Воронина

Современное общество характеризуется социальными и духовно-нравственными изменениями, затронувшими всю систему базовых ценностей индивида. В центре этих изменений стоит человек. Он является и участником трансформационных процессов, и субъектом построения новых ценностных конструкций общества.

В условиях происходящего на наших глазах процесса ценностных трансформаций в современном социуме необходимо с новых позиций осмыслить ценностные основания поведения людей. Понятие «ценность» широко используется в философской и социологической литературе для указания на человеческое, социальное, культурное значение определенных предметов и явлений действительности. Например, немецкий социолог М. Вебер понимает «ценность» через категорию «идеальный тип». По его мнению, ценность — это некая идеальная модель, что отвечает интересам человека в современной ему эпохе. В этом отношении в качестве идеальных типов выступают моральные, политические, религиозные и другие ценности, а также вытекающие из них установки поведения людей. Ценность у М. Вебера дает человеку возможность упорядочить, структурировать «хаос» своих мыслей, впечатлений и желаний [1].

Французский социолог Э. Дюркгейм определял ценности как «коллективные представления», которые возникают на основе кооперации и солидарности людей. Также для него ценности — это то, что удовлетворяет потребности людей. Определяя ценность цивилизации, он отмечает, что «цивилизация не имеет сама по себе абсолютной ценности: цену ей придает то, что она соответствует определенным потребностям» [2, с. 56].

Российский и американский социолог П. А. Сорокин также давал определение «ценности». По его мнению, ценность — это основа и фундамент всякой культуры. Социокультурная динамика последовательно сменяющих друг друга типов культуры — идеациональной, идеалистической и чувственной — видится ему как переход от генезиса до угасания и отрицания определенных ценностей, лежащих в основании той или иной культуры [3].

Рассматривая «ценность» со стороны структурно-функционального подхода Т. Парсонса, видим, что данный феномен приобрета-

ет смысл в контексте анализа социальных отношений и институтов. По мнению социолога, ценности выступают как основа связей между социальной системой и системой личности. Это некий критерий или стандарт для выбора из альтернатив ориентации, внутренне присущих определенной ситуации [4, с. 147].

Кроме того, интересной точкой зрения является мнение советского и российского социолога А. Г. Здравомыслова. Он считает, что ценность — это особый продукт духовной деятельности человека, в ходе которой определенным образом преобразуются и демонстрируются социальные свойства вещей [5].

Советский философ В. П. Тугаринов также предлагает свое определение феномена «ценность». Он понимает под ним те явления, стороны и свойства явлений природы и общества, которые полезны людям исторически определенного общества в качестве действительности, цели или идеала. Другой интересной точкой зрения является понимание ценности Дж. Дьюи. По его мнению, ценности имеют биолого-психологическую основу и выражаются в потребностях индивида. То есть любой объект, по мнению философа, удовлетворяющий ту или иную потребность людей, может быть интерпретирован как «ценность» [6].

Таким образом, «ценность» можно интерпретировать как значимое для индивида, группы или общества явление духовной культуры или предмет материальной культуры, воспринимаемые субъектом оценки в качестве нормы, идеала, блага, пользы или выгоды.

Главной особенностью ценности является то, что она обязательно антропогенна, потому что возникает в процессе человеческого действия и осмысления, в процессе оценки человеком людей, идей, предметов культуры или природы.

По своему содержанию ценности могут выражать разные потребности, в силу этого они подразделяются на разные группы. Существуют разные классификации ценностей, но самым крупным из них является деление ценностей на духовные и материальные.

Духовные ценности — это ценности, необходимые для формирования и развития внутреннего мира человека, его духовного обогащения. Это идеальное представление о должном, совершенном, лежащем в основе культуры, отвечающем потребностям человека и человечества определенной эпохи. К духовным ценностям можно отнести: мировоззренческие ценности, которые выражают основания человеческого бытия (принципы, идеалы, жизненные ориентиры); нравственные ценности, которые включают в себя такие категории, как добро и зло, человечность, милосердие, справедливость,

достоинство; эстетические ценности, такие как жизненная гармония, красота [7].

Что касается материальных ценностей, то они способствуют развитию человеческой жизни в обществе. Материальное производство предполагает деятельность людей, создающих общественно необходимые для жизни продукты, изменяющие окружающий мир. Ценности, рожденные в процессе материального производства, обеспечивают промышленный, научно-технический прогресс человечества. Простейшими примерами материальных ценностей являются различные виды продуктов питания, одежда, жилье, предметы быта и общественного потребления, орудия труда и материальные средства производства [7, с 185–189].

Считается, что духовные ценности являются наиболее важными для человека. Однако в жизни все происходит наоборот. Современное общество стремится обладать именно материальными ценностями, зачастую жертвуя духовными. Каждый человек сейчас живет в обществе потребителей, в котором во главу всего ставятся материальные ценности. Мы живем в мире, ценности которого определяют СМИ, политика, реклама, мода, массовая литература.

В XXI в. все покупается и продается. У всего есть стоимость. Продаются и не ценятся не только объекты материального мира, но и духовного — любовь, дружба, отношения, свобода. Ежегодно в мире производится бесчисленное количество новинок. Потребителям нужны новшества, иначе их престиж упадет на фоне более благополучных представителей их окружения. Все вышеупомянутое говорит о том, что для современного человека главной ценностью становится потребление.

Общество потребления характеризуется тем, что современные люди вовлекаются в постоянную цепочку потребления и зарабатывания средств на это потребление. Общество XXI столетия технологизировано и существует за счет распространения идей и принципов посредством властных структур, СМИ и массовой культуры, а также навязываемого культа потребительской практики. СМИ формируют у людей ложные потребности и ложное мышление, отчуждая тем самым от бытия и превращая человека в «одномерное» существо, в инструмент своих манипуляций. В настоящее время потребление превратилось в самоцель — сам процесс покупки стал «принудительным», навязанным рекламой и модой и практически потерял связь с пользой, ценностью и удовольствием от приобретенной вещи.

Таким образом, блага новой эпохи, которые имеет современная цивилизация, порабащают человека. Еще в прошлом столетии

для людей вещи, отношения и все, что окружало их и происходило с ними, было очень важным, затрагивающим чувства. Люди ценили то, что имели, потому что, например, для приобретения какой-либо вещи они тратили много времени, усилий и средств. Главным является то, что ранее человек имел привязанность к тому, что ему удалось приобрести, и к тому, чего он смог добиться. Современное общество потребления формирует новые правила, ценностные установки и детерминанты поведения людей, изучение которых необходимо для понимания того, что ждет нас в будущем.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 2014.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. Л. Б. Гофмана. М., 2015.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов : пер. с англ. М., 2014.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2014.
5. Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. М., 2016.
6. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. М., 2015.
7. Фесенко О. П. Специфика материальных и духовных потребностей студенческой молодежи // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1 (1).

Ю. В. Хвастунова (Горно-Алтайск)

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ)

В современном научном мире, в ситуации сближения наук, формирования комплекса междисциплинарных направлений, состыковочных или пограничных (интеграционных) проектов, представляется целесообразным и более продуктивным проведение полевых исследований, в частности, религиозных групп и организаций с использованием разнообразных методов как социологических, так и религиозно-научных. Тандем этих двух наук создает возможность глубоко и фунда-

ментально изучить вопрос и одновременно помогает избежать ошибок и перегибов, случающихся как у социологов, так и у религиоведов.

Обратимся к конкретным исследованиям религиозных объединений в Республике Алтай. Постоянный социологический мониторинг общественного мнения на предмет религиозных предпочтений, отношения к тем или иным религиозным традициям и организациям позволяет замерить общественный фон, так сказать, внешний формат религии (внешняя оценка деятельности религиозных объединений населением и собственное отношение к религиозным явлениям). Метод анкетирования как фиксирование общественного мнения в религиозной сфере способен многое отразить, но все же это ограниченный формат научного исследования. Религиоведческая методология, например использование феноменологического метода, герменевтического метода, авторских наработок исследователей «сакрального» [1; 2; 3], позволяет выявить другие аспекты деятельности религиозных организаций, групп, лидеров и религиозности как таковой. Еще один момент: сама религиоведческая база не ограничивается учеными-социологами, а предлагает обратиться к самым разным авторам и подходам. Социология же со своим внушительным инструментарием позволяет выявлять объективные основания, общественный срез жизнедеятельности религиозных объединений.

В Республике Алтай наблюдается разнообразная религиозная жизнь, отражающая как общероссийские и мировые тенденции, так и чисто региональные. Традиционное видение в социологии религии предполагает четкую фиксацию самопрезентации религиозных групп и организаций в современном социуме, а также анализ оценки деятельности религиозных организаций путем сбора данных (опрос: анкетирование, интервьюирование) у различных социальных групп населения. Такой подход позволяет получить богатый эмпирический материал, однако он не гарантирует от ошибочных интерпретаций, смешения понятий, субъективных оценок у того или иного респондента или целой группы респондентов. В этом случае важно подкреплять научную методологию дополнительными методами, знаниями реалий религиозной жизни как самих религиозных объединений и специфику их самопрезентации, так и особенности восприятия людьми религиозных явлений и процессов.

Сама по себе религиозная сфера, как известно, объясняется социологами по-разному, одни настаивают на изучении и «реальности» лишь тех религиозных явлений, которые являют себя в обществе в конкретной форме, другие все же допускают сакральный, неуловимый, частично регистрируемый характер религиозных явлений:

веры, религиозного / мистического опыта, религиозности как таковой. Зачастую поверхностное описание религиозного опыта верующих выглядит блекло и не отражает сути религиозного явления, его влияния на последователей той или иной религиозной традиции, не улавливает «харизматичности» лидера или верующего человека.

Так, при описании веры в среде алтайских неоязычников путем сбора данных через анкетирование населения полученный результат лишь отчасти фиксирует реальное положение дел. Анкетирование позволяет в процентном отношении замерить положительное и негативное отношение к той или иной неоязыческой группе в соответствии с национальным, половым, возрастным, статусным положением респондентов. Вопрос же оценки самого религиозного опыта, который составляет ядро современных неоязыческих практик в частности в алтайской среде, при таком методе остается открытым. Непосредственное наблюдение религиозных молений (алт. «мюрюл») и ритуалов, общение с адептами, анализ ощущений и восприятия верующими / неверующими как культовой практики, так и воздействия харизматического лидера (алт. «jarлыхи», «немее билер кижжи») требует более персонального глубокого подхода и структурирования самого исследования. Аналогично и сами верующие склонны не доверять социологическому измерению, они настаивают на наличии особой внутренней жизни общины и возможности оценки их веры лишь изнутри (окунувшись в религиозную и культовую жизнь последователей).

Еще один аспект — это быстрый темп изменений современной жизни как таковой и наложение на данный процесс глобализационных факторов, роста социальных сетей, интернет-технологий и формирование религиозности под влиянием вышеперечисленных особенностей. Для правильной оценки того или иного культового действия требуется опыт, проведение сравнительных исследований, знания «классической» религиозной традиции и одновременно учет социальных факторов: современной стратификации общества, молодежной субкультуры, сетевого религиозного контента.

Типичный пример, когда возникают проблемы интерпретации и анализа деятельности религиозной общности, — это исследование алтайской религиозной группы Алтай Жан Ак Жан, возглавляемой В. Б. Чекурашевым. Во-первых, сама религиозная община не в полной мере определилась с рядом положений и находится в стадии активной модернизации и трансформации; во-вторых, разнонаправленные социальные процессы в региональном обществе оказывают как положительное, так и негативное влияние на религиозную группу; в-третьих, религиозный лидер относится к типу закрытого «невъездного» лидера-

харизматика, и характер общения — откровения во внутреннем круге — возможно замерить социологическими методами лишь косвенно.

Еще один немаловажный нюанс — это изменения в сфере религиозного законодательства, которые особенно сильно влияют на закрытость / открытость религиозных объединений и в том числе для социологических исследований [4]. Формат «нелегального» существования заставляет их формировать внешний круг информации, терминологии для адаптации и выживаемости, и этот внешний формальный ответ зачастую далек от реального положения дел. Данный фактор также влияет и на самоидентификацию религиозной группы, и на характер миссионерской деятельности, и на взаимодействие с государственными органами. Отсюда возникает несколько уровней прочтения и преподнесения информации, самой религиозной жизни, отношения к обществу и, что важно, отношение социума к той или иной религиозной группе / организации.

Библиографический список

1. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий / пер. Н. Н. Кулаковой, В. Р. Рокирянского, Ю. Н. Стефанова. М., 2002.
2. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. В. Г. Малахиейвой-Мирович и М. В. Шик. М., 1993.
3. Шантепи де ла С. Иллюстрированная история религий. М., Т. 1; 2. 2008.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях : Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

И. Цакова (Ботевград, Болгария)

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО РЕГЛАМЕНТА (ЕС) 2016/679 В ЗАЩИТЕ ЛИЧНЫХ ДАННЫХ (ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НА МАТЕРИАЛАХ БОЛГАРИИ)

Современные возможности обмена информацией создают различные проблемы для правового регулирования общественных отношений в целом и режима защиты личных данных в частности. В этой новой цифровой среде люди имеют право осуществлять эффективный контроль над своей личной информацией.

Защита персональных данных является одним из существенных прав в Европе, закрепленных в ст. 8 Хартии основных прав Европейского союза и в ст. 16, § 1 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), и должно быть защищено соответствующим образом.

25 мая 2018 г. вступил в силу Регламент (ЕС) № 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц в связи с обработкой персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕО (Общее положение о защите данных, GDPR), который вводит более высокие стандарты защиты персональных данных, более широкие права отдельных лиц и новые обязанности муниципалитетов как контроллеров данных. Муниципальные администрации, администрации мэров и мэрии Болгарии также подчиняются правилам GDPR при обработке персональных данных, относящихся к конкретному лицу.

В качестве администраторов персональных данных местные органы власти (муниципалитеты) должны предпринять соответствующие действия, чтобы отвечать новым требованиям Регламента, для чего должна быть проведена необходимая организационная и внутренняя нормативная подготовка.

24 января 2018 г. Европейская комиссия опубликовала «Руководящие указания с целью облегчения прямого и беспроblemного внедрения новых правил защиты данных в ЕС» [1]. В руководящих указаниях особое внимание уделяется требованиям Общего регламента защиты данных в государственных администрациях и, в частности, в органах местного самоуправления. Комиссия выявляет наиболее распространенные основания для обработки персональных данных государственными администрациями. «Большинство личных данных, хранящихся в государственных администрациях, обычно обрабатываются на основании юридического обязательства, или потому, что они необходимы для выполнения задач в общественных интересах, или для осуществления официальных полномочий, предоставленных администрации. Персональные данные должны собираться и обрабатываться только в той мере, в которой необходимы для выполнения этих задач» [2]. Особое внимание уделяется требованию к государственным администрациям обеспечивать соблюдение принципов Регламента, включая принятие процедур по осуществлению прав субъектов данных.

Указания Европейской комиссии дополнены Указаниями Рабочей группы по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных, разработанными в соответствии со ст. 29 Дирек-

тивы 95/46/ЕО (отменена 25.05.2018), в которых рассматриваются конкретные аспекты применения правовых режимов Общего регламента по защите данных [3].

В связи с поступившими вопросами, касающимися практического применения Общего положения о защите данных местными властями в Республике Болгария, надзорный орган / Комиссия по защите персональных данных (СРДР) также выпускает «Разъяснения по практическому применению Общего положения о защите данных местных органов власти (муниципалитетов)» [4].

В соответствии с настоящими направлениями и указаниями с целью практического осуществления и обеспечения соблюдения требований Общего регламента местные органы власти должны осуществлять по меньшей мере следующие действия.

1. Провести анализ существующих процессов и процедур по сбору, обработке и хранению персональных данных в административной структуре муниципальной администрации / GAP-анализ процессов /.

Это включает в себя оценку текущих процессов, связанных с обработкой и администрированием персональных данных отдельных лиц, а также обработку таких данных с использованием ИТ-инструментов. В рамках анализа определяется, какие категории персональных данных и какие категории лиц (независимо от их гражданства) обрабатываются, для каких конкретных целей персональные данные собираются, хранятся и обрабатываются, кому персональные данные предоставляются или раскрываются за пределами организации, сколько персональные данные организации хранятся и каким образом определен этот срок, какие меры безопасности применяются для защиты данных [5]. Мероприятия по управлению рисками также должны проводиться при обработке персональных данных и оценке влияния на права и свободы субъектов данных.

2. Необходимо разработать внутренние нормативные документы, внутренние процедуры и механизмы подотчетности. Органы местного самоуправления должны принять и обеспечить соблюдение хотя бы внутренних правил защиты личных данных, в том числе политики хранения и уничтожения личных данных, процедуры действий при нарушении личных данных, порядок осуществления прав субъектов данных, процедуры передачи данных в третьи страны или организации / за пределами ЕЭП /, правила видеонаблюдения, технические и организационные меры по защите персональных данных. Существенным требованием Регламента является то, что государственные органы ведут Реестр обработки персональных данных (ст. 30 Регламента).

3. Назначить сотрудника по защите данных (ДЛЗД), и это обязательно для местных органов власти. Сотрудник по ДЛЗД должен обладать профессиональной квалификацией и знаниями в области защиты персональных данных (законодательства и практики). Сотрудник также может быть лицом внешним по отношению к администратору. Он реализует консультативную и превентивную роль по всем вопросам, связанным с обработкой и защитой личных данных [5].

Государства-члены, органы надзора, Комитет и Комиссия поощряют разработку Кодексов поведения (ст. 40 Регламента) для содействия их надлежащему осуществлению с учетом специфики различных секторов обработки данных и конкретных потребностей администраторов.

Цель Кодекса поведения — прояснить применение Регламента в отношении справедливой и прозрачной обработки, законных интересов, преследуемых администраторами в конкретных аспектах; сбор персональных данных; передача информации обществу и субъектам данных; осуществление прав субъектов данных, мер по обеспечению защиты данных; уведомление контролирующих органов о нарушении персональных данных и сообщение о таких нарушениях субъектам данных с целью внесудебных разбирательств и другие процедуры разрешения споров между администраторами и субъектами данных в отношении обработки и т. д.

Создание Кодекса поведения муниципалитетов в качестве администраторов персональных данных дает ряд преимуществ ассоциированным муниципалитетам. Они смогут применить это обстоятельство в качестве подтверждения использования подходящих мер для доказывания соответствия правилам [6].

Достижение соответствия обработки персональных данных требованиям Регламента и подтверждение этого соответствия представляет собой непрерывный процесс внедрения и реализации политики в соответствии с ее принципами. В этом смысле создание этического кодекса и возможность присоединения к нему муниципалитетов создаст более высокую степень доверия между субъектами данных, а также повысит безопасность и стабильность самих администраторов данных.

Библиографический список

1. Насоки на ЕК с цел да се улесни прякото и безпроблемно прилагане на новите правила за защита на данните в целия ЕС [Електронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-386_bg.htm?locale=en.

2. What are the main aspects of the General Data Protection Regulation (GDPR) that a public administration should be aware of? [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/reform/rules-business-and-organisations/public-administrations-and-data-protection/what-are-main-aspects-general-data-protection-regulation-gdpr-public-administration-should-be-aware_bg.

3. Насоки на Работната група по чл. 29 за защита на лицата при обработване на лични данни, които засягат конкретни аспекти от прилагането на правния режим на Общия регламент за защита на данните. [Публикувани на страницата на Комисия за защита на личните данни]. URL: <https://www.cdpd.bg/?p=element&aid=1141>.

4. Разяснения на КЗЛД относно практическото приложение на Общия регламент относно защита на данните от органите на местното самоуправление (общините) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cdpd.bg/?p=element&aid=1127>;

5. Десет практически стъпки за прилагане на общия регламент относно защита на данните [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cdpd.bg/?p=element&aid=1109>.

6. Указания относно изготвянето и предлагането на Кодекс за поведение в съответствие с чл. 40 от Регламент (ЕС) 2016/679. КЗЛД [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cdpd.bg/?p=element&aid=1168>.

Н. С. Чурсина (Барнаул)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАЦИИ В РОССИИ

Научный руководитель — В. В. Нагайцев

В разных странах и различных культурах сложились собственные традиции конфликто разрешения, в том числе в такой ячейке общества, как семья. На территории Российской Федерации с каждым годом растет количество семей, которые рано или поздно распадаются. Статистика свидетельствует, что таких семей больше половины.

Так, если сопоставить данные Росстата по количеству заключенных браков и разводов, то окажется, что в 2017 г. на 1049 тыс. зарегистрированных браков приходится 611 тыс. зарегистрированных разводов, в 2016 г. на 985 тыс. заключенных браков — 608 тыс. разводов. В свою очередь, Алтайский край располагает еще более плачевной статистикой по отношению к средней по России. Так, в 2017 г. на 15,2 тыс. браков в нашем регионе приходится 10,7 тыс. разводов,

в 2016 г. на 14,4 тыс. браков — 10,3 тыс. разводов. По данным 2017 г., в рейтинге регионов, в которых граждане в органы ЗАГС чаще обращаются за свидетельством о разводе, а не за свидетельством о регистрации брака, Алтайский край занимает второе место, уступив лидерство только Ленинградской области. Данные цифры, а также общий уровень социальной напряженности и конфликтности в обществе дали повод к появлению различных некоммерческих проектов, направленных на гармонизацию социальных отношений и снижение социальной напряженности путем активного внедрения процедуры медиации в урегулирование конфликтов.

В настоящее время при грантовой поддержке государства в разных регионах России были реализованы проекты «Миру быть!» (г. Самара, 2016 г.); «Миру быть! Петербург — столица мира!» (г. Санкт-Петербург, 2017 г.); «Миру быть! Медиация при разрешении семейных конфликтов» (г. Краснодар, 2018 г.).

Далее речь пойдет о проекте некоммерческого партнерства «Сибирский центр медиации и права» — «Алтай — территория примирения», который реализовывался на территории Алтайского края в период с 1 декабря 2017 г. по 30 ноября 2018 г. Данный проект получил финансовую поддержку Фонда президентских грантов, а также организационную поддержку органов исполнительной власти региона в лице министерства юстиции Алтайского края и министерства труда и социальной защиты Алтайского края. Социальная значимость проекта обусловлена удручающей статистикой разводов, а также очевидными негативными последствиями распада семьи.

С каждым годом увеличивается количество разводов, что часто связано с нерешенными семейными конфликтами, с неспособностью и неумением людей «проживать» конфликты на конструктивном уровне. Задача медиатора — показать сторонам позитивные возможности разрешения конфликта и научить спорящие стороны извлекать из конфликта пользу для своих дальнейших отношений, воспринимать конфликт как процесс уточнения позиций друг друга и поиска взаимовыгодных решений. Под медиацией авторы проекта понимают «форму посредничества в социальном конфликте с привлечением нейтрального третьего лица, помогающего сторонам наладить процесс эффективной коммуникации и анализа конфликтной ситуации таким образом, чтобы они сами могли обнаружить и принять тот вариант разрешения конфликта, который удовлетворял бы интересам и потребностям всех конфликтующих сторон» [1]. Кроме того, говоря об уместности медиации при решении именно семейных конфликтов, нужно упомянуть о том, что медиация ориентирована

на будущее, т. е. на сохранение отношений в перспективе, что, конечно, является наиболее важным при решении конфликтов в семье [2].

Проект был направлен на решение следующих задач:

- открыть шесть комнат примирения, в которых будет вестись бесплатный прием семейных пар, находящихся в предразводном состоянии;
- осуществить прием не менее 600 семейных пар, находящихся в предразводном состоянии, и провести с ними процедуру медиации;
- подготовить не менее 20 квалифицированных специалистов-медиаторов, которые будут способны урегулировать семейные конфликты во внесудебном порядке;
- провести просветительскую работу среди целевой аудитории о способах урегулирования семейных конфликтов с помощью процедуры медиации в комнатах примирения посредством издания наглядного материала, а также посредством СМИ и собственного сайта организации.

15 ноября 2018 г. в г. Барнауле прошла краевая конференция «Организация семейной медиации в органах ЗАГС. Практика Алтайского края», организованная министерством юстиции Алтайского края, в рамках которой были подведены предварительные итоги реализации проекта «Алтай — территория примирения» и обозначены дальнейшие пути применения института медиации в деятельности органов ЗАГС. В рамках проекта выполнены следующие мероприятия: при территориальных органах ЗАГС и комплексных центрах обслуживания населения г. Барнаула и г. Бийска были открыты восемь комнат примирения, в которых профессиональными медиаторами осуществлялся прием граждан, находящихся в предразводной ситуации; проведено обучение 30 волонтеров-медиаторов, которые осуществляли деятельность по конфликторазрешению в комнатах примирения; проведено 97 процедур медиации, что составляет 16% из тех, что расторгали брак по взаимному согласию в ЗАГСх Барнаула и Бийска в период осуществления проекта. После процедуры медиации 46 пар не подали заявление на расторжение брака, что составляет 47%; проведено более 100 консультаций для граждан в рамках информированности населения о процедуре медиации и о возможности получения бесплатной помощи медиатора; распространено 20 тыс. экземпляров информационных буклетов.

В рамках проекта медиативная помощь не могла быть оказана всем нуждавшимся, так как 80% супружеских пар расторгают брак в суде, исходя из наличия общих несовершеннолетних детей. Это

именно та целевая аудитория, которой необходима консультация медиатора. Однако ввиду того что процедура медиации в соответствии с Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ не является обязательной, в судах она практически не применяется.

Слабая информированность населения об институте медиации также является причиной сложности реализации подобных проектов. Причем необходимо просвещение не только широких слоев населения, но и юридического сообщества, специалистов государственных учреждений, представителей судебной власти и т. д. Кроме того, отсутствие культуры переговоров, привычка решать споры в суде либо посредством иных государственных органов мешает внедрению института медиации. Население больше полагается на какой-то вышестоящий орган, который решит их проблемы, чем на себя. Между тем в медиации стороны остаются полноправными «собственниками» конфликта и как следствие несут личную ответственность за процесс выработки и принятия решения, которое удовлетворит обе стороны [3].

Несмотря ни на что, проект «Алтай — территория примирения», как и другие некоммерческие проекты, реализуемые в стране, показал, что медиация является эффективным способом урегулирования конфликтов, а достижение максимального положительного результата возможно только в тесном взаимодействии некоммерческих организаций с судебными органами, органами власти, уполномоченными в сфере реализации государственной семейной политики.

Библиографический список

1. Нагайцев В. В. Посредничество в разрешении социальных конфликтов : монография. Барнаул, 2015.

2. Шамликашвили Ц. А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации : учеб. пособие для вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2010.

3. Лоуренс С., Шамликашвили Ц., Демчук А. Менеджмент трудных решений в XXI веке: секреты построения консенсуса, или Как сделать так, чтобы довольны были все. М., 2009.

С. Н. Шафоростова (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

Научный руководитель — А. Н. Домашев

Понятие «гражданское общество» более двух тысячелетий принадлежит к центральным понятиям европейской мысли о политике и обществе. Оно исследуется в рамках истории, политологии, социологии, истории и теории права, культурологии. С социологической точки зрения гражданское общество можно исследовать как социокультурный феномен, поскольку его становление во многом зависело от взаимодействий не только общества и государства, но и общества и культуры.

Существует несколько основных подходов к определению понятия «гражданское общество». Наибольший вклад в разработку этих понятий внесли немецкие философы И. Кант и Г. Гегель. Г. Гегель считал гражданское общество приметой современности и особым этапом всемирной истории. Развитие гражданского общества уже предполагает наличие государства в качестве его основания. «Гражданское общество — сфера реализации особенно частных целей и интересов отдельной личности. Подлинной свободы в гражданском обществе нет, так как в нем постоянно присутствует противоречие между частными интересами и властью, носящее всеобщий характер» [1, с. 6]. Согласно Г. Гегелю, гражданское общество включает три момента: систему потребностей (как одного индивида, так и всех граждан), удовлетворение которых происходит посредством и в процессе труда; правосудие, гарантирующее свободу и защиту собственности; полицию, следящую за тем, чтобы благо отдельной личности рассматривалось и осуществлялось с точки зрения права [2, с. 233].

В то же время И. Кант, характеризуя гражданское общество, высказал следующие идеи: человек все должен создавать собственными силами и нести за это ответственность. Совершенствование людей происходит из-за столкновения их *интересов*, вследствие чего возникает необходимость защиты их; необходимое условие для совершенствования есть гражданская свобода, которая, в свою очередь, должна быть обеспечена правовыми *нормами*.

В своих работах И. Кант делает вывод, что «для человечества величайшей проблемой, разрешить которую его вынуждает *природа*, является достижение всеобщего правового гражданского общества» [3, с. 12].

В свою очередь, основоположник научного коммунизма К. Маркс рассматривал гражданское общество как совокупность материальных отношений индивидов. Он считал гражданское общество, с одной стороны, объектом эксплуатации со стороны находящегося в руках класса буржуазии государства, а с другой — как сферу, которую составляют обособленные и отчужденные друг от друга буржуа-собственники. Такое состояние общества несовершенно, поскольку люди отчуждены друг от друга и человек не может быть подлинно свободным. «Выражение „гражданское общество“ возникло в XVIII в., когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности... — писал К. Маркс. — Благодаря высвобождению частной собственности из общности государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его...» [4, с. 227].

Таким образом, К. Маркс давал следующее определение гражданского общества. «Гражданское общество — это общество, основанное на частной собственности, в котором социальные отношения принимают форму классовых антагонизмов, предопределяющих возникновение государства» [5].

Еще одну теорию о понятии «гражданское общество» выдвинули американские профессора Колумбийского университета Дж. Коэн и Э. Арато. Они определяют гражданское общество как «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения, объединений, социальных движений и различных форм публичной коммуникации» [6, с. 7].

С социологической точки зрения интересно определение гражданского общества, которое предлагает Ю. Кока. С одной стороны, он дает определение гражданского общества, близкое определению, которое дают Дж. Коэн и Э. Арато. С другой стороны, Ю. Кока рассматривает гражданское общество как специфический тип социального действия [7, с. 9]. В отличие от других типов (борьбы и войны, обмена и рынка, власти и подчинения, характерных особенностей частной жизни), гражданское общество ориентировано на конфликт, компромисс и общественное согласование; подчеркивает самостоятельность личности и самоорганизацию общества; признает плюрализм, различие и напряженность; носит ненасильственный мирный характер; ориентировано на общие вопросы, т. е., опираясь на частный опыт и интересы, выступает на стороне частного блага, даже если различные действующие лица, выступающие от имени гра-

жданского общества, могут понимать под общественным благом абсолютно разные вещи.

В настоящее время понятие «гражданское общество» все еще является актуальной темой для исследований. Работники ФОМ в 2015 г. провели исследование на тему «Что такое „гражданское общество?“». Целью данного исследования было проверить, изменилось ли представление населения о «гражданском обществе» за 15 лет. Выяснилось, что в период с 2001 по 2015 г. осведомленность россиян о гражданском обществе показывает положительную динамику — доля тех, кому знакомо это понятие, увеличилась на 8 п. п. (с 44% в 2001 г. до 52% в 2015 г.). Также со временем сокращается доля тех, кто считает, что в России нет гражданского общества (с 33% в 2007 г. до 13% в 2015 г.). Однако и сегодня 33% участников опроса заявили, что слышат словосочетание «гражданское общество» впервые [8].

Таким образом, мы видим, что существует множество представлений о понятии «гражданское общество» и в настоящее время в зарубежном и отечественном общественном сознании не существует единого подхода к его теоретическому осмыслению.

Библиографический список

1. Пузиков Р. В., Киселев А. С. О концепции гражданского общества: истоки формирования идеи // Вестн. Тамбовского ун-та. Серия : Политические науки и право. 2016. №2 (6).

2. Гегель Г. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной. М., 1990.

3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. в 6 т. Т. 6. М., 1966.

4. Теория государства и права : курс лекций/ под ред. М. Н. Марченко. М., 1997.

5. Антипази А. Энциклопедия социологии. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/2483/>.

6. Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.

7. Налетова И. В., Окатов А. В. Осмысление гражданского общества в современной социологии // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1).

8. ФОМ. Что такое гражданское общество? [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12375>.

А. Н. Шрайбер (Барнаул)

РОЛЬ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ СОЦИОЛОГОВ

Проблема места истории социологии как академической дисциплины в структуре образовательного процесса подготовки социологов предполагает обратиться не только к реалиям сегодняшнего дня, но и совершить некий историко-социологический экскурс.

Ведущую роль социологии в системе научного и университетского знания впервые обозначил Огюст Конт. В законе классификации наук социология оказалась самой новой, конкретной, сложной и практической наукой из шести, а именно: математики, астрономии, физики, химии, биологии и социологии. Конт отводил особое место социологии в структуре современного ему научного знания. Социология по отношению к другим наукам определяет «гуманитарную» цель каждой из них, т. е. научное предвидение изменения природы, подчинение природы власти человека и усовершенствование самой человеческой природы.

Эмиль Дюркгейм в лекции «Педагогика и социология», опубликованной в 1903 г., говорил о всяком педагогическом процессе, имеющем социологическую характеристику как по своим функциям, так и по происхождению [1].

Карл Манхейм, немецкий философ и социолог, свои взгляды на роль социологии в деле подготовки специалистов раскрыл в работе «Диагноз нашего времени». Он представил весомые аргументы в пользу важности изучения социологической информации и социологической литературы любым работником системы образования, для того чтобы обучение было не абстрактным, а конкретным и готовило студентов к жизни в существующем обществе. Истинный смысл образования может быть определен, только если оно основано на тщательном изучении всех социологических аспектов человеческого поведения [2].

Обращаясь к научным тезисам основоположников социологии и успешным продолжателям развития социологической мысли, можно сделать вывод о единогласном мнении, что социология позволяет понять глубинные корни социальных проблем — упадка морали и культуры, дезинтеграцию социальной структуры, а также способствовать объяснению множества социальных конфликтов, являющихся отражением неадекватного приспособления индивидов к социальному окружению.

Истинная сущность социологической науки состоит не только в обнаружении и диагностике социальных проблем, но в их решении и профилактике. Именно классические и модернистские теоретико-методологические постулаты представляются неким алгорит-

мом к действию для оптимизации общественной системы. Постигание научных концепций дает социологическое понимание, профессиональный взгляд на социум и предопределяет дальнейшую технологию социологического исследования. Именно благодаря знанию сущности парадигмального уровня у социолога развивается профессиональное чутье, способное безошибочно сконструировать методологический концепт социальной проблемы, подобрать специфические методики и технику прикладного исследования.

История социологии — это не только и не столько трактование этапов становления и развития социологии как науки, это анализ генезиса социологической мысли. Это уникальная возможность проверки точности прогнозов, сделанных в XIX–XX вв. по отношению к процессам, происходящим в современном обществе. Но при освоении социологической науки преподаватели и студенты сталкиваются с рядом проблем. Например, искажение, ограниченность представленной информации, трудности перевода, интерпретация первоисточников, сокращение академических часов, разрыв теории и практики и пр., что в конечном итоге затрудняет понимание сути факторов, которые вместе взяты создают рост социологии. Устранение проблем возможно посредством создания эндогенных и экзогенных условий роста социологической науки: личные усилия социологии, профессиональная конкуренция социологов, создание новых методов, рост роли социологических институций, расширение ресурсной базы, социальные требования и пр.

Вместе с усложнением, разрастанием классических концепций развития общества, социальных отношений, роли индивида мы осознаем двойственность проблемы изучения основных категорий социологической науки. С одной стороны, за два века социологами сделаны уникальные открытия и введены законы функционирования общества, определены структура, функции, институты и другие элементы общества. С другой стороны, человек настолько обогащает общественные процессы и явления, делает их во многом непредсказуемыми, что у социологии просто нет возможности исчерпать, изучить до конца свой предмет. Это дает основание полагать, что пока индивид является центральным элементом социальной системы, социологии быть, трудиться на благо оптимизации общественных отношений. Следовательно, история социологии будет обогащаться, накапливать фундаментальную теоретико-методологическую базу для проведения актуальных эмпирических исследований.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Социология. М., 1995.
2. Манхейм К. Избранное: диагноз нашего времени М., 2010.

Раздел II

**ПОТЕНЦИАЛ ПРИКЛАДНОЙ
СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА,
ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ**

Ю. А. Антипова (Барнаул)

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО

Научный руководитель — Е. А. Попов

Современная философская парадигма полиции предполагает учитывать то, что демократическое правовое государство призвано обеспечивать высокий уровень безопасности своим гражданам, соблюдение прав и свобод человека и тем самым устойчивое и стабильное развитие. В силу этого служащие полиции, являясь представителями государственной власти, должны обладать высоким уровнем культуры, нравственности, профессионализма, пользоваться уважением и доверием населения. Другими словами, они должны достойно выполнять свою социальную миссию и соблюдать свой профессиональный долг [1, с. 34].

По мнению одного из ведущих специалистов Великобритании П. Виллерса, в эру увеличивающегося спроса на ответственность должна измениться и философская доктрина полиции, которая будет предусматривать обязательства со стороны человека, выражающего ее.

Отмечая деонтологический аспект профессии полицейского, П. Виллерс обозначил необходимость изменения отношения к этой профессии и к характеру обслуживания населения. Полицейская служба выполняет работу высокой социальной значимости, имеет уникальную базу знаний, саморегулирующуюся организацию, поэтому она должна исполнять свою работу не по-дилетантски, а профессионально. П. Виллерс пишет: «...мы убеждены, что служба (полицейская) должна продвинуться в разрешении этой проблемы и что время для того, чтобы провозгласить и поддержать доктрину полиции, настало» [2, с. 19]. Для достижения соответствующего профессии положения и для надлежащего выполнения своей роли в обществе полицейская служба XXI столетия, по его мнению, должна определить и обнародовать свою доктрину как признанное знание и авторитетный набор принципов [1, с. 35].

По мнению Дж. Клейнига, полицейские обязаны понимать и постоянно помнить то, ради чего они работают, и поэтому должны стремиться к улучшению обслуживания населения. Это касается не только традиционных профессиональных действий полиции. Упрочение социального согласия и спокойствия может быть достигнуто и путем совместных с общественностью усилий. Полиция в действительности должна быть готова и способна вступать в партнерские отношения

с другими социальными силами, обслуживающими общество. В этих отношениях главным должно быть желание понять основные социальные ценности и интересы.

Н. Ричардс, поддерживая точку зрения Дж. Клейнига, утверждает: «Полиция способна обеспечить согласие в демократическом обществе до такой степени, чтобы общественность и полиция пришли к заслуживающему внимания результату (повышению уровня безопасности социума) в нравственно приемлемой манере. Моральное качество целей и средств полиции является наиболее важным для эффективности полицейской деятельности» [цит. по: 1, с. 37].

Правосознание сотрудников органов внутренних дел — одна из важных для юридической науки категорий, которая активно используется в современных исследованиях. В теории государства и права сущность и содержание этой категории разрабатывается в том числе и в направлении выявления и описания ее внутренней структуры и составляющих ее компонентов.

Так, профессор С. С. Алексеев понимает под правовым сознанием представление о праве, суждения о необходимости юридической структуры взаимоотношений людей, установки на тот или иной юридический режим в жизни общества и касающиеся правовой сферы явления социально-психологического характера [3, с. 26].

Отмеченные подходы к трактовке правосознания реализуются в процессе разработки теории правовой культуры, правовой активности, в теоретических и прикладных исследованиях проблем правового воспитания, а следовательно, и проблем профессионального правосознания, в том числе профессионального правосознания сотрудников ОВД.

Итак, следуя тому, что между правосознанием и становлением сотрудника ОВД как профессионала существует тесная связь: чем выше уровень правосознания, тем выше уровень профессионализма сотрудника ОВД, — возникает необходимость в рассмотрении базовой модели индивидуального профессионального правосознания сотрудника ОВД. Подобная модель должна учитывать социальную среду, в которой происходит формирование его личности, направленность и степень влияния, которое оказывается на каждого конкретного правоохранителя его непосредственным окружением, большими и малыми социальными группами, в которые он включен. Среди больших социальных групп приоритетным является влияние всего профессионального сообщества сотрудников полиции; среди малых — бесспорным приоритетом по степени влияния пользуется служебный коллектив отдельного органа или подразделения внутренних дел.

Критерием выделения конкретной социальной группы является общность целей и задач, интересов, ценностей, стереотипов и настроений, корпоративности, сплоченности, групповых норм и стандартов, близость к другим социальным группам, а также, соответственно, общность профессиональной деятельности и адекватной специальной подготовки, что и определяет сущность их правосознания. Как социальная группа личный состав полиции содержит все основные признаки этого вида общности. Его главной особенностью является способность быть субъектом определенного поведения и деятельности. В связи с этим действия индивида приобретают групповой характер воздействия на общественные отношения. Таким образом, оценивая уровень сформированности правосознания, можно говорить о степени готовности личности поддерживать тех или иных социальных и правовых норм [4, с. 3].

Личный состав полиции (как социальная группа) наделен особым самосознанием, проявляющимся в понимании общности задач, целей, интересов, отличных от задач, целей и интересов других социальных групп.

Присущие указанным группам психические процессы, проявляющиеся в выработке специфических ценностей, установок, стереотипов поведения и проч., которые формируют определенный тип группового профессионального правосознания, оказывают воздействие на сознание личности каждого отдельно взятого сотрудника [5, с. 14–15].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что профессиональное правосознание сотрудников полиции — это одна из форм профессионализма, которая представляет собой систему правовых идей, взглядов и представлений о юридической ответственности, должностных правах и обязанностях, ограничениях и полномочиях, обусловленных профессиональным статусом, других, урегулированных правом отношениях. В целом же правосознание способствует формированию у правоохранителей инициативной и заинтересованной правовой позиции, опирающейся на последовательное соблюдение законности при уважительном отношении к профессиональной правовой деонтологии [6, с. 191].

Как известно, четко сформулированная миссия способствует построению успешной модели управления социальным институтом. Это особенно важно для такого социального института, как полиция, поскольку от определения его философии и миссии зависит обеспечение безопасности социума.

Библиографический список

1. Яблонская Л. М. Философская парадигма полиции XXI века в контексте английского подхода // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. № 14.
2. Villiers P. Philosophy, Doctrine and Leadership: Some Core Beliefs // Police Leadership in the Twenty-First Century. Philosophy, Doctrine and Developments / ed. by R. Adlam, P. Villiers. London, 2003.
3. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
4. Сергачева О. В., Марьин М. И. Правосознание сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 2 (41).
5. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988.
6. Глазков В. А., Андрейченко Л. С. Формирование профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Луганской акад. внутр. дел им. Э. А. Дидоренко. 2017. № 2 (3).

Е. А. Блохина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ

Научный руководитель — О. Н. Замятина

Интенсивное развитие коммуникационных технологий значительно облегчает производство, распространение социально значимой информации и приводит к формированию глобального информационного пространства.

Одним из аспектов деятельности органов государственной власти является способность к эффективной коммуникации как к целенаправленному информационному воздействию с обществом в целом.

В связи с этим особое значение приобретает использование разнообразных средств коммуникации и воздействие на общественное мнение, поведение, мотивацию населения и отдельных социальных групп. Одним из таких средств является социальная реклама.

На данный момент большое внимание уделяется тому, какое место и значение социальная реклама занимает в жизни каждого человека и общества в целом. Данный вид рекламы усиливает значимость социальных проблем, а также ставит новые задачи для дальнейшего развития.

Самое емкое определение социальной рекламе дал российский специалист по рекламе Г. Г. Николайшвили: «Социальная реклама — вид коммуникации, ориентированной на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям. Миссия социальной рекламы — изменение поведенческой модели общества» [1, с. 15]. Исходя из этого, можно сказать, что социальная реклама как вид рекламной коммуникации призвана генерировать создание и распространение общественно значимых ценностей и выступает как важнейший элемент информационного обеспечения общества. Однако объем социальной рекламы в России составляет около 1% от общего объема рынка.

Опираясь на проведенное Всероссийским центром общественного мнения исследование, посвященное теме социальной рекламы, можно сказать, что у респондентов к социальной рекламе наблюдается широко распространенное позитивное отношение. Хотя многие и не обращают внимания на социальную рекламу, но они уверены, что такая реклама нужна, полезна и эффективна [2].

Наиболее актуальные темы, поднятые социальной рекламой, — курение и алкоголизм, наркомания и СПИД, аборт, насилие в семье, агрессивность [3, с. 56].

Можно выделить несколько проблем, которые испытывает социальная реклама в России.

Во-первых, отсутствие четкого механизма регулирования социальной рекламы. В России рынок социальной рекламы практически не регулируется. Федеральный закон «О рекламе» содержит большое количество пробелов, являясь в то же время единственным регулирующим рекламу, в том числе социальную, законодательным актом. В указанном законе дается лишь определение социальной рекламы и говорится об общих чертах ее применения.

Во-вторых, невысокое значение социальной рекламы. Закон «О рекламе» говорит, что «заключение договора на распространение социальной рекламы является обязательным для рекламодателя в пределах 5% годового объема распространяемой им рекламы». Очевидно, что эта статья закона не исполняется. Судя по всему, проблема — в денежном вопросе: в законе не указано, кто должен платить за производство социальной рекламы [4].

В-третьих, низкое качество социальной рекламы. Так как в России нет специального координирующего органа в этой сфере, рекламные агентства вынуждены создавать социальную рекламу на бесплатной основе, что ведет к ее низкому качеству.

В-четвертых, злоупотребление статусом социальной рекламы для достижения определенных целей. Зачастую рекламодатели нарочно маскируют политическую и коммерческую рекламу под социальную.

В-пятых, низкая осведомленность о социальной рекламе, как следствие ее низкая эффективность.

Вследствие выше перечисленного в России уровень общественно-го и законодательного регулирования социальной рекламы пока недостаточен. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые важные аспекты отношений, которые возникают в процессе распространения и создания социальной рекламы, до настоящего времени не регламентированы.

Наиболее регулярно из всех государственных структур используют в своей деятельности социальную рекламу Министерство обороны, ГИБДД, налоговые службы России, Министерство внутренних дел, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков [5, с. 86].

Так, например, участие органов государственной исполнительной власти в создании и распространении социальной рекламы можно отследить в федеральных и региональных целевых программах, которые используются государством в качестве одного из средств регулирования социально-экономических процессов. Органы общей компетенции — Правительство РФ и региональные правительства — осуществляют нормативно-правовое регулирование, определяя общие направления рекламной политики; могут являться иницилирующими и координирующими центрами социальных рекламных акций. Министерства здравоохранения, образования, труда и социальной защиты реализуют намеченные направления рекламной деятельности в рамках собственных полномочий.

В России существует единственный всероссийский конкурс государственной социальной рекламы среди органов государственной власти «Импульс». Цель данного конкурса заключается в том, чтобы представить социальную рекламу как эффективный инструмент формирования практики социальной ответственности и утвердить цивилизованные и гуманитарные стандарты общественной жизни. Таким образом выбирают лучшие образцы социальной рекламы и размещают их на медийных площадках [6, с. 105]. Это происходит в связи с тем, что государственные органы в силу своей некомпетентности в области рекламы слабо продвигают те решения и социальные проекты, которые реализуют во благо общества. Сама идея и создание этого конкурса, его развитие нужно в современном обществе. Людям необходима такая социальная информация. Она формиру-

ет оптимистичную модель поведения и дает ответы на важные социальные вопросы.

Таким образом, несмотря на ряд существующих проблем в деятельности органов управления, социальная реклама выполняет такие функции, как сглаживание проблем адаптации гражданина к изменениям в социально-экономической системе; информирование населения о деятельности социальных институтов; согласование ценностей гражданского общества и приоритетов государственной политики.

Библиографический список

1. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика : уч. пособие. М., 2014.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: [// wciom.ru/](http://wciom.ru/).
3. Ученова В. В., Старых Н. В. Социальная реклама. М., 2013.
4. О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/).
5. Степанов Е. В. Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция. М., 2015.
6. Конкурс социальной рекламы среди государственной власти «Импульс» [Электронный ресурс]. URL: <https://konkurs-impulse.ru/docs/about/index.html>.

С. А. Воронина (Барнаул)

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ СКРЫТЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ОСВОЕНИЯ КУРСА «СОЦИАЛОГИЯ ЛАТЕНТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР» СТУДЕНТАМИ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИАЛОГИИ)

Изучение скрытых элементов социальной структуры достаточно сложная процедура, связанная с их закрытостью от общества и латентной во многом деятельностью. В связи с этим требуется научить студентов использовать такие социологические методы, которые бы позволили понять природу и механизмы функционирования этих социальных феноменов. Зачастую такие феномены невозможно описать с помощью известных теоретических схем, а потребность в их объ-

яснении и анализе вынуждает исследователей разрабатывать новые эвристичные подходы. Этой задаче наиболее соответствует применение качественных социологических методов в прикладных исследованиях, которые могут стать более продуктивными, чем количественные. Данные, полученные путем традиционного для социологии количественного анализа, оставляют за пределами исследовательского внимания малозаметные проявления многих социальных феноменов, таких как скрытые субъективные смыслы, которые могут оказаться определяющими в понимании общественных процессов, особенно в условиях повышенной динамичности современной социальной структуры.

Качественные методы представляют собой не только конкретные приемы и процедуры исследования, но опираются на специфическую методологию, называемую гуманистической, или интерпретативной социологией. По определению И. Ф. Девятко, «методология науки — это дисциплина, изучающая и технические, „процедурные“ вопросы организации исследования, и более общие вопросы обоснованности используемых методов, достоверности наблюдений, критериев подтверждения или опровержения научных теорий» [1, с. 65]. Качественная методология в таком широком понимании соответствует общим представлениям о социальной действительности, о том, что может служить критерием истинности и какие факты можно считать обоснованными. Качественная методология исходит из особой модели социального мира, которая концентрируется на рассмотрении «общества в индивидах», при этом «социальная реальность представляется как основанная на зыбком фундаменте современной игры многих актеров, а структуры социального мира — как шаткие, непрочные, непредсказуемые» [2, с. 22]. В настоящее время эта модель социального мира с различными вариациями реализуется в теории символического интеракционизма, феноменологической социологии, в драматургическом подходе Э. Гоффмана, этнометодологии Г. Гарфинкеля.

Теоретическим источником качественной парадигмы явились идеи М. Вебера, Г. Зиммеля, Дж. Мида. В своих работах они рассматривали индивидов как действующих субъектов, творчески участвующих в создании социального мира, придавая своим действиям «смыслы» и «значения». Из противоположной установки исходили теоретики структурализма, рассматривая социальные структуры как независимую от индивидов реальность, принудительно воздействующую на них, благодаря чему обеспечивалась социальная стабильность. В гуманистической же социологии акцентировалось внимание на том, что общие смыслы и значения разделяются всеми участ-

никами социального взаимодействия, тем самым способствуя образованию социальных структур. Соответственно, и социология должна анализировать смыслы и значения, которые придают своим действиям сами субъекты, путем их понимания и интерпретации. При этом такое «научное» понимание и интерпретация возможны вследствие того, что «смыслы и нормы социального действия по своей сути интерсубъективны, т. е. не могут быть сведены к неповторимым индивидуальным состояниям, переживаниям или мнениям» [1, с. 42]. Несмотря на внимание к анализу частного, индивидуального, гуманистическая социология изучает особенности восприятия и поведения, специфичность опыта людей в рамках общего социального контекста, данной социально-исторической ситуации.

«Совокупность таких частных практик, как мозаика, позволяет представить социальную картину общества в целом» [3, с. 80–81].

Акцент на процессах социального взаимодействия и субъективных смыслах в качественной социологии подразумевает анализ, основанный не на точном измерении и количественных оценках. Такой анализ производится с помощью конкретных тактик и процедур, которые обычно называют «качественные методы». В настоящее время не существует единой классификации, позволяющей свести в систему все многообразие качественных методов. Специфику качественного исследования вывел Дж. Кресуэл: фокус интереса исследователя, системность данного подхода, степень освещения его в научной литературе. В соответствии с предложенными различиями он выделяет такие тактики: кейс-стади, этнографическое исследование, история жизни, феноменологическое исследование, «grounded theory». В последнее время становится распространенной тактика дискурс-анализа. Согласно Ветереллу и Поттеру [цит. по: 2], социальная практика, направленная на конструирование реальности, может быть рассмотрена как дискурс.

Кроме того, адекватным источником качественного анализа может стать открытие интервью. Понятие интервью как метода социального исследования формулируется следующим образом. Это способ научного исследования, который использует процесс вербальной коммуникации для получения информации в зависимости от намеченной цели. Вообще, нельзя рассматривать метод интервью абстрактно, следует учитывать тип коммуникации и информации, к которой стремится исследователь. По классификации выделяется шесть типов интервью по степени свободы и глубины. Степень свободы собеседников выражается в форме вопросов, в которой они задаются. Степень глубины зависит от уровня информации и сложности полу-

чаемых ответов. При изучении деятельности скрытых элементов социальной структуры наиболее результативным может стать открытое интервью.

Ход этого интервью определяется многочисленными, не уточненными заранее вопросами, указывается только тема. Цель интервью — сосредоточить внимание на определенном явлении. Респонденты связаны с конкретной ситуацией, которая подлежит анализу. Исследователь определяет факторы и устанавливает рамки вопросов. Интервьюеру предоставляется свобода в постановке вопросов, порядке, количестве, способе выражения, но он должен собирать именно ту информацию, которая намечена по плану исследования. Такая информация включает и объективную реакцию респондентов в наблюдаемой ситуации. Возможные тематические блоки: биографические данные, уровень образования, этапы профессионального роста; понимание респондента себя как представителя элиты, например, причины уклонения от принадлежности к элите, направленность и мотивация деятельности; политическая принадлежность респондента, удовлетворенность своей деятельностью; оценка современной ситуации в России и в регионе, приоритетные направления развития региона, факторы, препятствующие развитию региона, и т. д.; взаимоотношения респондента с властвующими субъектами, конфликтами, причины оппозиции; оценка региональных и федеральных взаимоотношений; взаимоотношения с неэлитными группами.

Другой метод, на который следует обратить внимание студентов, — это метод дискурсивного анализа, который представляет собой форму текстового анализа, связанного с идеями постструктурализма. Цель этой процедуры заключается в нахождении структуры дискурса и дискурс-формирования. Идеи дискурса предложены в работах М. Фуко, важным аспектом концепции которого является представление о том, что социальные явления находятся внутри дискурса и что нет никаких явлений вне его рамок. Структуры дискурса, согласно М. Фуко, помогают представить объекты и события в качестве реальных или материальных, а также конструируют события и последовательность событий таким образом, чтобы они были узнаны как реальные и важные события. Структуры дискурса представлены в форме категоризации.

Дискурсивный анализ, будучи сравнительно новым подходом в социальных науках, весьма неоднороден, и в настоящее время не существует общего, разделяемого всеми исследователями дискурса представления о том, как анализировать текст. Эти обстоятельства и обусловили тот факт, что в социальных науках существует лишь широ-

кая теоретическая структура, ряд предположений о том, как анализировать дискурс.

Методы, используемые разными школами (лингвистической, когнитивной психологии, формального литературоведения и др.) дискурсивного анализа, весьма разнообразны. В социальных науках дискурсивный анализ прежде всего опирается на теорию дискурса и политического дискурса. Дискурсивный анализ представляет собой инструмент для изучения путей, способов, которыми социальная действительность формулируется посредством дискурса и путей ее понимания различными субъектами. Исследования структуры дискурса были представлены в работах Т. ван Дейка (социокогнитивный подход) [4]. Согласно Т. ван Дейку, «макроструктура» — это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания. Построение макроструктур слушающими или читающими — это одна из разновидностей так называемых стратегий понимания дискурса. Понятие стратегии пришло на смену идее жестких правил и алгоритмов и является базовым в концепции Т. ван Дейка. В теории политического дискурса уделяется внимание не только содержательным моментам, но и технике анализа дискурса. Для этого используют методы семиотического анализа — изучение дискурса-рамки и методы риторики и литературоведения — анализ конкретного дискурс-произведения. Дискурс-рамка — это «порождающая система» (Дж. Поккок, К. Скиннер) [5], имеющая отношение к идеологии (например, дискурс либерализма, консерватизма). Конкретный «дискурс-произведение» — это дискурс, обладающий определенным сюжетом и возникающий в конкретных обстоятельствах.

Дискурсивный анализ тесно связан с так называемым «фрейм-анализом». Фрейм — «центральная организующая идея, дающая определенный смысл событию, явлению, социальным агентам, выступающая как некая не всегда артикулируемая интерпретационная схема, позволяющая локализовывать, воспринимать, идентифицировать и обозначать события, в которых прямо или косвенно участвуют социально-политические субъекты» [6, с. 42]. Фрейм представляет собой элемент дискурса, отличающийся внутренней завершенностью (целостностью), и находится в процессе постоянного становления.

При анализе текстов интервью выявляются определенные контексты, позволяющие интерпретировать характер идеологем и дискурсивного сознания как способности «сказать» о последовательных ситуациях, включая условия собственной жизни. Дискурсивный анализ дает возможность анализировать смысловое поле текстов в наиболее полном виде. Он позволяет выявить различные оттенки зна-

чений и противоречий между ними, специфические нюансы артикулирования проблем, что делает использование этого способа анализа текстов интервью наиболее предпочтительным для исследования скрытых элементов социальной структуры.

Рамки данной статьи не позволяют подробнее рассмотреть все качественные методы, возможные при исследовании деятельности скрытых элементов социальной структуры, но очевидно следующее: именно качественные методы позволят социологу дать целостную характеристику ситуации в обществе, обозначить цели, сформулировать задачи и условия реализации общественных усилий по достижению целей развития общества.

Библиографический список

1. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 2008.
2. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 2012.
3. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.
4. Ван Дейк Т. Л. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / сост. В. В. Петров ; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. П. Караулова и В. В. Петрова. М., 1989.
5. Толпыгина О. А. Понятие дискурса и дискурсивный анализ в общественных науках [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociology.kharkov.ua/docs/chten_01/tolpygina.doc.
6. Дука Л. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1.

Ю. В. Голубицких (Барнаул)

АНАЛИЗ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

Научный руководитель — Е. В. Пустовалова

Социальный конфликт — необходимое условие развития общества. Конфликты существуют во всех сферах общественной жизни. Значительное место в современной конфликтологии сегодня уделяется исследованию конфликтов, которые возникают в отношениях между подчиненными и руководителями, прежде всего в контексте проблем руководящего характера. Такие конфликты называют управлен-

ческими. Противоречия в системе управления организацией, как правило, оказывают значительное влияние на стабильность ее функционирования. Поэтому данная проблема не теряет своей актуальности.

Серьезный вклад в теорию управления и методологию исследования управленческих конфликтов внес Э. Файоль. Он рассматривал управление как универсальный процесс, состоящий из нескольких взаимосвязанных функций, таких как предвидение, организация, распорядительство, координация и контроль. Сущность такого подхода заключается в том, что для успешной деятельности организации необходимо находиться в тесном сотрудничестве как подчиненных друг с другом, так и руководителя с подчиненными. Это позволит организации прийти к слаженной работе и добиться лучших успехов [1].

В этом же ракурсе управление и управленческие конфликты изучал А. Лунев. Он отмечал, что персонал считается основным источником повышения эффективности производства, так как ему предоставляется достаточная степень автономии; подбор осуществляется по таким критериям, как образование, практический опыт работы, психологическая совместимость, умение работать в коллективе, что служит получению наивысших показателей в деятельности [2, с. 213–215].

В настоящее время появилось достаточно много авторов, изучающих как управленческие конфликты, так и управление в целом. Экономический контекст в данных работах является центральным. Как правило, он опирается на анализ ситуаций, когда успешность организации не зависит от взаимодействия сотрудников, а в полной мере определяется деятельностью самого руководителя и его способностью формировать экономически обоснованную и целесообразную стратегию развития организации.

Многие ученые выделяют личностные качества руководителя как определяющее звено в успешности организации. Например, Н. Подкорытов считает, что «перед руководителем стоит задача выработать и сформировать новое отношение к членам коллектива. К своим сотрудникам надо относиться как к главной творческой силе, ожидать и стимулировать нестандартные решения возникающих проблем. Доверие к членам служебного коллектива выражается, в частности, в умении положиться на те решения, которые принимает каждый сотрудник в пределах своих полномочий и обсуждает их с руководителем» [3, с. 121–122]. Тем самым он подчеркивает, что эффективность деятельности руководителя во многом определяет успешность развития всей организации.

Эффективность деятельности руководителя чаще всего оценивается по тому, насколько рациональным и гуманным путем при минимальных затратах времени, сил и денег достигается решение поставленной задачи. Добиться такого результата помогает правильная организация управленческого общения и взаимодействия.

Управленческие конфликты — неотъемлемая часть существующей социальной системы. Они рассматриваются также как способ функционирования общества. Д. фон Нейман и О. Моргенштейн предлагают определение, которое подтверждает объединение людей за счет сплочения во время конфликтов, и звучит оно следующим образом: «Конфликт — это взаимодействие двух объектов, обладающих несовместимыми целями и способами достижения этих целей. В качестве таких объектов можно рассматривать людей, организации, группы. Их деятельность так или иначе связана с постановлением и решением организационных и управленческих задач, с прогнозированием и принятием решений» [4, с. 708].

Значительный вклад в осмысление управленческих конфликтов внес А. Здравомыслов. Особое внимание он обратил на необходимость формирования у управленцев конфликтологических знаний и навыков. Так, он отмечал: «Управленческий персонал обязан был получить определенные багажи социологических и психологических сведений и навыков, применение которых предотвращало производственные конфликты и обеспечивало стабильность экономической деятельности» [5, с. 316]. Данное высказывание показывает, что знания в сфере управленческих конфликтов дают возможность получения наилучшего результата в деятельности организации на всех уровнях взаимодействия, но прежде всего в сфере руководства.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что процесс управления организацией и управленческие конфликты рассматриваются в разных областях знания, а именно: в экономической социологии, психологии, конфликтологии и др. Именно междисциплинарный подход к анализу управленческих конфликтов может обеспечить объективный результат и получить достоверное представление об изучаемых проблемах в организации.

Библиографический список

1. Файоль А., Эмерсон Г., Тейлор Ф., Форд Г. Управление — это наука и искусство. М., 2002.
2. Лунев А. П., Минева О. К. Сравнение европейского и японского опыта управления персоналом // Гуманитарные исследования. 2008. № 4.

3. Подкорытов Н. М., Генкина В. А. Роль руководителя в формировании психологического климата в служебном коллективе // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2003. № 1.

4. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970.

5. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995.

М. А. Гуреева (Барнаул)

МАНИПУЛИРОВАНИЕ СОЗНАНИЕМ И ПОВЕДЕНИЕМ ЛЮДЕЙ В СИСТЕМЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Массовая культура — относительно стандартизированные и однородные продукты культуры и связанный с ними опыт, предназначенный для широкой общественности [1].

Принято считать, что термин «массовая культура» впервые использовался Д. Макдональдом, определившим массовую культуру как порождение «массового индустриального века», как противоположность элитарной культуре [2, с. 6].

Термин «массовая культура» появился в американской печати в конце 1930-х гг. в работах Б. Розенберга и Д. Уайта. Авторы пытались найти ответы на ряд вопросов, связанных с массовой культурой: 1) чем отличается массовая культура от народной; 2) каково ее влияние на общественный строй; 3) истоки массовой культуры; 4) взаимоотношения создателя и потребителя массовой культуры.

Авторы имели противоположные взгляды на феномен массовой культуры. Д. Уайт высказывал мнение в защиту массовой культуры. Б. Розенберг, наоборот, относился резко критически к данному феномену. По его мнению, средства массовой коммуникации представляют собой большую угрозу для независимого человека. Никогда прежде божественное и земное, подлинное и показное, возвышенное и низкое не перемешивались до такой степени, чтобы стать совершенно неузнаваемым [3].

Корень зла Б. Розенберг, как и многие другие западные философы, видел в развитии техники, в частности телевидения.

Сегодня все чаще ученым разных отраслей знания приходится сталкиваться с последствиями влияния массовой культуры на население.

ние, а именно: при помощи массовой культуры происходит программирование человека, влияние на его сознание и поведение.

Понятие «манипулирование» находится в центре внимания современного социогуманитарного знания. Так, в работах отечественных исследователей манипулирование понимается как форма духовного воздействия, скрытое господство, осуществляемое насильственным путем, управление внутренним миром человека, его духовностью. Е. Л. Доценко видит в манипуляции сознанием «вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент», а также «психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им» [4, с. 52].

В манипуляции общественным мнением объектом воздействия являются психические структуры человеческой деятельности. Манипуляция выражается в скрытом воздействии на психику людей, т. е. факт воздействия не должен быть замечен объектом манипуляции. Это возможно лишь при наличии у субъекта манипуляций определенного мастерства. Основным средством манипулирования общественным мнением является информационная обработка сознания. Но условия последней разнообразны, и потому путей, форм и орудий ее много. Соответственно, модифицируются и механизмы управленческого манипулирования общественным мнением [5].

Массовая культура имеет мощную финансовую и экономическую поддержку со стороны государственного аппарата, а также всемогущих транснациональных компаний. Поэтому недооценивать ее влияние на различные сферы нашей жизни, а также на нас самих, сводить ее к простому развлечению, к второстепенному искусству, к китчу было бы неправильно.

Исследование феномена массовой культуры приобретает особую важность в связи с тем, что она порой дает себя знать и в условиях социалистической культуры. Сегодня мы довольно часто сталкиваемся с явлениями, которые, хотя и лишены идеологического содержания, свойственного буржуазной массовой культуре, но по своим психологическим и эстетическим чертам сходны с ней. Все это заставляет нас исследовать способы и методы распространения массовой культуры и воздействия ее на общественное сознание. Для современной массовой культуры совершенно очевидно стремление к возрождению гипнотических способов воздействия на сознание, почти

фантастической веры в обрядность, культового поклонения идолам и богам массовой культуры [6].

Сегодня большая часть людей находится под влиянием массовой культуры, которая и является источником информации, манипулирующей нашим сознанием. Разберемся в приемах и средствах манипулирования сознанием и поведением людей.

Основным манипулятором в обществе выступает, как правило, реклама. Она может быть как явная, так и скрытая. Это не только маркетинговые системы, но также и элементарные способы повлиять на человеческое сознание посредством проникновения в привычные нам виды искусства, такие как киноиндустрия, музыка, художественная литература, живопись и другое [7, с. 956].

Каждый из нас ежедневно подвергается весомому влиянию со стороны средств массовой информации, посредством которых нам навязывают «правильное» и «необходимое» мнение, «правильный» выбор в той или иной ситуации.

Манипуляции могут осуществляться различными способами. Для начала рассмотрим манипуляции с помощью языка слов. Первичной функцией слова считается суггестия — покорение через чувства, образы, подсознательное доверие. Внушаемость слов возникла еще до появления аналитического мышления у человека, поэтому атмосфера как мир вербального мышления является платформой взаимопонимания между людьми. Влияние слов на человека зависит не от буквально произнесенного, а от коннотации — порождение образов слов и чувств через ассоциации, а также от атмосферы и оратора [7, с. 956–957].

Следующий немаловажный и довольно популярный вид манипуляции — манипуляция с помощью языка цифр. Это могут быть различные символические значения, статистические данные, какая-либо экономическая информация и многое другое.

Манипуляция с помощью зрительных образов. Этот вид воздействия является ключевым для телевизионной политической рекламы, ведь доказано, что основную массу информации человек усваивает через визуальный канал. Влияние слова зависит от образа, который оно вызывает, а не от реального содержания. Часто слова-амебы (с неопределенным содержанием) оказывают наибольшее влияние, подкрепляясь зрительными манипуляциями, ведь толпа мыслит образами. Вместе с открытым словесным сообщением предоставляется «закодированный сигнал», чтобы вызвать нужные образы. Цель — направить мысль адресата в необходимом направлении, чтобы при этом он об этом не догадался [7, с. 957].

Каждый человек ежедневно подвергается информационному воздействию. Все мы по-разному воспринимаем предлагаемую нам информацию, это зависит от множества факторов (например, от уровня жизни, способности человека доверять чему-либо). Манипулирование может осуществляться различными способами. В науке выделяют вербальное и невербальное влияние.

Социологические исследования, предметом которых является анализ общественного мнения, позволяют определить, как и посредством чего происходит формирование общественного мнения. Так, например, в 2018 г. Фондом общественного мнения было проведено эмпирическое исследование „Fake news“ (ложные новости), в котором рассматривался феномен ложных новостей. В опросе участвовали 1500 респондентов — жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ. По результатам данного исследования, среди тех, кому встречались fake news (ложные новости), широко распространено мнение, что они наносят большой вред и «могут привести к заблуждению в серьезных вещах». Населению был задан ряд вопросов, связанных с ложной информацией, которую предоставляют средства массовой информации. Один из вопросов: «Какой вред, по вашему мнению, причиняют фейковые новости, чем они опасны?». 13% респондентов ответили, что ложные новости «дезинформируют, вводят в заблуждение, дезориентируют людей»; 6% — «Провоцируют людей, вызывают волнения, дестабилизируют ситуацию в стране», 4% — «Влияют на общественное мнение, манипулируют им» [8].

Итогом исследования является тот факт, что ложная информация, которую предоставляют нам в произведениях массовой культуры, негативно сказывается на населении. Она, манипулируя мнением людей, настраивает их на то или иное отношение к какой-либо ситуации, что может привести к нарушению стабильности в обществе, к волнениям и протестам.

Библиографический список

1. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. / пер. с англ. Н. Н. Марчук. М., 1999.
2. Высшее образование для XXI века : докл. и матер. XI Междунар. науч. конф. Москва, 27–28 ноября 2014 г. М., 2014.
3. Васильев С. С. Язык и текст СМИ как средство формирования массовой культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.

5. Черникова В. Е. Манипуляция массовым сознанием как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3.

6. Мордovina Л. В., Шилова А. Феномен массовой культуры в современном обществе // Аналитика культурологии. 2009. № 14.

7. Котлярова В. В., Михалёва К. С., Куйдина Е. А. Манипуляция сознанием в массовой культуре // Молодой ученый. 2016. № 2.

8. Что такое «fake news»? Где чаще всего встречаются такие новости? [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14054>.

А. А. Иванова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ В КОЛЛЕДЖАХ Г. БАРНАУЛА

Научный руководитель — Е. В. Петунина

Социальное явление сиротства — одно из актуальных социальных вопросов современной действительности нашей страны. В отличие от ребенка, воспитывающегося в семье, выпускники детских домов должны быть гораздо раньше готовыми к самостоятельной жизни.

Согласно Федеральному закону «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ (далее — Федеральный закон № 159-ФЗ) дети-сироты — это лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель; дети, оставшиеся без попечения родителей, — лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, а также в случае, если единственный родитель или оба родителя неизвестны, в иных случаях призна-

ния детей оставшимися без попечения родителей в установленном законом порядке (далее — «дети-сироты») [1].

Основополагающими нормативно-правовыми актами в системе социальной поддержки детей-сирот являются Федеральный закон № 159-ФЗ и Закон Алтайского края от 31 декабря 2004 г. № 72-ЗС «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Алтайском крае». Согласно этим законам дети-сироты имеют право на обучение за счет средств бюджетных ассигнований в учреждениях среднего профессионального образования. Дети-сироты в период обучения зачисляются в образовательные учреждения на полное государственное обеспечение.

Законом предусмотрены следующие дополнительные гарантии:

- бесплатное питание, одежда и обувь, проживание в общежитии, медицинское обслуживание;
- повышенная стипендия независимо от успеваемости;
- ежегодное пособие на приобретение учебной литературы и всех необходимых принадлежностей;
- получение в полном размере заработной платы, которая начисляется в период прохождения производственной практики;
- предоставление академического отпуска в случаях медицинских показаний; за данной категорией лиц полное государственное обеспечение сохраняется весь период отпуска с выплатой стипендии в полном объеме;
- право на бесплатный (льготный) проезд на некоторых видах транспорта;
- дети, получающие образование в другом городе, имеют право на возмещение оплаты проезда к дому и обратно один раз в год;
- выпускники в лице детей-сирот, за исключением тех, кто продолжает обучение по очной форме, обеспечиваются единовременным денежным пособием, одеждой, оборудованием (либо компенсацией) за счет средств образовательного учреждения, в котором они обучались;
- получение второго среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих по очной форме обучения за счет бюджетных средств;
- в случаях, когда возраст вышеназванных лиц достиг 23 лет в период получения профессионального образования, за ними сохраняется право на полное государственное обеспечение и дополнительные меры социальной поддержки до конца обучения [2].

По данным Министерства образования и науки Алтайского края, за 2015 г. в колледжах города Барнаула проходили обучение 776 детей, из которых на государственном обеспечении находились 548. В 2016 г. обучался 701 ребенок, на государственном обеспечении находились 472, остальные под опекой. В 2017 г. проходил обучение 661 человек, 442 — на государственном обеспечении. В 2018 г. проходит обучение 661 человек, из которых 393 находятся на государственном обучении. Можно заметить, что с 2015 по 2018 г. количество детей-сирот, которые находятся на государственном обеспечении, снизилось на 155 человек.

Механизм защиты прав детей-сирот в колледжах г. Барнаула:

1. Приемная комиссия выявляет и ведет первичный учет абитуриентов из числа детей-сирот и осуществляет сбор необходимых документов.

2. Заявление абитуриентов вместе с необходимыми документами, поступившими от приемной комиссии, проверяются ответственным за организацию работы с обучающимися детьми-сиротами.

3. Ответственный за организацию работы с обучающимися детьми-сиротами изучает документы и доукомплектовывает личное дело.

4. Зачисление в колледж лиц данной категории осуществляется на основании приказа директора колледжа.

5. В трехдневный срок со дня издания приказа о зачислении ответственный за организацию работы с обучающимися детьми-сиротами выносит решение о ходатайстве перед директором о постановке на учет лиц из числа детей-сирот.

6. Постановка на учет детей-сирот осуществляется на основании приказа директора колледжа.

7. Копия приказа соответствующего решения директора направляется ответственному за организацию работы с обучающимися детьми-сиротами.

8. Закрепляется за ребенком наставник или патронатный воспитатель, который, в свою очередь, социализирует ребенка в общество.

9. Ответственный за организацию работы с детьми-сиротами ведет документацию по установленной форме и использует ее исключительно в профессиональных целях.

10. Составляется индивидуальное планирование по работе с детьми-сиротами на учебный год по сопровождению и разрешению текущих и возникающих проблем.

11. Работа с обучающимися ведется в соответствии с планом работы колледжа и планом работы с данной категорией лиц.

12. Ответственный за организацию работы с детьми-сиротами привлекает социальных партнеров по совместной деятельности для ока-

зания поддержки обучающимся, запрашивает и получает необходимые материалы и документы от органов исполнительной власти, правоохранительных органов, учреждений, организаций и иных служб.

13. Осуществление материальной поддержки ведется в соответствии с нормативно-правовой документацией Российской Федерации, субъекта Федерации, локальных нормативных актов колледжа.

Таким образом, на региональном уровне механизм защиты прав детей-сирот регулируется региональным законодательством, в основе которого лежит федеральное законодательство, углубленно регламентирующим цели, принципы механизма защиты прав детей-сирот для конкретного региона [3].

Приходя в учреждения среднего профессионального образования, выпускники детских домов сопровождаются наставниками, патронатными воспитателями и социальными педагогами.

Библиографический список

1. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ // ЭПС «Система ГАРАНТ».

2. Права сирот на образование и трудоустройство: защита и гарантии детей на обучение и труд, законы и новости [Электронный ресурс]. URL: <http://mfc-mydoc.ru/prava-sirot-na-obrazovanie-i-trudoustrojstvo-zashhita-i-garantii-detej-na-obuchenie-i-trud-zakony-i-novosti/>.

3. Жарова О. Н. Социально-правовая защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Молодой ученый. 2016. № 8.

Н. П. Карамышев (Барнаул)

РАЗВИТИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО СЕЛЬСКОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ КООПЕРАЦИИ

Социальное мышление субъектов малого сельского бизнеса по отношению к интеграционным процессам агропромышленного комплекса, в том числе и кооперации, существенно искажено. Социальное мышление — мышление, ориентированное на познание социальной действительности.

Социальное мышление может быть искажено по ряду причин:

- непонимание или неадекватное понимание в связи с дефицитом знаний, практических навыков и компетенций;

- понимание социальных ситуаций с учетом ложных исторических данных либо с учетом неоднозначного исторического опыта;
- неспособность, утрата способности пользоваться социальной речью;
- непонимание знаков социальной коммуникации;
- непонимание социального содержания образных оборотов речи.

Формирование социального мышления субъектов малого сельского бизнеса по отношению к кооперации в первую очередь связано с отсутствием системы непрерывной подготовки аграрных кадров и преемственности образовательных программ различных уровней, несовершенством профориентационной работы, нерациональным функционированием системы подготовки аграрных кадров, непрестижностью сельскохозяйственного труда у молодежи, неоднозначным пониманием исторического процесса кооперации, отсутствием программ повышения квалификации по направлению «Сельскохозяйственная кооперация».

Важнейшей составляющей развития социального мышления субъектов малого сельского бизнеса по отношению к кооперации является дополнительное профессиональное образование руководителей и специалистов агропромышленного комплекса. Специфика дополнительного профессионального образования и научно-образовательного пространства России в условиях интеграции и кооперации агропромышленного комплекса в настоящее время наиболее актуальна. Сложные процессы формирования рыночной экономики существенным образом воздействуют на научно-образовательное пространство России. Формирование интегрированных корпоративных структур для решения проблем более эффективной инновационной устойчивости сельскохозяйственных организаций и предприятий, реализация дополнительного профессионального образования, а также научная деятельность в данной сфере представляет собой существенную часть общемировых процессов трансформации сельскохозяйственного рынка.

Одной из перспективных задач в современном обществе является развитие малого сельского бизнеса как основы социального благополучия села и агропромышленного комплекса. Малый сельский бизнес решает ряд основополагающих социальных проблем, таких как безработица, пьянство, социальная нестабильность, незащищенность и бедность. В свою очередь, от развития социального мышления данных субъектов зависит активность интеграционных процессов в сельском хозяйстве [1].

По состоянию на 1 января 2017 г., по данным Росстата, в РФ зарегистрировано и действует 4,5 млн субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), на которых занято более 18 млн человек, что составляет более 69% форм хозяйствования в экономике [2].

Основой развития малого сельского бизнеса является кооперация. Кооперация (лат. cooperatio) — форма организации труда, при которой определенное количество людей (предпринимателей, хозяйственников) или предприятий совместно участвует либо в одном и том же их общем трудовом, производственном процессе или же в различных, но связанных между собой процессах труда и производства.

Кооперация способствует решению наиболее значимых социальных, экономических и правовых проблем, связанных с занятостью, обеспечением повышения доходов и улучшением качества жизни сельского населения, взаимодействием кооперативов с государством, регулированием ценообразования с учетом мнения сельского малого бизнеса и социальной защищенностью от ненадлежащей конкуренции.

По статистическим данным Росстата и Министерства сельского хозяйства РФ, на 1 марта 2017 г. в РФ всего 6820 кооперативов, из них в Сибирском федеральном округе — 1069, а в Алтайском крае 58 [3].

Для сравнения: в Липецкой области — 500, а в Республике Саха (Якутия) — 562 кооператива. Данная статистика говорит о низком уровне развития кооперации в Алтайском крае, одном из самых аграрных субъектов РФ, нуждающемся в кооперации и интеграции АПК [4].

Следовательно, необходимо проведение исследования социально-правового механизма кооперации сельского малого бизнеса для выявления его наиболее оптимальной формы.

Формирование социального мышления по отношению к кооперации характеризуется наличием пробелов и коллизий в законодательстве, а также необоснованным негативным отношением к кооперации. Для улучшения социально-правового механизма кооперации сельского малого бизнеса необходимо ликвидировать противоречия в законодательстве о кооперации и повысить уровень правовых знаний у субъектов малого сельского бизнеса.

Анализ нормативно-правовых актов позволил выявить ряд пробелов и противоречий в Гражданском кодексе РФ, ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации в РФ» от 1995 г., ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» от 2003 г., ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 2003 г. До сих пор в Гражданском кодексе РФ не урегулирован правовой статус сельскохозяйственных кооперативов. ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» устарел, так как был принят в 1995 г. и уже

не может эффективно регулировать деятельность сельскохозяйственных кооперативов в рыночной экономике. До сих пор нет четкого регламентирования участия в кооперативах, крестьянских (фермерских) хозяйствах и личных подсобных хозяйств.

В 2016–2017 гг. было проведено «пилотное» исследование особенностей формирования социального мышления субъектов малого сельского бизнеса по отношению к кооперации.

Сбор эмпирических данных производился методом опроса:

- анкетным опросом руководителей и представителей субъектов сельского малого бизнеса Быстроистокского, Калманского, Солонешенского и Тогульского районов Алтайского края, в тех субъектах, где уровень кооперации наиболее низок;
- экспертным опросом (интервью) руководителя КГБУ «Центр сельскохозяйственного консультирования», руководителя инновационно-консультационной службы в сфере кооперации ФГБОУ ДПО «Алтайский институт повышения квалификации руководителей и специалистов агропромышленного комплекса».

Подводя итоги анкетирования, можно сделать вывод, что:

- у большинства опрошенных уровень знаний о кооперации является низким 77% (154 чел.);
- кооперационное взаимодействие развито на очень низком уровне: «Да» ответили 9% (18 чел.);
- большинство респондентов — 88% (176 чел.) — не заинтересованы в организации кооператива;
- 43% опрошенных (86 чел.) думают, что кооперация — это отрицательный процесс, многие считают кооперацию пережитком советского общества, заявляют, что кооперация может подорвать их независимость, способствовать лишним обязательствам и имущественным рискам;
- очень важным является, что 61% (122 чел.) ответили, что курсы повышения квалификации по вопросам кооперирования им нужны. Вывод: одной из причин негативного отношения к кооперации является правовая неграмотность;
- 71% (142 чел.) считают важным организовывать кооперацию на базе семейных личных подсобных хозяйств и крестьянских фермерских хозяйств.

По результатам экспертного опроса был выявлен ряд проблем, которые негативно воздействуют на процесс кооперации:

- отсутствие необходимой нормативной базы в области сельскохозяйственной кооперации;

- пробелы и противоречия в законодательстве о кооперации;
- правовая безграмотность в области сельскохозяйственной кооперации;
- стереотипы о неэффективности кооперации, которые сложились еще в советское время и остались до сих пор;
- отсутствие знаний в области создания и функционирования кооперативов, а также их грантовой поддержки.

Опираясь на результаты экспертного опроса, специалисты пришли к выводу, что социальное мышление субъектов малого сельского бизнеса существенно искажено, без надлежащей кооперации сельского малого бизнеса невозможно решить социальные проблемы села, Алтайского края и РФ.

Проблемы развития социального мышления субъектов малого сельского бизнеса по отношению к кооперации — правовая (пробелы и противоречия в законодательстве), социальная (отсутствие доверия к потенциальным деловым партнерам, стереотипы о негативности кооперации, отсутствие правовых знаний).

Для решения этих проблем необходим комплекс мер.

1. Необходимо внести изменения в Гражданский кодекс РФ, ликвидировать пробел в законодательстве и надлежащим образом обеспечить регулирование деятельности сельскохозяйственного кооператива с учетом отраслевых особенностей. Одним из вариантов решения данной проблемы может стать отмена устаревшего Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» от 08.12.1995 № 193-ФЗ и принятие нового закона.

2. С целью преодоления пробелов в правовых и организационных знаниях о кооперации предлагается программа повышения квалификации «Организация деятельности кооперативов в сфере агропромышленного комплекса» для формирования у сельскохозяйственных товаропроизводителей профессиональных компетенций, необходимых для организации кооперативов в агропромышленном комплексе.

3. Необходимо информирование представителей сельского малого бизнеса о том, что основой для создания кооперативов в Алтайском крае должны стать семейные формы хозяйствования: личные подсобные хозяйства, крестьянские фермерские хозяйства, семейные животноводческие фермы, так как семья, как основная социальная ячейка общества, наиболее эффективна для развития партнерских отношений между хозяйствующими субъектами. Это позволит снизить социальную напряженность, будет способствовать доверительным отношениям в кооперативе и станет катализатором для его более эффективного функционирования.

Только комплексный подход к решению проблемы развития социального мышления субъектов малого сельского бизнеса по отношению к кооперации позволит развить данный вид интеграции до необходимого уровня, сельскохозяйственная кооперация станет функционировать надлежащим образом, а правовая, экономическая и социальная обстановка в агропромышленном комплексе сможет стабилизироваться.

Библиографический список

1. Володин В. М. Проблемы сельскохозяйственной производственной кооперации в России. М., 2007.
2. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <https://www.altairegion22.ru/gov/administration/stuct/agriculture/>.
3. Официальная статистика: как развивается сельхозпотребкооперация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akkor.ru/statya/4052-v-rossii-sozdano-okolo-6-tysyach-selhozpotrebkooperativa.html>.
4. Официальный сайт Управления Алтайского края по развитию предпринимательства и рыночной инфраструктуры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.altairegion22.ru/gov/administration/stuct/business/>.

А. С. Качур (Барнаул)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ СНГ

Важной частью культуры каждого государства является язык, который выступает инструментом культуры, который формирует личность человека, его видение мира, менталитет, отношение к людям. Русский язык не является исключением. Во второй половине XX в. русским языком в той или иной степени владело более 300 млн человек (по некоторым подсчетам — до 500 млн человек). На русском как основном государственном языке разговаривали 286 млн человек, его изучали в более чем 100 государствах мира. Русский язык был и продолжает оставаться одним из ведущих мировых языков. Русский язык — один из шести официальных языков ООН, официальный или рабочий язык в большинстве авторитетных международных организаций, таких как МАГАТЭ, ЮНЕСКО. В мире на русском языке говорят более 300 млн человек, в том числе более 140 млн считают

его своим родным языком. Русский язык является языком общения более 160 народов и национальностей.

Распад Советского Союза и образование на его территории самостоятельных и независимых государств породили множество проблем не только в области экономического и государственного строительства, но и в области культуры. Сложная ситуация возникла в такой важной сфере, как положение и роль русского языка, его отношение к языкам титульных наций во всех новых государствах Содружества.

В законодательстве подавляющего большинства новых независимых государств русскому языку не присвоен статус государственного или официального языка, в отношении его применения и развития не установлена система правовых гарантий. Наиболее четко и последовательно в вопросе законодательного определения статуса русского языка выступают Беларусь, признавшая его государственным, и Казахстан, который считает русский официальным языком. В результате в большинстве новых независимых государств наблюдается значительное сокращение числа русских школ, центров русского языка и культуры, русскоязычных СМИ, в том числе печатных. Даже те страны, которые в 90-х годах прошлого века по законодательной инерции советского периода присваивали русскому статус «языка межнационального общения», в настоящее время соответствующие положения из нормативно-правовых актов либо уже исключили, либо реализуют программы, направленные на защиту собственного государственного языка. Зачастую они действуют против русского [1, с. 55–59].

Согласно данным исследования по вопросам развития и продвижения русского языка в России и в мире, проведенного в рамках проекта «Русский язык как объединяющий элемент идентичности и основа взаимодействия в России, странах СНГ и дальнего зарубежья», среди респондентов из Армении 72,6% считают русский язык вторым родным, в Беларуси такое мнение у 65,3% опрошенных, в Казахстане — у 52,4%, Кыргызстане — 79,9%, Молдове — 42,2% и Таджикистане — у 71,2%. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство жителей стран СНГ считают русский язык вторым родным. Единственным родным языком признают 10,26% опрошенных в Армении, 25,57% в Республике Беларусь, 40,24% в Казахстане, 8,55% в Кыргызстане, 24,02% в Молдове и 4,24% в Таджикистане. Выявленные между странами различия статистически достоверны ($\alpha \leq 0,0001$ согласно критерию χ^2).

Также нам были интересны мотивации изучения русского языка. Исследование показало, что во всех странах СНГ русский язык вос-

требован для общения с родственниками, друзьями (56,9%), распространёнными причинами изучения русского языка являются такие: русский нужен для ведения бизнеса, налаживания деловых связей (45,7%), чтобы иметь возможность читать русскую литературу в оригинале, слушать русские песни (45,3%). Менее востребован русский язык для получения образования в России (26,8%) и для изучения истории и культуры России (19,6%).

Рассмотрение ответов респондентов в выборках стран позволяет сделать вывод, что основное значение в изучении русского языка играют образовательные учреждения (81,93%), менее распространёнными являются дом и семья (70,83%), также малую роль играют частные курсы и репетиторы (8,35%), а вот центры русского языка и культуры, созданные при поддержке Российской Федерации, и общественные организации, землячества, согласно данным исследования, почти не значимы. В ответах респондентов на вопрос: «Где Вы обучались русскому языку?» — они имеют наименьший уровень распространения: 3,7% и 3,79% соответственно.

Важное значение для распространения и сохранения авторитета русского языка в странах Содружества Независимых Государств имеют организации и проекты по вопросам изучения русского языка. Однако большинство опрошенных ни с кем не взаимодействуют (56,3%), из других ответов большее распространение имеют школы, в которых ведётся обучение на русском языке (25,6%). И вновь мы видим из данных анализа, что российские центры науки и культуры языка, курсы открытого образования на русском языке, организованные Российской Федерацией, центры коллективного доступа к российским образовательным и социокультурным ресурсам взаимодействия имеют невысокий уровень распространения.

Вопрос анкеты о наиболее важных характеристиках русского языка даёт нам представление о роли и статусе русского языка. Так, согласно общей выборке, русский язык — это прежде всего язык мировой художественной культуры — литературы, живописи, балета и т. д. (54,3%), немного менее распространённым является ответ: русский язык — один из наиболее востребованных языков, объединяющих русскоговорящих людей во всем мире (52,9%), далее в порядке убывания степени распространённости следуют такие характеристики русского языка респондентами:

русский язык — один из важных факторов, объединяющих многонациональный российский народ (36,1%);

русский язык — один из ведущих мировых языков, официальный язык международных организаций, встреч на высоком уровне (36,0%);

русский язык занимает лидирующие позиции на международном рынке образовательных услуг и позволяет получить высшее профессиональное образования на уровне мировых стандартов (22,1%);

русский язык — государственный язык (18,6%);

русский язык — язык науки и технических достижений (12,8%).

Если рассмотреть этот же вопрос в выборках стран, то мы можем сделать следующие выводы: характеристика «русский язык — прежде всего язык мировой художественной культуры — литературы, живописи, театра, балета и т. д.» является наиболее распространенной среди жителей Молдовы — 27,9%, в Беларуси и Казахстане она представлена примерно на одинаковом уровне — 25,7% и 24,7% соответственно. Менее распространенная характеристика «русский язык — один из наиболее востребованных языков, объединяющих русскоговорящих людей во всем мире» больше всего встречается среди ответов в Армении и Кыргызстане (25,9% и 25,4% соответственно), в Молдове — 23%, Беларуси — 22,8%. Характеристика русского языка как государственного распространена в Беларуси (21,0%), что согласовывается с фактом признания его этой страной государственным. Выявленные между странами различия статистически достоверны ($\alpha \leq 0,0001$ согласно критерию χ^2) [2].

Таким образом, распространенность русского языка в странах СНГ уменьшается, приоритетное направление в языковой политике стран закрепляется за развитием языков титульных национальностей. Степень распространения русского языка в дальнейшем будет зависеть только от участия России в реализации различных программ, проектов, мероприятий, направленных на изучение, распространение, развитие знаний как о русском языке, так и о Российской Федерации в целом на территории стран ближнего и дальнего зарубежья. Немаловажной в этой сфере является привлекательность страны для иностранцев с различных сторон общественной жизни, включая культуру, образование, трудовую деятельность, туризм.

Библиографический список

1. Пьянов А. Е. Статус русского языка в странах СНГ // Вестник КемГУ. 2011. № 3 (47).

2. Языковая политика Российской Федерации и положение русского языка в мире : матер. круглых столов. М., 2017. Вып. 1.

А. А. Кашкарова (Барнаул)

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ
КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ФГБОУ ВО
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»)**

Научный руководитель — С. А. Воронина

Современная образовательная система не представляется без всевозможных трансформаций и преобразований. Модернизации в образовании необходимы, так как старые формы обучения во многих смыслах прекратили отвечать требованиям уже сформировавшегося нового общества, тоже претерпевающего некоторые изменения. Но не только это условие стало причиной перемен всей системы образования; они также определяются вызовами нашего информационного общества и возникшей необходимостью информатизации всего учебного процесса.

Трансформации и связанные с ними преобразования в системе обучения в России — необходимое условие успешного развития страны. Если образование прекратит совершенствоваться, если все остановится на той же ступени развития, на которой было и прежде, то постепенно Россия не просто перестанет быть одной из великих держав мира, она превратится в одну из отстающих. Поэтому так важно, чтобы вовремя появлялись новейшие или преобразованные формы, технологии или способы в системе образования, которые позволят нашей стране успевать за быстрым развитием всей планеты [1].

Здесь должен возникнуть закономерный вопрос: кто же является основным «поставщиком» услуг образования в России? Должно быть, это учреждения высшего образования, в том числе — опорные вузы страны. Они позволяют абсолютно каждому получить необходимые знания, умения и навыки практически в любой сфере. Среди опорных вузов особое место занимает ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», предоставляющий образовательные услуги различных форм и видов, которые направлены на обучение, улучшение навыков, переподготовку тех, кто обращается за такими услугами.

Люди, которые обучаются в университете, относятся к различным возрастным категориям. В их числе школьники, студенческая молодежь, рабочее население и даже пенсионеры, которые приходят в вуз, чтобы овладеть различными практическими и теоретическими

знаниями [2, с. 96–103]. Для таких целей АлтГУ подготовил универсальную систему обучения, включающую в себя следующие формы:

- образовательные программы высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура и аспирантура);
- образовательные программы среднего профессионального образования (подготовка квалифицированных рабочих и служащих, а также специалистов среднего звена);
- программы профессионального обучения (программы профессиональной подготовки и повышения квалификации);
- дополнительные общеобразовательные программы (дополнительные общеразвивающие и предпрофессиональные программы);
- дополнительные профессиональные программы (программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки) [3, с. 31].

Каждая из этих форм имеет множество направлений, включающих практически все необходимые тематики обучения, что позволяет университету предоставлять качественные образовательные услуги, отвечающие требованиям и запросам потребителей.

Главной задачей современного исследователя-социолога является пристальное изучение того, какие из предложенных университетом образовательных программ пользуются спросом у конкретной возрастной категории населения и как эти формы регулируются нормативно-правовыми документами. Чтобы узнать это, необходимо постоянно отслеживать новые запросы потребителей образовательных услуг, а для этого нужно практически ежегодно проводить социологические исследования по данной тематике, прибегая к арсеналу методов практической социологии: осуществлять глубинное интервьюирование экспертов в этой области, проводить массовые опросы потенциальных потребителей государственных услуг в образовательной сфере, а также проводить анализ основных нормативно-правовых документов об образовании, которые обеспечивают правовую базу образования в России в целом и в АлтГУ в частности.

В качестве экспертов могут выступать деканы факультетов университета и заведующие кафедрами данных факультетов, поскольку именно они в большей степени осведомлены о том, какие образовательные услуги, представленные на определенном факультете, пользуются спросом у потенциальных потребителей услуг. Участниками массового опроса могут быть представители всех возрастных категорий потребителей государственных образовательных услуг. Среди нормативно-правовых документов следует изучить статьи Конституции РФ об образовании, ФЗ «Об образовании в Российской Федера-

ции», различные НПА об образовании, а также Устав ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Исследования позволят выявить основные приоритеты в образовательных потребностях, что больше всего востребовано на рынке услуг в сфере образования и какие существуют формы социально-правового регулирования данных образовательных услуг. Эта информация позволит в будущем сделать упор именно на популярные у потенциальных студентов формы обучения и направлять основные ресурсы университета на их оптимизацию и усовершенствование. Это даст университету не просто оставаться наравне со всеми другими вузами региона и страны, но и быть среди лучших из них, поможет совершенствоваться и привлекать к себе все больше потребителей.

Библиографический список

1. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе. М., 2014.
2. Устинова К. А. Сфера образования и рынок труда: проблемы согласования // СОЦИС. 2014. № 6.
3. Устав ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» [Электронный ресурс]. URL: http://www.asu.ru/univer_about/info/1011/.

А. С. Кащенко (Барнаул)

ОБРАЗ МИГРАНТА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Научный руководитель — С. Г. Максимова

На сегодняшний день тема миграции в нашей стране является одной из самых актуальных. Проблем в этой сфере накопилось большое количество, и их необходимо решать. Например, можно наблюдать целый ряд отрицательных моментов с экономической точки зрения. Большую часть заработанных в России денег трудовые мигранты отправляют в свои страны, что, конечно, негативно сказывается на экономике. Существенная доля приезжих устраивается на работу нелегально, что позволяет нечестным работодателям выплачивать маленькие зарплаты и не отчислять никаких налогов. Помимо экономической составляющей присутствуют криминогенные проблемы. Часть мигрантов, не нашедших необходимой работы, начинает вести криминальный образ жизни. Кроме того, зачастую ино-

странцы очень плохо говорят по-русски, им не всегда удается интегрироваться в наше общество, поэтому они объединяются в этнические группы. Чтобы решить проблемы в этой сфере, необходимо тщательно ее изучить.

В 2017 г. в Алтайский край прибыли 85 тысяч иностранных граждан, многие из которых, конечно, хотят трудоустроиться в нашем регионе [1]. Для мигрантов важно не только найти здесь подходящую работу, но и суметь наладить взаимоотношения с местным населением, ведь далеко не все жители нашего региона благосклонно относятся к заграничным конкурентам на рынке труда [2; 3, с. 33–35]. Также у людей складывается определенный стереотип мигранта, которым они руководствуются при общении с иностранцем, кроме того, это влияет на отношение ко всем приезжим. Часть населения судит о «гостях» исходя из сложившихся стереотипов. В свое время У. Липпман отмечал, что сначала человек формирует представление об объекте, а уже потом непосредственно наблюдает его, т. е. это представление (стереотип) в понимании индивида и есть настоящее знание, опираясь на которое, можно формировать традиции и привычки [4]. К сожалению, данный подход тоже используют при формировании образа мигранта, что не может положительно сказываться на взаимоотношениях, а также ведет к снижению уровня обоюдного доверия и иногда приводит к конфронтации двух или более этносов.

По мнению В. И. Дятлова, образ мигранта не является статичным понятием, это динамично развивающийся феномен, который определяет, как будет развиваться миграционная политика России [5]. Ученый констатировал, что образ не бывает однополярным, он складывается как из положительных сторон, так и из отрицательных, но преобладают только одни. Большую роль в формировании стереотипа образа мигранта в современном мире играют СМИ, которые так или иначе влияют на наше восприятие иностранцев [5; 6]. Тип мигранта, встречаемого в газетах и ТВ, чаще всего демонстрируют с двух позиций. С одной стороны, мы видим агрессивно настроенного, склонного к преступности, наркомании человека, с другой — личность, нуждающуюся в помощи и поддержке [5]. Огромный вклад в восприятие «чужеземца» вносят сами приезжие. Коренное население готово идти на контакт с теми, кто хочет воспринимать и усваивать отечественные традиции, культуру, ведь таким образом они пытаются сделать шаг навстречу [6, с. 47–50]. Те же, кто продолжает развивать и поддерживать только свои обычаи и ценности, не встречают особого радушия.

Рассмотрев некоторые стороны формирования образа мигранта, мы хотим изучить его в Алтайском крае, чтобы составить пол-

ный портрет иностранного гражданина в представлениях местных жителей. Проводимое нами исследование несет в себе только положительные и конструктивные последствия. Во-первых, досконально изучив данную тему, мы откроем новое научное поле, где можно будет исследовать причины формирования у населения положительно-либо отрицательного образа мигранта; кроме того, если рассмотреть данную тему в других приграничных регионах России, то появится возможность сравнить представления об образе мигранта разных субъектов страны, установить причинно-следственные связи, увидеть общие черты регионов, у жителей которых схожие представления о мигрантах.

На самом деле, это только небольшая часть айсберга, которую открывает научному сообществу исследование будущей магистерской диссертации. Во-вторых, государство сегодня обеспокоено миграционной ситуацией в стране, в чем мы убеждаемся, глядя на восточные программы, читая газеты, а информации по такому важному вопросу не хватает. Поэтому подобные исследования необходимы для государственных структур, занимающихся проблемами в сфере миграционной политики. Результаты научных работ позволят верхнему эшелону власти сформировать правильную, структурированную, направленную на локализацию наиболее серьезных проблем с мигрантами программу, которая будет призвана регулировать эту отрасль.

Также с помощью результатов научных мониторингов государство сможет решить, на наш взгляд, важнейшую задачу в миграционной политике — интеграцию иностранных граждан в российскую культуру и менталитет. Зная настрой и отношение людей к приезжим, решить эту задачу гораздо легче, чем искать правильный ответ, находясь в неведении. В-третьих, ознакомиться с результатами и выводами исследования полезно будет и общественности. Это важно для того, чтобы не допустить серьезных конфликтов между мигрантами и коренным населением. Необходимо понимать специфику поведения иностранцев, что допускается им позволять, а что нет.

Таким образом, можно сказать: если все вышеперечисленные структуры будут прислушиваться к результатам подобных исследований, то в скором времени проблемы с миграцией достигнут своего минимума.

Библиографический список

1. Мигранты сегодня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrant-today.ru>.

2. Максимова С. Г., Морковкина А. Г., Омельченко Д. А. Миграция в Алтайском крае: осведомленность населения и оценки миграционной обстановки // Общество и безопасность. Барнаул, 2015.

3. Черепанова М. И. Гражданская идентичность населения Алтайского края: точки интеграции и дестабилизации // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сб. матер. Междунар. науч. конф. Барнаул, 2015.

4. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. № 7.

5. Молодикова И. Н., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Транзитная миграция через Россию: новые маршруты в контексте современного миграционного кризиса // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов : сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2018.

6. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул, 2015. № 7.

А. С. Кащенко, Н. Н. Ветошкина (Барнаул)

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕСТВЕ XXI ВЕКА

Научный руководитель — С. Г. Максимова

Вот уже несколько лет в нашей стране пытаются найти национальную идею, которая должна объединить всех россиян, сподвигнуть их на мощный прорыв, заставить поверить в свои силы и обрести уверенность. На наш взгляд, такой идеей может стать возрождение великого русского языка. Сегодня больно смотреть на то, как погибает язык Пушкина и Толстого. К сожалению, люди перестают ценить и оберегать свое родное. В современной России стало модно использовать иностранные слова, суть которых свободно передают и отечественные изречения. Например, многие любители футбола употребляют термин «мундиаль» вместо словосочетания «чемпионат мира», в учебных заведениях «сочинения» заменили «эссе», при приеме на работу интересуются не «увлечением», а «хобби», и такие примеры встречаются повсюду. Возможно, мы так поступаем, потому что считаем английский язык более современным, более красивым,

а к русскому относимся как к устаревшей форме изречения. Но так поступать нельзя.

Некоторые современные лингвисты, ученые, писатели сообщают о том, что наш родной язык является не просто источником связи, каналом передачи информации, а несет в себе сакральный смысл, руководство к действию, является оберегом (А. Драгункин, Ю. Откупщиков, А. Асов, Б. Рыбаков). В России существует огромная проблема с институтом брака, многие семьи распадаются вскоре после похода в ЗАГС. Если данную проблему рассмотреть с позиции языка, то можно увидеть некоторые причины столь плачевного состояния отечественной семьи. В супружеской паре есть два ключевых понятия: «муж» и «жена». По мнению А. Драгункина, доктора филологических наук, если правильно понимать смысл этих слов, то можно исправить ситуацию в семьях. Он считает, что «муж» происходит от слова «может», т. е. молодой человек готов к браку тогда, когда он в состоянии взять ответственность за своих близких, способен их защитить от всевозможных внешних воздействий отрицательного характера [1; 2]. В свою очередь, роль «жены» тоже достаточно весома. Она рассматривается как продолжательница рода, человек, дающий жизнь [1; 2].

Такой подход к словам «муж» и «жена» может показаться странным, но, глядя на современные семьи, понимаешь, что смысл в подобной интерпретации, безусловно, есть. Молодежь практикует совместное проживание перед законодательным оформлением своих отношений, под которым нередко подразумевает чистую формальность. Когда современники научатся подходить к институту семьи с позиции русского языка, тогда количество разводов уменьшится, а число крепких семей возрастет. Также к понятию «семья» можно отнести, казалось бы, два абсолютно разных слова: существительное «верность» и глагол «реветь» [3]. Можно заметить, что в обоих терминах первые три буквы одинаковы, но во втором случае они поставлены в обратном порядке. Можно предположить, что русское слово предостерегает людей: будешь верен своим близким — не придется реветь, а если постоянно проживаешь в слезах — ищи первопричину в своем поведении.

В любое время некоторая часть индивидов, проживающая в социуме, испытывает такое чувство, как зависть. Так вот, с точки зрения Ю. Откупщикова, завидовать нельзя. Смысл слова «зависть» заключается в том, что человек, завидуя какой-либо личности, начинает жить в зависимости [4]. Он отгораживается от своих идеалов, ценностей, взглядов и сосредоточивает все свои силы, ресурсы как мо-

ральные, так и физические на объекте зависти. В таких случаях человек очень часто не замечает, как останавливается в личностном развитии, что, конечно, деструктивно сказывается на его самореализации. Определенную связь с этой темой имеет понятие «месть». Язык наш и наших предков ограждает народ от так называемой расплаты, которая по подобию зависти только разрушает нашу индивидуальность, потому что буквально это слово означает «меня ест», т. е. снова говорится о саморазрушении личности [3; 4]. Сюда же можно отнести и глагол «ненавидеть», что означает «не видеть», так как ненависть закрывает глаза на хорошие качества человека, к которому мы испытываем отрицательные чувства [1; 3]. С таким подходом трудно прожить достойную жизнь. Чтобы все было хорошо, необходимо «соучаствовать» в действительности окружающих, помогать им, дарить «благо», и тогда сам станешь «счастливым» [1].

Наши предки в далекие времена жили на природе, для них было важно узнать не поверхностные характеристики предмета, животного и т. д., а его свойства, цели и мотивы, именно поэтому, давая название какому-то объекту окружающей среды, они вкладывали в него смысл существования [5, с. 74–75]. На наш взгляд, это до сих пор отличает русскую речь от других языков. Например, слово «медведь» в переводе на английский звучит как «bear», что напоминает русское «бурый», т. е. название отображает цвет. В нашем же языке под медведем понимают животное, которое «ведает, что делать с медом» [2; 4]. Разница получается огромной. Это прослеживается и на другом примере. «Liver» — английский аналог русской печени (орган человека), данное понятие не несет в себе никакой смысловой нагрузки, а в русском понимании «печени» — это целое познание. Представители медицины знают, что печень — самый горячий орган человека, который греет, разогревает кровь в организме [2; 4]. Из таких примеров видно, как скрупулезно формировался наш язык, какую роль он играл в жизни человека, как его оберегал и подсказывал.

Таким образом, можно сказать, что в современных реалиях нам крайне важно сохранить родную речь, которая поможет решить некоторые остро стоящие вопросы. Во-первых, при грамотном и толковом подходе к пониманию значения русских слов можно поправить дела в таких социальных институтах как, семья, образование, а хорошо образованное население и крепкий супружеский союз поднимут статус и мощь государства. Во-вторых, в социуме существует необходимость снижения уровня озлобленности, вражды, зависти, которые нередко приводят к конфликтам разного уровня. Минимизировать эти негативные моменты способно осознание индивидами смысла терминов,

имеющих отрицательную эмоциональную нагрузку. В-третьих, прививая любовь к великому русскому языку в школе, мы дополнительно заинтересуем детей историей родного государства, ведь за созданием многих отечественных слов стоят заслуживающие внимания события и люди. А зная свое прошлое, можно смело смотреть в будущее.

Библиографический список

1. Драгункин А. Н. 5 сенсаций. Истинная роль русского языка в истории человечества. М., 2010.
2. Драгункин А. Н. В начале было слово. Русское. СПб., 2005.
3. Задорнов М. Н. Слава роду. М., 2010.
4. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. СПб., 2005.
5. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 2016.

К. И. Климова (Барнаул)

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Многие авторы, в их числе Л. С. Алексеева, Ю. Е. Алёшина, Л. И. Божович, И. В. Дубровина, О. М. Здравомыслова, М. И. Лисина, Л. М. Шипицина, отмечают, что семья является одним из главных институтов социализации личности, а внутрисемейные отношения играют особую роль в формировании личности. В семье человек получает первый опыт социального взаимодействия. Семья подготавливает ребенка к жизни, является его первым и глубоким источником социальных идеалов. Именно в семье большинство детей узнает, что значит быть отцом, матерью, как складываются семейные отношения. Здесь он впервые видит мир, пытается его понять и осознать. Это делает семью важнейшим институтом социализации ребенка. Семья передает детям социальный, культурный, нравственный опыт [1].

Существует много подходов к интерпретации данного понятия. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова понятие «семья» означает объединение лиц, связанных родственными или брачными узами. В словаре Г. И. Князькова дается определение «семье» как «виду социальной общности, важнейшей форме организации личного быта, основанной на супружеском союзе и родственных связях, т. е. на многочисленных отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство» [2].

Семья выражает собой неотъемлемую часть всего современного социума, которая играет значительную роль в ходе приобретения человеком человеческого существом с конкретными биологическими задатками качеств, требуемых для жизнедеятельности в социуме. Конкретно в семье человек первоначально сознает себя личностью и готовится, усваивая социальный опыт, к включению в более обширную систему социальных отношений. В ходе данного процесса человек подвергается влиянию внешних факторов и активно социализирует сам себя. Передача подрастающему поколению требований и ожиданий, с которыми социум обращается к своим участникам, реализуется взрослыми участниками семьи, субъективно воспринимаемыми и интерпретирующими данные требования [3].

Развитие подрастающих поколений и помощь им невозможно оторвать от реалий жизни в семье. Взаимоотношения родителей и детей тесно связаны с характером отношений между самими родителями, с образом жизни семьи, ее благополучием. В семье ребенок получает азы знаний об окружающем мире, а при высоком культурном и образовательном потенциале старших членов семьи всю свою последующую жизнь продолжает получать не только азы, но и выпитывает самую культуру. Семья для ребенка — это своеобразная школа отношений с людьми: семья помогает становлению представлений о добре и зле, порядочности, об уважительном отношении к духовным и материальным ценностям. С близкими людьми в семье человек переживает чувства любви, дружбы, справедливости, ответственности, долга. На процесс формирования личности заметное влияние оказывают не только отец и мать, но и другие члены семьи — как старшие, так и младшие. Очень важно, чтобы подрастающие поколения росли в доброжелательной атмосфере, чтобы у родителей не было расхождений по поводу методов их воспитания, чтобы подопечные не были свидетелями ссор и конфликтов. В противном случае из них могут получиться асоциальные личности, наносящие вред себе и окружающим [4].

Нередко подросток в процессе своей социализации приобретает девиации как негативного, так и позитивного характера. Учитывая значимость семьи, имеет смысл утверждать, что и на девиацию индивида она оказывает существенное влияние, прямое или косвенное. Семья, как и любой другой социальный организм, может иметь различного рода отклонения, которые оказывают влияние на индивида. Статистика говорит сама за себя — для подростков, которые выросли в неблагополучных семьях, риск совершения преступления возрастает в 45 раз по сравнению с их сверстниками из обычных семей [5, с. 282].

Можно выделить некоторые наиболее часто встречающиеся негативные отклонения в семьях. Физическое насилие. Данное отклонение является, пожалуй, наиболее распространенным среди семей, где у ребенка наблюдаются девиации различного рода (наркомания, проституция, бродяжничество и пр.). В отличие от сексуального насилия, у жертв избиений чаще проявляется агрессия, в том числе и скрытая. Злоба, ненависть, а также различные психические расстройства превращают нормального ребенка в ущемленного и боязливого асоциала. Насилие позже становится «естественной средой обитания» для подростка, который не принимает никаких других путей решения проблем, что всегда приводит к неблагоприятным последствиям.

Вседозволенность. Либо чрезмерная любовь к ребенку, либо равнодушное отношение могут проявляться в том, что родитель будет слишком много позволять своему чаду. В таком случае у индивида будут размыты представления о границах между нравственными и безнравственными поступками. И если в раннем возрасте в безобидных поступках вседозволенность еще никому не вредит, то впоследствии, во взрослой жизни, вполне может спровоцировать привлечение как к административной, так и к уголовной ответственности [6].

Сегодня процессы общей и семейной социализации молодежи протекают в условиях политической, экономической и социокультурной дестабилизации, повышения девиантности социальной среды, дисфункциональности семьи, серьезных гендерных и межпоколенческих конфликтов, что делает семейную социализацию молодежи серьезной социальной проблемой. Разрушительно влияет на многовековую культуру института семьи в современных условиях так называемая свобода сексуальных отношений. В литературе обсуждается, что сегодня в условиях расширения свободы сексуального и демографического поведения, помимо традиционных и нетрадиционных форм организации интимных отношений, получают развитие и альтернативные: гомосексуальные союзы и браки, групповые отношения [7].

Важную роль для понимания значимости роли семьи в процессе социализации подрастающего поколения, на наш взгляд, играет обращение государства к проблемам семьи. Прежде всего, это обусловлено тем, что современная семья сегодня сама выступает фактором социальной стабильности государства, сохранения преемственности поколений, национальных традиций, развития личности и общества, формирования гражданских позиций личности.

Существенным выводом в пользу развития семьи как важнейшего элемента социализации и процесса формирования норм поведения в будущем подрастающего поколения является то, что семья, по сути

дела, своеобразный инвестиционный проект — проект здорового гражданского общества, в котором именно семья будет играть одну из основных ролей [8].

Таким образом, то, что закладывается в детстве, служит основой для формирования будущих ценностей ребенка. Семья — самая важная среда формирования личности и институт воспитания. Существуют, конечно, и другие факторы, влияющие на развитие и становление личности, — среда обитания, среда обучения, среда отдыха. Но семья несет главенствующую в этом функцию. Все хорошее и все плохое человек получает из семьи.

Библиографический список

1. Аптикиева Л. Р., Аптикиев А. Х., Бурсакова М. С. Семья как фактор личностного развития ребенка // Вестник ОГУ. 2014. № 7 (168).
2. Харчев А. Г. Брак и семья / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979.
3. Рыженкова Е. В. Особая роль семьи в формировании личности несовершеннолетних // Инновационная наука. 2017. № 10.
4. Айрапетова В. В. Роль современной семьи в формировании личности // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 2.
5. Пятунин В. А. Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. М., 2010. Ч. 1.
6. Пинаев П. В., Некрасов Д. Ю. Влияние семьи на формирование девиантности подростка // Вестн. Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. № 1 (13).
7. Vishnevsky A. G. Evolution of the family and family policy. Moscow, 1992.
8. Вологина Т. В. Правовое воспитание и роль семьи в процессе социализации и формирования норм поведения // Общество и право. 2014. № 4 (50).

Е. Г. Котенок (Барнаул)

БЮРОКРАТИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Человеческое общество определяют как сумму, совокупность социальных явлений. Основываясь на принципах историзма в социологии, во-первых, все социальные явления рассматриваются как системы, обладающие структурой. Во-вторых, познается процесс их функционирования.

Социальное явление — элемент социальной реальности, обладающий всей полнотой социальных свойств и признаков [1].

Бюрократия как социальное явление развивалась одновременно с развитием и усложнением власти. По мере усложнения всех структур власти требовалось все большее количество человек. Так начало зарождаться чиновничество как социальная прослойка населения, находившееся на государственной службе и занимающееся управлением.

Слово «бюрократия» было введено в 1745 г. французским экономистом Винсентом де Гурнэ для обозначения исполнительной власти [2].

В наше время в литературе можно найти не менее трех определений бюрократии. Первое определение: бюрократия — это особый социальный слой профессиональных управленцев, включенных в организационную структуру, характеризующуюся четкой иерархией, «вертикальными» информационными потоками, формализованными способами принятия решений и претензией на особый статус в обществе.

Второе определение: бюрократия — это замкнутый слой вышних чиновников, противопоставляющий себя обществу, занимающий в нем привилегированное положение, специализирующийся на управлении, монополизирующий властные функции в обществе с целью реализации своих корпоративных интересов.

Третье определение: термином «бюрократия» обозначается не только определенная социальная группа, но система организаций публичной власти с целью максимизации своих функций, а также учреждений и ведомств, включенных в разветвленную структуру исполнительной власти.

Резюмируя эти определения, видим, что, с одной стороны, бюрократию представляют в виде структуры из организаций, в том числе учреждений исполнительной власти с четкой иерархией, «вертикальными» информационными потоками, формализованными способами принятия решений, специализирующейся на управлении. Очевидно, что в качестве таковой бюрократия должна, по замыслу, служить общественным интересам.

Но в этих же определениях можно выделить другую сторону, а именно: бюрократия есть замкнутый социальный слой, противопоставляющий себя обществу, монополизирующий властные функции для реализации своих корпоративных интересов.

О принципах бюрократии писал Макс Вебер. Их суть в следующем:

- иерархическое построение организации;
- иерархия приказа, построенная на легальной власти;

-
-
- подчинение нижестоящего работника вышестоящему и ответственность за свои действия и действия подчиненных;
 - специализация и разделение труда по функциям;
 - четкая система процедур и правил, обеспечивающая единообразие выполнения производственных процессов;
 - система продвижения и пребывания в должности, основанная на умениях и опыте и измеряемая стандартами;
 - ориентация системы коммуникаций как в организации, так и вне ее, на письменно зафиксированные правила [3].

По мнению М. Вебера, все эти принципы должны гарантировать принятие своевременных и квалифицированных решений, основанных на отобранной и проверенной информации. В то же время признается, что в реальности именно в результате применения этих принципов, стандартизованных правил, процедур и норм бюрократия теряет гибкость в отношениях с внешней средой.

Таким образом, принципы, которые на уровне идеального типа должны обеспечивать принятие решений, в реальности приводят к потере гибкости в отношениях с постоянно изменяющимся, причем в значительной степени стихийно, а значит, непредсказуемым образом, внешним миром, следовательно, как раз не обеспечивают своевременное принятие решений [4].

Социолог Б. П. Курашвили различает два типа бюрократизма: добросовестный (патерналистский) и своекорыстный, т. е. основанный на местничестве, ведомственности, формализме, предпочтении своих собственных интересов интересам других с получением определенных выгод для себя [5].

Наиболее опасной формой бюрократизма является преступная деятельность чиновников. Под криминальной бюрократией рассматривается негативный социально-правовой феномен, выступающий в качестве разновидности девиантного поведения, способствующий преступности и иным явлениям, противоречащим нормам права и морали, заключающийся в противоправной служебной деятельности лиц, находящихся на государственной (муниципальной) службе, совершаемой в личностных и клановых интересах и противоречащей интересам граждан, общества и государства [6].

Таким образом, и в настоящее время, несмотря на многочисленные недостатки и отрицательные стороны бюрократии, она сохраняет свою работоспособность в качестве формы управления. Поэтому одной из задач современной политики является корректировка деятельности бюрократии и соответствии ее принципам идеального типа бюрократии М. Вебера.

Библиографический список

1. Кравченко А. И. Краткий социологический словарь. М., 2016.
2. Фролов С. С. Социология : учебник для вузов. М., 1994.
3. Николаев А. А. Социология управления : учеб. пособ. М., 2013.
4. Ненашев М. И. Бюрократия как социальный феномен. М., 2016.
5. Курашвили Б. П. Борьба с бюрократизмом. М., 1988.
6. Исаев П. Л. О некоторых криминальных проявлениях в деятельности властных структур России на современном этапе. М., 2013.

А. А. Кротова (Барнаул)

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ДОЛЖНИКА,
УКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ОТ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

В функционировании института родительства сегодня обнаруживается значительное количество проблем, выступающих во многом как следствие кризиса данного института. В последнее десятилетие в России имеет место увеличение случаев социально безответственного родительства. Ярким примером такого дисфункционального состояния института родительства является проблема неуплаты алиментов одним родителем по отношению к своему несовершеннолетнему ребенку или детям [1, с. 115].

В России регулирование алиментных обязательств осуществляется такими нормативно-правовыми актами, как, в первую очередь, Конвенция ООН по правам ребенка [2], Конституция РФ [3, с. 9], Семейный кодекс РФ (далее СК РФ) [4, с. 13–30], Гражданский кодекс РФ [5, с. 41–47].

СК РФ определяет понятие «алименты» как фиксированные выплаты, причитающиеся на несовершеннолетних или нетрудоспособных членов семьи. Многие положения СК РФ, в особенности 13 глава, связаны с режимом алиментных выплат. В ст. 80 СК РФ указано, что законные представители должны полностью обеспечивать своих подопечных до достижения ими возраста совершеннолетия, в исключительных случаях при достижении ребенком 16 лет [6].

Несмотря на наличие в государстве комплекса норм, правил, режимов и процессов, направленных на защиту детей, в российском обществе существует проблема, связанная с недостаточным или не-

регулярным, а порой и вовсе отсутствующим содержанием несовершеннолетних детей или ребенка со стороны родителя.

Согласно п. 2 ст. 80 СК РФ определено, что в случае, если родители не предоставляют алименты, то они взыскиваются с родителей в судебном порядке. Размер алиментов на детей, взыскиваемых в судебном порядке, составляет: на одного ребенка — 25%, на двух детей — 33%, а на трех и более детей — половина заработка и (или) иного дохода родителя (ст. 81 СК РФ). Следует отметить, что удержание производится со всех видов заработной платы и дополнительных «белых» доходов.

Так как в Российской Федерации в целом вопрос о разводах и алиментах стоит очень остро, можно догадаться, что и в ее субъектах можно отметить наличие данных проблем. Например, в Алтайском крае, по официальным данным Росстата на 2016 г., из 100% заключенных браков в 71,7% случаев в итоге прибегают к бракоразводному процессу, из которых у 54,7% семей на момент развода имеются ребенок или дети [6]. В отделах судебных приставов Алтайского края по состоянию на 30 июня 2018 г. на исполнении находилось 20 439 исполнительных производств в отношении более 19 000 должников. Кроме того, на указанную дату задолженность родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов по отношению к более чем 25 000 несовершеннолетних детей, составила свыше 4,5 млрд руб. В Алтайском крае в число должников по алиментам попадают и мужчины, и женщины, чаще всего уклоняются от алиментных выплат мужчины (73%), несколько реже женщины (27%). Зафиксированы и злостные неплательщики, которые в целях ухода от алиментных выплат прибегают к ряду мероприятий, после которых оказываются в розыске. Число таких «без вести пропавших» родителей (на срок более чем один год) превысило 780 человек.

Чтобы понять причину недостаточной эффективности мер гражданского, административного и уголовного воздействия на должников по алиментным платежам, достаточно обратиться к социальному портрету данной категории людей. Такой портрет поможет выявить не только типичных представителей — должников по алиментным выплатам, но и прояснить причины уклонения от процесса содержания своего ребенка или детей. Также исследование даст возможность увидеть наличие механизмов в системе самого судопроизводства, которые могут мешать плательщикам осуществлять в полной мере выплаты своему ребенку или детям.

Именно социологическое исследование сферы «алиментирования», основываясь на институциональном и нормативно-правовом подходе к изучению проблемы, способно изучить и выявить те недостатки и те проблемные аспекты, которые нуждаются в проработке.

Так, например, существует множество исследований феномена «алиментов», которые базируются лишь на нормативно-правовых вопросах, социологическое же исследование позволит рассмотреть процесс со всех сторон, такое исследование направлено не только на рассмотрение проблемы через призму законов, но и непременно затрагивает социальные, культурные и другие аспекты.

При исследовании феномена неуплат алиментов должниками нельзя обойтись без комплексного междисциплинарного подхода к изучению данной проблемы, включающего в себя культурологию, правоведение и психологию. Исследовать проблему необходимо в том числе с помощью отраслевых социологических дисциплин, среди которых — социология брака и развода, социология родительства, социология конфликта, социология права, социальная психология, социология коммуникаций.

В целях достижения полноты, объективности и полезности как исследования, так и его итогов необходимо описать социальный портрет должника, уклоняющегося от алиментных выплат. Этого можно достичь с помощью специальных социологических теорий, таких как: теория «социального поведения» (бихевиоризм), теория «социальных взаимодействий», авторами которых являются Г. Зиммель, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Сорокин; концепция «стигматизации» (Дж. Мид, Г. Беккер, Р. Линтон, Р. Дарендорф) и особенно большое внимание следует уделить «идеальным типам» М. Вебера.

Важнейшим методологическим инструментом Вебера является категория «идеального типа», который являет собой «интерес эпохи», представленный в виде теоретической конструкции. Вебер подчеркивал, что идеальный тип есть лишь средство, а не цель познания, используя прием разграничения исторических и социологических идеальных типов: «Социология, как это уже многократно предполагалось в качестве само собой разумеющегося, создает понятия типов и ищет общие правила событий в противоположность истории, которая стремится к каузальному анализу... индивидуальных, важных в культурном отношении действий, образований, личностей» [7, с. 545]. Вебер называет идеальный тип продуктом нашей фантазии, «созданным нами самими чисто мыслительным образованием» [7, с. 194–197].

Теория идеальных типов Вебера строится на четырех базовых типах социального действия, а именно: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. Целерациональные социальные действия в широком понимании предполагают, что человек, выбирая стратегию поведения, ориентируется на максимальную рациональность, т. е. происходит предвидение и оценивание всех

последствий. В свою очередь, ценностно-рациональное действие характеризуется убеждениями, самодостаточной ценностью самого поступка, т. е. в качестве цели выступает само действие как таковое. Традиционный тип социального действия основан на подражании тем или иным образцам поведения, привычкам, часто совершается автоматически. И наконец, действия, которые наименее осмыслены и осознанны, относятся к четвертому типу социального действия по Веберу — аффективные. Главной характеристикой такого типа действия является подверженность эмоциональному состоянию, этим оно прямо противоположно целерациональному действию.

Беря в основу социологического исследования социальный портрет должника, уклоняющегося от алиментных выплат своему ребенку или детям, можно полагать, что результаты исследования правильно было бы соотнести именно с этими четырьмя социальными типами действий. Ведь действие или бездействие того или иного родителя, уклоняющегося от алиментных выплат, базируется на стратегии выбора тактики поведения. Важно понимать, что нельзя подогнать всех должников по алиментам под один ранжир и составить единый для всех или даже типичный социальный портрет. Необходимо изучить проблему во всем многообразии, к тому же неплательщиками являются не только маргинальные слои населения, потому необходимо учитывать все аспекты.

В качестве примера рассмотрим ситуацию: родитель, который перечисляет своему ребенку алименты в виде незначительных сумм или пользуется «лазейками» в нормативно-правовых актах, вынужден делать это потому, что не может платить больше в целях сохранения и поддержания своей жизни. Данная стратегия поведения характерна для целерационального типа действия. Те мужчины и женщины, которые просто не считают нужным выплачивать алименты, могут быть отнесены к людям, использующим ценностно-рациональную стратегию поведения. Соответственно, если родитель не выплачивает алименты ребенку или детям потому, что являются должниками его или ее друзья, знакомые или в свое время не платил алименты один из его родителей в детстве, то в данной ситуации имеет место традиционный тип социального действия. Если родитель не помогает своему ребенку или детям алиментами потому, что в принципе не желает и не собирается выплачивать, то нетрудно догадаться, что такая стратегия поведения носит аффективный характер.

Изучение социального портрета алиментщика, уклоняющегося от выплат, позволит решить ряд вопросов, связанных с выявлением проблемных процессов в системе «алиментирования», и позво-

лит выявить препятствия реализации алиментных выплат в добровольном порядке.

Данное социологическое исследование дает возможность рассмотреть острые проблемные стороны развития и трансформации института родительства, а также может способствовать созданию и корректировке макетов социальной рекламы, совершенствованию каналов коммуникации, направленных на формирование у родителей обязанности выплачивать алименты, внедрению рекомендаций, позволяющих усовершенствовать политику проведения взысканий с должников, уклоняющихся от уплаты алиментов.

Библиографический список

1. Шрайбер А. Н, Коростелева О. Т. Социальный институт родительства в Алтайском крае: факторы функционирования и пути дальнейшего развития : монография. Барнаул, 2015.

2. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

3. Конституция Российской Федерации (с гимном России). М., 2010.

4. Семейный кодекс Российской Федерации (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1996. № 1.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) // СЗ РФ. 1994. № 2.

6. Федеральная служба государственной статистики / Сведения о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов за январь — декабрь 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

7. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

А. Д. Лобанова (Барнаул)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Научный руководитель — Е. А. Попов

Последнее время российская власть проявляет устойчивую заинтересованность к сфере социально-экономического предпринимательства и реализации социальных проектов в бизнесе. Это можно

заметить как на федеральном, так и на региональном уровнях. Не раз со стороны государства была обозначена тенденция к осуществлению поддержки «представителей малого бизнеса», которые занимаются социально ответственной деятельностью и способствуют решению проблем современного общества.

По причине недостаточной проработанности теоретической базы на 2018 г. законодательство РФ не имеет отдельного общеправового раздела, посвященного реализации социальных проектов в бизнесе и социальному предпринимательству. Это означает отсутствие законодательной базы, которая могла бы регулировать данные вопросы, способствовать разработке более простых правил для процесса регистрации предприятий и снижать уровень налогов для предпринимателей.

Термин «социальное предпринимательство» в российских официальных документах — «явление достаточно редкое». Впервые данное словосочетание было употреблено в 2011 г. при разъяснении проекта Приказа Министерства экономического развития (в дальнейшем Минэкономразвития), направленного на реализацию мероприятий по государственной поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, повлиявшего на перераспределение грантов субъектами РФ [1, с. 48].

В приказе впервые разъяснено данное понятие. Под социальным предпринимательством, по мнению Минэкономразвития, следует понимать «социально ответственную деятельность субъектов среднего, малого и микропредпринимательства, направленную на решение социальных проблем». Определены два направления, при которых данные субъекты вправе подать заявку на государственную поддержку в виде грантов начинающим на создание собственного бизнеса:

- обеспечение занятости инвалидов, матерей, имеющих детей в возрасте до трех лет, лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также лиц, освобожденных в течение двух лет из мест принудительного заключения, если среднесписочная численность указанных категорий граждан среди таких работников составляет не менее 50%, а их доля в фонде оплаты труда — не менее 25%;
- предоставление услуг (производство товаров) в объеме не менее 50% от величины ежегодных доходов предприятия, деятельность которого должна осуществляться в таких сферах как:
 - содействие профессиональной ориентации и трудоустройству, включая содействие самозанятости;
 - социальное обслуживание граждан, услуг здравоохранения, физической культуры и массового спорта, проведение занятий

в детских и молодежных кружках, секциях, студиях (по стоимостным характеристикам доступным для граждан с доходами на уровне средних для субъекта Российской Федерации);

- выпуск периодических печатных изданий, а также книжной продукции, связанной с образованием, наукой и культурой, за исключением носящих рекламный или эротический характер [2, с. 104].

Важно отметить, что приоритет при выделении субсидий на развитие малого и среднего бизнеса будет отдаваться социальным предпринимателям.

На практике социальными предпринимателями могут быть юридические лица любых организационно-правовых форм: коммерческие организации; НКО; индивидуальные предприниматели. В связи с этим под социальным предпринимательством понимается предпринимательская деятельность индивидуальных предпринимателей (ИП), коммерческих организаций (КО), некоммерческих организаций (НКО), направленная на достижение социально значимых целей, при которой извлечение указанными организациями прибыли в интересах участников не является основной целью их деятельности и, в случае получения таковой, она, как правило, используется в большей части для реинвестирования в деятельность указанных организаций для достижения поставленных социально значимых целей.

Актуализация этой проблемы способствовала изменению нормативно-правовой базы. В частности, законодательно установлено, что социальные услуги должны предоставляться в соответствии с регламентами, государственными стандартами. В связи с этим следует отметить ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в РФ», который дает реальную возможность ведения социального предпринимательства в области социального обслуживания. В законе речь идет о тех элементах, которые включает в себя система социального обслуживания, в которой появляются такие элементы социального обслуживания, как негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги; индивидуальные предприниматели, осуществляющие социальное обслуживание. Законодатель предоставляет площадку правовых возможностей для реализации социального предпринимательства, проектов в области социального предпринимательства в такой важнейшей области, как социальное обслуживание. Таким образом, в российском законодательстве формально закреплена возможность участия юридических лиц

различной организационно-правовой формы, в том числе и социально ориентированных коммерческих и некоммерческих организаций, в предоставлении социальных услуг [3, с. 273].

Важнейшим из основных источников права, который имеет отношение к социальному предпринимательству, является Гражданский кодекс РФ. В нем содержится определение предпринимательской деятельности, основные положения которого регулируют деятельность всех организационно-правовых форм, в рамках которых возможно ведение социального предпринимательства в РФ на сегодняшний день.

Также необходимо отметить Налоговый кодекс Российской Федерации, устанавливающий систему налогов и сборов. По словам экспертов, нет необходимости вводить льготы для социальных предпринимателей, но можно предусмотреть ряд налоговых льгот для доноров, жертвующих в пользу социальных предприятий. Это, в свою очередь, позволит привлечь в сектор частных крупных инвесторов и содействовать его развитию. Со стороны Правительства поддерживается инициатива Минэкономразвития РФ о предоставлении юридического лицам права относить на расходы пожертвования благотворительным организациям, отдельным НКО и религиозным организациям. Максимальный размер отчислений предлагаем установить в пределах 10% налогооблагаемой прибыли. Для того чтобы снизить налоговую ставку, многие социальные предприниматели в России используют разнообразные формы НКО, а индивидуальные бизнесмены регистрируются как представители малого и среднего бизнеса.

Кроме того, необходимо обратить внимание, что в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» предусмотрены существенные изменения инфраструктурного обеспечения пожилого населения услугами, направленными на удовлетворение их специфических социальных потребностей. В этом свете возрастает необходимость в теоретическом и практическом обновлении экономических и организационных основ функционирования системы предоставления услуг населению.

Отрадно замечать, что все большее число бизнесменов и предпринимателей проникается идеями филантропии и становится активными участниками общественно полезной деятельности. Многие небольшие компании регулярно делают пожертвования на благотворительные нужды, некоторые из представителей бизнеса предлагают специальные цены для малоимущих категорий граждан, другие фирмы участвуют в благотворительных проектах и акциях.

Предприниматели, занимающиеся социально значимой деятельностью, способствуют развитию бизнеса и расширению его географиче-

ских границ. Представители социального предпринимательства активно делятся знаниями, наработанным опытом и проверенными методами работы с теми, кто готов идти по их стопам. В этом смысле социально ориентированные предприятия становятся опорными точками развития гражданского общества и его плодотворного функционирования.

Библиографический список

1. Зайнашева З. Г., Мешкова Н. Г. Особенности социальных предпринимателей и понятие социального предпринимательства // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 1 (23).

2. Гришина Я. С. Публично-правовые средства государственной поддержки социальных предприятий малого и среднего бизнеса // Вестн. Саратовского гос. социально-экономич. ун-та. 2016. № 5.

3. Кныш Н. А. Социальный проект как бизнес: практика государственной поддержки // Инновационное развитие территорий: государство, бизнес, общество / под ред. О. С. Нагорной, А. В. Молодчика. 2015.

А. А. Монгуш (Республика Тыва, Кызыл)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В нашей стране, где проживает более 193 национальностей, очень сложно переоценить значимость изучения межэтнических отношений. Так, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. особо отмечается важность мер по проведению мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Каждый регион Российской Федерации имеет специфические особенности и своеобразный характер межэтнических отношений. Республика Тыва, где проживает более 80 национальностей, каждая из которых обладает богатой материальной и духовной культурой, в данном ключе не является исключением [1, с. 201].

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Тыва проживали 87 национальностей и народностей (в 2002 г. —

112). Наиболее многочисленными национальностями в республике являются тувинцы и русские (249,3 и 49,4 тыс. человек соответственно). В общей численности населения из лиц, указавших свою национальную принадлежность, доля тувинцев составила 82,0%, русских — 16,3% (в 2002 г. 77,0% и 20,1% соответственно) [2].

С целью определения состояния межэтнических отношений в 2018 г. в Республике Тыва методом анкетирования опрошено население старше 18 лет. В опросе приняли участие 900 респондентов, среди них мужчин — 44,8%, женщин — 55,2%. По возрастным группам респонденты распределились следующим образом: в возрасте 18–30 лет — 28,4%, 31–40 лет — 27,2%, 41–55 лет — 27,1%, 56 лет и старше — 17%. Исследование проводилось с использованием многоступенчатой выборки с квотным отбором. Опрошено население гг. Кызыл и Ак-Довурак, а также жители семи кожуунов (районов). Для проведения исследования отобраны районы трех типов:

1. Районы, где проживает значительное количество русского населения (г. Кызыл, Каа-Хемский, Пий-Хемский, Тандинский р-ны).

2. Районы со значительным доминированием тувинского населения (г. Ак-Довурак, Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Улут-Хемский р-ны).

3. Районы тувинско-монгольского приграничья (Эрзинский р-н). Исторически глубокими культурными и этническими связями с монголами отличался Эрзинский кожуун (район). Большая часть его населения понимает и говорит на монгольском языке [3].

Согласно данным опроса, около половины респондентов (48,2%) считают, что за последний год отношения между людьми разных национальностей в республике не изменились. По мнению 26,9% опрошенных, отношения между людьми разных национальностей изменились в лучшую сторону. Негативные же тенденции отметили 7,8% респондентов.

Что касается межэтнических отношений, то 15,8% населения оценивали их как доброжелательные. Чуть больше половины жителей (55,9%) считают отношения между людьми различных национальностей нормальными, бесконфликтными. Следует отметить, что по результатам исследований 2015–2018 гг. межэтнические отношения в республике в целом носят стабильно положительный характер. Так, в 2017 г. межэтнические отношения положительно оценивали 72% опрошенных («46% — хорошие», «26% — скорее нормальные, чем напряженные»), в 2016 г. — 78%, в 2015 — 70%.

Для 11,8% респондентов межэтнические отношения являются конфликтными, напряженными. Отношения между людьми различных

национальностей для 0,7% опрошенных являются взрывоопасными, способными перейти в открытые столкновения.

Как показали данные опроса, 85,0% опрошенных с нарушением прав или ограничением возможностей из-за национальной принадлежности при поступлении на работу, продвижении по работе, при обращении в государственные учреждения не сталкивались. 7,2% гражданам за последний год приходилось сталкиваться с нарушением своих прав.

В ходе исследования мы спросили жителей республики об их участии в разного рода стычках, перебранках в связи с межнациональной неприязнью. Так, 63,8% граждан за последний год лично не участвовали и не наблюдали ссоры, перебранки, стычки, конфликты. Каждый четвертый респондент (23,4%) признался, что сам не участвовал, но наблюдал подобные сцены. Доводилось наблюдать и самому участвовать в ссорах, перебранках, стычках, конфликтах в связи с межнациональной неприязнью 4,9% граждан.

По данным опроса, 77% респондентов негативные чувства к людям других национальностей не испытывают. Испытывают неприязнь к представителям иной национальности 15,1% опрошенных.

Напротив, негативные чувства по отношению к себе испытывали 12,0% граждан. 81,3% не испытывали неприязнь или враждебные отношения к себе из-за своей национальности.

По результатам исследования, выявлено личное отношение респондентов к основным этническим группам, проживающим в республике. Помимо русских и тувинцев, к относительно многочисленным группам можно отнести хакасов, киргизов, армян.

Подавляющее большинство опрошенных выразили положительное отношение к тувинцам (98%), русским (85%), хакасам (66%). Стоить отметить, что взаимоотношения между русскими и тувинцами доброжелательные. Как показали данные, 85% тувинцев относятся к русским хорошо, а 89% русских хорошо относятся к тувинцам.

Половина опрошенных выразила негативное отношение к армянам и киргизам. Каждый второй тувинец плохо относится к киргизам (52,7%, русские — 14,2%) и армянам (51%, русские — 35,7%).

Таким образом, если говорить о состоянии межэтнических отношений в республике, то оно в целом благоприятное. Население характеризует отношения между людьми различных национальностей как нормальные, бесконфликтные. Нет острых конфликтных моментов во взаимоотношениях разных этнических групп. Несмотря на это, население республики демонстрирует наличие негативных установок к представителям ряда национальностей, что, безусловно, тре-

бует внимания. Отметим, что межэтнические отношения — особый вид взаимоотношений, который в условиях полиэтнического общества требует грамотной государственной политики.

Библиографический список

1. Монгуш А. А. Межэтнические отношения в оценках населения Республики Тыва // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2.

2. Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krasstat.gks.ru/>.

3. Ойдуп Т. М., Кылыгдай А. Ч Особенности межэтнических связей населения тувинско-монгольского приграничья // Федеральный образовательный портал. ЭСМ [Электронный ресурс] URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/29/1251348792/Oydup.pdf>.

А. В. Мотина (Барнаул)

СТЕРЕОТИПЫ О ПРОФЕССИЯХ ПРАВОВОЙ СФЕРЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВУЗОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Социальные стереотипы являются одним из постоянных конструктов, сопровождающих жизнь общества на любом этапе его развития. Под стереотипом принято понимать создаваемые культурой образы людей из других групп, которые призваны объяснить их поведение и дать им оценку [1, с. 116]. Их содержание и распространенность могут варьироваться в зависимости от множества факторов, которые определяют социальные отношения в социуме.

Низкая правовая культура населения в совокупности с некой дистанцированностью правовой сферы от обычного человека порождают множество стереотипов, которые не всегда являются объективными и соответствующими действительности. Как показывают ранее проведенные исследования, личный опыт и социальное окружение индивида являются основными источниками формирования и трансформации социальных предубеждений [2, с. 20]. В рамках правовой реальности данное взаимодействие происходит через кон-

такты с представителями профессиональных сообществ, существующих в изучаемой нами сфере. Профессии, выступая в качестве одного из немногих каналов для взаимодействия с дистанцированной от человека правовой сферой, оказываются максимально наполненными стереотипами и предубеждениями.

Профессиональную деятельность в правовой сфере условно можно разделить на три больших сферы — это правотворческая, правоохранительная и правоприменительная деятельность [3, с. 12]. В рамках проводимого нами исследования в соответствии с изложенной выше типологией были изучены пять профессий: депутат, полицейский, судья, адвокат и прокурор. Изучение стереотипов, присущих данным профессиям, было проведено с помощью метода фокус-группового исследования в два этапа. Участниками первого этапа исследования стали студенты Алтайского государственного медицинского университета, Алтайского государственного технического университета, Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина, Алтайского государственного института культуры. В рамках проведенных со студентами фокус-групп был составлен массив из 62 стереотипов об изучаемых нами профессиях. В целом их содержание носит скорее негативный характер. Всего 15% массива характеризуют представителей правовой сферы с положительной стороны.

В рамках второго этапа исследования была проведена фокус-группа, участниками которой стали студенты, получающие высшее образование, связанное непосредственно с правовой сферой. Это были учащиеся Барнаульского юридического института и юридического факультета Алтайского государственного университета. Целью данного этапа была оценка ранее составленного массива стереотипов будущими представителями правовой сферы и включение в него новых, ранее не упомянутых предубеждений. Основной характеристикой проведенной дискуссии можно назвать низкую степень несогласия со стереотипами, которые были названы в рамках первого этапа исследования. Данный эффект может быть свидетельством объективности стереотипов, так как их подтверждают будущие представители данной профессии, которые уже отчасти погружены в профессиональную сферу. По результатам второго этапа исследования в массив стереотипов было добавлено 16 новых предубеждений. Стоит отметить, что все они вносят скорее положительную окраску в стереотипизированные образы изучаемых профессий.

Полученный в результате исследования массив из 78 стереотипов о пяти профессиях правовой сферы в целом можно оценить как скорее

негативный. Лишь 32% предубеждений носят положительную окраску и 7% нейтральную. Процентное соотношение среди разных профессий почти совпадает с показателями по массиву в целом. Среди изучаемых профессий наибольший процент положительных предубеждений (39%) характерен для профессии полицейского. Наибольший процент негативных стереотипов (62%) характеризует профессиональную деятельность депутата.

В рамках исследования были выявлены несколько стереотипов, которые указывались для всех пяти изучаемых профессий. К ним относятся взяточничество, коррумпированность, нарушение законов, большой доход, несправедливость при осуществлении деятельности, безэмоциональность, безнаказанность. Можно сказать, что они отчасти описывают всю правовую деятельность изучаемой нами сферы, характеризуя ее скорее с негативной стороны.

Среди профессий, характеризующих правоприменительную деятельность (адвокат, судья, прокурор), помимо вышеперечисленных, характерных в целом для правовой сферы, есть ряд общих предубеждений. К ним относятся преемственность профессии, безразличие к людям, халатность, большая ответственность и оторванность от реальности (погруженность «в бумаги»). Все это так же характеризует с определенной стороны деятельность судебной системы нашей страны и негативное отношение к ней со стороны населения.

Стоит отметить, что профессии депутата, судьи и прокурора образуют каждая свой целостный самостоятельный непротиворечивый стереотипизированный образ, в котором содержатся личностные, поведенческие, демографические характеристики, складывающиеся в единое целое. Стереотипизированные образы профессий полицейского и адвоката, напротив, весьма противоречивы и содержат некоторые противоположные по смыслу стереотипы (полицейский всегда поможет окружающим / полицейские не хотят помогать людям; адвокат заинтересован в защите подопечного / адвокатам «плевать» на подопечных). Как отмечают некоторые исследователи, данные профессии действительно имеют двойственную оценку в общественном сознании [4, с. 98]. Во многом это связано с наиболее короткой дистанцией и частыми взаимодействиями данных профессий с обычными людьми, по сравнению с остальными профессиями правовой сферы.

Таким образом, каждая из профессий правовой сферы характеризуется многочисленными и разнообразными стереотипами, большинство из которых носят скорее негативный характер. Ряд предубеждений, характерных для всех профессий, олицетворяет право-

вую сферу в целом и кризис общественных отношений, существующих в рамках правовой реальности. Одним из способов его преодоления является разрушение ложных стереотипов и актуализация положительных, что будет способствовать нормализации взаимодействий в данной сфере.

Библиографический список

1. Лимпан У. Общественное мнение. М., 2004.
2. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азийского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.
3. Радачинский Ю. Н. О структуре и методологии исследования юридической деятельности // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2010. № 1.
4. Бочаров Т. Ю. Адвокатская профессия как сообщество практики // Социология власти. 2016. Т. 28. № 3.

А. И. Никифорова (Барнаул)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА ЧАЙЛДФРИ

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

На сегодняшний день междисциплинарность — актуальная проблема современной науки. Безусловно, в перспективе рассматривается активное взаимодействие социологии с другими науками. Но и в настоящий момент социология вбирает в себя знания из других наук. Ярким примером являются исследования социального феномена чайлдфри. Чайлдфри — социальный феномен, предполагающий сознательный отказ иметь детей и следование индивидом нормам бездетности.

Существуют различные подходы к изучению социального феномена чайлдфри. Первый подход — по содержанию определения, в котором исследователи рассматривают данный социальный феномен с различных точек зрения.

В рамках этого подхода чайлдфри рассматривается, во-первых, как идеология. Система взглядов чайлдфри определяется аргументами о том, почему необходимо отказаться от роли родителей, воздействуя на молодых людей, имеющих доступ к неограниченному количеству

информации через Интернет. Их ценности находятся пока еще на стадии формирования. Выбрав для себя путь следования идеологии добровольной бездетности, молодые люди обращаются к тем выученным аргументам, критически проанализировать которые многие из них не в состоянии [1, с. 7–10].

Во-вторых, социальный феномен чайлдфри изучается как личностная философия. В данном случае чайлдфри также является системой взглядов, но с той особенностью, что это не выходит за рамки одного индивида и тот является только их пассивным носителем.

В-третьих, имеет значение понимание чайлдфри как контркультуры. При данном рассмотрении социального феномена чайлдфри является разрушителем традиционных семейных ценностей.

Также некоторые исследователи определяют чайлдфри как субкультуру. Чайлдфри в этом смысле — сфера культуры, существующая внутри господствующей культуры детоориентированного поведения, при этом имеющая собственные ценностные установки, не оказывающие агрессивного противодействия ценностям установкам большинства.

Представляет особый интерес взгляд на этот социальный феномен как на социальное движение, пропагандирующее бездетный образ жизни и переносящее личностную философию на взгляды многих людей, что приводит к политизированности идей добровольной бездетности. Подобное движение предопределяет негативное отношение активистов чайлдфри к женщинам с предельной степенью детоориентированности. Эти женщины требуют особого, привилегированного отношения к себе по причине своего материнства, при этом они могут допускать попустительство в воспитании своих детей, а также не считать с комфортом окружающих [2, с. 2].

Кроме того, чайлдфри предстает в ряде исследовательских работ как недетоориентированное поколение женщин. Такое понимание чайлдфри позволяет показать и проанализировать само поведение, исходящее из недетоориентированности, изучая при этом женщин различных возрастных групп.

Наконец, социальный феномен чайлдфри исследуется и как социальная девиация. Чайлдфри — поведение, отклоняющееся от общепринятых устоявшихся общественных норм и выражающееся в агрессии и педофобии, что приводит к образованию сообщества «чайлдхейт», или детоненавистников, перешедших на разрушительный уровень неприятия идеи материнства.

Второй подход — изучение социального феномена чайлдфри с точки зрения различных наук.

В социологии социальный феномен чайлдфри изучается на макро-социологическом и микросоциологическом уровнях. На макросоциологическом уровне отмечаются изменения в модели формирования семьи. Так, Т. М. Дадаева говорит, что появление чайлдфри — результат структурных изменений в обществе, трансформации семьи и гендерных отношений. Также отмечается, что в настоящее время появляются бездетные супруги, которые не имеют проблем со здоровьем и при этом не желают иметь детей [3, с. 460–465].

На микросоциологическом уровне можно отметить влияние отдельных представителей чайлдфри на других людей как путем психологического давления, так и агрессией по отношению к лицам, не разделяющим идеи чайлдфри. Л. Чанси заметила увеличение численности чайлдфри и предположила, что число последователей будет расти только до определенного уровня, после чего останется. Также она пришла к выводу, что добровольная бездетность характерна для слоев населения с более низким уровнем дохода и образования.

В культурологии и конфликтологии исследуется трансформация аксиологических основ современной российской семьи, где выявляется кризис гендерной культуры. Кризис гендерной культуры на фемининном уровне выражается в нежелании женщин следовать семейным ценностям, в частности, ценностям, направленным на материнство. Женщины, следующие нормам добровольной бездетности, сталкиваются с трудностями в связи с тем, что благодаря коллективистскому характеру российской культуры общество испытывает трудности с социальным принятием чуждой классическому детоцентризму позиции, выражающейся в отказе от рождения и воспитания детей. Подобное поведение заставляет недеотоориентированную часть общества занимать оборонительную позицию, что проявляется в словесной борьбе на телевидении и в сети Интернет [4, с. 61–62].

В психологии чайлдфри — следствие инфантилизации общества. Отмечается позднее взросление молодого поколения, характеризующееся продлением периода детства, нежеланием брать ответственность за собственную жизнь, низкой мотивацией достижения. По мнению В. А. Луговского, Т. В. Петренко, Л. В. Сысоевой, «социокультурные установки потребительского характера предопределяют определенный поведенческий стереотип, которому в большей степени присущи игровые формы жизни, протестные реакции и сниженная мера ответственности» [5, с. 2]. С точки зрения современной психологии такое явление называется феноменом кидалтов (от английского kid — ребенок, adult — взрослый). Типичные кидалты — люди от 20

до 40 лет. И, конечно, становится понятным, что основная масса таких людей — чайлдфри.

В филологии социальный феномен чайлдфри рассматривается сквозь призму текста, продуцируемого приверженцами идей чайлдфри. Так, Ю. А. Антонова изучает коммуникативные стратегии и приемы, используемые членами виртуальных сообществ чайлдфри, в текстах, пытаясь понять, имеют ли они экстремистский характер или же это проявление свободы слова и свободы выбора жизненного пути граждан. Как известно, огромную роль в освоении человеком мира играет формирование бинарных оппозиций. Автором отмечается, что в коммуникативных практиках чайлдфри используют оппозицию «мы и они», в которой положительные предпочтительные черты приписываются своей группе, которая должна выгодно отличаться от других [6, с. 173]. Определено, что в основном «чужие» или «они» для чайлдфри — это люди, выступающие за запрет аборт и контрацепции; общество, которое навязывает традиционные стереотипы; невоспитанные дети, безответственные родители. В то время как «свои» или «мы» — успешные образованные люди, счастливые пары, не обремененные детьми, люди, которые не боятся показать свою свободу выбора [6, с. 194].

В социальной антропологии изучение социального феномена чайлдфри также имеет свои особенности. В работе «Childless or Childfree? Women's Narratives of Ambivalence and Identity» автор размышляет об амбивалентности понимания бездетных женщин. Некоторые женщины не хотят иметь детей не из-за проблем со здоровьем или одной прямой причины, а из-за сложного сплетения факторов. Автор говорит о том, что в основном фигура женщины, не имеющей детей, имеет более противоречивые стороны, влияющие на осознание собственной причастности к определенному гендеру. Также устанавливается различие между бездетными и добровольно бездетными («свободными от детей»), которое заключается именно в идентификации себя как чайлдфри [7, с. 23].

Таким образом, существует множество различных подходов к изучению социального феномена чайлдфри. Этот феномен стоит рассматривать комплексно, обращаясь и к различным наукам, и к различным мнениям исследователей.

Библиографический список

1. Бичарова М. М., Морозова О. В. Идеология чайлдфри и ее влияние на современную систему семейных ценностей // Глобальный научный потенциал. 2016. № 12 (69).

2. Рачицкая М. К., Петровская О. А. Движение чайлдфри в молодежной среде [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scienceforum.ru/2015/pdf/10358.pdf>.

3. Дадаева Т. М. Семьи чайлдфри в регионе: миф или реальность? // Научный диалог. Регионоведение. 2017. Т. 25. № 3.

4. Клименко Н. С. «Чайлдфри» и «Яжемать» как биполярные категории современной феминности // Вестник КемГУКИ. 2017. № 40.

5. Луговский В. А., Петренко Т. В., Сысоева Л. В. Теоретические подходы к анализу проблемы сепарации в отечественной и зарубежной психологии // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 119.

6. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию childfree: на грани экстремизма // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (3).

7. McCutcheon T. Childless or Childfree? Women's Narratives of Ambivalence and Identity // Dalhousie University Halifax. Nova Scotia. 2017.

К. А. Оргина (Барнаул)

МЕСТО И РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Научный руководитель — О. Н. Замятина

С термином «социология» встречался каждый из нас, поскольку в современном мире мы часто сталкиваемся с различными социологическими исследованиями, о результатах которых нам сообщают в СМИ, газетах и Интернете. Например, предвыборные исследования, которые говорят нам о рейтинге какого-либо политического кандидата, или же исследования, связанные с мнением людей о городе, экологии, моде и многом другом, ведь социологический опрос можно провести абсолютно на любую тему. Даже промышленные предприятия заказывают специальные социологические исследования для того, чтобы определить различные характеристики, которые помогают улучшить производство: условия труда, качество товара и т. д. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что место и роль социологии в социально-гуманитарном знании достаточно актуально для современного общества. У социологии настолько широкий спектр для изучения, что эта наука просто необходима обществу, чтобы оно гармонично развивалось.

В связи с тем что социология охватывает почти все аспекты жизнедеятельности общества, интересно узнать, какое место она зани-

мает в системе социально-гуманитарных наук. Изучением социологии занимались К. Маркс, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, О. Конт, М. Вебер, Г. Спенсер и другие ученые. Все они говорили о том, что социология — это разветвленная система, которая включает общую социологическую теорию о становлении, развитии и функционировании общностей различных уровней и об отношениях между ними, исследует массовые социальные процессы и типичные социальные действия людей и многое другое.

В XXI в. место и роль социологии в системе социально-гуманитарного знания изучали В. Я. Ельмеев, С. А. Кравченко, В. К. Левашов, Л. Г. Титаренко.

Единство философского и социологического знания проявляется в том, что многие выводы и постулаты философии близки выводам и постулатам теоретической социологии, теории и методологии социологической науки. Но это не означает их идентичности или тождественности. Если философия дает представление о картине мира, природы и общества, показывает, что есть, каково происхождение тех или иных процессов и явлений, создает идеальные теоретические модели, игнорируя частности, то социология, обладая как общенаучными, так и специфическими методами познания, стремится ответить на вопросы «что делать», «как и каким образом действовать», доказывая качество изменений социальной реальности во всей их сложности, противоречивости, неповторимости и даже уникальности [1, с. 439].

Социология так же тесно взаимодействует и с историей. Важную составляющую взаимодействия обсуждаемых дисциплин иллюстрируют поиски регуляторов, образцов, принципов, «законов», столь же постоянных, как и законы окружающего, физического мира. Изначально авторы религиозных текстов, философы и историки реконструировали прошлое, оценивали настоящее и предсказывали грядущее на основе выражавшихся или подразумевавшихся социальных ценностей и пред-теорий.

Одним же из оснований, на котором возникла социология, была целеустановка этой науки на выявление «духа» (закона) истории. Аналогии с законами физического мира казались в начале XIX в. особенно убедительными. Новое слово «социология», обозначая новую науку, символизировало подход к базам данных, к их наполнению и использованию, аналогичному естественным наукам того времени (хотя в момент появления на свет социологии понятия «естественные науки» еще не было). Социология вначале в облике «социальной физики» (очевидная метафора), претендуя на способность дать истин-

ные ответы на вопросы о сущности и целях бытия человека, приравнивала понимание развития общества к законам физики или математики, например, закон трех стадий О. Конта — в сущности метазакон истории, отразивший и питавший веру (включая самого Конта) в принудительный характер таких законов. Триада Конта в этом смысле и вся его социология были и философией истории — объяснением (и пророчеством) обусловленного «законами» развития человечества от прошлого к настоящему и идеальному будущему. Не удивительно, что к концу XIX в. в научном мире широкое употребление приобрело понятие историческая социология — в двояком смысле: 1) как практика использования социологами исторических данных, 2) как конструирование «социологии истории», т. е. ее законов и закономерностей [2, с. 15–16].

На всем протяжении второй половины XIX в., однако, представления о структуре научного знания стремительно менялись. История и социология в рамках комплекса гуманитарных и общественных наук уже к концу того столетия претерпели принципиальные перемены и приняли современные формы. Однако среди обществоведов — в значительной мере по инерции — представление об исторической социологии как дисциплине, по преимуществу занятой поиском законов истории и общества, сохранялось еще около полувека [2, с. 15–16].

Перейдем к рассмотрению социологии и экономических наук. Основой интереса традиционных экономических наук является поведение любых хозяйствующих субъектов, подчиненное системе постулатов о рациональном выборе, взаимной независимости (индивидуальности), полезности как убывающей функции объема потребляемых ресурсов, свободной конкуренции. Они — база идеального представления, идеальной модели рыночного хозяйствования [1, с. 447]. Так мы видим разницу между социологией и экономическими науками.

Для того чтобы проследить различия социологии и политических наук, нужно обратиться к истории. Особенно бурное развитие политические науки получили в новое время. XVIII и XIX вв. стали временем развития таких направлений, как политико-правовые вопросы, международная политика, внутренняя политика, и ряда других. Практически каждый ученый-обществовед в это время, анализируя проблемы государства и общества, выходил на те или иные аспекты политической жизни [1, с. 452–453].

Поэтому не удивительно, что развитие политических наук привело к тому, что они встретились в своем анализе политической жизни с социологией. Исследование и понимание политики потребова-

ло конкретики, анализа не только общих, но специфических, особенных задач, характеризующих развитие определенного государства или его части, определенной социальной группы в ее политическом амплуа, более четкого представления о поведении людей на политическом поприще. Удовлетворить эти новые потребности могла успешно развивающаяся в это время новая наука — социология. Именно эта потребность соединить общее и особенное привело к появлению таких мыслителей, которые могут быть представлены и как политологи, и как социологи [1, с. 452–453].

Различие между социологией и правом заключается в том, что право ограничивает свою компетенцию только одной стороной социальной жизни, вызывающей юридическое регулирование, и свой предмет — только одной группой социальных явлений, называемых явлениями права. Праву «интересны» не все общественные отношения, а наиболее важные из них [3, с. 127–128]. Качество общественных явлений, которым занимается правоведение, представляется ... самым важным из всех, и как бы обнимающим и скрепляющим все остальные [4, с. 7].

Социологическое направление представляется наиболее перспективным с точки зрения определения предмета, задач и методов правовой науки. Вместе с тем из анализируемой работы Ю. С. Гамбарова видно, что на самом деле под социологическим правоведением в большей степени понимается историко-сравнительное изучение права. Кроме этого, юристу-ученому предлагается в качестве средства лучшего понимания права изучение социологии, политэкономии и других общественных наук [3, с. 127–128].

Прежде чем перейти к рассмотрению взаимодействий социологии и психологии, нужно определить, что является их предметами изучения. Предмет социологии связан с процессами и явлениями, порождаемыми человеческим обществом. Предмет психологии — с закономерностями индивидуальных психических процессов и явлений [5, с. 8]. Во взаимоотношениях социологии и социальной психологии существует несколько аспектов. Во-первых, есть общие понятия, в одинаковой степени используемые как в той, так и в другой науке. Это такие понятия, как сознание, человек (индивид), поведение (деятельность), мотив, потребности. Во-вторых, ряд понятий в социологию пришло из (социальной) психологии. Некоторые из них приобрели достаточно четкое социологическое звучание (например, стереотип), другие (установка, архетип) лишь частично и не всегда используются социологической наукой. В-третьих, социальной психологией в некоторых философских и социологических понятиях вы-

деляются специфические формы их проявления (например, народ, население — в социологии, толпа — в социальной психологии) [1, с. 464–465].

Краткий обзор развития социологии показывает, что многие проблемы социологии ставятся и решаются в рамках разных наук. В заключение следует отметить, что социология играет значимую роль в системе социально-гуманитарного знания. Главное отличие социологии от других социальных наук в том, что социология изучает общество в целом, как целостную неделимую систему, как особый организм. Данное обстоятельство определяет широту охвата, объем социологического видения и глубину исследований. Именно из-за того, что социология изучает общество в целом, она связана с другими науками, так как все остальные науки, такие как экономика, политология, культурология, история и др., занимаются исследованием только одной сферы общества.

Библиографический список

1. Тощенко Ж. Т. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. М., 2009.
2. Романовский Н. В. Социология и история: перспективы взаимодействия // Вестник РГГУ. 2010. № 3 (46).
3. Кейванов А. И. Ограничение предмета юриспруденции и взаимодействие социологии и права в юридической мысли конца XIX — начала XX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9.
4. Гамбаров Ю. С. Задачи современного правоведения. Спб., 1907.
5. Чернова Н. В. Современные проблемы социологии и психологии чтения // Вестник Московск. гос. ун-та печати. 2013. № 8.

А. В. Прудникова (Барнаул)

КОМПЬЮТЕРНО-ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ У ПОДРОСТКОВ

Сегодня сложно представить современного человека без компьютера, ведь это изобретение стало настоящим помощником для каждого из нас. Компьютеры используют во всем мире. Они применяются на предприятиях, на производстве, дома, в государственных учреждениях и благотворительных организациях. В школе на компьютерах учатся и ведут записи об учащихся, в больницах на компьютерах хранят истории болезни. Практически в каждом доме есть компью-

тер, и трудно найти сферу деятельности, где бы его не использовали в той или иной степени. Мы работаем за компьютером, используя специальные программы, а также общаемся в социальных сетях, находим новых друзей или тех, с кем давно потеряна связь, а также играем в компьютерные игры.

Безусловно, компьютер стал неотъемлемой частью нашей жизни, но иногда увлечение компьютерными играми заменяет привычную повседневную жизнь с реальным общением, развлечениями и отдыхом. Где та грань, переступив которую человеку уже трудно вернуться в реальный мир, где жизнь не концентрируется на компьютере? На этот вопрос ответить достаточно сложно, но точно известно, что одни люди более подвержены компьютерной зависимости, нежели другие. Для начала давайте рассмотрим, что же такое «компьютерная зависимость». Компьютерная зависимость — это чрезмерное увлечение компьютером, его постоянное использование даже тогда, когда в этом нет реальной необходимости. Говоря о компьютерной зависимости и интернет-зависимости, которые буквально поглощают разум миллионов людей. Итак, игровая компьютерная зависимость — это особая форма психологической зависимости, которая проявляется в чрезмерном увлечении компьютерными играми и видеоиграми. Интернет-зависимость — это постоянное стремление использовать Интернет, проведение большого количества часов в Сети.

Возвращаясь к вопросу о том, кто рискует стать зависимым от компьютера и кто более других подвержен его влиянию, надо сказать, что немало исследователей занимались изучением этой проблемы. Если взрослые люди становятся жертвами компьютерной зависимости, игровой компьютерной зависимости и интернет-зависимости, что уж говорить о детях и подростках, чье сознание еще не окрепло. В этой связи кажется особенно интересным исследование отечественного ученого В. Л. Малыгина и его коллег, которое дает ответы на поставленные в данной статье вопросы. Исследование посвящено изучению личностных особенностей подростков, склонных к интернет-зависимости. У этих подростков были выявлены выраженные тенденции к поиску новых ощущений, менее компетентный по сравнению с контрольной группой стиль общения, эмоциональная отчужденность, снижение способности управлять эмоциями и настроениями, неустойчивость эмоциональных проявлений, конформность поведения, зависимость от группы, низкая стрессоустойчивость, склонность к чувству вины [1, с. 86–92].

М. С. Родионова и Т. С. Спиркина в своем исследовании дают сравнительный анализ особенностей личности интернет-зависимых и испытуемых контрольной группы. У интернет-зависимых ими были выявлены преобладание таких черт личности, как тревожность, эмоциональная неустойчивость, низкий уровень самоконтроля, робость, достаточно высокий уровень депрессии, предпочтение таких копинг-стратегий, как «бегство-избегание», а также «принятие ответственности» [2, с. 113–138].

Н. В. Гребенникова провела исследование в апреле 2016 г. с целью изучения взаимосвязи характерологических особенностей старших подростков и степени выраженности склонности к зависимости от компьютерных игр [3]. В исследовании принял участие 51 учащийся 10–11-х классов (22 девочки и 29 мальчиков) одной из московских общеобразовательных школ в возрасте 16–18 лет. Исследование показало, что 12% школьников имеют сформированную компьютерно-игровую аддикцию, 51% входит в группу риска и у 37% не выявлено каких-либо признаков аддикции.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно выделить два противоположных типа личности, которые могут представлять группу риска формирования зависимости от компьютерных игр у старших подростков. Первый тип связан прежде всего с такими чертами характера, как постоянно повышенный фон настроения в сочетании с жадой деятельностью, высокая активность, импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями. Второй тип отражает наличие склонности к страхам, повышенную робость, пугливость, высокий уровень тревожности, впечатлительность, глубину переживаний в области тонких эмоций. Исследование старших подростков в контексте проблемы зависимости от компьютерных игр позволило сделать следующие выводы:

1. Исследование склонности старших подростков к компьютерно-игровой зависимости выявило достаточно тревожную тенденцию, которая проявляется в том, что большая часть обследованных подростков (51%) оказалась в группе риска по формированию аддикции, а у 12% подростков аддикция была уже полностью сформирована.

2. Наиболее частыми мотивами вовлечения старшеклассников в компьютерные игры являются желание расслабиться, испытать возбуждение, почувствовать себя победителем, в наименьшей степени — уйти от реальности.

3. Выявлены наиболее предпочитаемые жанры компьютерных игр, в которые играют старшие подростки: это массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры и игры по типу action, усиливающие

риск возникновения зависимости благодаря эффекту незаконченного действия; оказалось, что в наименьшей степени подростков привлекают развивающие игры.

4. Сравнение особенностей формирования игровой аддикции в зависимости от половой принадлежности выявило достоверно большую ее выраженность у мальчиков по сравнению с девочками. Также различия обнаруживались в том, что мальчики и девочки предпочитали разные типы игр: если мальчики больше увлекались массовыми многопользовательскими ролевыми онлайн-играми, то девочки, как правило, отдавали предпочтение развивающим играм.

5. Результаты корреляционного анализа позволили высказать предположение о том, что склонность к зависимости от компьютерных игр выражена в большей степени у тех подростков, у которых имеют место такие акцентуации характера, как гипертимность, эмоциональность, тревожность и возбудимость.

Поскольку в той или иной степени мы все в повседневной жизни пользуемся персональными компьютерами, гаджетами, планшетами и смартфонами, игровая компьютерная и интернет-зависимость может коснуться каждого из нас и наших близких, ведь эта зависимость возникает незаметно. Поэтому родителям необходимо уделять своим детям время, поддерживать увлечения и интересы своих детей, ограничить время пользования компьютером и стараться разнообразно проводить свободное время с семьей. Только осознав масштаб проблемы, можно ее избежать.

Библиографический список

1. Малыгин В. Л., Хомерики Н. С., Смирнова Е. А. Личностно-характерологические и социальные факторы риска формирования склонности к интернет-зависимости у подростков // Интернет-зависимость. 2009. № 8.

2. Радионова М. С., Спиркина Т. С. Характеристики личностной и эмоциональной сферы пользователей сети Интернет, склонных к интернет-зависимости // Интернет-зависимость. Психологическая природа и динамика развития / под ред. А. Е. Войскунского. М., 2009.

3. Гребенникова Н. В. Характерологические особенности старших подростков, склонных к компьютерно-игровой зависимости // Научн. труды Московского гуманитар. ун-та. 2017. № 3.

М. Д. Пугачев (Барнаул)

РОЛЬ СМИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНВАЛИДНОСТИ

Научный руководитель — Т. В. Сиротина

Роль СМИ как общественного института в социальной интеграции чрезвычайно важна, ведь масс-медиа являются важнейшим инструментом формирования массового сознания, имеющим возможность популяризировать знания о необходимости интеграции, предупреждать возникновение препятствий этому процессу и конструировать возможные пути их устранения.

В нашей стране представление об инвалидах сегодня противоречиво. С одной стороны, общество отзывается на просьбу о безвозмездной финансовой помощи, с другой — самоустраняется от решения проблем этой категории людей, считая это заботой государства, с третьей — в повседневной жизни сторонится их. Притом стереотипы об инвалидности тоже накладываются друг на друга: если наделены слепого особым внутренним зрением — стереотип архаический, то представление о полной неспособности и нетрудоспособности — стереотип современный. И поэтому в общественном сознании не укладывается пропагандируемое «они такие же, как все»: инвалиды отмечены особенностью как с человеческой, так и с гражданской точки зрения. При этом все инвалиды говорят, что их просто не привыкли видеть на улицах: городская инфраструктура не приспособлена для их передвижения, общество не готово принимать их за «своих», и получается, что это люди, о которых вне их мира почти никто ничего не знает.

Исследователи репрезентации социальных проблем в прессе говорят о том, что в условиях борьбы за читателя тема инвалидности закономерно не является приоритетным объектом журналистского интереса.

И. Г. Ясавеев, изучая конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации, делает вывод, что ВИЧ/СПИД, несмотря на тревожные прогнозы медиков, не является интересным, необычным и даже значимым для российских политиков, журналистов и общественности событием. Эта проблема не отвечает вышеназванным критериям: это не событие последних 24 часов, он распространяется постоянно, изо дня в день, не обладая драматичностью, динамизмом и новизной, необходимыми для того, чтобы эта ситуация была «новостью». В общественном сознании произошла своеобразная «нормализация» ситуации с ВИЧ/СПИДом. Для подавляющего большинства россиян ВИЧ по-прежнему остается чем-то далеким,

угрожающим почти исключительно так называемым «группам риска». Можно сказать, что аналогично дело обстоит с проблематикой инвалидности. «Меня это не коснется» — это иллюзия собственного бессмертия, сквозь которую человек смотрит на всех, кого постигло горе. Как мы уже говорили выше, общество привыкло к изоляции инвалидов, поэтому их проблемы, так же как и проблемы зараженных ВИЧ, — это что-то далекое, происходящее с кем-то другим и массовому читателю неинтересное [1, с. 19].

Журналисты не скрывают, что темы, связанные с инвалидами, в СМИ считаются нерейтинговыми.

Как видно, инициативы самих СМИ недостаточно, для того чтобы тематика инвалидности стала постоянно появляться на повестке дня массовых СМИ. Для этого необходимо, чтобы она стала удовлетворять перечисленным критериям и / или стала интересна одной из групп функционеров публичных арен, например государственной власти.

Кроме того, представление социальных проблем средствами массовой информации имеет непреднамеренные «побочные» эффекты, такие как наркотизирующая дисфункция и «усталость сострадать». Наркотизирующая дисфункция состоит в том, что СМИ могут исчерпывающе информировать аудиторию о проблеме, создавая при этом у читателя иллюзию социального участия. Гражданин может быть доволен своим высоким уровнем интереса и информированности, при этом он оторван от реальных социально организованных действий по ее преодолению.

«Усталость сострадать» у потребителей информации происходит примерно так же, как эмоциональное выгорание у людей, связанных по своей профессии с оказанием помощи и деятельностью в чрезвычайных ситуациях: оно возникает от переизбытка событий, вызывающих это сострадание. Читатель привыкает к боли и страданиям, о которых он слышит слишком часто, он теряет чувствительность, становится равнодушным.

Освещение темы инвалидности опасно последствиями этих двух эффектов. Таким образом, для журналистов обозначается вполне определенная профессиональная проблема: как сделать привлекательной для читателя тематику инвалидности [2].

Большое значение для решения этой проблемы имеет успешный опыт средств массовой информации тех стран, в которых процессы социальной интеграции исторически начались раньше, чем в постсоветской России.

Опыт Соединенных Штатов интересен тем, что в целом их этапы трансформации стереотипов инвалидности в СМИ похожи на рос-

сийские, только американцы опережают наше общество в этом процессе примерно на 10 лет.

Сегодня качественный уровень участия средств массовой информации Соединенных Штатов в социальной интеграции инвалидов довольно высок: на американском телевидении примерно раз в месяц выходят передачи с участием людей с инвалидностью, кроме того есть даже отдельный канал America's Disability Channel, где показывают фильмы и студийные шоу с участием инвалидов.

Понимание инвалидности как болезни сопровождается в массовом сознании жалостью, что также отражается в масс-медиа. А это в США пытаются изменить правозащитные организации, которые работают с массовым сознанием через СМИ: они всегда ратовали за более широкое освещение тематики инвалидности, создавали информационные поводы и добивались активного присутствия этой тематики в информационном поле. Таким образом, они взяли на себя просветительскую работу со СМИ, чтобы добиться выполнения аналогичной функции самими журналистами по отношению к их аудитории. Много публикаций на эту тему, присутствие ее в повестке дня, просветительский характер материалов, производящих новые знания, а не воспроизводящих существующие представления, может помочь преодолеть стереотипное мировоззрение. Люди, которые смотрели игровые программы и видеопрезентации об инвалидности, меньше других испытывают неудобство в общении с инвалидами в реальной жизни [3].

Опыт Соединенных Штатов для изучения возможностей СМИ в социальной интеграции инвалидов в нашей стране очень ценен. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что американский образец невозможно применить к нам без адаптации к российским социальным условиям и менталитету россиян.

Библиографический список

1. Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы / пер. с англ. И. Г. Ясавеев. Казань, 2000.

2. Формирование положительного отношения к волонтерскому движению в СМИ Краснодарского края [Электронный ресурс]. URL: https://knowledge.allbest.ru/journalism/3c0a65625b3ad68b5c43b88421216d36_0.html.

3. Твердова Д. С. Влияние СМИ на интеграцию инвалидов в обществе [Электронный ресурс]. URL: https://revolution.allbest.ru/sociology/00430253_0.html.

А. С. Решетова (Барнаул)

МЕДИАЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Научный руководитель — К. А. Великжанина

Профилактика преступлений среди детей, совершаемых ими или над ними, является приоритетной задачей социального направления политики государства. Она включает в себя воспитательные, правовые, организационные и другие меры воздействия, благодаря которым выявляются и ликвидируются обстоятельства и условия, приводящие к совершению правонарушений. Основной причиной преступлений, реализуемых детьми, является неосознанность ими всей серьезности выполняемых поступков. А условиями для учинения их несовершеннолетними и над ними чаще всего являются неблагоприятное окружение, безнадзорность и беспризорность.

Основные задачи деятельности, касающейся профилактики преступлений среди детей, — предупреждение правонарушений несовершеннолетними, выявление причин и обстоятельств, которые этому способствуют; защита прав и интересов ребенка; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних лиц, которые находятся в социально опасном положении; обнаружение и пресечение ситуаций, когда в преступления могут быть вовлечены дети.

В целях предупреждения правонарушений несовершеннолетних на первичном и вторичном уровнях во главе угла становится наиболее эффективная и нетравмирующая социальная технология — восстановительный подход, или медиация. Медиация — это форма внесудебного разрешения споров с помощью третьей нейтральной беспристрастной стороны — медиатора (посредника). Во время процедуры медиации стороны, участвующие в конфликте, самостоятельно приходят к взаимовыгодному решению, опираясь на опыт, знания и умения медиатора [1, с. 3].

Данный подход при работе с несовершеннолетними активно развивается на территории Алтайского края. Так, в 2013–2014 гг. на базе краевого социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Солнышко» были проведены курсы повышения квалификации для специалистов учреждений социального обслуживания населения края «Проектирование и апробация модели социальной служ-

бы примирения в учреждениях социального обслуживания несовершеннолетних». А в период с 2015 по 2016 г. на базе Центра повышения квалификации факультета социологии Алтайского государственного университета по заказу Алтайской краевой женской общественной организации «Отклик» были реализованы курсы повышения квалификации «Инновационные методы профилактики повторных правонарушений несовершеннолетних». В рамках этих программ было обучено 54 специалиста-медиатора, которыми проведено 28 медиативных встреч для 19 несовершеннолетних, в том числе 17 — в конфликте с законом [2; 3].

Делая вывод, можно отметить, что в Алтайском крае ведется активная деятельность в направлении подготовки и переподготовки кадров процедуры медиации. Данная работа положительно сказывается на профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Христов Б. Медиация. Посредничество в конфликтах. Калуга, 2004.

2. Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <https://www.altaregion22.ru/>.

3. Программа повышения квалификации «Инновационные методы профилактики повторных правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socio.asu.ru/2015/11/23/programma-povysheniya-kvalifikacii-innovacionnye-metody-profilaktiki-povtornykh-pravonarushenijj-nesovershennoletnikh/>.

С. Г. Саркисян (Барнаул)

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Научный руководитель — Е. В. Петунина

В социальной структуре общества особое место занимает молодежь. Этой возрастной категории присущи ярко выраженные черты поведения, образа жизни, мышления и мироощущения. От того, каким образом сформируются определенная жизненная позиция молодого человека, его ценностные ориентации, цели, собственные взгляды на окружающую действительность, безусловно, будет зависеть его будущее. На основе ценностей, которые принимает человек, складываются его жизненные приоритеты. Какими будут эти приоритеты — зависит от него. Неспособность активно отстаивать жизненную по-

зицию, недостаточная подготовленность молодежи к самостоятельной жизни в современном обществе может привести к нежелательным последствиям.

Система жизненных ценностей есть основа отношения личности к окружающему миру, другим людям и самому себе, определяющая содержательную сторону личности и занимающая центральное место в ее структуре.

В настоящее время сложились различные аксиологические направления, по-разному трактующие природу ценности. Условно можно выделить следующие типы аксиологических концепций: объективно-идеалистические, субъективно-идеалистические, натуралистические, трансценденталистические, социологические, диалектико-материалистические. В этих концепциях ценностями являются вещественно-предметные свойства явлений, психологические характеристики человека, явления общественной жизни, обозначающие положительные и отрицательные значения для человека или общества.

Ценностная ориентация — это направленность личности на те или иные ценности. В. А. Слостёнин дает такую формулировку ценностной ориентации: система устойчивых отношений личности к окружающему миру и самому себе в форме фиксированных установок на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества. В последнее время отмечается смещение ценностных ориентаций молодежи в сторону вещественно-предметных ценностей, что не может не вызывать тревоги за будущее нашего общества [1, с. 154].

Молодежь — нетривиальная социальная группа, доступная изучению и позволяющая судить об изменяемых характеристиках, недоступных непосредственному исследованию. Непрерывные и неизбежные изменения в сложившихся устоях, существенное переосмысление и переоценка ценностей отражаются в сознании рассматриваемой социальной группы.

Прежде всего из молодежной массы необходимо выделить будущую высокоинтеллектуальную элиту. Главным критерием отграничения здесь может являться целеустремленность, а вспомогательным — познавательная деятельность. Кроме того, нынешнее студенчество представляет собой будущее высокоинтеллектуальное общество, которое разделено на интеллектуалов и интеллигентов. И те и другие обладают такими качествами, как образованность и креативность, что и связывает их в интеллектуальном слое. Различие же их состоит в этическом самоопределении [2].

Этическое самоопределение интеллигента определяется:

- а) альтруистической направленностью индивида;

- б) отрицанием насилия;
- в) благоговением перед культурой и искусством.

Можно сказать, что в наше время интеллигентность понимается как человечность во времена капитализма и компьютеризации. Интеллектуал руководствуется другими принципами:

- а) эгоцентрическая направленность;
- б) возможность проявления насилия по принципу «цель оправдывает средства»;
- в) прагматичное потребление культуры.

Глобальные изменения в обществе, смена социальных установок, динамизм происходящих общественных явлений все больше вызывают интерес науки к общественным явлениям. Исследование жизненных приоритетов современной молодежи актуально, так как дает возможность выявить степень ее адаптации к новым условиям, определяющимся черз общественные процессы.

Э. Днепров отмечает, что необходимо усилить социально-гуманитарную направленность образования, способствующую утверждению ценностей гражданского общества, становлению и социализации личности ученика в условиях современного мира. Образование, с одной стороны, должно подготовить человека к жизни в условиях быстрого изменения различных процессов современного общества, с другой — восполнить длительное время существующий в обществе ценностный вакуум.

Из средств массовой информации пропал образ передовика производства, честного труженика, вообще всякого трудящегося человека. Быть инженером, рабочим, техником стало непрестижно. Произошло замещение «героев труда» «идолами потребления» (всевозможные поп-звезды, шоумены, пародисты, юмористы, модные журналисты, астрологи, сексологи и т. п.). Неблагоприятным фактором в структуре ценностей у современной молодежи является отсутствие четкой связи между деньгами и работой. Если эта связь в советское время была, хоть и ослабленная из-за так называемой «уровнировки», то сейчас она совсем потеряна. Ибо одни наживают быстрые огромные деньги путем различных манипуляций и авантюр, а другие, корпя (иногда даже на двух-трех работах), получают неадекватно мизерную зарплату. Молодежь и подростки это отлично усваивают. Для социума важным ценностным показателем у молодежи является немаловажность различных профессиональных видов деятельности. Это связано помимо проблем с профориентацией с более глубинными общественными ценностями, «формами жизни» и «духом времени» (В. Шпрангер).

Человек сейчас может использовать для удовлетворения своих потребностей глубокие, тонкие и трудно реализуемые возможности, заложенные в законах природы. Часто последствия этих процессов непредсказуемы, они определяются человеческим незнанием, неумением, бездеятельностью. Педагогам, работающим с молодежью, необходим поиск инвариантных образовательных идеалов и ценностей на всех ступенях обучения, воспитания и развития человека [3, с. 12].

Молодые люди, как особая социально-демографическая группа, заслуживают внимательнейшего изучения со стороны многих исследователей. Проблемы, существующие в среде студенческой молодежи, напрямую отражают проблемы всего общества в целом. Нынешнее поколение в процессе своей жизнедеятельности постоянно сталкивается с разнообразными проблемами, которые связаны непосредственно с социально-экономической трансформацией современного общества.

В первую очередь, проблемы молодежи обусловлены нестабильностью социокультурной среды. Исключительного внимания заслуживает формирование системы моральных ценностей и ценностных установок современной молодежи. Процесс становления ценностной системы студенческой молодежи происходит в условиях упадка важнейших социальных институтов, таких как институт образования, институт семьи, институты труда и моральных норм. Формирование ценностных ориентаций молодежи в современной России, как и во всем мире, является одной из наиболее острых и трудно разрешимых проблем.

Актуальность содержания жизненных ценностей современной молодежи напрямую зависит от того, что современная молодежь, как, впрочем, молодежь любого исторического этапа общественного развития, является системообразующим звеном межпоколенческих связей, выступая главной движущей силой либо развития общества, либо его разрушения, либо его стагнации. Молодежь — потенциал развития общества. Ее социальный облик, набор ее социальных характеристик определяют настоящее, а в ближайшей перспективе будут определять и ее будущее.

В наше время большая часть молодежи уделяет мало времени на саморазвитие, тем самым деградирует, также уделяет мало внимания духовным и нравственным ценностям, живет сегодняшним днем, не заботясь о том, что будет завтра. Присутствует чрезмерное употребление алкоголя, что впоследствии отрицательно влияет на состояние здоровья. Не стоит забывать и о социальном неблагополучии, которое в какой-то степени отражается на здоровье этой соци-

альной группы населения, у молодых людей развивается рост числа заболеваний, сопутствующих крайней бедности.

Библиографический список

1. Слостенин В. А., Чижакова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию. М., 2003.
2. Шубина И. В., Завражин А. В., Федоров П. Ю. Образовательная политика в России: история и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mesi.ru/upload/iblock/910/978-5-7764-0689-8.pdf#4>.
3. Ильинский И. М., Луков В. А. О перспективах развития организованного молодежного движения в России (социально-философские, социологические, политико-правовые аспекты) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1.

А. Н. Синдяшова (Барнаул)

СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Сельское поселение как объект изучения в социологической науке — это исторически сложившаяся устойчивая общность, совместно проживающая на одной хозяйственно освоенной территории и организованная системой экономических, социальных, культурных, политических отношений. В социологической науке существует отрасль, которая рассматривает проблемы села, — социология села [1, с. 14].

В России социология села начала активно развиваться с 20-х годов XX в. Но еще до этого проводились монографические исследования. Основой данных исследований выступила информация о жизни крестьян, которая была собрана губернскими земствами в конце XIX в. Отслеживались демографические показатели: рождаемость, смертность, заболеваемость, возрастной состав, количество семей, проживающих в селе. На протяжении XX в. социологией села рассматривались процессы миграции из сел в города, положение колхозов, их влияние на социально-экономическое положение сельских поселений [2, с. 269].

В 1990-е гг. после реформирования страны исследование села по советской традиции продолжалось. А. Петриков проводил социальный мониторинг отношения работников сельского хозяйства к зе-

мельной реформе, выяснял отношение к частной собственности, реорганизации колхозов и совхозов и самооценку социально-экономического положения. В последующем масштабные исследования прекратились [2, с. 275].

В настоящее время традиции советской социологии в большей мере утрачены. Не проводятся крупномасштабные исследования сельских поселений. Но локальные исследования все-таки идут: пишутся различные научные социологические статьи, монографии, защищаются диссертации [2, с. 275].

В работе П. А. Михеева «Интегративные процессы в сельском социуме изменяющейся России» представлены результаты по исследованию проблем сельских поселений. Было установлено, что села в России до сих пор находятся в кризисе, нет каких-либо позитивных изменений. Жители сельских поселений изолированы от коллективного хозяйства, сельскохозяйственные территории в основном не используются как ресурс для получения благ. В связи с отчуждением сельских жителей от активных преобразований как в рамках села, так и на уровне страны сельчане не вступают в тесный контакт друг с другом, у каждого своя частная жизнь, происходит дезинтеграция [3, с. 16–17].

Село — это совокупность связей между подручностью места жительства и смыслом пожизненного пребывания в нем, который может легко разрушиться, но способности восстановления не имеет. Социология села стоит на том, что село и аграрная экономика очень тесно взаимосвязаны. И если развивать социальную сторону жизни села, то соответственно нужно развивать и экономику [3, с. 136].

В статье А. М. Сергиенко «Сельская бедность в России: методологические особенности исследования» рассматривается теоретический аспект исследования проблем бедности, сокращения чрезмерных социальных различий и формирование среднего класса. Под сельской бедностью понимается такое социально-экономическое положение сельского населения, которое характеризуется низким уровнем обеспеченности денежными средствами, имущественными и натуральными ресурсами, такой уровень, в свою очередь, способствует неудовлетворению потребностей населения. Чтобы определить степень обеднения населения, были разработаны три методологические задачи: установление минимального стандарта для определения бедности, уровень и качество жизни отдельного индивида и его семьи (домохозяйств). Абсолютная бедность рассчитывается по формуле: сравнение душевых доходов с прожиточным минимумом. Таким образом, к бедным относятся люди, у которых доходы меньше прожиточного минимума [4, с. 221].

Также были разработаны количественные и качественные характеристики бедности. К количественным характеристикам относятся:

- уровень и глубина бедности;
- пространственная распространенность;
- продолжительность пребывания в состоянии бедности.

К качественным характеристикам относятся:

- социальное положение бедного: качество питания, предметов повседневного пользования;
- доступность социальных услуг;
- социально-психологическая оценка удовлетворенности жизнью [4, с. 221].

В целом методологические задачи и качественно-количественные характеристики способствуют всесторонней оценке масштаба, уровня, динамики и формы проявления бедности в сельской местности [4, с. 222].

В работе «Трудовая иммиграция как драйвер социально-экономического развития села: опыт социологического исследования в приграничном аграрном регионе» А. М. Сергиенко поднимает проблему влияния трудовой иммиграции на социально-экономическое развитие села в Алтайском крае. Трудовая миграция названа важным фактором развития экономики. Но на данном этапе она пока не приводит к улучшению положения села [5, с. 324].

Воздействие трудовой миграции определяется рассеянностью фермерской формы расселения мигрантов, которая способствует их длительной ассимиляции с сельскими жителями. Взаимодействие трудовых мигрантов с жителями сел способствует обмену опытом ведения хозяйства, применению новых знаний и технологий. Влияние местных сельских жителей на трудовых мигрантов снижено из-за проблем адаптации к местным условиям, которые испытывают временные и сезонные мигранты. Но в культурной сфере влияние трудовых мигрантов на местных жителей достаточно велико. Жителям прививаются позитивные культурные ценности — любовь и уважение к трудовой деятельности. Чтобы повысить эффективность воздействия трудовой миграции на состояние села, нужно этот вопрос урегулировать на законодательном уровне и таким образом сделать условия для проживания мигрантов более комфортными [5, с. 324–330].

Н. И. Белова специализируется на проблеме здравоохранения в сельском поселении. В статье «Сельское здравоохранение: состояние, тенденции и проблемы» она поднимает проблему реформирования здравоохранения, его влияния на здоровье жителей села. Рассмотрена инфраструктура, кадровое обеспечение больниц, взаимо-

отношение населения с лечебными и профилактическими учреждениями [6, с. 98].

Белова отмечает следующие проблемы сельского здравоохранения:

1. Тенденция к сокращению больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений.

2. Распространенность социально значимых заболеваний, рост инвалидности.

3. Отсутствие естественного прироста населения, рост смертности.

4. Отсутствие узкопрофильных специалистов, нехватка работников высшего и среднего звена.

5. Отток медицинских специалистов из-за тяжелых условий труда [6, с. 100–101].

Сельское поселение как объект изучения в социологии является актуальным и на сегодняшний день. На протяжении XX в. социологией села рассматривались процессы миграции из села в города, положение колхозов и их влияние на социально-экономическое положение сельских поселений. После реформ 1990-х годов интересы социологов стали охватывать абсолютно все сферы жизни человека: политическую, экономическую, социальную, духовную. Изучение села имеет на данный момент не масштабный, а локальный уровень: изучаются отдельные субъекты страны. Независимо от охвата и масштаба изучения в каждой сфере жизни сельского жителя существуют проблемы, которые не разрешены еще в настоящее время (упадок сельского хозяйства, миграция населения, низкое качество здравоохранения, бедность населения и т. д.). В основном причиной упадка села во многих аспектах жизни ученые считают несовершенство законодательной базы российского государства. Разрешив эту проблему, можно будет говорить об устойчивости социально-экономического и духовного положения села.

Библиографический список

1. Ахметова С. А., Гузельбаева Г. Я., Егорова Л. Г. Социология : конспект лекций. Казань, 2014.

2. Ядов В. Я. Социология в России : учеб. пособ. М., 1998.

3. Ильина В. И., Покровский Н. Е. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества : коллективная монография. М., 2016.

4. Сергиенко А. М. Сельская бедность в России: методологические особенности исследования // Изв. Алт. гос. ун-та. 2012. № 2–1.

5. Сергиенко А. М. Трудовая иммиграция как драйвер социально-экономического развития села: опыт социологического исследо-

вания в приграничном аграрном регионе // Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования : матер. Междунар. междисциплинар. конф. Екатеринбург, 10–11 апреля 2015 г. 2015. № 2.

6. Белова Н. И. Сельское здравоохранение: состояние, тенденции и проблемы // Социологические исследования. 2017. № 3.

Т. В. Сиротина, Я. Ю. Дубровина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА И ЗРЕНИЯ В ПОЛУСТАЦИОНАРНОЙ ФОРМЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)

Инвалидизация детского населения — актуальная проблема для Алтайского края. По данным Росстата, на Алтае зарегистрировано 9959 детей, получающих пенсии по инвалидности, что составляет 2,02% от детского населения региона (для сравнения: в Российской Федерации этот показатель составляет 2,1%) [1].

Доля детей-инвалидов вследствие болезней уха увеличилась с 2,6% в 2016 г. до 3,1% в 2017 г., в то время как ранговое место болезней уха среди причин инвалидности не изменилось — 7. Уровень первичной инвалидности при болезнях уха увеличился с 0,6 в 2016 г. до 0,8 на 10 тыс. детского населения в 2017 г. Всего у детей в возрасте от 0 до 14 лет в крае зарегистрировано заболеваний уха в 2016 г. — 4967,25, в 2015 г. — 5186,89; в то время как в Российской Федерации в 2015 г. — 5786,80 на 100 тыс. соответствующего населения. Несмотря на то что заболеваемость уха и сосцевидного отростка в крае в целом ниже российских показателей, отмечается тенденция к увеличению нейросенсорной потери слуха двусторонней. Так, зарегистрировано всего нейросенсорной потери слуха двусторонней у детей в крае в 2016 г. — 184,70, в 2015 г. — 131,13 (для сравнения: в Российской Федерации в 2015 г. — 140,10) на 100 тыс. соответствующего населения.

Удельный вес детей-инвалидов вследствие болезней глаза уменьшился в Алтайском крае с 1,9% в 2016 г. до 1,5% в 2017 г., ранговое место не изменилось — 8. Уровень первичной инвалидности детей при болезнях глаза не изменился по сравнению с предыдущим годом и составил 0,4 на 10 тыс. детского населения [2].

Семьи детей-инвалидов, имеющих нарушения слуха и зрения, имеют право на получение социальных услуг в организациях социального обслуживания.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» социальное обслуживание — это деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам. Социальная услуга — это действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности. В ст. 20 вышеупомянутого закона определены основные виды социальных услуг, которые могут предоставляться получателям социальных услуг с учетом их индивидуальных потребностей, а именно: социально-бытовые; социально-медицинские; социально-психологические; социально-педагогические; социально-трудовые; социально-правовые; услуги в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг, имеющих ограничения жизнедеятельности, в том числе детей-инвалидов; срочные социальные услуги [3].

Полустационарная форма социального обслуживания означает предоставление социальных услуг организацией социального обслуживания их получателям в определенное время суток (ст. 19 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»). К основным организациям социального обслуживания, предоставляющим социальные услуги семьям с детьми-инвалидами в полустационарной форме в Алтайском крае, относятся: реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями; комплексные центры социального обслуживания населения и их филиалы.

Целью пилотного исследования, проведенного авторами в 2018 г., стал анализ системы полустационарного социального обслуживания семей с детьми с нарушениями слуха и зрения в Алтайском крае. В качестве основных эмпирических методов исследования были выбраны следующие: анкетирование и полуструктурированное интервью законных представителей детей с нарушениями слуха и зрения; экспертный опрос специалистов организаций полустационарного социального обслуживания региона в форме нестандартизированного интервью.

К основным результатам проведенного пилотного исследования можно отнести следующие.

В качестве основных видов услуг, оказываемым детям с нарушениями слуха и зрения и их законным представителям, эксперты отметили: социально-психологические услуги (психологическое консультирование, помощь, в т. ч. дистанционно; детско-родительские группы); социально-педагогические услуги (социально-педагогическая коррекция; формирование позитивных интересов, в т. ч. творческие занятия, привлечение к участию в семейных праздниках; организация досуга; детско-родительские группы); услуги в целях повышения коммуникативного потенциала (помощь в обучении ребенка навыкам компьютерной грамотности); социально-медицинские услуги (массаж, ЛФК).

Эксперты отметили недостаток профессиональных компетенций в области взаимодействия с детьми с выраженными нарушениями слуха при оказании им социальных услуг. *«Да, здесь, конечно, не хватает того, что мы не знаем язык глухих, и с ними действительно трудно работать»* (КЦ01). *«С глухонемыми сложнее, потому что мы общаемся с ними через записки. Например, я не обучена жестовому языку, если ребенок может читать, я пишу ему на бумаге или через родителей»* (РЦ01). *«Мы стараемся всеми возможными способами найти контакт с такими (глухими) детьми, будь то записка на бумаге или объяснение на пальцах»* (РЦ02). Зачастую взаимодействие с ребенком с выраженным нарушением слуха происходит при посредничестве законного представителя, который в таком случае всегда должен присутствовать на занятиях и сопровождать ребенка. Еще один способ взаимодействия с ребенком, который выделили специалисты организаций социального обслуживания, — это общение посредством записок. Этот способ возможен в том случае, если ребенок умеет писать и не имеет других серьезных ограничений для использования данного способа (значительных нарушений зрения, координации, моторики рук и пр.).

В то же время эксперты отметили, что всеми доступными специалистам средствами они стараются установить контакт с ребенком, наладить с ним взаимодействие. Специалисты также подчеркнули значимость групповых занятий при работе с такими детьми: *«...Именно благодаря занятиям в группе дети адаптируются и понимают, что нужно делать, и включаются в работу со всеми остальными детками»* (РЦ02).

Опрошенные законные представители детей с нарушениями слуха и зрения также зафиксировали сложности взаимодействия специалистов и детей, в т. ч. *«отсутствие навыков для занятий с детьми после кохлеарной имплантации»* (ЗП01). Мнения законных предста-

вителей о доступности и удовлетворенности социальными услугами, предоставляемыми семьям с детьми с нарушениями слуха и зрения в полустационарной форме в организациях социального обслуживания региона, полученные во время пилотного исследования, требуют дальнейшего изучения и уточнения.

Библиографический список

1. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай [Электронный ресурс.] URL: <http://akstat.gks.ru/>.

2. Федеральное казенное учреждение «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Алтайскому краю» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://wwУправлениew.gbmse22.ru/>.

3. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 23 декабря 2013 г. № 442-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/.

С. О. Скосырева (Барнаул)

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научный руководитель — Е. В. Петунина

«Информационная безопасность» — достаточно новое понятие для общества. Интернет настолько сильно и быстро захватывает нашу жизнь, что за этим практически невозможно угнаться. С внедрением новых технологий появилась проблема с использованием Сети детьми. Значительная часть негативной информации, находящейся в Сети, имеется в свободном доступе.

По данным МВД России, российский сегмент Интернета поставляет почти 30% мирового объема детской порнографии, при этом в последние годы количество соответствующих сайтов увеличилось почти на 1/3, а объем контента вырос в 25 раз. В Интернете противоправные материалы такого рода предоставляют 300 млн сайтов при среднемесячной посещаемости одной веб-страницы 30 тыс. человек. Число конечных потребителей, регулярно покупающих порнопродукцию с участием детей, оценивается в 800 тыс. человек. 44% несовершеннолетних пользователей Интернета хотя бы раз подверга-

лись в Сети сексуальным домогательствам. Значительное число сайтов, посвященных пропаганде наркопотребления, девиантного поведения, суицидам, доступно детям в любое время. Российские дети в среднем начинают выходить в Интернет в 6–7 лет. По данным Фонда Развития Интернет, детская интернет-аудитория за последние годы достигла своего пика: если в 2010 г. каждый день в Интернет выходили 82% детей, то в 2016-м уже 92%, кроме того, увеличивается продолжительность времяпрепровождения в Сети.

Согласно методологии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) структура интернет-угроз в мире может быть классифицирована следующим образом:

1. Контент-риски (content-risks) — незаконный (порнография, расизм) и вредный (агрессия, ненависть) контент; вредные советы (суицид).

2. Контакт-риски (contact-risks) — кибергруминг (cybergrooming) (вовлечение ребенка в преступления сексуального характера пресекается Конвенцией Совета Европы по защите детей от сексуальной эксплуатации), онлайн-беспокойство (online harassment), кибербуллинг (cyberbullying) (унижение или травля с помощью мобильных телефонов, других электронных устройств), киберсталкинг (cyberstalking) (преследование или домогательство по Интернету).

3. Риски онлайн-маркетинга — потребление детьми нежелательных продуктов и рекламы, платные транзакции в Интернете.

4. Риски интернет-приватности и безопасности — персональные данные детей (регулируются Конвенцией о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 1981 г.) [1].

Согласно результатам исследования, которое проводилось Лабораторией Касперского по России в феврале-марте 2018 г., где всего было опрошено 500 семей, в которых есть дети в возрасте 7–18 лет (онлайн-интервью состояло из двух основных блоков: ответы на первый блок давали родители, а на второй — их дети), наиболее уязвимы для киберугроз оказались дети в возрасте 13–15 лет. В этот период их поведение в Интернете становится более активным и сложным. Одновременно с этим начинает ослабевать контроль со стороны родителей.

В категории 13–15 лет происходит резкий скачок количества детей, проводящих значительную часть свободного времени в Интернете. В этом же возрасте родители чаще всего замечают что-тостораживающее на страницах подростков в соцсетях: именно у 13–15-летних чаще встречаются друзья или одноклассники, которые публикуют жестокий контент. Они больше остальных увлечены многопользовательскими онлайн-играми, а также чаще других сталкиваются с ки-

бербуллингом. При этом школьники любого возраста сегодня в целом слабо защищены от интернет-угроз. Например, почти каждый пятый опрошенный получал приглашение дружить от незнакомых взрослых в соцсетях. Чуть меньше половины респондентов случайно попадали на сайты для взрослых. Почти каждый третий школьник либо сталкивался, либо слышал о случаях кибербуллинга, причем сами родители знают лишь примерно о половине подобных случаев [2].

За январь-апрель 2018 г. известно, по крайней мере, девять случаев нападения школьников на своих сверстников и учителей. Следствие не исключает, что во многих случаях побуждение к действию подростки получили через социальные сети. Например, в пермской школе в результате поножовщины пострадали 15 человек, виновниками стали бывший и нынешний ученики этой школы. В Улан-Удэ ученик 9-го класса напал с топором на учеников и преподавателя, в результате пострадали семь человек. В городе Стерлитамаке Республики Башкортостан ученик 9-го класса напал с ножом на преподавателя и двух учениц. Как выяснилось позднее, он два года состоял в закрытой группе «Колумбайн» в социальной сети, посвященной массовому убийству школьников в американской школе в 1999 г. Отдельного упоминания требует словосочетание «группы смерти», т. е. сообщества в социальных сетях, которые подстрекают подростков к суициду. Исходя из отчета Роскомнадзора, с начала 2017 г. ими были заблокированы более 4000 подобных сообществ, несмотря на это меньше их не становится. Также сообщается, что в этих опасных группах насчитывается больше 70 000 детей РФ [3, с. 112].

С недавних пор по всем регионам России активно распространяются интернет-игры «Синий кит» и «Тихий дом», в которые увлекают подростков. Участники групп в социальной сети «ВКонтакте» ведут игру в течение 50 дней, в 50 этапов. Конечная стадия игры, по словам экспертов, суицид — игрок (подросток) должен покончить жизнь самоубийством. По правилам игры, дети выходят в Сеть в 4.20 утра и получают задания. Начинается все с малого: нарисовать синего кита на листке бумаги и т. д., затем требуют сделать рисунок на теле, который, как выясняется, подростки с помощью острых предметов карябают, обязательно причиняя себе боль. Причем все это они должны продемонстрировать администраторам смертной группы. Информация о том, что дети совершают самоубийства, став участниками игры «Синий кит», поступает с различных уголков страны. По данным СМИ, с ноября 2015-го по апрель 2016 г. покончили с собой не менее 130 подростков, почти все из них состояли в одних и тех же группах смерти в социальных сетях.

В связи с широким распространением подобных «игр» в августе 2017 г. были внесены изменения в ст. 110 «Доведение до самоубийства». В соответствии с данной статьей названные преступления отнесены законодателем к категории особо тяжких и фактически по степени общественной опасности приравнены к умышленному убийству. Данное преступление наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на срок до пяти лет [4].

В настоящий момент решение о блокировке суицидального контента в Сети на территории РФ принимает Роспотребнадзор. Затем Роскомнадзор включает эти данные в Единый реестр запрещенной информации. Однако не всегда меры по выявлению и блокировке негативной информации, принимаемые Роспотребнадзором и Роскомнадзором, оказываются эффективными.

Для того чтобы обезопасить времяпрепровождение детей в Сети, государством разрабатывается и принимается множество нормативно-правовых актов. Например, Минкомсвязь подготовило план мероприятий по реализации «Концепции информационной безопасности детей в РФ» на 2018–2020 гг. План предполагает реализацию целого ряда мероприятий, направленных на повышение уровня медиаграмотности детей и родителей, а также повышение качества детской информационной продукции. Но самым главным результатом данного плана является определение ведомства, отвечающего за права ребенка в Сети [5].

Также к 2020 г. в рамках государственной программы «Цифровая экономика» в России появится Национальная система фильтрации интернет-трафика, который должен защитить детей от опасного и негативного контента, т. е. детям разрешат посещать только сайты из «белого» списка, куда уже входит около миллиона ресурсов [6].

Вместе с государством, обеспечивающим безопасность ребенка в Интернете, ответственность лежит и на его родителях. Ведь воспитание ребенка это их право и обязанность. Каждый родитель должен быть знаком с функцией «родительский контроль». Например, она есть в популярных операционных системах (Windows—MicrosoftFamilySafety). Это может быть антивирус с подобной функцией (KasperskySafeKids) либо же программа блокировки нежелательного контента (Remparo), вариантов масса.

Без сомнения, необходимо обучение подрастающего поколения безопасному поведению в Интернете. Безопасность детей — национальная проблема. Они — наше будущее. Поэтому очень важно уже с раннего возраста прививать детям осознание необходимости информационной безопасности.

Необходимо учить подрастающее поколение адекватно реагировать на поступающую информацию, знать, что нужно делать с ней и как себя вести в случае опасности. Прежде всего, родители должны быть заинтересованы жизнью ребенка, замечать его склонности, содействовать в решении его проблем, давать вовремя советы. Чтобы у него не возникло ощущение, будто его никто не понимает и что надо найти сторонников на стороне. Также государству при борьбе с опасной и вредоносной информацией не стоит ограничиваться лишь только некими национальными рамками, ведь интернет-пространство — это Всемирная паутина, и необходимо обеспечить всестороннюю безопасность детей, взаимодействуя в международном объединении.

Библиографический список

1. Кобзева С. В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <http://отрасли-права.рф/article/28002>.
2. Сайт Лаборатории Касперского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2018-kaspersky-safe-kids-report>.
3. Иксанов Р. А., Бикамова З. И., Гимазетдинова Ю. Р. Информационная безопасность ребенка в сети Интернет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №4.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. №63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/kodeks/uk/st-110.php>.
5. Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минкомсвязь России): приказ № 88 от 27 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://uyrgii.ru/sites/default/files/pagefiles/prikaz_minkomsvyazi_rossii_ot_27.02.2018_n_88_ob_utverzhenii.pdf.
6. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-28072017-n-1632-r/programma-tsifrovaia-ekonomika-rossiiskoi-federatsii/>.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РФ: АНАЛИЗ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Семейное законодательство согласно Конституции РФ находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ и включает в себя Семейный кодекс, федеральные законы РФ и законы субъектов РФ (ст. 3 СК РФ). Например, законодательством субъектов РФ могут устанавливаться порядок и условия вступления в брак в виде исключения до достижения возраста 16 лет (п. 2 ст. 13 СК РФ); присвоение фамилии ребенку (п. 3 ст. 58 СК РФ); вопросы организации и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по осуществлению опеки и попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей (п. 2 ст. 121 СК РФ); определение дополнительных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей (п. 1 ст. 123 СК РФ).

Семейное законодательство ребенком признает лицо, не достигшее возраста 18 лет, т. е. совершеннолетия (п. 1 ст. 54 СК РФ). Если несовершеннолетний эмансипирован или вступил в брак до достижения 18 лет, то при этом он не перестает считаться ребенком. Несовершеннолетний является участником семейных правоотношений. Это означает, что обладает определенными правами, регулируемые Семейным кодексом.

К личным неимущественным правам ребенка в первую очередь относится *право жить и воспитываться в семье* (ст. 54 СК РФ). Родители или опекуны (попечители) несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Если ребенок по каким-то причинам лишен семьи, то данное право означает, что при выборе форм воспитания детей преимущество должно быть отдано семейным формам воспитания, а именно усыновлению, устройству в приемную семью, передачу в семью опекуна (попечителя).

Право жить и воспитываться в семье способствует полноценному развитию ребенка, его защите и охватывает целый ряд прав. Важное значение среди них имеет *право знать своих родителей*. С данным правом связаны все основные личные неимущественные и имущественные права ребенка (право на имя, право на содержание и т. д.). Это касается получения сведений о своих биологических родителях по желанию ребенка всеми законными способами, чему должны действовать органы госвласти и местного самоуправления. В случае усыновления при реализации данного права необходимо исходить из интересов ребенка. Тогда лица, которые дали письменное согла-

сие на такой способ рождения и вынашивания могут быть записаны в качестве родителей только с согласия женщины, родившей ребенка. Если согласие получено, то право ребенка знать своих родителей ограничивается тайной биологического происхождения, а суррогатная мать обязана сохранять эту тайну.

Еще одним важным правомочием ребенка в рамках права жить и воспитываться в семье является *право на заботу со стороны родителей*, т. е. на получение питания, одежды, лечения и т. п. В данном случае родителями считаются лица, записанные в этом качестве в свидетельстве о рождении ребенка. Забота со стороны родителей включает не только материальное содержание, но и воспитание ребенка, обеспечение и защиту его интересов, его развития, уважение его человеческого достоинства. Также ребенок имеет *право на совместное проживание со своими родителями*. Согласно гражданскому законодательству местом жительства ребенка до 14 лет считается место жительства его родителей, усыновителей, опекунов. Обычно несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет тоже проживают вместе со своими законными представителями.

К личным неимущественным правам ребенка относится *право на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками* (ст. 55 СК РФ). Семейное законодательство закрепляет принцип равенства прав и обязанностей родителей, их общей и одинаковой ответственности за воспитание детей. Следовательно, на право общения с родителями и другими родственниками не влияют расторжение брака родителей, признание его недействительным, раздельное проживание родителей и даже проживание родителей в разных государствах (п. 2 ст. 10 Конвенции о правах ребенка). Пункт 2 ст. 55 СК РФ определяет, что нахождение ребенка в экстремальной ситуации (задержание несовершеннолетнего, его арест, заключение под стражу, нахождение в лечебном учреждении и др.) не должно ограничивать право ребенка на общение с родителями и другими родственниками. Данное право может быть ограничено в том случае, когда оно нарушает интересы ребенка или содержит угрозу его воспитанию.

Немаловажную роль в обеспечении интересов несовершеннолетнего играет его *право выразить свое мнение при решении любого вопроса, затрагивающего его интересы*, а также *быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства* (ст. 57 СК РФ). Согласно п. 2 ст. 63 Семейного кодекса мнение несовершеннолетнего должно учитываться при выборе родителями образовательного учреждения и формы получения образования. А также:

при разрешении родителями вопросов, касающихся семейного воспитания и образования (п. 2 ст. 65 СК РФ); при разрешении судом спора о месте жительства детей при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ); при рассмотрении иска родственников ребенка об устранении препятствий к общению с ним (п. 3 ст. 67 СК РФ); при рассмотрении иска родителей о возврате им детей (п. 1 ст. 68 СК РФ); при отказе в иске о восстановлении в родительских правах (п. 4 ст. 72 СК РФ); при отказе в удовлетворении иска об отмене ограничения родительских прав в судебном порядке (п. 2 ст. 76 СК РФ).

По достижении десятилетнего возраста несовершеннолетний имеет право давать согласие на совершение ряда юридических актов. Так, согласие ребенка, достигшего 10 лет, является обязательным: при изменении его имени и (или) фамилии по просьбе родителей или одного из них (п. 4 ст. 59 СК РФ); при передаче на усыновление (п. 1 ст. 132 СК РФ), за исключением случаев, если до подачи заявления об усыновлении ребенок проживал в семье усыновителя и считает его своим родителем (п. 2 ст. 132 СК РФ); при записи усыновителей в качестве родителей в книге записей рождений (п. 2 ст. 136 СК РФ), за исключением ситуации, предусмотренной в п. 2 ст. 132 СК РФ; при изменении усыновленному несовершеннолетнему имени, отчества, фамилии (п. 4 ст. 134 СК РФ), за исключением ситуации, предусмотренной в п. 2 ст. 132 СК РФ; при решении вопроса о сохранении за ребенком присвоенных ему после усыновления имени, отчества и фамилии, если усыновление отменено (п. 3 ст. 143 СК РФ); при восстановлении родителей в родительских правах (п. 4 ст. 72 СК РФ). Закрепляя обязательный учет мнения ребенка по данным вопросам, семейное законодательство исходит из интересов ребенка и из признака его как личности.

Статья 58 СК РФ закрепляет *право ребенка на имя, отчество и фамилию*. Данное право реализуется родителями ребенка или лицами, их заменяющими, во время регистрации ребенка. Родители могут свободно выбрать имя ребенка. Отчество определяется именем отца, если иное не предусмотрено законом субъекта РФ или не основано на национальных обычаях. Фамилия ребенка определяется фамилией родителей. Если родители носят разные фамилии, то вопрос о фамилии ребенка решается по соглашению между ними, если иное не предусмотрено законом субъекта РФ. Если родители не могут прийти к согласию при выборе имени или фамилии ребенка, то спор между ними разрешается органами опеки и попечительства. В случае, когда отцовство в отношении ребенка не установлено, имя ребенку дается по указанию матери, отчество присваивается по име-

ни лица, записанного по указанию матери в качестве отца, а фамилия — по фамилии матери (п. 3 ст. 51 СК РФ). На изменение имени и фамилии ребенка требуется разрешение органов опеки и попечительства (ст. 59 СК РФ). Если родители проживают совместно, то и решение об изменении имени и фамилии должно быть совместным. В случае раздельного проживания тот из них, с которым проживает ребенок, может просить органы опеки и попечительства о присвоении ребенку своей фамилии. При решении данного вопроса следует исходить из интересов ребенка и учитывать мнение другого родителя. Но учет мнения последнего не обязателен, если такой родитель уклоняется от обязанностей по воспитанию (например, не платит алименты), лишен родительских прав, местонахождение его неизвестно и т. п. Возможно также изменение имени и фамилии ребенка в случае усыновления (ст. 134 СК РФ). По достижении 14 лет совершеннолетний, получивший паспорт, может самостоятельно просить об изменении своего имени и фамилии. Отчество может быть изменено только при перемене имени отца.

Право ребенка на защиту своих прав и законных интересов самостоятельно или через своих законных представителей закреплено в ст. 56 СК РФ. В данном случае представителями ребенка могут быть не только усыновители, опекуны и попечители, но и в силу Семейного кодекса органы опеки и попечительства, прокуратура, суд. При этом объектом защиты являются выше изученные права несовершеннолетнего (ст. 54–58, 60 СК РФ). Ст. 56 (п. 2) СК РФ закрепляет дополнительную гарантию соблюдения прав ребенка — право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих). Защита прав и интересов несовершеннолетних возлагается на их родителей, которые являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (п. 1. ст. 64 СК РФ). Права и интересы ребенка могут защищаться и другими законными представителями. Перечень лиц, которые могут выступать в качестве законных представителей, регулируется Гражданско-процессуальным кодексом (ст. 52), Семейным кодексом (ст. 64, 123, 137, 145–147, 153), Гражданским кодексом (ст. 26, 28–30, 35–37, 41, 43) и другими нормативными актами.

Семейно-правовой статус несовершеннолетнего включает не только личные неимущественные права, но и имущественные права, без реализации которых невозможно создать материальную базу для воспитания детей. К имущественным правам ребенка Семейный

кодекс относит, во-первых, *право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи* (п. 1 ст. 60 СК РФ). Основными источниками содержания ребенка являются: доходы родителей, усыновителей; алименты, если родители не заботятся об обеспечении ребенка; пенсии, пособия, предусмотренные законом. Во-вторых, *право собственности ребенка на полученные доходы, на имущество, полученное в дар или в порядке наследования* (п. 3 ст. 60 СК РФ). Родители не имеют права собственности на имущество ребенка, как и ребенок на их имущество, но они могут пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию (п. 4 ст. 60 СК РФ). Ст. 38 СК (п. 5) определяет, что вещи, приобретенные родителями исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности и др.), разделу не подлежат и передаются без компенсации тому из родителей, с которым проживают дети. Также при определении долей при разделе общего имущества суд имеет право отступить от равенства долей супругов, исходя из интересов ребенка (п. 2 ст. 39 СК РФ).

Таким образом, современное российское семейное законодательство детально регулирует вопросы охраны и защиты прав и интересов детей.

Библиографический список

1. Семейный кодекс РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/b02b1312f7767721c8fd5db21226b815cab1cb74/.

В. В. Струганик (Барнаул)

ЖИЗНЕННЫЙ МИР СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

Научный руководитель — С. А. Воронина

Жизненный мир сельчан представлен сознанием людей, поведением и окружающей их средой. Он включает и социальные проблемы, которые приобретают большую актуальность и занимают одно из ведущих мест в исследованиях экономистов, философов, социологов и политологов.

Среди современных российских социологов значительные исследования жизненного мира сельчан проводили Ю. В. Арутюнян, П. П. Великий, Т. И. Заславская, З. Н. Калугина, И. Т. Левыкин, П. И. Симуш, И. С. Слепенков, В. И. Староверов и другие.

Современное село — это не просто тип поселения, а исторически сложившаяся, внутренне дифференцированная социально-территориальная подсистема общества, определяющая основные жизнеобrazующие смыслы ее жителей. Ее системность обеспечивается взаимосвязью демографической, производственно-экономической, социальной и духовной жизнедеятельности людей с природно-географическими и искусственно созданными материально-вещными условиями их существования [1, с. 64].

По мнению Ж. Т. Тощенко, сельские жители не ощущают положительных изменений в проводимой государством политике не только по отношению к сельскохозяйственному производству, но и ко всем другим составляющим жизненного мира людей. Это проявляется в закрытии многих организаций, оптимизации медицинских учреждений, сокращении числа сельских школ.

Характеристика жизненного мира сельских жителей самым непосредственным образом связана с их повседневными потребностями, ориентациями, тревогами и заботами, что наиболее ярко проявляется в оценке важных для них проблем, требующих своего решения, корректировки или устранения [2, с. 72].

Первоочередной проблемой остается материальная обеспеченность, что составляет основу благополучия людей. По самооценкам, полученным в опросе, проведенном РГГУ и Центром социального прогнозирования и маркетинга, «Сельская жизнь» — 2015, «живущими в нищете» признают себя 19% сельчан, оценивают себя как среднедоходных («хватает на еду и одежду») — 55%, как высокодоходных («могут позволить себе приобретение холодильника, компьютера») — 24% и всего 2% не ограничивают себя в крупных расходах. Эти цифры не могут отразить всю остроту материальных проблем, потому что собственная оценка жителей является субъективной. Если в мегаполисах только 18% говорят о своем неудовлетворительном материальном положении, то на селе — 34%. Этот разрыв между городом и селом демонстрирует и величина бедности. Именно в уровне материальной обеспеченности наиболее отчетливо проявляется бедность жителей, независимо от их профессиональной принадлежности места работы [3, с. 59].

Сельчан заботят проблемы с жильем. Дом / квартира в собственности имеются только у 86% (в городах 94–96%). Полностью коммунальными услугами обеспечены на селе только 58% жителей (в городах 84–98%). Несомненно, такая ситуация с жильем и услугами ЖКХ — одна из причин решения покинуть село и уехать в город. Тем более что газификация в некоторых районах продвигается с большим трудом.

Среди проблем, волнующих сельчан, фигурирует возможность получать необходимую медицинскую помощь. Так называемая оптимизация учреждений здравоохранения завела в тупик политику по обеспечению и поддержанию здоровья сельских жителей, неоправданно сузив их возможности соблюдения современных требований по охране своего здоровья. Особенно страдают от этого жители удаленных деревень, физически лишённые своевременной и особенно оперативной помощи. В результате примерно 17,5 тыс. сельских населённых пунктов по всей стране не имеют учреждений здравоохранения. Соответственно, практически каждому десятому (9%) не доступны, а четверти труднодоступны медицинские учреждения [4, с. 100].

В настоящее время трудовые практики на селе представляют собой пеструю картину. По данным исследования «Сельская жизнь» — 2015, только 12% жителей села отнесли себя к работникам сельскохозяйственного производства (руководители, полеводы, животноводы). Немалую долю сельчан (22%) представляли занятые в сфере обслуживания (работники торговли, общепита, бытового обслуживания и др.), а также в сфере образования, культуры и здравоохранения (12%). Особое место занимают пенсионеры (19%), некоторые из них, несомненно, связаны с работой на приусадебных участках, занимаются сельскохозяйственным трудом [5, с. 316]. Проблема заключается в том, что современная деревня не всегда может предоставить рабочее место, а заработная плата в основном гораздо ниже, чем в городе.

Столкновение с трудноразрешимыми проблемами заставляет сельчан замкнуться, направить свои усилия на сохранение и укрепление роли семейных, родственных и дружеских связей и контактов, центром жизненного мира становится личное.

Исследования, проводимые Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2017 г., выявляют парадоксальное отличие в оценке сельчанами того, с чем они сталкиваются в обществе и на производстве, по сравнению с тем, что относится к их личной жизни. Публичная и трудовая жизнь оценивается ими в большинстве случаев более отрицательно, чем горожанами, но все, что касается микросреды обитания, а также того, что можно отнести к сфере духовности и культуры, выглядит более достойно и более значимо, чем в мегаполисах. По мнению каждого второго сельчанина (53%), у них нормальный ритм жизни и теплые человеческие отношения, а еще 31% убеждены, что именно в провинции сохраняется настоящая Россия. К парадоксам можно отнести и тот факт, что сельчанам в большей степени, чем горожанам, присущ оптимизм (сдержанный): почти каждый

третий (27%) утверждал, что, несмотря на все трудности, их жизнь за последние годы улучшилась (в мегаполисах об этом сказал только каждый седьмой — 14%).

Этот настрой подтверждается и тем, что 31% сельчан удовлетворены своим положением, статусом в обществе (таковых в мегаполисах 16%), а также уровнем личной безопасности — 38% (в мегаполисах — 21%). И, наконец, оптимизм 38% сельчан проявляется в том, что они считают, что достигли того, к чему стремились и на что были способны (об этом в мегаполисах сказали только 26%). Еще одна черта личного мира — более высокий уровень устойчивости в ключевых сферах бытия: на селе ситуацией в семье удовлетворены 57% (в мегаполисах — 51%), общением с друзьями — 44%.

Этому способствуют и такие жизненные практики сельских семей, как владение приусадебным участком (54%), что гарантирует определенную базу для обеспечения самыми необходимыми продуктами. То, что значение гуманитарных ценностей среди сельчан выше, чем в городах, объясняется не только тем, что в провинции больше хранят традиции, что уровень взаимоотношений ближе, по сути, к межличностным, но и тем, что мы наблюдаем феномен «пафоса»: когда люди не желают признать себя проигравшими и пытаются сохранить достоинство и уверенность, опираясь на некоторые материальные и социально-психологические ресурсы.

Именно эту установку — «имеем возможность жить не хуже других» — разделяют 32% сельчан по сравнению с 19% в мегаполисах и 24–26% в других городах. Эта установка близка к модели Дж. Скотта об «оружии слабых», основанной на подчинении обстоятельствам с «сиротской непритязательностью» [2, с. 78].

Таким образом, выясняется, что жизненный мир сельчан — это мир не только рациональности, но и чувственных и эмоциональных оценок. Этот мир отражает всю гамму субъективной оценки наблюдаемых человеком общественных процессов и природных явлений. При этом у сельских жителей более высок уровень консерватизма, приверженности традициям, хотя за последние годы наблюдается интенсивный процесс их размывания.

Библиографический список

1. Староверов В. И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12.
2. Тощенко Ж. Т. Особенности жизненного мира сельских жителей России // Социологические исследования. 2018. № 2.

3. Евдокимова Т. Г. Материальное благополучие как смысл сельской жизни // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2016.

4. Белова Н. И. Сельское здравоохранение: состояние, тенденции и проблемы // Социологические исследования. 2017. № 3.

5. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2016.

Ю. И. Тесля (Барнаул)

ПРЕСТИЖНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Научный руководитель — Н. П. Карамышев

Профессия «юрист» подразумевает огромный спектр деятельности. Это специалист в отрасли права, который занимается его изучением, обучением праву, исследованиями в данной отрасли и практическим применением навыков. Под понятием «юрист» находится целый спектр профессий: адвокат, судья, прокурор, нотариус, юрисконсульт, следователь. Все они объединяют в себе знания законов и правовых норм. Ведь именно наличие различных правил, установок и нормативных актов отличает современное общество от первобытных дикарей, у которых все вопросы решались силовым путем. Юрист — специалист, который свободно владеет информацией о законодательных базах. Он собирает фактические доказательства и улики, на основании которых принимает решения. Юридическая сфера настолько обширна, что юристов классифицируют по основам направленности их деятельности. Они выступают в роли защитников, обвинителей, экспертов, профессоров и судей. Без юридической науки и права наше общество погрузилось бы в мир хаоса и разрушений.

Несомненным плюсом профессии является то, что с юридическим образованием можно пойти работать куда угодно — в прокуратуру, суд, адвокатские и нотариальные конторы, малые и большие предприятия, полицию, ЗАГСы, банки, институты, школы... Юрист может стать госслужащим и легко поменять сферу деятельности, это решение зависит только от него.

Сегодня юрист — одна из массовых гуманитарных профессий. Часто приходится слышать, что в России ущемляется демократия, нарушаются права человека. Но рост потребности в правовых знаниях у широких слоев населения свидетельствует как раз о демократической направленности развития нашего государства.

Люди хотят знать свои права и в случае необходимости защищать их от чьего бы то ни было произвола. Только грамотные граждане не позволят себя обмануть. Prestиж юридической профессии в нашей стране растет, что бы ни говорили о перенасыщении рынка юридического труда. По разным оценкам, более 50 процентов юристов-выпускников институтов трудоустраиваются по специальности. То же можно сказать, например, и о врачах, но если врач работает исключительно в медицинской сфере, то юрист по природе своей профессии — управленец и может работать в самых разных областях.

Профессиональный ресурс серьезного юриста должен позволять ему быть проводником идеи главенства закона, способствуя формированию полноценного гражданского общества. В демократическом государстве юристы — одна из самых уважаемых общественных групп, и уровень их влияния прямо пропорционален уровню влияния законов. Указом Президента России в 2008 г. установлен профессиональный праздник — День юриста, который отмечается ежегодно 3 декабря. Придавая большое значение заслугам высокопрофессиональных юристов в формировании правового государства, в октябре текущего года подписан указ «О высшей юридической премии „Юрист года“», которая должна послужить укреплению юридической традиции и объединению представителей юридической профессии во всем ее многообразии [1].

Во все времена и во всех странах мира профессия юриста была универсальной, хорошо оплачиваемой и пользовалась большим спросом. Особенно вьюско эта профессия ценилась и ценится в развитых странах. Возьмем, к примеру, США: 45% участников процесса написания Конституции 1787 г. имели юридическое образование; на сегодняшний день в Сенате юристы занимают примерно 60% мест, а в Палате представителей — примерно 50%. В Соединенных Штатах профессия юриста является одной из самых престижных и прибыльных. Роль юристов стала расти в связи с тем, что усложняется вся социальная инфраструктура, развивается правовой статус личности, расширились права и свободы. Разные формы социального и правового регулирования стали играть важную роль, поэтому повысилась необходимость в специалистах, которые могут выступить социальными посредниками между людьми и группами людей, а также государством, у которых есть необходимые знания, умения и навыки. В настоящий момент каждое более или менее крупное мероприятие, поступок физического лица, госоргана и т. д., которые происходят за пределами бытовых отношений, требуют экспертизы или консультации юриста или адвоката.

Интересные исследования относительно перспективности юридического образования в ближайшем будущем провели специалисты Московской школы управления «Сколково» и Агентства стратегических инициатив. Эксперты пришли к мнению, что к 2030 г. в сфере юриспруденции перспективными окажутся новые профессии — сетевой юрист и виртуальный адвокат. Безусловно, это связано с тем, что IT-технологии стремительно внедряются в нашу жизнь [2].

Не менее интересными стали выводы экспертов «Сколково» и Агентства стратегических инициатив о том, что после 2020 г. начнет спадать спрос на профессию нотариуса и юрисконсульта. Предположительно профессия нотариуса устареет после 2020 г. по причине того, что оформлять документы и совершать банковские операции мы сможем через Интернет, используя при этом электронную подпись. Проверять подлинность личности, отсутствие судимостей или платежеспособность клиентов банки, страховые компании и контрольные органы будут по базам данных. Спрос на профессию нотариуса, по мнению экспертов, будет сохраняться только благодаря устаревшим нормам законодательства. Нужда в юрисконсультах, по мнению экспертов, предположительно упадет в связи с тем, что на большинстве правовых порталов уже сейчас можно найти ответы на распространенные вопросы, а архивы баз данных позволяют самостоятельно отыскать нужный документ. Необходимость в онлайн-консультациях, по их мнению, снизится, так как вопросы можно уже сейчас задавать в профессиональных интернет-сообществах.

Говоря о перспективности профессий, мы должны руководствоваться логикой и аналитикой. Если попробовать оценить происходящие сейчас события, такие, к примеру, как финансовый кризис, то можно смело предположить, что юридические профессии останутся перспективными. Спрос очевиден на специалистов в области финансового права. Предприятиям будет необходимо принимать антикризисные решения, при этом действовать юридически грамотно. Кроме этого, закрепит свою популярность в топе и юрист по недвижимости, так как рынок недвижимости сейчас тоже претерпевает большие перемены: изменяются правила приватизации жилья, банки увеличивают заемщикам процент по ипотечным кредитам. В связи с этим у населения появляется много вопросов и спорных ситуаций, в которых поможет разобраться юрист по недвижимости.

Вопрос о необходимости, способах и формах совершенствования юридического образования в нашей стране приобретает все большую актуальность, активно обсуждается в телевизионных про-

граммах, на страницах юридической литературы и в иных изданиях, профессионально занимающихся проблемами образования в России [3, с. 4].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод. Перспективность профессий в будущем будет определяться узкопрофильностью специалиста — чем уже профиль, тем выше спрос (например, юрист-финансист, юрист по трудовому праву, бизнес-юрист, юрист по ДТП, юрист по кредитным вопросам, юрист по земельному праву и т. д.).

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право: Азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
2. Майоров В. И. Введение в юридическую специальность : учебн. пособ. Челябинск, 2005.
3. Топорнин Б. Н. Высшее юридическое образование в России: проблемы развития. М., 1996.

В. С. Фролова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Научный руководитель — А. Н. Домашев

В конце прошлого столетия в России произошли социально-экономические перемены (переход от командной экономики к рыночной системе индустриальной экономической политики, зарождение частной собственности, коренное изменение общественной структуры), повлекшие за собой изменения в нормативно-ценностной системе, поведенческих нормах. Социальная дезорганизация привела к ряду общественных проблем, одной из которых является девиантное поведение.

Девиантное поведение, понимаемое как отклонение от общественных норм, начинает получать в настоящее время массовый характер. Это явление стало центром внимания социологов, педагогов, психологов, работников правоохранительных органов. Но в реформируемом обществе, где разрушены одни нормы и не созданы другие, задача формирования, толкования и внедрения нормы становит-

ся очень сложным делом. Эта проблема носит угрожающий социальной устойчивости характер [1, с. 510–518].

Под девиантным (от латинского *deviatio* — отклонение) поведением в современной социологии подразумевается, с одной стороны, поступок или действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам или стандартам, а с другой — социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам или стандартам. Девиантное поведение в обществе включает в себя много разновидностей исходя из типа проявлений. Если говорить об отклонениях от социальных норм в целом, то следует указать два варианта:

- позитивные отклонения, которые можно назвать социальными, — это способ преобразовать устаревшие стандарты и заменить их на новые, актуальные для современности;
- негативные отклонения, которые разрушают систему изнутри, подрывая ее ценностные устои и установки, что, по сути, является девиантным поведением.

Научный анализ девиантного поведения приобретает особую актуальность для современной России в силу целого ряда причин [2, с. 45–55].

Во-первых, экономическая трансформация породила социально-имущественную дифференциацию, вызывающую углубление антагонизма между «верхами» и «низами» общества, разрыв между официально провозглашаемыми целями и институционализированными средствами их достижения. Это порождает девиантную социализацию и интериоризацию девиантных норм, так как зачастую только с помощью неинституционализированных видов поведения возможно достижение материального и социального благополучия. Эта ситуация порождает массовую криминализацию общества, что в конечном счете угрожает существованию государственных институтов как таковых [3, с. 269–271].

Во-вторых, трансформация социальной структуры, особенностями которой являются маргинализация и нисходящая социальная мобильность, происходит в направлении увеличения основания стратификационной пирамиды. Данное основание заполняют растущие деклассированные «низы» общества, склонные к проявлению девиантного поведения различных видов.

В-третьих, неэффективность или низкая эффективность функционирования институтов социального контроля и реализации социаль-

ной политики государства, обусловленная ослаблением государственной власти, потерей ориентиров развития. В результате государство занимается решением тех или иных социальных проблем эпизодически, вне единой систематизированной политики, а в обществе создаются благоприятные условия для распространения различных видов девиантного поведения, приобретающих характер социальных проблем [4, с. 218–225].

Некоторые девиации, имевшие ранее скрытый характер, легализовались, появились совершенно новые формы девиантного поведения.

Например, ретретизм как форма приспособления к жизни в обществе, характеризующаяся бегством от действительности, отрицанием целей и социально одобряемых средств их достижения, по сравнению с другими формами приспособления встречается довольно редко.

Движение дауншифтинг распространилось на рубеже XX–XXI вв. в странах Запада как добровольное долгосрочное изменение стиля повседневной жизни, которое может проявляться в изменении трудовой занятости, повседневных практик, социальной и географической мобильности. Необходимо заметить, что явление дауншифтинга, освещаемое в данной статье, не является абсолютно новым в жизни общества. Пример классического дауншифтинга — это так называемое движение «опрощения» — выбор человеком образа жизни, связанного с отказом от большинства благ современной цивилизации. Причины такого выбора могут быть различными — этическими, религиозными, экологическими и т. д. Этот способ выражения ретретизма, ухода и отказа от общепринятых ценностей не следует смешивать с аскетизмом, так как не всех сторонников опрощения будет правильно назвать аскетами.

Клаббинг — патологическая склонность к клубной жизни, которая заключается в частых повторных участиях в клубной жизни, что доминирует в жизни субъекта и ведет к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей. Без комплексного исследования клаббинга как феномена молодежной субкультуры невозможно содействовать успешной социально-психологической адаптации данного контингента к социуму, их профессиональному становлению, а также противостоять алкоголизации и наркотизации в молодежной среде. Исследования клаббинга с точки зрения социологии, психологии личности и социальной психологии позволяют подойти к созданию комплексных планов, интегрирующих личность клаббера в общество, налаживанию диалога на фоне все возрастающего отчуждения молодежи.

Внутри отдельных видов девиаций также произошли существенные перемены: изменились их структура, характер, количественные показатели, расширились возрастные границы «девиантов».

К основным изменениям качественных характеристик девиантного поведения в целом можно отнести глобальный процесс криминализации общественного сознания, происходящий в современной России и проявляющийся в массовом распространении и легализации в обыденной жизни элементов криминального мира (тюремного жаргона, татуирования, специфической жестикуляции и т. д.); выход девиантного поведения за пределы традиционно поражаемых групп, в том числе резкое омоложение категории «девиантов»; появление специфических форм девиантного поведения, присущих российскому обществу в данный момент (заказные убийства, хищения интеллектуальной собственности, детская токсикомания) [5, с. 96–97].

Еще одним характерным изменением, продуцирующим девиантное поведение, является массовая маргинализация множества социальных слоев российского общества. Существенным моментом, провоцирующим девиантность, является дезадаптивное поведение представителей тех поколений, которые получали свой социальный опыт в условиях другой, дореформенной России. Это приводит к росту социальных разочарований, фрустрации и растерянности.

В современной России, как и во всем мире, идут как позитивные, так и негативные процессы, вызывающие характер, структуру и количественную динамику девиаций. Но несмотря на наличие позитивных тенденций в преобразованиях российского общества, количество социально негативных девиаций, начиная с 90-х гг. прошлого века, увеличилось и продолжает расти. Наиболее опасным видом девиантного поведения является деликвентное поведение. Именно по состоянию преступного поведения судят о социальном здоровье общества. Статистика по данному виду девиации свидетельствует о крайне неблагоприятной ситуации в современной России [6, с. 117–122].

Широкая социологическая трактовка девиантного поведения предполагает двойственный характер отклонений от социальных норм. Часть из них способствуют конструктивным социальным изменениям и являются, в сущности, позитивными. Другие выступают в негативном качестве, несут дисфункциональный характер, поскольку дезорганизуют социальную систему, угрожая ее существованию.

Таким образом, рассмотрев основные проявления негативной и позитивной девиации индивида и проанализировав возможные

последствия отклонений, мы имеем возможность сделать следующие выводы:

- негативная девиация формируется и проявляется значительно чаще, в отличие от позитивной;
- любые девиации способны проявляться в различных условиях, но особое значение приобретает окружение, способное повлиять на формирование позитивных и негативных отклонений;
- позитивные девиации, в отличие от других отклонений, носят преимущественно конструктивный характер, прогрессивно воздействующий на общество, в то время как негативные отклонения опасны как для индивида, так и для социума в целом.

Масштабы распространения девиантности в стране диктуют необходимость принятия соответствующих мер. Прежде всего речь идет о таких мерах, которые способствовали бы ограничению или даже ликвидации факторов, рассмотренных ранее. В работе по предупреждению и смягчению форм девиантного поведения значительную роль могут сыграть социальные институты общества как исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной жизнедеятельности людей. Все они выполняют функции контроля поведения людей в различных областях общественной жизни, в том числе и в сфере, касающейся отклоняющегося поведения. Особенно важно значение таких социальных институтов, как государство, партии, общественные организации и движения, суд, семья, образование и культура. Самым непосредственным образом они оказывают влияние на поведение людей, в основном на формирование молодого поколения. В качестве одного из главных направлений социального контроля, борьбы с преступностью и другими негативными формами отклоняющегося поведения должны стать такие социально-экономические преобразования, которые обеспечили бы всем гражданам условия для самореализации, эффективную систему социальной помощи социально слабым слоям населения.

Библиографический список

1. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2014.
2. Димов В. М. Проблемы девиантного поведения российской молодежи (социологический аспект) // Вестник Моск. ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3.

3. Завражнов В. В., Железнова Е. Д. Социально-психологические аспекты профилактики девиантного поведения подростков // Молодой ученый. 2017. № 19.

4. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. М., 2015.

5. Ковалёв В. В. Патологии личности и девиантное поведение : руководство по психиатрии. М., 2016.

6. Смирнова А. Н. Социальная субъектность и девиантное поведение подростков // Социологические исследования. 2017. № 6.

*М. И. Черепанова, А. А. Горбунова, Д. А. Глухверова,
С. А. Сарыглар (Барнаул)*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: БУДЕТ ЛИ У РЕГИОНА БУДУЩЕЕ?¹

По данным современных демографов, существует неблагоприятная динамика численности населения современной России. Прогнозируется постоянное ее снижение до 2050 г. При этом произойдут и структурные изменения. Например, уменьшится доля молодого населения, значительно сократится и население зрелого трудоспособного возраста [1, с. 48–53].

Динамика изменения численности страны станет определяться не только естественными процессами баланса смертности и рождаемости, но также будет связана с миграционными процессами и их спецификой. В частности, большую значимость для демографии, экономики страны будут иметь не только процессы возвратной миграции из бывших стран СНГ, что при эффективной миграционной политике России может составить до 5 млн человек, но и прирост переселенцев из других зарубежных стран.

В настоящее время фиксируется значительная неопределенность миграционных трендов, которая определяется множеством факторов, таких как экономическое, политическое положение России, эффективность ее миграционной политики, а также ситуация в регионах постсоветского пространства.

Среди позитивных последствий важно отметить тот факт, что, по данным исследований, прирост мигрантов в России за 2001–

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция». № 28.2757.2017/4.6 (2017–2019).

2017 г. компенсировал половину демографических потерь за счет естественной убыли населения [2].

Эффективная миграционная политика может существенно повлиять на рост притока граждан, что соответствует потребностям экономики страны.

В российском приграничье выделяются регионы, где миграционные процессы имеют особую значимость в контексте сохранения эффективности социально-экономической обстановки, снижения негативных демографических трендов и пр. Один из таких регионов — Алтайский край, в котором миграционные процессы являются индикатором развития региона и прогнозом его будущего.

Эмпирическую базу исследования, представленного в статье, составили материалы статистического сборника «Миграционные процессы в Алтайском крае 2011–2017 гг.», а также результаты социологического опроса населения по проблемам транзитной миграции (N=500) [2].

Миграционные процессы в Алтайском крае оказывают существенное влияние на формирование численности населения региона. За 2011–2016 гг. в результате миграционного обмена численность в крае сократилась на 32,6 тыс. человек. В 2017 г. отток населения из края составил около 7 тыс. человек, что больше по сравнению с 2016 г.

Так, за первые шесть месяцев 2018 г. в Алтайский край прибыло 34 165 человек, а уехало 36 649 человек. Таким образом, миграционная убыль населения в регионе составила 2484 человека, и она продолжает увеличиваться год от года. Население края, оценивая качество жизни в регионе, выражаясь образным языком, «голосует ногами».

Численность населения Алтайского края на 1 января 2018 г., по данным Росстата, составила 2 млн 350 тыс. 361 человек. Год назад в регионе проживало 2 млн 365 тыс. 680 человек. Таким образом, за год численность населения края сократилась более чем на 15 тыс. человек [3, с. 332–335].

По прогнозу Алтайкрайстата, до 2036 г. численность населения региона будет продолжать снижаться и достигнет 2 млн 117 тыс. [1].

Среди причин миграции преобладает поиск новой работы, что связано с плохим экономическим положением региона. Далее по рейтингу идут причины личного, семейного характера, обучение в других регионах с целью получения престижного образования.

Население края незначительно пополняется за счет возвращения соотечественников на прежнее место жительства из стран СНГ, так

называемая возвратная миграция русскоязычного населения из таких регионов, как Казахстан, Узбекистан, Киргизия и пр. Большая часть мигрантов приезжает в край из-за ухудшения национальных взаимоотношений в местах их бывшего проживания, экологических и иных проблем.

В целом для Алтайского края характерны отрицательный миграционный баланс, ежегодные значительные потери населения и слабое возмещение населения за счет притока из других регионов.

Население обоего пола в большей степени и чаще покидает край в поисках новой работы и получения нового образования. Кроме того, семейные обстоятельства, решение личных проблем для женщин в большей степени, чем для мужчин, играют важную роль при переезде в другие регионы страны и за ее пределы.

Различают показатели миграционной подвижности по полу и возрастным группам. В край приезжает в большей степени население зрелого трудоспособного возраста от 40 до 49 лет. Однако периодически, например с 2011 по 2013 г., в крае выявляется прирост молодых мигрантов от 18–19 лет.

Одной из ярких тенденций региональной миграции населения Алтайского края является тот факт, что в другие регионы России выезжает преимущественно население зрелого трудоспособного возраста. В последнее десятилетие отток такого населения становится все больше, таким образом, край теряет значительные и необходимые трудовые ресурсы. Кроме того, край покидает молодое население. Однако это более сложная тенденция, и она меняется ежегодно. Выявлена подобная тенденция и для международной миграции населения из Алтайского края.

Таким образом, край теряет наиболее активные, зрелые, трудоспособные возрастные группы населения, что плохо сказывается на экономическом положении региона. В 2016 г. из края в другие страны выехало больше всего молодых людей (18–19 лет). Возможно, так проявляется утечка мозгов, ведь большая часть молодых людей уезжает в поисках более престижного образования и работы. Например, в 2016 г. край покидали преимущественно молодые женщины, лишая его молодых и перспективных кадров, создавая кадровый дефицит в женских профессиях.

Миграционная убыль молодого населения Алтайского края обостряет проблему старения населения, когда происходит рост пожилого и старого населения, что является неблагоприятной тенденцией для региона. Все это усиливает кадровый дисбаланс на региональном

рынке труда, значительно затрудняет поиск эффективного кадрового потенциала для предприятий края.

Для Алтайского края, как и для всей России, важным показателем выступает профессиональный состав населения, характеризующийся уровнем образования мигрирующего населения. Доля лиц с высшим образованием, около 1 тыс. человек, также ежегодно покидает край.

Максимальный отток населения из края в зарубежные страны был зафиксирован в 2011 г., что совпало с финансовым кризисом. Выявлена тенденция резкого снижения количества уезжающих представителей края за рубеж, в 2016 г. она достигла минимума. Однако преобладают мигранты с высшим образованием, что также ухудшает кадровый состав специалистов края.

Анализ статистических данных показал, что регион покидает в большей степени население с высшим образованием, а также со средним профессиональным. В то же самое время региональный рынок труда пополняется за счет мигрантов из Азии, имеющих в большей степени лишь общее образование, демонстрирующих при этом слабое знание русского языка, невысокий уровень культуры и пр.

Таким образом, в крае ухудшается образовательная, профессиональная структура населения, усиливается дефицит образованных, креативных кадров.

Резюмируя все вышесказанное, можно прогнозировать снижение и так невысокой плотности населения Алтайского края, ухудшение человеческого капитала, что будет способствовать депрессивности развития данного региона и его социально-экономического будущего. Как указал один из современных российских политологов, Россия остро нуждается в 20–30 млн мигрантов, и особенно такие приграничные территории, как Алтайский край, который отличается наличием природных, земельных и других ресурсов, но отсутствием необходимого потенциала высококвалифицированных кадров.

Сегодня в современном российском обществе существует настоятельная потребность в результативной миграционной политике, разработке эффективных и инновационных механизмов не только сохранения национальной безопасности, но и компенсации кадрового и экономического кризиса. Главным в связи с этим должны стать оптимизация миграционного законодательства, сокращение бюрократических барьеров, формирование системы адаптации и ассимиляции приезжего населения, успешная его интеграция в принимающее сообщество.

Результативность миграционной политики должны обеспечить комплексность, системность и согласованность межрегионального и межгосударственных секторов.

Алтайский край, который имеет негативные экономические и демографические прогнозы, крайне заинтересован в принятии и ассимиляции высококвалифицированных молодых трудовых резервов. При этом необходимо осуществлять возможный социальный контроль такого тренда, когда на одного молодого и высокообразованного выезжающего из региона человека, необходимого для развития экономики края, ежегодно прибывают около пяти мигрантов, характеризующихся низкой квалификацией и образованием. В связи с этим важно сформировать и продвигать специализированные программы по скорейшей адаптации и социализации прибывающих граждан, усиливая этнокультурные и языковые аспекты их адаптации.

Библиографический список

1. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. № 7.
2. Миграционные процессы в Алтайском крае 2011–2016. : стат. сборн. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2017.
3. Юмаев Е. А., Таранов В. О. Эффективная миграционная политика: подходы к определению // Молодой ученый. 2016. № 15.

С. Г. Чудова, К. А. Великжанина (Барнаул)

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

На современном этапе модернизации профессионального образования рынок нуждается в самостоятельных, творческих специалистах, инициативных, предприимчивых, способных приносить прибыль, предлагать и разрабатывать идеи, находить нетрадиционные решения и реализовывать экономически выгодные проекты. Помимо традиционной дидактической триады «знания — умения — навыки», специалист должен оперативно работать с большими потоками поступающей со всех сторон общественной жизни информации,

действовать в неопределенных, постоянно меняющихся социальных условиях и нестандартных ситуациях.

Особую актуальность вышесказанное приобретает при изучении социально-профессиональной группы специалистов социальной работы — представителей профессии по типу «человек — человек». Если ранее в этой системе преобладала «рамочная» деятельность в относительно устойчивых профессиональных полях по достаточно отлаженным схемам и алгоритмам, то на данном этапе профессионализации специалисту важно не просто иметь определенный информационный и знаниевый базис, но и максимально гибко использовать приобретенные в ходе обучения компетенции.

По мнению многих ученых, основной причиной недостаточной профессиональной компетентности выпускников и их низкой конкурентоспособности выступает отсутствие опыта практики в области будущей профессиональной деятельности [1].

Определению сущности и механизмов практико-ориентированного обучения посвящено множество исследований — Ю. Н. Галагузовой, Л. В. Собановой, В. Е. Мелеховой, В. Байденко, В. А. Болотникова, В. П. Борисенкова, В. В. Серикова, Ю. П. Ветрова, С. В. Дусенко, Т. А. Дмитриенко, П. И. Образцова, Ф. Г. Ялалова и других. Анализируя разные точки зрения, можно выделить основные сущностные черты практико-ориентированного подхода в высшем образовании:

- ориентация содержания обучения на предметную и функциональную составляющие профессиональной деятельности, не умаляя при этом значения формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности;
- усвоение учебной информации через практическое применение знаний и умений в типичных и нестандартных ситуациях при решении определенных задач;
- междисциплинарный характер обучения, ориентированный на решение учебных ситуаций, максимально приближенных к реальным, профессиональным, конструируемым с помощью методов проблемно-ориентированного и проектного обучения;
- формирование профессионального опыта студентов через их погружение в профессиональную среду в ходе практических занятий и разных видов практик (учебной, производственной и преддипломной) на протяжении всего периода обучения;
- использование профессионально-ориентированных технологий обучения, способствующих формированию у студентов профессиональных, личностно и социально значимых компе-

тенций, обеспечивающих качественное выполнение функциональных обязанностей по избранной специальности;

- создание условий для постепенного наращивания профессиональной квалификации — от формирования типовых профессиональных действий до продуктивной творческой деятельности.

Потенциал практико-ориентированного подхода в подготовке специалистов социальной работы состоит в усилении сотрудничества высшей школы, профессионального сообщества и социума, что включает:

- создание единого компетентностного портрета выпускника вуза;
- построение комплексной модели взаимодействия университета с социальными организациями и учреждениями;
- институционализация супервизии;
- реализация различных форм дополнительного профессионального образования.

В целом положения ФГОС 3+, детально прописывающие ряд общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, вписываются в русло практико-ориентированного подхода, но здесь достаточно много проблемных моментов, что можно выделить из процесса реализации образовательных программ. Критерием для оценки успешности их освоения определена сформированность групп компетенций, потому как в компетентности заключается действенный практико-ориентированный характер [2]. Однако сегодня ни в научной литературе, ни в нормативно-правовых актах нет однозначного определения термина «компетенция», отсутствуют способы оценки их сформированности. Более широко распространена точка зрения относительно понимания компетенции — «знаю как» (W. Nutmacher). Это осложняет проектирование образовательных программ и построение всего учебного процесса по направлению подготовки «Социальная работа».

Анализируя ФГОС 3+ по направлению образования «Социальная работа», можно отметить, что они имеют содержательную пустоту, ведь компетенции предстают слишком обобщенными. Фокус внимания переводится на грамотное построение и реализацию каждой конкретной профессиональной образовательной программы. В этом ключе высшая школа имеет все возможности использовать ФГОС 3+ только как шаблон, некую рамку, уровень минимально допустимых знаний студента. Вуз способен более полно отразить в образовательных программах сущность реальных потребностей со-

циума и практики и далее строить учебно-воспитательный процесс, опираясь на интегративно-дифференцированный подход, проектирование и реализацию образовательных технологий с ориентацией на те или иные виды и группы наиболее востребованных компетенций в тесном взаимодействии образовательных организаций и работодателей — учреждений социальной защиты и организаций социального обслуживания населения.

Обучение будущих специалистов социальной работы в Алтайском крае организуется в тесном сотрудничестве с общественностью, различными учреждениями, органами власти, некоммерческими организациями. Определение поля сотрудничества вузов и потенциальных работодателей, построение эффективной модели взаимодействия, поиск оптимального варианта консенсуса — вот главная опорная точка, с которой должна начинаться подготовка специалистов по социальной работе. При этом субъекты взаимодействия в подобной модели должны иметь общие ценности, с помощью которых оценивается действительность.

Стандартизация профессиональной сферы социальной работы поставила четкий вопрос о повышении уровня профессиональной подготовки выпускников вузов, их конкурентоспособности на рынке труда. Практика требует специалистов разной специализации — вводятся новые квалификации (например, специалист по организации назначения и выплаты пенсий, специалист по работе с семьей, руководитель учреждения социального обслуживания и т. п.), к тому же ученые прогнозируют появление совершенно новых профессий и направлений подготовки в сфере социальной работы. Шагом к преодолению подобных несоответствий может стать разработка и внедрение актуальных основных образовательных и дополнительных профессиональных программ, разработанных на основе двух взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга документов — единого ФГОС по направлению подготовки «Социальная работа» (уровня бакалавриата или магистратуры) и конкретного профессионального стандарта. Это актуализируется внедрением ФГОС 3++ с учетом положений действующих профессиональных стандартов с целью сближения сфер образования и практики деятельности, обеспечения их рациональной связи. Реформирование образования по направлению подготовки «Социальная работа» на основе действующих профессиональных стандартов как нельзя лучше вписывается в контекст повышения ресурсности профессионализации социальной работы и сущность практико-ориентированного подхода — это возможность преодоления профессиональной дезориентации выпускников вузов, раз-

рыва между потребностями общества, рынка труда и знаниями, умениями и навыками выпускника вуза и, самое главное, шаг к налаживанию взаимодействия высшей школы и системы социальной защиты в вопросах подготовки кадров для социальной сферы. Привлечение специалистов-практиков к профессиональной подготовке, развитие института супервизии на всех уровнях взаимодействия, в том числе наставничества студентов опытными специалистами выделяется как одна из форм социального партнерства в реализации практико-ориентированного подхода [3, с. 232–238].

Механизмом оценки эффективности и фасилитатором данного процесса может выступать профессионально-общественная аккредитация, которая значима и для высшей школы, и для профессионального сообщества. Ожидается, что в скором времени она будет распространена на все профессии и станет обязательной при прохождении государственной аккредитации вузом. Это позволит сформировать единую компетентностную модель выпускника; создать социально-профессиональный портрет профессионала социальной работы в соответствии с потребностями практики; сэкономить средства на переподготовку сотрудников; будет содействовать ликвидации дефицита кадров; позволит работодателям делать свой заказ на подготовку специалистов с востребованными квалификациями. В этой связи центральный вопрос расширения практико-ориентированного подхода заключается в вовлечении в образовательный процесс профессионалов как полноценных субъектов в качестве обучающихся, преподавателей или супервизоров. В этот контекст вписываются все выделенные респондентами факторы, и именно это обуславливает поле дальнейшей профессионализации социальной работы.

Библиографический список

1. Бекоева М. И. Формирование профессиональной компетентности магистранта — будущего педагога на основе практико-ориентированного подхода [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-rastudent.ru/15/2505/>.
2. Минервин И. Г. Практико-ориентированная модель подготовки современного специалиста : монография. Южно-Сахалинск, 2014.
3. Соловьёв А. С. Профессионализация социальной работы в России: проблемы и перспективы // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М., 2002.

Е. В. Шахова (Барнаул)

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧИМАЯ РОЛЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ²

Научный руководитель — С. Г. Максимова

Российская Федерация — федеративное государство, состоящее из равноправных субъектов. Федеративное устройство России определяет состав, правовое положение субъектов Федерации, их взаимоотношения друг с другом и с государством в целом, это национально-территориальная организация и структура страны. Всего в России 85 регионов — субъектов Российской Федерации, в том числе 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область, 4 автономных округа. Регион Российской Федерации — это часть территории Российской Федерации, которая обладает общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и других условий.

Более половины всех субъектов страны, а именно 50, граничат с другими государствами, т. е. являются приграничными. З. Б.-Д. Дондоков рассматривает подходы разных авторов к определению термина «приграничная территория» (П. Я. Бакланов, С. С. Ганзей, Л. Л. Божко, С. Н. Грибова, Н. М. Межевич, И. П. Черная и др.) и выделяет два:

- узкий подход, когда под приграничной территорией понимаются пограничная зона и территории районов, городов и населенных пунктов, прилегающих к ней;
- широкий подход, согласно которому рассматривается конкретный приграничный регион [1, с. 164–170].

Согласно определению Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова, приграничные регионы — это регионы, примыкающие к сухопутной границе, либо к пограничным или территориальным водам, по которым проходит линия разграничения территории государства; содержащие участок пограничной зоны [2, с. 214]. Приграничные субъекты России — это субъекты Российской Федерации с запада на восток вдоль северных и восточных границ и с востока на запад вдоль южных и западных границ.

² Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России» (2018–2019 гг.)

О. В. Цветкова утверждает, что приграничные территории, как правило, характеризуются слабым развитием в социально-экономической сфере. В то же время эти регионы имеют возможность извлекать определенные выгоды от своего приграничного положения, что возможно при условии сотрудничества с соседним государством [3, с. 96–107]. Безусловно, сотрудничество между граничащими регионами должно быть основано с учетом одновременно различий и общности ресурсного и геоэкономического положения, что важно как при развитии приграничных регионов, так и для национальной безопасности всей страны.

В связи с тем что современное многонациональное общество характеризуется рядом проблем, среди которых рост этнической напряженности, территориальные споры, международный терроризм, экстремизм, этнический сепаратизм и другие межнациональные конфликты, которые могут привести к дезинтеграции отдельных регионов и страны в целом, важно особенное внимание уделять национальной безопасности [4, с. 338–341]. Согласно мнению И. И. Арсентьевой, «приграничные регионы Российской Федерации занимают узловое положение в системе межгосударственных и межрегиональных экономических, политических, военных, культурных и других связей, следовательно, выступают ключевыми акторами национальной безопасности нашей страны» [5, с. 191–198].

В связи с этим необходимо проанализировать особенности национального состава и межнационального отношения в приграничных территориях. По национальному составу приграничные и внутренние регионы имеют значимые различия. На основе результатов переписи населения 2010 г. Л. Б. Кристаллинский отмечает следующие особенности приграничных территорий:

- доля русских жителей в общей численности населения в пограничном пространстве составляет 69,5% (для сравнения: в целом по России — 77,7%);
- доля русских во всех административно-территориальных образованиях приграничья, созданных по национальному принципу, — 39,2% (в национальных административно-территориальных образованиях, расположенных во внутренних регионах, доля русских составляет 52,6%);
- доля русского населения в приграничных краях и областях — 85,8% (во внутренних регионах этот показатель равен 87,9%), т. е. по национальному составу эти приграничные территории схожи с внутренними субъектами;

- доля русских в приграничных регионах по федеральным округам России в основном больше средней по пограничному пространству (69,5%). Ниже она только в двух федеральных округах: в Сибирском Федеральном округе немного ниже среднего показателя — 67,6%; и в Северо-Кавказском федеральном округе — 13,5%, что значительно меньше среднего по пограничным территориям [6, с. 18–23].

Отношения между представителями разных наций в приграничных субъектах также имеют свои особенности. М. Н. Завьялова описывает особенности проявления межнациональных отношений в пограничном пространстве различных федеральных округов Российской Федерации. Если приграничные регионы Северо-Западного, Сибирского, Приволжского и Уральского федеральных округов характеризуются относительно спокойной ситуацией, то отношения между представителями различных наций в приграничном пространстве Дальневосточного, Северо-Кавказского, Центрального и Южного федеральных округов более напряженные [7, с. 189–197].

Таким образом, большинство субъектов Российской Федерации имеют приграничный характер. Приграничные регионы играют значимую роль в национальной безопасности нашей страны. Приграничные территории имеют свои особенности, зависящие от политической деятельности субъекта, темпов социально-экономического развития, географического положения, отношений со странами-соседами, этнического состава региона, специфичности этнических процессов и т. д. Специфика проявления межнациональных отношений в приграничных субъектах отличается от межнациональной ситуации во внутренних регионах страны. Кроме того, каждый из приграничных регионов имеет свои особенные характеристики в сфере межнационального взаимодействия.

Библиографический список

1. Дондоков З. Б.-Д., Ангапова О. Б. Сущность и особенности приграничных территорий Российской Федерации // Вестник Востоchno-Сибирского гос. ун-та технологий и управления. 2013. № 6 (45).
2. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. М. ; Волгоград, 2002.
3. Цветкова О. В. Трансграничное сотрудничество приграничных субъектов Российской Федерации // PolitBook. 2016. № 4.

4. Самодурова Е. В. Регуляция межэтнических взаимодействий в многонациональном современном обществе через медиапространство региона (на примере Алтайского края) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. № 7.

5. Арсентьева И. И. Приграничные регионы в системе национальной безопасности России (на примере Забайкальского края) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 108.

6. Кристалинский Л. Б. Пограничное пространство России: современные особенности и динамика изменения этнического состава // Вестник Поволжской акад. гос. службы. 2013. № 5 (38).

7. Завьялова М. Н. Особенности проявления межнациональных отношений в приграничных регионах России // Вестник Гос. ун-та управлен. 2014. № 21.

Раздел III

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ В ОБЪЕКТИВЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКИ**

А. А. Баёва (Барнаул)

ОТВЕТСТВЕННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ

Практически каждый человек когда-то становится родителем. Будучи базисным жизненным предназначением, родительство и его осознанность формируется под влиянием разнообразных факторов. Говоря о родительстве, не стоит подразумевать простую совокупность отцовства и материнства. Рассматривать данный феномен рекомендовано со стороны целостной семейной структуры, отличительной стороной которой является способность к самосохранению в процессе изменения и развития.

Родительство — это осознание внутренней целостности, единства с супругом по отношению к своим или приемным детям, представляющее собой интегральное психологическое образование личности, включающее совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля воспитания [1].

Семья является исторически определенной малой групповой конструкцией, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и обоюдной моральной ответственностью. Получается, что определяющий смысл родительства состоит в рождении и воспитании детей [2].

Под «ответственным родительством» подразумевается духовно-нравственный интерес личности, нацеленный на ценностное воспитание детей, к положительным эмоциональным взаимоотношениям в семье, субъективному ощущению себя родителем, результативному взаимодействию в семье и образованию ценностных конструкций родительства [3, с. 87–88].

Применяя основы системного подхода к феномену родительства, допускается установить соответствующие положения:

- с точки зрения системности родительство можно вычленивать в самостоятельную подсистему в структуре семейной концепции;
- феномен родительства можно рассматривать как на индивидуальном уровне, так и как надиндивидуальное целое. Оба уровня выступают в качестве этапов формирования родительства;
- родительство существует в нескольких планах: личностные особенности женщины / мужчины, анализ родительства по отношению к системе семьи, родительство во взаимосвязи с роди-

тельскими семьями, отношение родительства к общественной системе;

— феномен родительства является динамическим процессом [2].

Родительство трактуется в качестве сложного комплексного образования, включающего в свою структуру различные компоненты, которые, в свою очередь, воздействуют на понимание сущности данного понятия у родителя. К таковым компонентам в первую очередь относится родительское отношение. Родительское отношение включает различные способы взаимодействия с ребенком, формы контроля, воспитания путем определения дистанции, а также преобладающий эмоциональный фон проявления родительского отношения [2].

Следующим элементом, эмоционально окрашивающим родительское отношение, числятся родительские чувства. Это особый, выделяющийся среди других комплекс чувств, специфика которого заключается в заботе родителей о поддержании жизни ребенка. Родительская любовь — гарантия эмоционального благополучия личности. Наполненность и содержание родительских чувств могут быть противоречивыми и амбивалентными. Родительские чувства содержат в себе представления об идеальном образе ребенка, который вызывает всю гамму чувств, эмоциональную оценку себя как родителя [2].

Родительские установки и ожидания представляются еще одной частью феномена родительства. Родительские установки выступают в качестве определенного понимания своей роли родителя. Родительские ожидания предполагают возможность ждаты от других признания ролевой позиции родителей, поведения окружающих, скоординированного с этой ролью, и вести себя в соответствии с ожиданиями окружающих. Знания о репродуктивной норме общества, эмоции по отношению к реализации родительских установок и ожиданий, стиль семейного воспитания — все это признается элементом родительских установок и ожиданий [2].

Родительские позиции — еще один компонент родительства — это форма взаимодействия с детьми на базе осознанных и неосознанных мотивов. В качестве элементов родительских позиций можно выделить представления о существующих родительских позициях, суждения и оценки относительно взаимодействия дети — родители, коммуникативные позиции матери и отца [2].

При развитии и правильном направлении корректировки каждого из компонентов родительства возможно с успехом сформировать компетенции ответственного родительства.

Факторы, оказывающие влияние на формирование родительства, можно разделить на внешние и внутренние. Совокупность внешних факторов обоснована рядом внешних воздействий, содержащих некоторое количество уровней:

- факторы макросистемы (влияние общества). Непосредственное воздействие реализуется путем социального регулирования и управления, а опосредованное — через сумму социальных влияний на ценностные установки личности. Осознание личностью неформализованного воздействия со стороны общества можно считать педагогическим компонентом формирования ответственного родительства;
- факторы мезосистемы (влияние родительской семьи). Индивид получает первичный социальный опыт относительно осуществления родительской модели действий именно в первичной социальной среде — родительской семье. Элементом формирования ответственного родительства на данном уровне имеет возможность быть сравнительный анализ особенностей собственной и родительской семьи для более полного понимания оказываемого влияния со стороны родительской семьи;
- факторы микросистемы (влияние собственной семьи). Компонентами, осуществляющими влияние на формирование родительства, на микроуровне, выступают осознанность родительства, условия жизни семьи, сопряженность моделей родительства отца и матери. Педагогической составляющей в плане ответственного родительства в данном случае может быть взаимосоответствие и развитие поведенческого репертуара для согласованности между моделями родительства обоих супругов.

Внутренние факторы относятся к индивидуальным личностным установкам человека [1].

Структура родительской ответственности включает в себя объединение трех компонентов: когнитивного, поведенческого и эмоционального. Когнитивная составляющая вбирает понятия относительно ответственного и безответственного поведения родителя, о распределении ответственности между супругами в других семьях и в своей семье. Поведенческая составляющая касается контроля своих действий, случающихся событий и характеризуется значимостью в семье. Эмоциональная составляющая простирается на взгляды к распределению ответственности в семье, эмоциональные волнения, связанные с этим, и оценку себя как родителя с точки зрения ответственности. Также в качестве особенности родительской ответственности выделяется временная характеристика — ответствен-

ность имеет место быть нацеленной на прошлое, локализоваться в настоящем и направляться на будущее (т. е. вбирать компонент предвидения) [4, с. 183–188].

Подводя итоги, можно сказать, что родительство считается базисным жизненным назначением и важным социально-психологическим предназначением любого индивида. Процедура развития ответственного родительского отношения в молодой семье считается значимым социальным вопросом современного общества. Образцы поведения личности как родителя преломляются через ценностно-мотивационную сферу обоих супругов, через опыт, полученный ранее в родительской семье, что дает начало формированию своего понимания ответственного родительства. Основы формирования родительской культуры следует закладывать заранее, подкрепляя положительными примерами.

Библиографический список

1. Ермихина М. О. Формирование осознанного родительства на основе субъектно-психологических факторов : автореф. ... дис. канд. псих. наук. Казань, 2004.
2. Овчарова Р. В. Психологическое сопровождение родительства. М., 2003.
3. Файзиева Е. Б., Нилова Н. А. Организационно-методические аспекты создания внутривузовской системы просемейного воспитания студентов // Социальная педагогика. 2013. № 6.
4. Виниченко, Е. А. Подготовка студентов к ответственному восприятию родительской роли // Вестник Кем. гос. ун-та культ. и иск. 2012. № 18.

А. В. Болотова (Барнаул)

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Коррупция охватывает все сферы нашей жизни и виды общественных отношений. Негативное влияние этого явления проявляется в торможении динамики развития страны, угрозе национальной безопасности, низких темпах развития экономики, углублении социальной дифференциации общества. Именно поэтому перед современными социологами стоит задача детального изучения причин коррупции и выявления методов борьбы с ней.

В современной научной литературе существует множество определений понятия «коррупция». Ее рассматривают в нескольких аспектах: социальном, политическом, правовом. Ряд ученых считает, что коррупцию нужно рассматривать не как конкретный состав преступления или административного правонарушения, а как совокупность родственных деяний, включающих в себя ряд должностных злоупотреблений.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» наряду с перечислением отдельных разновидностей коррупционных действий содержит общее легальное определение коррупции. Под ней понимается незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [1].

Несовершенство законодательства в настоящее время рассматривается как один из мощных факторов роста коррупции. Нынешнее состояние коррупции в государственном аппарате во многом обусловлено давними тенденциями. Кроме того, оно связано с переходным этапом, который, как и в других странах в подобной ситуации, сопровождается ростом коррупции в системе государственной службы.

Существует множество вариантов классификации причин, условий и факторов, порождающих коррупцию и способствующих ее распространению. Так, О. Н. Ведерникова среди основных криминальных факторов называет экономические причины и организационно-управленческие условия. При этом «экономические причины коррупции как вида корыстной преступности коренятся в фундаментальных социально-экономических проблемах жизни общества, оказавшегося неспособным сочетать экономический прогресс и частную собственность с социальной защищенностью людей». Среди многочисленных организационно-управленческих условий в качестве важнейшего отмечено «отсутствие эффективного финансового и иного государственного и общественного контроля над деятельностью должностных лиц» [2, с. 123]. Причины коррупции могут быть политическими, экономическими, управленческими. Г. А. Сатаров выделил из числа наиболее важных факторов, определяющих рост коррупции в современной России, помимо дисфункций государственной машины и некоторых исторических и культурных традиций, стремительный переход к новой экономической системе, не подкрепленный необходимой правовой ба-

зой и культурой, отсутствие в советские времена нормальной правовой системы и соответствующих культурных традиций, а также распад системы контроля [3, с. 4].

В России социологическое исследование проявлений коррупции, их социокультурных и, в частности, национальных особенностей осуществлялось до начала 20-х годов XX в. в рамках «отечественной социологии чиновничества». Вот самые общие выводы о природе этого явления в России: 1) подкуп административного лица является традицией; 2) формы взяточничества менялись, но по сути злоупотребление властью сохранялось; 3) воспроизводимость явления нашла отражение в языке (и бытовом, и литературном) — появились как прямые его обозначения, так и многочисленные эвфемизмы [4].

Проблемой российской коррупции довольно активно занимаются криминологи и правоведы. Так, В. В. Радаев рассматривает данное явление в основном с позиций институционального подхода. Вымогательство и взяточничество чиновников он считает «начальной и примитивной формой взаимоотношений предпринимателя и чиновника. С ростом масштабов бизнеса и по мере укрепления взаимного доверия складывается сложная система обмена услугами, а на ее основе — форма сотрудничества в рамках неформальных контракт-отношений» [5, с. 97]. Весьма продуктивным для анализа коррупции в России представляется исследование властных структур, осуществленное М. Н. Афанасьевым. Если следовать его логике, то коррупция проистекает из особенностей властных структур России и укорененности в обществе подобных отношений [6, с. 32].

Проблемой коррупции активно занимаются современные исследовательские центры, которые ежегодно представляют соответствующую статистику в этой сфере. Так, издание «Коммерсант» собрало данные об уровне коррупции в РФ и представило инфографику, характеризующую ситуацию на 2017 г. Как показало последнее глобальное исследование Transparency International «Барометр мировой коррупции», большинство россиян (56%) не верит, что простые граждане могут внести свой вклад в борьбу с коррупцией.

За последние пять лет число направленных в суды коррупционных дел выросло в 1,5 раза, а нанесенный коррупционерами ущерб — в пять раз. Средний размер взятки в России, по данным МВД, также увеличился пятикратно — с 61 тыс. руб. в 2010 г. до 328 тыс. руб. в 2016-м. По данным Минюста, размер причиненного преступлениями коррупционной направленности материального ущерба за последние два года и три квартала 2017 г. составил более 148 млрд руб. [7].

Как показывают последние опросы «Левада-центра», большинство россиян считает взятки совершенно недопустимыми как в госорганах, так и на бытовом уровне. В то же время респонденты признали, что им самим за последние три года приходилось давать взятки при нарушении правил дорожного движения (42%), в больнице (31%), при устройстве ребенка в школу (15%), получении справок и других документов в местных органах власти (9%) [8].

Таким образом, проблема коррупции остро стоит перед современным российским обществом. Это явление распространено во многих управленческих структурах и оказывает пагубное влияние на развитие государства. В связи с этим требуется принятие комплекса мер по борьбе с коррупцией. Стоит отметить, что их осуществление будет успешным лишь в случае объединения усилий всех государственных структур, организаций и граждан.

Библиографический список

1. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г.: в ред. Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 396-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6.
2. Ведерникова О. Н. Антикоррупционная политика России: с чего начать? // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3.
3. Сатаров Г. А., Левин М. И., Цирик М. Л. Россия и коррупция: кто кого? // *Российская газета*. 2013. № 2. 19 февраля.
4. Быстрова А., Сильвестрос М. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы [Электронный ресурс]. URL: http://www.iu.ru/biblio/archive/bistrova_fenome/.
5. Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика М., 1998.
6. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997.
7. Шкуренко О. Д., Козичев Е. М., Малаев М. А. Коррупция в графическом измерении // *Российское издание «Коммерсант»*. 2017. № 8.
8. АНО «Левада-Центр». Институциональная коррупция и личный опыт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2017/03/28/institutsionalnaya-korrupsiya-i-lichnyj-opyt/>.

О. В. Борисова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)³

Стремительные перемены, происходящие в современном российском обществе, затрагивают все сферы жизнедеятельности и социальные структуры. Причины изменений различны: научно-технический прогресс, влияние экономических, политических факторов и т. д. Ситуацию нестабильности, неустойчивости и неопределенности можно заметить в обществе любого государства, будь то развивающаяся либо развитая страна. В таких условиях проблема социальной безопасности граждан становится актуальной [1, с. 9].

Социальная безопасность — понятие объемное, многоплановое, однако предполагающее соблюдение и защиту прав, интересов личности в условиях проявлений внешних и внутренних угроз. Понятие «угроза» подразумевает конкретную и непосредственную форму опасности, создаваемую деятельностью враждебных сил. Также наравне с понятием «угроза» в определении безопасности используют термин «опасность». Однако, на наш взгляд, опасность — достаточно широкое понятие, а вот угроза носит более персонифицированный характер, так как всегда исходит от субъекта и направлена на объект [2, с. 172]. Ведь человек всегда находится в опасности, но не всегда под угрозой.

Также среди большого количества имеющихся определений социальной безопасности наиболее полным, по мнению автора статьи, является определение В. С. Плотникова. Социальную безопасность он видит как защищенность жизненно важных интересов субъектов, сохранение и развитие человеческого потенциала, систем жизнеобеспечения людей, непреходящих ценностей их образа жизни, нравственного поведения и деятельности [3, с. 23].

Исследование социальной безопасности населения — важнейшая исследовательская задача, так как социальная безопасность является ключевой составляющей национальной безопасности государства.

В рамках реализации проекта «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском

³ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России (2018–2019 гг.)».

приграничье России» в 2018 г. был проведен опрос населения Алтайского края (n=400).

Анализ результатов исследования показал, что абсолютное большинство населения региона ощущают себя в безопасности (72,8%). 21,8% опрошенных заявили, что не очень ощущают себя в безопасности, а 2,8% респондентов отметили полное отсутствие чувства безопасности.

Современный период развития нашего государства в целом и региона в частности сопровождается увеличением числа проблем, угроз и внешних опасностей, что нашло подтверждение и в ответах респондентов (32,3%). Наибольшую угрозу жители региона видят в росте коррупции и организованной преступности (46,6%). Почти 30% респондентов беспокоят возможность военного нападения извне, наркомания и алкоголизм населения, бездуховность, цинизм, равнодушные, отказ от духовных ценностей народа, а также терроризм, политический радикализм и экстремизм. Следует обратить внимание на то, что вышеперечисленные угрозы на самом деле вызывают чувство тревоги у жителей Алтайского края. О данном факте свидетельствуют результаты опроса, согласно которому почти треть респондентов очень сильно боятся стать жертвой теракта.

Безусловно, для снижения конфликтности и напряженности в обществе, сохранения социальной стабильности существенную значимость имеет участие государства [4, с. 43]. Так, по мнению респондентов, улучшение работы правоохранительных органов и служб безопасности, налаживание сотрудничества властей и населения в обеспечении безопасности способны повлиять на данный процесс. Экономические факторы также, по мнению населения региона, важны. Значительное влияние на социальную безопасность оказывает высокий уровень безработицы (57,8%), низкий уровень безработицы (59,4%). Более трети жителей региона считают необходимым внести изменения во внешнюю политику страны, проводя продуманную международную политику, сотрудничая с другими странами (35,9%). Также в качестве мер для обеспечения безопасности населения респондентами была отмечена необходимость запрета деятельности экстремистских организаций (35,6%), противодействия нелегальной миграции (36,9%) и изменения политического курса страны, улучшения работы властей (38,1%).

Проведенный анализ данных социологического исследования показывает, что население Алтайского края испытывает тревожность из-за ряда угроз как внешних, так и внутренних. Очевидно, что для снижения чувства тревоги, сохранения социальной безопас-

ности государству необходимо принимать конструктивные меры в сфере экономики, миграции, внешней политики и т. д.

Библиографический список

1. Антипов К. А., Березина Е. М., Волочков А. А., Воронова К. А., Гасумова С. Е., Григорьева М. И., Замараева З. П., Мавликаева Ю. А., Марголина Т. И., Малянов Е. А., Невельсон Е. Ю., Реутов С. И., Соболева Л. А., Суслов М. Г., Телегина Г. А., Щукина Р. И. Социальная безопасность и защита человека в современном российском социуме : монография / под общ. ред. З. П. Замараевой. Пермь, 2018.
2. Фомченкова Г. А. Институционализация безопасности молодежи в условиях трансформации российского общества : дис. ... докт. социол. наук. СПб., 2014.
3. Плотников В. С. Социальная безопасность в транзитивном обществе: содержание и механизм обеспечения : дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2004.
4. Горбунова А. А., Сарыглар С. А. Социальная безопасность приграничных территорий: этнокультурный аспект // *Society&Security Insights*. 2018. № 1.

Ю. К. Боровинская (Барнаул)

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Научный руководитель — О. Н. Замятина

В последнее время все большую озабоченность вызывают масштабы распространения идей экстремизма на территории многих стран мира.

Для того чтобы разобраться в явлении «экстремизм» на современном этапе развития общества, нужно четко осознавать, что это понятие подразумевает. Достаточно спорным и интересным вопросом является трактовка понятия «экстремизм». В разных странах ему дано множество определений, и по сей день нет точного научного понятия, которое раскрывало бы его сущность в полной мере.

Не переходя к перечислению всех существующих трактовок, можно кратко сказать о том, что большинство придерживается мнения, что экстремизм — это приверженность к радикальным идеям и целям, достижение которых осуществляется нелегитимными, насильственными средствами и методами. Наряду с этим существуют уче-

ные, которые определяют экстремизм как единственную возможность реально повлиять на ситуацию, особенно если складываются революционные условия или государство охвачено длительной гражданской войной, — обычно они называют это «вынужденным экстремизмом». Также интересным является мнение о том, «что называть экстремистами определенных людей или группы было бы неправильно, так как в одной социальной среде экстремистские действия преступны, а в другой являются единственным способом достижения социальной справедливости и посему позиционируются как благо» [1].

Таким образом, мы видим, что экстремизм — явление достаточно сложное, и дать ему точное и четкое определение в данный момент представляется невозможным. Но в то же время это необходимо, так как очень часто происходит подмена понятий, особенно в молодежной среде. Говоря о сущности какого-либо явления, мы должны точно определять для себя, что мы под ним подразумеваем. Это важно, потому как многие, особенно люди молодежной среды, путают понятия и нередко ошибаются в выборе определенной группы для отстаивания, как им кажется, своих интересов.

В данной работе хотелось бы определить экстремизм как «негативное явление, исходящее из крайних взглядов, приверженности к крайним мерам, проявляющееся в деятельности радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершению запрещенных законом общественно опасных деяний, совершаемых с политическими, националистическими целями, или на почве расовой, религиозной вражды (ненависти)». Дальнейшее рассмотрение и анализ проблемы экстремизма в современном мире будет основываться именно на этом определении [2].

Как мы знаем, явление экстремизма появилось достаточно давно. Но именно на современном этапе развития общества оно стало более злободневным и актуальным. В. Н. Томалинцев пишет: «Если в прошлом экстремизм был идеалом немногих, то ныне, благодаря попустительству безответственных политиков, стараниями масс-медиа, усилиями поп-культуры, экстремистское мироощущение проникает в массовое сознание, овладевая образом жизни все большего количества людей» [3, с. 8].

В настоящее время он пронизывает все сферы общественной жизни. Ученые выделяют такие виды экстремизма: религиозный, политический, религиозно-политический, этический, расовый, молодежный, националистический, социальный и другие. Изучив труды ученых и исследователей данной проблемы, важно выдвинуть на первый план рассмотрение религиозно-политической, молодежной и ин-

формационной форм данного явления, так как возрастающее влияние именно этих факторов определяет экстремизм в современной социальной среде.

Бесспорно радикальные взгляды, связанные с религией и политической, являются злободневными на протяжении достаточно длительного периода времени. И на современном этапе мы можем видеть, что острота проблемы, связанной с этими сферами жизни общества, не ослабевает. В современном мире ученые все больше укрепляются в мысли, что «религиозная оболочка является лишь удобной маскировкой для политического экстремизма и международного терроризма». Религиозный экстремизм главной идеей выдвигает служение Богу посредством агрессивного сопротивления, борьбы с врагами истинной веры.

Особо опасной проблемой религиозного экстремизма можно выделить идеологию, пропагандируемую экстремистскими группами, которая достаточно сильно может влиять на искажение мировоззрения, установление психической неуравновешенности личности, потерю ориентаций, на которых основываются люди со времен построения цивилизации.

Политический экстремизм — идеология и практика псевдореволюционных сил, добивающихся осуществления своих политических целей посредством террора, насилия, убийств и других видов агрессивной деятельности [4, с. 11]. Идея «религиозно-политического экстремизма и терроризма рассматривает ислам лишь как орудие для достижения политических целей» [4, с. 11]. В постсоветской России мусульмане испытывали кризис идентичности, а ислам стал одним из важнейших компонентов новой идентичности, формирующейся у мусульманских этнических групп. К сожалению, некоторые исламские группировки в качестве самоутверждения выбрали путь религиозно-политического экстремизма, который до настоящего момента определяется как один из самых главных факторов утраты населения вследствие создания волнений, переживаний и самых неблагоприятных настроений в обществе.

Важной отличительной чертой современного экстремизма является тенденция его развития в молодежной среде. В ходе одного из социальных опросов исследователем было выявлено, что причиной распространения экстремизма у молодежи является подверженность чужому мнению, а также стремление молодых людей в силу возрастных особенностей изменить мир. Действительно, имеются случаи вербовки детей и подростков, личность которых еще не сформирована. Желание также проявить себя в определенной группе, дух бунтарства,

свойственный молодым, делает эту возрастную группу более подверженной влиянию извне. Экстремизм считается неким призывом к отстаиванию собственных интересов, что привлекает молодую среду, для которой важно самовыражение.

Также в условиях постоянно развивающегося технического прогресса невозможно не сказать о постепенном распространении экстремизма в информационном пространстве. Массовое влияние СМИ на каждого современного человека — уже давно доказанный факт.

Воздействуя при помощи речи на конкретного человека либо на целую группу людей, члены экстремистских групп подрывают ценностные ориентации, внушая людям собственные идеи, которые направлены на изменение существующего уже миропорядка. Таким образом, ученые отмечают, что информационный экстремизм — «это подготовительная ступень для других видов экстремизма, формирующая благоприятную среду для распространения и принятия экстремистских идей и идеалов» [5, с. 548–550]. В результате созданное нами информационное пространство открывает перед приверженцами радикальных настроений безграничные возможности влияния на развитие общества, хотя и без использования насильственных методов.

Можно выделить еще одну тенденцию развития экстремизма — это рост масштабности, информационное пространство которому только помогает распространяться в современном обществе. Расширяется информационная, тактико-стратегическая, финансовая, идеологическая, психологическая, ресурсная взаимосвязанность экстремистских сообществ и групп в отдельных странах и в международном масштабе [4]. Экстремистские группировки превращаются во влиятельные структуры, наблюдается усиление жестокости, использование новейших средств.

Бесспорно, важным и открытым вопросом на сегодняшний момент остается трактовка понятия «экстремизм». Это явление предстает перед нами достаточно сложным феноменом, который охватывает все сферы общественной жизни, а потому кажется невозможным дать ему универсальное определение. Но все же мы понимаем, что экстремизм раскрывается как негативное явление, подрывающее основу общества и требующее усиленных мер борьбы. Возрастающая роль религиозно-политического, молодежного, информационного экстремизма в научных работах исследователей данной проблемы отражены как наиболее актуальные развивающиеся тенденции современного общества. Экстремизм подстраивается под новое мышление, используя для достижения своих целей не только открытые показательные действия для устрашения населения, но и новые

технологии, через которые возможно сильное влияние на сознание личности, особенно в молодежной среде.

Библиографический список

1. Замятина О. Н. Соотношение правовой культуры населения и его правосознания // I Ростовские чтен. «Современные вызовы региональному социуму: конфликтность и потенциал стабильности» / под. ред. В. В. Нагайцева. Барнаул, 2018.
2. Проблемы определения понятия экстремизма // Электронный сборник статей по материалам XX студ. Междунар. заочной научно-практич. конфер. М., 2015 № 1 (19).
3. Власов В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика : уч.-метод. пособие / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова. М., 2003.
4. Томалинцев В. Н. Сущность экстремизма. Особенности его скрытых и явных форм // Феномен экстремизма / под ред. А. А. Козлова. СПб., 2000.
5. Далдаева Т. И. Современный религиозно-политический экстремизм // Молодой ученый. 2013. № 6.

Л. С. Будлянская (Барнаул)

ОТНОШЕНИЕ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА БАРНАУЛА К ИНОСТРАННЫМ ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ

Миграционный процесс представляет собой перемещение людей из одного места жительства в другое. Трудовая миграция совершается в поисках лучшего и выгодного места работы, особенно когда в родном регионе, стране проживания высокая безработица и низкий уровень социальной жизни. В мире определился ряд государств, куда чаще мигрируют люди в надежде на лучшую долю или временные трудовые заработки.

В Россию прибывают мигранты, как правило, из стран СНГ и некоторых государств Азиатско-Тихоокеанского региона [1, с. 10–21]. Это актуализирует проблему изучения отношения трудоспособного населения к иностранным трудовым мигрантам.

Причиной увеличения миграционных потоков в Россию называют рост потребностей промышленного, строительного и обслуживающего секторов в рабочей силе и серьезный дефицит трудовых ресурсов внутри страны по причине демографического кризиса [2, с. 144–150].

Трудовые мигранты занимают в России преимущественно те ниши экономики, в которых оплата труда находится на низшем уровне, рабочие места в этих «нишах» не престижны для граждан страны и не требуют высокой квалификации используемой рабочей силы.

В мире число международных мигрантов, по данным ООН, увеличилось с 154 млн человек в 1990 г. до 232 млн в 2013 г. Эти потоки миграции, не ограничиваясь конкретным регионом, вызваны политическими кризисами, войнами, этнической или религиозной враждебностью и существенными социально-экономическими различиями между регионами [3, с. 32–40].

Между тем миграция является гибким и мобильным инструментом сохранения определенного уровня численности экономически активного населения и воспроизводства отраслевой структуры рабочей силы. И здесь исключительно важно вести в первую очередь отбор привлекаемых иностранных работников по профессиям, специальностям и квалификации, необходимым для устойчивого развития принимающего региона.

В разных регионах РФ существуют неодинаковые предпосылки складывания рынка труда [4, с. 72–89]. Так, на формирование рынка иностранной рабочей силы в Алтайском крае влияет неблагоприятная демографическая ситуация, которая характеризуется естественной убылью и миграционным оттоком населения, а также удаленность региона от европейской части страны. Это способствует активному привлечению иностранной рабочей силы [5, с. 104–112].

В субъектах СКФО РФ, напротив, ситуация характеризуется естественным приростом населения и недостатком рабочих мест [6, с. 16–23]. Так, в Чечне ежегодный прирост населения составляет примерно 20 тыс. человек, а рост рабочих мест отстает во много раз. Однако в отдаленной перспективе и на юге России рынок труда, скорее, будет испытывать потребность в иностранных трудовых мигрантах [7, с. 150–161].

С социальной и политической точки зрения во времена кризиса и экономической незащищенности мигранты в принимающей стране испытывают ксенофобские настроения и дискриминацию. И поэтому нужно освещать положительную роль трудящихся иностранных мигрантов, их вклад в экономику, отсутствие в них угрозы безопасности. Одновременно следует иметь в виду, что в современных обществах люди фактически участвуют в двух, а не одной культуре.

Иммигранты все более становятся транснациональными благодаря доступным транспортным средствам, телекоммуникации. Они сохраняют связь со своей родиной и успешно адаптируются в прини-

мающей стране. Основу межкультурных коммуникаций составляют «культурные рамки», которые можно подразделить на культуру нации и культуру организации [8, с. 90–101].

Как видим, отечественные и зарубежные исследователи признают трудовую миграцию неизбежным социальным явлением, а также отмечают сложность процесса культурной адаптации мигрантов в принимающем сообществе.

В современном мире прежние модели культурной адаптации могут не соответствовать быстро меняющейся сложной реальности, требуются новые подходы и формы социокультурного взаимодействия.

В данной статье предпринята попытка изучить представления трудоспособного населения города Барнаула к процессам культурной адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов в регионе.

В исследовании ставилась цель выявить мнение граждан о миграционной обстановке, ресурсах культурной адаптации и интеграции мигрантов, социальной коммуникации в регионе.

Методом исследования является массовый опрос, проводился по месту работы, анкета включала блоки вопросов о сферах применения профессионального труда иностранных мигрантов, угрозах рынку труда, культурной адаптации и интеграции, общении с мигрантами, языковой коммуникации.

Социально-демографический раздел вопросника предусматривал фиксацию наряду с половозрастными признаками материального положения, продолжительности проживания в регионе, миграционных настроений. Всего опрошено 200 жителей города Барнаула, работающих или учащихся в различных сферах, — педагоги, строители, предприниматели, домохозяйки, студенты и другие.

Социологический опрос показывает, что у жителей города Барнаула еще не сложилось устойчивое представление о применении труда мигрантов в регионе. Из числа опрошенных считают, что приезжие отнимают работу у местных жителей — 10,5%, местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места — 30,5%, то и другое — 37,5%, затруднились ответить — 18,5%.

В ходе опроса для применения труда иностранных мигрантов выявлены профессии и виды деятельности, требующие высокой и низкой квалификации. Целесообразным сочли использование мигрантов в медицине и социальных услугах — 28%, в общепите и гостиницах — 23,5%, названы также сферы строительства и жилищно-коммунальных услуг, сельского хозяйства и другие.

В своих вариантах жители города Барнаула предложили привлечь специалистов IT-технологий, социальных услуг, преподавателей

иностранных языков, но высказано и иное мнение: «Сначала нужно ликвидировать безработицу».

Далее следует рассмотреть особенности коммуникативного взаимодействия жителей Барнаула и иностранных трудовых мигрантов.

Общение с мигрантами происходит ежедневно и каждую неделю у 7,5% респондентов, не общаются или очень редко общаются — 89,5% от числа опрошенных. Однако данный индикатор характеризует не коммуникативный потенциал местных жителей, а миграционную ситуацию.

Так, в трех высших учебных заведениях ЧР обучаются лишь несколько десятков иностранных студентов, многие из которых приехали лишь в 2016 г. Трудовых мигрантов в течение месяца пребывает в регионе менее 300. Эти обстоятельства минимизируют ситуативные или иные контакты местных с приезжими людьми.

В исследовании выяснялась предрасположенность студенческой молодежи города Барнаула к совместной деятельности с мигрантами; к совместному обучению с ними отнеслись положительно — 47,5%, отрицательно — 5%, нейтрально — 40% и затруднились ответить — 4,6%.

Респондентами были даны и свои текстовые ответы, в которых выражены нейтральность, ожидание культурной адаптации, потребность сохранить этнокультурную автономию. Вместе с тем нейтральные установки в зависимости от стечения обстоятельств могут трансформироваться в положительное или отрицательное отношение к мигрантам.

Формирование опыта совместного проживания, культуры общения, установления доверительных отношений протекает не только во время совместной учебы, работы, но и посредством участия в культурных мероприятиях. Информацию о местных традициях считают нужным распространять раздачей информационных листов — 10,5% респондентов, привлечением мигрантов к участию в общественной жизни — 30,5%, то и другое предпринимать — 44,5%.

В целом придерживаются мнения жителей города Барнаула о целесообразности информирования мигрантов о местной культуре — 88,6% из числа ответивших на вопрос, не разделяют такую точку зрения — 6,2%.

Другой вывод состоит в том, что более трех четвертей жителей Барнаула (77,7%) — за интеграцию мигрантов, против — 17,1%.

К обучению художественным промыслам, танцам, музыке, приготовлению национальных блюд стран, из которых прибыли мигранты, отнеслись положительно в ходе опроса более половины и нейтраль-

но — свыше пятой части респондентов. Уровень социального и культурного взаимодействия значительно повышается в условиях знания коммуникаторами нескольких языков.

К перспективе организации в городе для всех желающих изучения языков соседних стран, из которых прибывают мигранты, отнеслись положительно 77,5% опрошенных, нейтрально — 14,5%, отрицательно — 3,5%.

В своей совокупности показатели основных направлений взаимной культурной адаптации иностранных мигрантов и местных позволяют сформулировать вывод об уровне настроения местных жителей на интеграцию с мигрантами: положительно относятся к этому — 62,4%, нейтрально — 23,5%, или, иначе, 85,9% ориентированы на создание благоприятной среды и фона на совместное существование и общезитие.

Таким образом, по данным социологического опроса, в регионе существует благоприятная ситуация социального и культурного взаимодействия, нормальной жизнедеятельности и терпимого отношения к иностранным трудовым мигрантам.

Библиографический список

1. Татаркин А. И., Васильева А. В. Оценка потребности российского рынка труда в иностранной рабочей силе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 11. №2 (287).

2. Зайончковская Ж. А. Эмиграция в дальнее зарубежье // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 12.

3. Скворцов Н. Г. Трудовая миграция в современной России: этническое измерение социального неравенства // Гуманитарий Юга России. 2015. №3.

4. Новиков К. Е. Миграционные настроения во Владимирской области в контексте проблем российской урбанизации // Социологический журнал. 2016. №4.

5. Царевская Е. А., Токарев Ю. А. Влияние иностранной рабочей силы на региональный рынок труда // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2015. №11.

6. Рязанцев С. В., Безвербный В. А. Международная интеллектуальная миграция в России: тенденции и последствия // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Экономика. 2014. №2.

7. Иванова Т. Д. Трудовая миграция россиян (некоторые результаты социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2015. Вып. 2.

8. Цуканова Д. В., Шаронова С. А. Подходы в изучении проблем межкультурной профессиональной коммуникации иностранных кадров и в формировании межкультурных компетенций // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2015. № 2.

Н. Н. Ветошкина, А. С. Кащенко (Барнаул)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СУБКУЛЬТУРЫ РОЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Научный руководитель — С. Г. Максимова

Современное общество рассматривается как совокупность субкультурных сообществ, которые обладают определенной внутренней структурой. Среди таких сообществ авторы выделяют субкультуру ролевого движения живого действия. Кардинальные изменения в духовной сфере российского общества неизбежно сказываются на переоценке молодыми людьми устоявшихся, как казалось, ценностей. Особую остроту на сегодняшний день приобретает изучение изменений, происходящих в сознании молодежи. Основываясь на данных социологического исследования, проведенного в 2018 г. среди представителей субкультуры ролевого движения живого действия на территории Алтайского края, авторы делают выводы о том, что субкультура ролевого движения живого действия на примере исторических реконструкторов положительно влияет на сознание молодежи, помогая определиться с жизненными ориентациями и ценностями.

Важнейшие жизненные планы молодежи связаны со смысложизненными ориентациями. На сегодняшний день недостаточно исследованными остаются вопросы социальных и экзистенциальных смыслов молодежной субкультуры, деформации смысложизненных ориентаций, которые порождают отклонения в поведении молодого человека, будь они положительны или отрицательны.

Молодежный феномен XXI в. как на начальном этапе своего появления, так и сейчас продолжает вызывать немало споров в различных областях исследования. Но главным образом его изучением занимается социологическая наука, успешно аккумулируя для этого результаты исследований других гуманитарных наук. Особо остро вопрос о смысложизненных ориентациях поднимается в молодости. Повзрос-

левшие парни и девушки в определенный момент времени начинают ощущать неустойчивость жизненных позиций взрослого поколения, противоречивость действий создает недоверие к взрослым ценностям и социальной системе. Недоверие к нестабильной социальной системе считается одной из причин вступления молодежи в различные субкультуры.

Молодежи посвящается достаточно много исследований, особое место в которых принадлежит изучению субкультуры и процессов, которые в ней происходят. Но большая часть из них нацелена на выявление социально-исторических условий и причин ее появления (И. М. Ильинский, К. Г. Мяло, С. И. Левикова), а также на изучение генезиса молодежной субкультуры. Несмотря на многообразие подходов в исследовании молодежных субкультур, следует отметить догматический взгляд на проблему, что мешает объективно оценить данное явление.

Понятие «смысл жизни» в отечественной психологии появилось в работах Л. С. Выготского [1]. В дальнейшем его взгляды получили развитие в трудах А. Н. Леонтьева, которым было введено понятие «смысложизненные ориентации». А. Н. Леонтьев считал, что смысл жизни связан с содержанием чувственного опыта, который, в свою очередь, связан с внешним миром, существующим за пределами сознания индивида. Вскоре данное представление о смысле было унаследовано философией позитивизма. Важным понятием, соединенным с понятием смысла, является «смыслообразование». «Смыслообразование — это глобальный процесс, в результате которого новые объекты или явления подключаются к уже существующим системам или цепям смысловых связей, в результате чего эти объекты (явления) встраиваются в систему жизненных отношений личности или формируют новую их подсистему, приобретая новые регулирующие функции» [2].

«Ценностные ориентации — это относительно устойчивое избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели или средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности. В ценностных ориентациях как бы аккумулируется весь жизненный опыт, накопленный в индивидуальном развитии человека» [3]. Данное определение указывает на важнейшую роль ценностных ориентаций как регуляторов поведения и деятельности индивида.

Методы. Основой изучения является методика исследования смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; тест «Цель жизни» из раздела «Психология потребностей», описанный в работе

Виктора Франкла [4]. Комплексная методика, включающая социологические и психологические компоненты, предназначена для изучения целей, жизненных приоритетов, ориентаций, ценностей представителей ролевого движения живого действия.

Исследование проводилось на территории Алтайского края. В нем приняли участие 100 представителей субкультуры ролевого движения, а именно молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет, занимающихся исторической реконструкцией. В выборку вошли представители исторической реконструкции г. Барнаула и Косихинского района.

Результаты исследования. Собранные данные позволили составить социальный портрет представителя субкультуры ролевого движения живого действия с уклоном на смысложизненные (ценностные) ориентации.

Представители исторической реконструкции в большинстве своем имеют ясные цели и намерения. Жизнь ролевиков осмысленна и динамична. Можно также отметить, что большая часть респондентов считает, что уже нашли свое призвание и определились с жизненными целями. А также не хотели бы изменять свою жизнь при такой возможности.

Реконструкторы — люди обязательные, т.е. ответственные. Малая доля представителей субкультуры ролевого движения не считают себя таковыми (10%). Ответственность — это показатель взросления человека, это начало его осознанной жизни, поэтому стоит отметить, что большинство реконструкторов — сформированные личности. Реконструкторы склонны считать, что процесс жизни в большей степени зависит от их действий, а не от условий, которые на них влияют.

Для реконструкторов важно их окружение, большинство указали на то, что они желают находиться там, где можно обзавестись новыми знакомствами, что говорит об открытости таких людей, способности коммуницировать. Внешняя среда не вызывает у представителей ролевого движения беспокойства и растерянности.

Жизнь большинства представителей ролевого движения насыщена. Это связано с тем, что среди респондентов преобладает учащаяся молодежь, чья жизнь является достаточно разнообразной в образовательный период, а также с выбором хобби — историческая реконструкция является увлекательным и интересным видом деятельности.

Что касается системы ценностей исторических реконструкторов, то она не противоречит системе ценностей, принятой в обществе, для данной субкультуры очень важна такая ценность, как семья и семейные отношения (53,0%), опрошенные выделили ее как наиболее значимую.

Реконструкторы стремятся реализовать себя в жизни, найти свое место и добиться успеха в обществе. На это указывает то, что такая ценность, как карьера, расположена у данной субкультуры на втором месте. Успешная деятельность важна для представителей данной субкультуры, ведь с этим связано их хобби — изготовление предметов быта, оружия, одежды, доспехов, с помощью этого они реализуют себя вне обычного рабочего процесса.

Здоровье является менее значимой ценностью у представителей исторической реконструкции (28,0%), скорее всего, это связано с тем, что реконструкторов не пугают плохие погодные условия, которые могут повлиять на состояние здоровья в момент проведения турниров, воссоздания исторических событий. Они не особо боятся получить травмы и ушибы, которые вероятны в процессе ролевой игры.

По данным опроса, можно сказать, что субкультура ролевого движения все же изменила взгляды на жизнь у большинства ее представителей. Так, лишь 35,0% респондентов считают, что их взгляды на жизнь остались прежними. Возможно, это зависит от разного восприятия молодыми людьми ценностей субкультуры и ее значимости в их повседневной жизни. Почти поровну разделилось мнение о том, повлияла ли данная субкультура на социализацию молодых людей: одни представители утверждают, что данная субкультура, несомненно, повлияла на их социализацию, другие же не почувствовали каких-либо видимых изменений. Причиной этому мог послужить разный временной период нахождения молодых людей в субкультуре.

Большая часть реконструкторов относится к другим субкультурам положительно, считая, что у каждого есть свой выбор. Нейтральную позицию заняли 31,0% респондентов. Это говорит о достаточной доброжелательности данной субкультуры к представителям других субкультур.

Заключение. Субкультура ролевого движения на примере исторической реконструкции влияет на сознание личности, на изменение взглядов молодых людей, помогает определиться с жизненными целями и приоритетами, затрагивая мотивационную, эмоциональную, интеллектуальную, коммуникативную, ценностно-смысловую сферы личности. Она выполняет функции интеграции, адаптации, компенсации, социализации, тем самым позволяет молодежи в определенный возрастной период включиться в деятельность, удовлетворять актуализированные потребности. Молодежная субкультура ролевого движения на примере исторической реконструкции положительно влияет на сознание, способствует приобретению нового опыта, дает возможность разобраться в себе, найти единомышленников, определиться с жизненными ориентирами и ценностями.

Библиографический список

1. Выготский Л. С. Психология развития человека. М., 2005.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
3. Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1996.
4. Франкл В. Э. Воля к смыслу. М., 2014.

С. А. Воронина (Барнаул)

**ЭВОЛЮЦИЯ КРИТЕРИЕВ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОМ
СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ**

Изучение критериев элиты является одной из приоритетных задач современного социального знания. Связано это с историческими, политическими и социальными трансформациями в обществе, во многом определяющимися составом и спецификой его элиты на определенном историческом промежутке.

Этимологически термин «элита» произошел от латинских слов *eligere, legere* — «отбирать; выбирать; разбирать; сортировать» и вошел в употребление во Франции, начиная с XII в. как *élite* — «отбор лучших», «избранный» [1, с. 65]. Понятие «элита» изначально имело концептуальное сходство со словами «интеллект» и «элегантность» (что означало «со вкусом; утонченность; изысканность манер») [2, с. 329]. Таким образом, у этого понятия было духовное, нравственное значение. Представления об элитах не связывались с социальными изменениями, элиты рассматривались как «образцы», на которые должны были ориентироваться другие члены общества, благодаря чему поддерживался социальный порядок. В этом смысле существование элиты не было связано с активной деятельностью по изменению сложившихся структур, с ускорением или замедлением происходящих социальных процессов. Социальные процессы рассматривались независимо от человеческой деятельности и трактовались как результат божественного предопределения.

Дальнейшие представления об избранности развивались в контексте выдвижения на передний план великих личностей, которые обладали особыми качествами, позволявшими им служить движущей силой общественных изменений. Наиболее последовательно этот подход разворачивается в концепции «героизма» Т. Карлейля. В центр внимания попадают исключительные личности — пророки, полководцы, монархи и т. д. Великие люди — «это лидеры, создате-

ли новых парадигм, моделей и в широком смысле слова творцы. Все, что реализовано в человеческом мире, есть воплощение мыслей Великих людей; душа всей мировой истории справедливо может рассматриваться как история Великих людей» [2, с. 326].

Исключительные личности, по Т. Карлейлю, интуитивно видят божественную идею и проникают в суть всеобщих процессов. В контекст этих рассуждений, в рамках которых существование элиты обосновывается божественным предопределением, органично вписываются представления М. Вебера о харизме и харизматическом господстве. Критерием избранности М. Вебер считал персональную харизму. Под «харизмой» он понимал «внеповседневные качества человека (независимо от того, действительные они, мнимые или предположительные)» [3, с. 68]. Харизматический тип господства М. Вебер противопоставляет традиционному и рациональному как необыденное, иррациональное. Подчеркивая социальность феномена харизмы, М. Вебер рассматривал харизматического лидера как социальную репрезентацию, показывая, что значимы не объективные личные качества харизматика, а мнение о нем его приверженцев, которые воспринимает харизму как божественный дар.

Изменение общественных условий влечет за собой выдвижение на передний план иных критериев превосходства, в которых проявляет себя усиливающаяся тенденция к рационализации. Анализируя социальные проблемы своего времени, Х. Ортега-и-Гассет указывал на то, что активизация усредненного человека толпы, или «восстание масс», является отличительной особенностью современного общества. Мыслитель подчеркивал, что в массовом обществе элиту отличает особое благородство, признаком которого являются не права, а обязанности, чувство ответственности. В новой трактовке элиты становятся не просто обладателями каких-то особых качеств, а носителями определенных обязанностей в обществе, выполняющими функции творцов [4, с. 35]. Элиты, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, создают и обновляют культуру, преобразуя вместе с ней и существующие социальные отношения. В работе «Восстание масс» он отмечал, что условиями нормального функционирования общества являются общество, управляемое элитами, и масса, знающая свое место. Человек элиты всегда чувствует внутреннюю потребность обращаться вверх, к авторитету или принципу, которому он служит. Отличительная черта благородства — не права, а обязанности, требования к самому себе. Люди элиты наделены высоким чувством ответственности в отличие от человека массы, который не хочет считаться ни с какой внешней инстанцией или авторитетом.

Девальвация сакрального смысла (рационализация) понятия обнаруживается в изменении представлений о критериях элитарности. Элитой стали называть лиц, обладающих высокой интенсивностью социальных и психологических качеств. Данные качества не выделяют этих лиц, не противопоставляют их обществу и не являются достоянием немногих избранных, а могут проявляться у всех представителей общества с разной интенсивностью. Для примера, позволяющего осознать универсальность феномена элиты, уместно рассмотреть ставшее привычным понятие, где элита связывается даже с криминальными и бандитскими группировками («воровская элита») [5, с. 239].

Вступление общества в индустриальную эпоху породило первые систематизированные теории элит. В элитарных концепциях акцент переместился на рассмотрение не просто отдельных выдающихся личностей, но и на всю «верхушку» общества (класс), осуществляющую управление. Социологизация критериев элиты предполагает включение элитной проблематики в рамки теории социальной стратификации, в которой элита понимается как высший слой, осуществляющий управление в любой социальной системе.

Начиная с классических теорий Г. Моска, Р. Михельса, Ч. Р. Миллса, процесс социологизации критериев элиты проявился в описании ее как «властвующей» группы или «правлящего класса». Неизменность власти меньшинства над большинством Г. Моска [6] объясняет не естественностью божественного порядка, а рядом причин, и прежде всего его организованностью, являющейся огромным преимуществом для власти элиты. Основные положения концепции Г. Моска были развиты применительно к американскому обществу его идейным последователем Ч. Р. Миллсом. Являясь сторонником позиционного подхода, Ч. Р. Миллс определяет элиту как людей, чьи позиции в трех важнейших институтах (государство, крупные экономические корпорации, армия) позволяют им подняться над окружающими и принимать решения со значимыми последствиями. Эти три элитные группы в структуре общества сплавиваются в единую группу на основе общих интересов и взаимозависимой деятельности. Излагая концепцию «властвующей элиты», Ч. Р. Миллс [7, с. 68] обратил внимание на существование множества элит в обществе и множества уровней элитной иерархии. Членов элиты объединяют между собой не только общие интересы, но и общие этапы социализации, которая предполагает сходное воспитание, социальное происхождение, карьеру, стиль жизни, социальные контакты, общие ценности.

Сформулированные Г. Моска и Ч. Р. Миллсом теории положили начало процессу «субъективации» понятия, в котором элита стала рассматриваться в связи с ее функцией в обществе, т. е. как субъект, оказывающий наибольшее влияние на другие слои, социальные институты и процессы. В этой связи исследователи элит указывают на следующие факторы, повлиявшие на изменение конфигураций и состава элит: «С развитием общества общие ценности, образовывавшие основы социального порядка, уступили место множественности отнесенных ценностей. Релятивизация ценностных показателей вызывает повышенную социальную мобильность. Социальные изменения, и прежде всего тенденция к демократизации, ведут к увеличению числа элитных групп, внутренний состав которых меняется в результате повышенной мобильности» [7, с. 239]. Неслучайно особую роль в современном сложноорганизованном обществе начинают играть руководители среднего звена, сторонники лидеров, а также «околоэлитное окружение», по терминологии российского политолога Е. В. Охотского [8, с. 45].

Несомненно, что и в традиционном обществе существовали лица, входившие в окружение властвующей персоны и называемые «серыми кардиналами», однако тенденции развития современных обществ приводят к интенсивным вертикальным перемещениям отдельных персон и групп и, как следствие, отсутствию одного доминирующего субъекта. Вследствие осмысления новой реальности, в которой появляются новые сферы деятельности, процессы характеризуются динамизмом и изменчивостью, структуры — открытостью, а субъекты становятся свободны и политически активны, в современных теориях исчезает идея единства элиты, ее заменяет представление об элитном плюрализме, породившем возможности для существования множества элит, выражающих интересы различных социальных групп. В плюралистических концепциях исчезает сама идея противопоставления элиты недифференцированной инертной «массе», другими словами, «большинство» современного общества составляют так называемые «внеэлитные группы», или «не-элиты», не столь жестко «отличные» по интересам, ценностям от элит.

Элиты находятся в постоянной конкуренции друг с другом, что заставляет их постоянно реагировать на нужды внеэлитных групп. Вследствие этого обстоятельства интересы элиты не противостоят интересам внеэлитных социальных групп, однако особенности осмысления ситуации и артикуляция общественных интересов, которые далее превращаются в политические цели, зависят частично и от собственных интересов элит. Тем самым в функциональной теории преодо-

левается «оценочный» момент, связанный с доминированием «лучших», и представительская функция элит объясняется отношениями взаимозависимости между элитой и внеэлитными слоями и системой взаимных противовесов внутри элиты, что позволяет ей реализовывать интересы многих субъектов. Таким образом, происходит переосмысление традиционных критериев элиты, таких как устойчивая социальная позиция в структуре общества, организованность и сплоченность элитной группы. Вследствие этого классические критерии должны быть дополнены «субъективированными».

Так, например, В. Мюлман [9, S. 25–26] предлагает рассматривать элиту как социальную общность, которая выделяется не только по объективному положению в обществе, но и основывается на собственном избрании. Однако, признавая критерий самопричисления к элите одним из возможных, не все элитологи считают его достаточно «субъектным» и репрезентативным для выявления элиты. Так, например, по мнению Г. Эндрувайта, этот критерий может иметь значение в случае возникновения сомнений элиты в значимости собственных достижений и успехов. Такая ситуация возможна в связи с социальными изменениями, когда самооценка выступает в качестве новой основы самоутверждения старой элиты, которая хочет хотя бы в сознании продолжить свою уже изменившуюся элитную роль [10]. Признавая сосуществование многочисленных, несвязанных между собой, а зачастую в некоторых моментах противоречащих друг другу представлений об элитах, Г. Эндрувайт предпринимает попытку изложить «единую» теорию элиты, интегрирующую концептуальные положения отдельных теорий в контексте «постклассического» видения.

Отмечаемое многими современными исследователями отсутствие единой методологической базы в рассмотрении элит, другими словами, отсутствие «общей» теории элиты Г. Эндрувайт преодолевает, рассматривая элиты в тесной связи с проблемой развития. Определяя «развитие» как «социальный процесс, происходящий через некоторые изменения элементов социальной структуры, при котором реальные изменения рассматриваются в отношении к объективным возможностям» [10, S. 12], Г. Эндрувайт отличает эту дефиницию «развития» от других, потому что в данном случае не указываются тенденции развития. Это означает, что вектор общественных изменений, определяемый элитами, изначально не задан для всех обществ, однако конструируется путем взаимодействия различных субъектов внутри конкретной элиты. Элита рассматривается Г. Эндрувайтом как социальный субъект. Критерии, по которым решается принадлежность к элите, подвержены социально-историческим из-

менениям и зависят от конкретного общества. Так, например, признаком «элитности» в доиндустриальных обществах являлись стратификационно-генетические показатели (социальное происхождение), в странах, переживающих процессы «запаздывающей» модернизации, определяющим становится соответствие западным стандартам, таким как западное образование, стиль жизни, ценности антитрадиционной направленности. В США таким признаком является профессионализм и компетентность.

Такое разнообразие критериев позволяет сделать вывод о том, что в более ранних концепциях господствовало историческое, а не социологическое определение элиты. Осознание данного обстоятельства и как следствие необходимость сформулировать внеисторическое определение элиты акцентирует особое внимание на функциональной теории элиты. Согласно данной концепции, под элитой понимается «социальный субъект, члены которого решают и влияют на характеристики социальных процессов, в результате этого превосходят других членов социальной системы» [10, S. 31]. Понятие функциональной элиты отличается от функционалистского понятия элиты, которое рассматривается с точки зрения ее вклада в сохранение социальной системы. Решающий признак функциональной элиты: распределение влияния на стратегические решения в организации, обществе. Приведенная дефиниция базируется на определении власти М. Вебера, которое используется даже в эмпирических исследованиях. Осуществление власти происходит при помощи социальных действий в отношении объектов, на которые она направлена, что влечет за собой их изменение и модификацию. В данном подходе социальная деятельность элиты рассматривается по отношению к внеэлитным группам. Несомненно, что в данном смысле функциональная элита может включать людей, которые оказывают влияние, но официально не занимают высоких должностей.

Таким образом, включение функционального понятия в рамки социального процесса делает возможным динамическое рассмотрение элиты, что главным образом означает изменение элит от одного процесса к другому и находит свое воплощение в феномене циркуляции элит, происходящей на фоне повышенной вертикальной мобильности в современных обществах. Следовательно, можно сделать вывод о том, что современная функциональная теория определяет элиту как лиц, оказывающих стратегическое влияние на социальные процессы. Элита формируется адекватно изменяющимся социальным условиям, а это означает, что критерии элитарности подвижны во времени и пространстве.

Библиографический список

1. Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
3. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М., 1994.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. М., 2001.
5. Ашин Г. К., Лозанский Э. Д., Кравченко С. А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001.
6. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10, 12.
7. Миллс Ч. Р. Властвующая элита // Иностранная литература, 1959.
8. Охотский Е. В. Политическая элита : метод. пособие к спецкурсу. М., 2003.
9. Mannheim K. Elite // Duden «Sinn-und sachverwandte Worter»: Worterbuch d. treffenden Ausdrucke / hrsg. u. bearb. von Wolfgang Muller. neu bearb., erw. u. aktualisierte Aufl. Wien; Zurich: Bibliographisches Institut, 1986. (Der Duden; Bd. 8).
10. Endruwcit G. Elite und Entwicklung: Theorie und Empiric zum Einfluss von Eliten auf Entwicklungsprozesse. Frankfurt-am-Main; Bern; New-York: Lang, 1996 (Europaische Hochschulschriften: Reihe 22, Soziologie; Bd. 118).

Е. Е. Горшунова (Барнаул)

**ХАРАКИРИ (СЭППУКУ) И ФЕНОМЕН
«ИСПАРЯЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ» В ЯПОНИИ КАК ОДНА
ИЗ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ ФОРМ
ПРОЯВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ УХОДА В КОНФЛИКТНОМ
ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

Научный руководитель — В. А. Артюхина

Жизнь любого человека невозможно представить без конфликтов. Каждый из нас ежедневно сталкивается с разногласиями, недопониманием, вольно или невольно становясь одним из участников противоречия. И, как правило, все мы привыкли выделять в конфликтах преимущественно негативный характер, отрицательно влияющий на наши социальные взаимоотношения. Ввиду этого люди стараются

ся различными способами прекратить конфликтное взаимодействие и снизить напряжение посредством применения стратегий разрешения конфликтов. Даже до конца не осознавая, какими тактиками поведения каждый из нас руководствуется в сложившейся конфликтной ситуации, тем не менее мы делаем выбор в пользу одной из пяти существующих стратегий: сотрудничество, компромисс, соперничество, приспособление и избегание. В данной статье хотелось бы более подробно остановиться именно на последней модели поведения.

Выбор данной тактики поведения в качестве исследуемой объясняется тем, что в настоящее время стратегия ухода в конфликтном взаимодействии приобретает все большую популярность. Интересно проанализировать использование ее форм в различных конфликтах, особенностью которых могут выступать культура, менталитет, как, например, в японских традициях, которые до сих пор привлекают внимание многих ученых.

Стратегия ухода (избегания) характеризуется отсутствием желания и стремления человека, оказавшегося в конфликтной ситуации, как пойти навстречу своему оппоненту, так и осуществить собственные интересы [1, с. 46]. Это весьма популярный способ поведения в конфликтной ситуации. Люди, обращающиеся к данной стратегии, сознательно уходят от прямого столкновения. Разумеется, за этим стоит множество причин, обуславливающих выбор именно такой тактики поведения. Мы остановимся на той, что является для нас наиболее интересной в рамках данной темы: она заключается в том, что для участников конфликта обнаруживается возможность достичь собственных целей иным, неконфликтным путем [2, с. 73]. Руководствуясь именно этой причиной, зачастую участники противоречия прибегают к стратегии ухода и, таким образом, стараются сохранить отношения с оппонентом или, по крайней мере, не ухудшить их.

«Уход» как вариант исхода конфликта более всего свойствен для «мыслителя», который не готов к разрешению сложной ситуации. Для него уход — это своего рода бегство, являющееся способом перекладывания ответственности, избавления себя от каких-либо обязательств перед оппонентом [3]. Примером такого поведения может послужить традиция самоубийства в Японии, известная как харакири, или сэпуюку.

Обряд харакири предстал перед японцами как часть морали соловия воинов. Самураи или другие представители высших слоев японского общества прибегали к самоубийству в случае оскорбления их чести, совершения недостойного поступка (позорящего имя воина). Харакири являлось привилегией самураев, гордившихся тем,

что они могут свободно распоряжаться своей жизнью, подчеркивая совершением обряда силу духа и самообладание, презрение к смерти. Разрезание живота требовало от воина большого мужества и выдержки, так как брюшная полость — одно из наиболее чувствительных мест тела человека. Именно поэтому самураи, считавшие себя самыми смелыми, хладнокровными и волевыми людьми Японии, отдавали предпочтение этому мучительному виду смерти [4]. Однако вряд ли кто-то из них видел этот обряд как простой способ уйти от позорящего поступка. Ведь японцы, угнетаемые неудачами, а также мучениями о признании в поражениях, подобными ритуалами «спасали» свои честь и достоинство, избегая конфликта как с самим собой, так и с другими.

Человек так создан, что жить с деформированным чувством собственного достоинства или же в конфликте с самим собой он не может — требуется восстановление психологического баланса. Как его восстановить? Наказать виновника, который обесчестил страдающее достоинство. А так как виновником подобного поведения выступает сам человек, то и меру наказания назначает сам себе [4]. Чтобы более детально углубиться в существовавшую проблему японского общества, будет целесообразно затронуть некоторые страницы истории появления сэппуку.

В древности среди военного сословия Японии встречались разнообразные способы самоубийства. Первый из исторически подтвержденных случаев совершения воином сэппуку произошел лишь в XII в. В 1170 г. даймё из рода Минамото совершает первое в истории сэппуку. Во вспыхнувшей войне между Минамото и Тайра род Минамото потерпел поражение, Минамото но-Тамэтомо был окружен воинами Тайра на небольшом острове, где и покончил с собой во избежание позора плена [5].

Обряд сэппуку представлен в глазах японцев как способ сохранить свою честь, очистить душу, это было свидетельством чистоты помыслов и желаний. Совершая сэппуку, воин не только с почетом уходил из жизни, но и очищался перед смертью. Однако нельзя не увидеть за этим «явным» благородством и желание храброго, сильного воина уйти от своих поражений и неудач. Действительно, душа самурая таким образом подвластна очищению от позора в обществе и будущего внутриличностного противоречия, которое так или иначе даст о себе знать. Это ли не тот самый уход от конфликта?

Не менее интересен и тот факт, что даже сейчас в современном японском обществе нашлось место для подобного массового «ухода» от проблем. Конечно, обряд харакири уже не имеет той популярно-

сти, что была ему присуща раньше, однако эта традиция не только продолжает существовать, но и подвергается изменениям, характерным для данного времени. Речь идет о феномене «испаряющихся людей» в Японии. Об этом интересном феномене стало известно лишь в 2008 г. благодаря одной французской журналистке, которая и пролила свет на данную проблему японского общества [3].

Суть феномена заключается в том, что японцы изгоняют себя из общества из-за пережитых унижений разного масштаба: развода, долга, увольнения с работы, проваленного экзамена. Они, будучи не в состоянии принимать действительность такой, какой она может предстать перед ними, решают свои проблемы уходом из жизни близких.

Эти люди селятся в трущобах на окраинах города, не оповестив об этом никого из семьи или друзей. Они и в самом деле просто исчезают. Такое поведение можно свести к нежеланию японцев нести ответственность перед близкими за свои неудачи. Это ведь своего рода и есть уход от того конфликта, который, собственно, может произойти в будущем, если подверженный неудачам и унижениям японец сознается в них близким. Предвидя будущее неизбежное нарастание напряжения в семье, на работе и т. д., японцы предпочитают вычеркнуть себя из жизни этих людей, думая, что таким поступком они решат свои проблемы. Но так ли это на самом деле?

Как правило, японцы, выбравшие данную тактику поведения, уже не возвращаются обратно в семьи, а продолжают вести бродяжнический образ жизни, будучи гонимыми страхами о возврате. Однако есть и те, кто находит в себе силы после долгих месяцев, лет исчезновения вновь появиться на пороге дома. В данном случае такой уход от конфликта способствует его «затуханию», так как основной предмет конфликта становится несущественным, он теряет свою актуальность по прошествии времени.

Примечательно, что больше всего случаев «испарений» в Японии было после двух ключевых событий: поражения во Второй мировой войне, когда вся страна испытывала чувство национального позора, и в период финансовых кризисов 1989 и 2008 гг. [3].

В заключение хотелось бы отметить, что, разумеется, ни обряд харакири, ни современное его видение (феномен «испаряющихся людей») не являются основополагающим примером, демонстрирующим ту или иную сторону ухода от конфликта (положительную или отрицательную). Однако сами по себе эти явления привлекают массовостью в выборе данной тактики поведения и ее необходимостью в силу полной осознанности проблем конфликтной ситуа-

ции участников. Японцы лишь после тщательного анализа, должного осмысления сложности возникшей ситуации решаются на подобный уход от проблем.

Таким образом, ввиду описанного выше, можно предположить, что стратегия ухода нисколько не потеряла свою популярность со временем, а японское общество, история которого была затронута нами, лишь служит этому подтверждением. Так, традиции харакири (сэппуку) сменились «испаряющимися людьми». Конечно, нельзя не заметить, что радикальные меры японцев по отношению к самим себе постепенно уходят из их жизни, уступая место более гуманным. Однако способы разрешения противоречий, могущих возникнуть как в самих людях, так и между ними, остаются теми же. И основным способом разрешения конфликтов, как демонстрирует нам японская реальность, является непосредственно стратегия ухода.

Библиографический список

1. Земедлина Е. А. Конфликтология : учеб. пособ. М., 2013.
2. Ворожейкин И. Е., Кибанов А. Я., Захаров Д. К. Конфликтология : учебник. М., 2003.
3. Салютин А. К. Традиции самураев. Исчезнуть, чтобы смыть позор / по мат-лам New York Post [Электронный ресурс]. URL: <http://crime-ua.com/statti/20170118/ischeznut>.
4. Гурьянов Д. Психологическое харакири [Электронный ресурс]. URL: <https://professional.ru/Soobschestva/psi-faktorvzglyad/psihologicheskoe-harakiri/>.
5. Овчаров З. О некоторых аспектах идеологии и практики сэппуку [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/>.

Е. Е. Горшунова, А. Н. Домашев (Барнаул)

КОНФОРМИЗМ КАК РЕАКЦИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ

Ежедневно каждый из нас примеряет на себя роль субъекта той или иной социальной группы: семьи, школьного класса, рабочего коллектива и т. д. Мы неуклонно действуем в рамках принятых в нашем объединении норм, подчиняемся «правилам игры» группы, а также формируем модель своего поведения под давлением доминирующего мнения. Кто из нас не сталкивался с подобным явлением? Внутри кого из нас не рождался конфликт, связанный с вы-

бором: подчиниться мнению большинства или же отстоять собственную позицию? Вероятно, не найдется такого человека, который в повседневной жизни не ощущал бы подобного противоречия. Но так ли часто мы сталкиваемся с этим на просторах не просто малой социальной группы, а общности, класса? Ответом на этот вопрос может послужить анализ проблемы конформизма как реакции людей на существующую напряженность в обществе. Эта тема не просто не теряет своей актуальности, а, наоборот, с течением времени приобретает все большую важность, особенно в современном мире, где конфликт с его различными формами выступает сопровождающим всюду человека явлением. И потому представляется необходимым исследовать явление конформизма как одной из форм стратегии ухода от конфликта.

Явление конформизма можно охарактеризовать как подчинение личности влиянию большинства. Само же слово «конформизм» имеет в обычном языке совершенно определенное содержание и означает «приспособленчество». В социологии выделяют отдельное определение социального конформизма, согласно которому социальный конформизм представляет собой некритическое принятие и следование господствующим мнениям, стандартам и стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам, установкам [1]. При ознакомлении с множеством определений этого явления сразу же бросается в глаза тот негативизм, с которым преподносятся его характеристики. Однако далеко не всегда идеи конформизма могут предстать лишь с отрицательной стороны.

Так, к положительным чертам конформизма относят: формирование единства в кризисных ситуациях; упрощение организационной деятельности в силу отсутствия раздумий по поводу действий; сокращение времени адаптации человека в коллективе; приобретение социальной группой единого лица [2].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о необходимости исследования данного социального явления. Определенная степень конформизма так же важна, как и система социальных норм. Если бы люди не были в какой-то степени конформистами, то каждый выдвигал бы свою точку зрения, не считаясь с мнением других, тем самым способствуя созданию конфликтных ситуаций. В мире царили бы хаос и постоянные распри. Поэтому конформизм в какой-то степени даже полезен для общества, но именно «в какой-то степени», ведь все мы индивидуальны по своей природе, и человек должен оставаться прежде всего личностью, а не подобием другого или других.

В нашем современном обществе конформизм, несмотря на негативное отношение людей к нему, приобретает все большие масштабы. Это связано с рядом социальных причин [3].

Во-первых, коллективное давление. Существует некая зависимость между агрессивностью людей какой-либо группы и возникновением в ней конформизма. Чем более жестоко и критично относятся в таком обществе к противникам коллективного мнения, тем более серьезным угнетением оно сопровождается. В условиях подобных отношений у людей практически не возникает побуждений к самовыражению.

Во-вторых, влияние сильного лидера. Практически в каждой группе людей есть глава. Его харизма и амбициозность позволяют без сомнений получить поддержку окружающих. Люди предпочитают отдавать право голоса своему лидеру, чтобы соответствовать его ожиданиям относительно их самих.

В-третьих, нежелание брать на себя ответственность. Зачастую человеку проще согласиться с доминирующим мнением в связи с нежеланием и неготовностью отвечать за свои поступки.

В-четвертых, стремление избежать напряженности в обществе. Именно конформизм является одной из форм такой тактики разрешения конфликта, как уход. В данном случае человек, имея собственное мнение по поводу той или иной ситуации, отказывается от него в пользу чужого, чтобы избежать нарастания напряженности.

И, опираясь на последнюю причину, хотелось бы проследить взаимосвязь между конформизмом и социальной напряженностью, а именно — как подчинение доминирующему мнению в обществе может сказаться на обстановке в нем.

Социальная напряженность представляет собой некое состояние общественного сознания и поведения; это специфическая ситуация восприятия и оценки действительности. Сущность же данного феномена может проявляться в следующем.

Во-первых, социальная напряженность в реальной жизни выступает как осознание большинством членов трудового коллектива очевидных нарушений принципа социальной справедливости и готовность найти выход из ситуации через ту или иную форму конфликтов.

Во-вторых, социальная напряженность представляет собой противоречие между объективным характером социальных отношений и субъективным характером поведения субъектов этих отношений. На уровне организации проявление напряженности будет сопровождаться отклонением от нормального сотрудничества, которое яв-

ляется специфической качественной характеристикой социальных отношений в процессе межличностных отношений.

В-третьих, социальная напряженность — это нарушение нормальных отношений и неадекватное функционирование участников взаимодействия [4].

Вместе с тем социальная напряженность является необходимой, хотя и непостоянной составляющей существования любого сообщества. Напряженность в тех или иных формах и аспектах сопутствует людям всю жизнь и, как правило, характеризуется выраженной отрицательной эмоциональной окраской поведения людей, ломкой мотивационной структуры и приводит к снижению эффективности работы социальных субъектов. В случае большого или длительного напряжения контрольные механизмы социальной системы могут не справиться с задачей поддержания сложившегося баланса отношений, что приводит к разрушению структуры.

Возникающее напряжение, источником которого может стать практически все, что угодно, либо разрушает данную систему, либо благодаря действию механизмов социального контроля и саморегулирования системы адаптирует ее к воздействию новых факторов [5]. И одним из факторов, выступающих в роли социального контроля, может послужить конформизм.

Социальная напряженность обусловлена объективными противоречиями между интересами тех или иных социальных субъектов. Поскольку интересы никогда полностью не совпадают, то социальная напряженность в виде предконфликтной стадии в той или иной мере присутствует постоянно. Потому очень важно, какая последует реакция общества на это явление, так как видятся возможными лишь два пути развертывания событий: либо дальнейшее нарастание напряжения, в будущем переходящее в конфликт, либо ослабление напряжения, способное со временем и вовсе угаснуть. Разумеется, второй вариант исхода событий представляет больший интерес для общества.

Само явление конформизма очень сложное, и к нему нельзя относиться однозначно. Несмотря на присутствие минусов в данном явлении, отказаться от него невозможно. Благодаря конформизму наше общество носит упорядоченный характер, так как в процессе социализации под воздействием общества у человека формируются правильные взгляды, которые будут ему необходимы для жизни в данном обществе. Так, конформизм играет важную роль в деятельности социальных субъектов, так как способность принимать существующие порядки оказывает большое влияние на обстановку в обществе.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология : учеб. пособие. М., 2001.
2. Эфендиев А. Г. Основы социологии : курс лекций. Ч. 1. М., 2011.
3. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология: хрестоматия : учеб. пособие для студ. вузов. М., 2003.
4. Давыдов А. А., Давыдова Е. В. Измерение социальной напряженности. М., 1992.
5. Понятие социальной напряженности [Электронный ресурс]. URL: [https:// helpiks.org/3-19905.html](https://helpiks.org/3-19905.html).

М. В. Данилова (Барнаул)

ОБРАЗ СОЦИОЛОГА В ГЛАЗАХ РОССИЯН

Научный руководитель — О. Н. Замятина

Кто такой социолог? Это человек, который занимается изучением социологии. Именно такое расплывчатое определение чаще всего можно услышать в качестве ответа, несмотря на то что указанная профессия не нова для российского общества уже несколько десятилетий [1, с. 95].

Если обращаться к научной литературе, то, в общих чертах, социолог — «это человек, который изучает социальные факты неким определенным методом» [2, с. 4]. Понятие «социолог» достаточно объемно и включает в себя ученых, занимающихся самыми различными вопросами: 1) изучением широких обобщений, какие извлекаются из открываемых наукой социальных фактов; 2) работой над осмыслением некоторых отдельных моментов социальной деятельности, например социального действия; 3) разработкой улучшений в отдельных областях социальной жизни (в религии, в образовании, в индустриальных отношениях, в политике и т. д.) и, наконец, 4) изучением проблем конкретного общества через анализ общественного мнения [2, с. 6–7].

Конечно, современная социология не только «существует в многообразии теоретических построений, парадигм, гипотез и тому подобных форм теоретического мышления об обществе» [3, с. 3], но и занимается исследовательской практикой, где ориентируется на изучение специфических проблем государства, поиске путей их решения и внедрением этих решений в общество [4, с. 201–203]. Следовательно, полагаем закономерным разделить социологов на два типа: 1) теоретик (ученый) и 2) практик (исследователь).

Если рассматривать образ социолога-теоретика, то в глазах населения он «включен» в современный портрет российского ученого [5, с. 60–65], т. е. в данном случае социолог лишь один из членов научного сообщества, не имеющий существенных отличий от иных его представителей. Образ же социолога-практика вызывает больший интерес, так как исследователь вступает в непосредственный контакт с населением, в результате чего в обществе постепенно складывается определенный образ представителя данной профессии.

Население для социолога-исследователя — это в первую очередь источник данных, но в связи с массовым распространением опросов и выходом исследователей «на улицы» в XXI в. возникает вопрос — а кто же такой социолог в глазах населения? «Было бы совсем неплохо для социологов иногда выносить себя непосредственно на суд публики, дабы понять, какой кажется обычным людям их роль в делах мира сего» [2, с. 4].

Опираясь на материал, изложенный выше, можно уверенно сделать вывод о том, что понятию «социолог» даже в научной среде не дано точного определения, тем интереснее увидеть, что же думают о представителях этой профессии люди, которые вступают с ними в диалог.

В 2008 г. Фонд «Общественное мнение» запустил опрос населения «Профессия: социолог» [6], на данные которого мы будем опираться в дальнейшем. Опрос охватил 100 населенных пунктов 46 областей, краев и республик России, выборка составила 1500 респондентов, что позволяет уверенно выделить основные представления жителей нашей страны относительно социологов.

На вопрос: «Вы знаете или что-то слышали о такой профессии, как „социолог“?» — более половины опрошенных ответили утвердительно, из них: 27% знают об указанной профессии, а 40% что-то слышали. Впервые услышали словосочетание «профессия социолог» 27% респондентов, а 6% воздержались от ответа. Таким образом, большинству россиян известно о существовании профессии «социолог», хотя объем их информированности различен.

Дальнейшие вопросы задавались той части респондентов, которые подтвердили свое знакомство с указанной профессией.

Вопрос о том, чем занимается социология и, соответственно, социолог, показал большой разброс мнений. Часть населения делала акцент на технической стороне работы социолога: «проведение опросов, анкетирование» — 15%, «сбор и анализ информации, статистический учет» — 6%. Значительная доля респондентов отметила цели работы социолога: «анализ, изучение общественного мнения» — 13%,

«изучение общества, общественной жизни, общественных отношений» — 11%, «изучение жизни людей» — 6%, «исследования уровня жизни людей, их материального положения» — 2%, «политические исследования, рейтинги политиков» — 1%, «изучение социальных проблем» — 1%. Часть населения приравнивает социолога к социальному работнику — 2%. Около 3% опрошенных высказали предположения, очень далекие от реального положения дел, а 15% затруднились ответить. Итак, большая часть населения России не только знает о существовании социологов, но и имеет хотя бы общие представления о том, чем они занимаются.

На вопрос: «Как Вы считаете, работа социологов приносит пользу обществу?» — большинство людей ответило положительно, уточняя, что эта профессия есть «самый оперативный способ узнать мнение людей» — 16% и «возможность поддержания обратной связи между властью и обществом» — 8%. В качестве основных аргументов против опрошенными указаны: «отсутствие результатов работы» — 4%, «недостоверность результатов опросов» — 1%. Так, люди отмечают и пользу, и бесполезность работы социолога для общества, но уверены, что первое значительно перевешивает последнее.

В вопросе о престиже социолога люди в основном воздерживаются от ответа, но количество отрицающих престижность данной профессии (26%) тем не менее превышает количество опрошенных, утверждающих обратное (16%). Таким образом, уровень общественного положения, занимаемого социологом в России, невысок.

Интересной работу социолога назвали 36% респондентов (основная причина — «знакомство, общение с разными людьми»), с ними не согласны 9% (основные причины — «работать с людьми сложно», «однообразная бумажная работа»), а 22% опрошенных от ответа воздержались.

Вопрос: «Как Вам кажется, социологи в целом живут лучше большинства россиян?» — показал следующую картину: «лучше» — 3%, «так же» — 45%, «хуже» — 4%, «затрудняюсь ответить» — 15%.

И на вопрос о наличии социологов среди родственников и знакомых положительно ответило только 7% населения, большая часть (57%) — ответила отрицательно, а 2% населения отказались от ответа.

Последние вопросы показывают, что профессия социолог не может предоставить какие-то необычные блага своим представителям, она является одной из множества: не самая популярная и востребованная, но и не экзотическая в глазах населения.

Наконец, на вопрос: «Как Вы думаете, для того чтобы стать социологом, нужно специально учиться?» — получены следующие ответы:

«нужно специально учиться» — 43%, «можно овладеть в процессе работы» — 17%, «затрудняюсь ответить» — 7%. Соответственно, большая часть населения нашей страны считает профессию социолога достаточно сложной для обучения.

Таким образом, «социолог может выглядеть или не выглядеть в глазах населения важным членом общества, но его место в нем вполне возможно определить, а его работу описать» [2, с. 4], учитывая тот факт, что практика массового взаимодействия социологов с респондентами в России насчитывает уже более десяти лет опыта [1, с. 95].

Библиографический список

1. Шкурин Д. В, Рыбакова О. В. Профессия «социолог» в представлении профессионального сообщества // Дискуссия. 2016. № 5 (68).

2. Смолл Альбион, Ковалев А. Д Что такое социолог? // Социологическое обозрение. 2009. № 1.

3. Здравомыслов А. Г. Социология: теория, история, практика. М., 2008.

4. Замятина О. Н. Роль социальной рекламы в формировании ценностных ориентаций общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. № 7.

5. Романович Н. А. Современный ученый в зеркале общественного мнения // Социология науки и технологий. 2010. № 3.

6. База данных ФОМ (Фонд «Общественное мнение»). Профессия: социолог [Электронный ресурс]. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d081925>.

В. В. Дерягина (Барнаул)

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ОДИНОКИХ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Научный руководитель — Т. В. Чуканова

Процесс социально-демографического старения населения ставит перед обществом цель: повышение эффективности качества деятельности системы социальной поддержки граждан. Необходимым в данном аспекте является внедрение перспективных социальных технологий, инновационных методов, форм социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов.

В сложившихся социально-экономических условиях одним из приоритетных направлений социальной политики государства в отношении данной категории граждан является повышение качества и доступности социального обслуживания, внедрение современных технологий и методик при предоставлении социальных услуг для повышения качества жизни. В связи с этим в современном обществе остается животрепещущей и актуальной проблема оказания социальной поддержки и помощи гражданам пожилого возраста и инвалидам, осуществляемая непосредственно через социальное обслуживание, которое требует внедрения в свою систему инновационных технологий работы с данной категорией населения для более эффективного и качественного предоставления услуг.

Министерство здравоохранения, социально-демографической и семейной политики, Министерство труда Российской Федерации и органы социальной защиты населения субъектов Российской Федерации активно работают над укреплением существующих и развитием инновационных форм социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов: включая реабилитационные, геронтологические, геронтопсихиатрические центры, учреждения социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий, дома милосердия, специальные жилые дома для одиноких престарелых, социальные квартиры [1, с. 113].

Технологии социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов в условиях стационара должны быть направлены на восстановление различных функций жизнеобеспечения индивида в обществе самостоятельно, насколько это позволяет его физическое состояние. В стационарных учреждениях для данной категории населения должен формироваться активный образ жизни в силу возраста и состояния здоровья. Традиционно формирование активного образа жизни проживающих в домах-интернатах реализуется в лечебно-оздоровительном, психологическом и культурно-массовом направлениях деятельности.

Подавляющее большинство стационарных учреждений для граждан пожилого возраста и инвалидов является той социальной средой, в которой данная категория населения проживает долгие годы. Состояние физического и психического здоровья зависит не только от медицинской помощи, уровня обслуживания, но и от культурных мероприятий, направленных на улучшение здоровья, поднятие уровня активности и настроения проживающих.

Перед специалистами, осуществляющими работу в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, сто-

ит задача применения в своей практической деятельности хорошо зарекомендовавших и уже не первый год используемых на практике традиционных технологий и апробаций. Однако стоит отметить, что традиционные технологии ни в коем случае не стоит воспринимать как рутинные. Рутинные характеризуются набором устаревших и неэффективных методов и средств социального воздействия. неотъемлемым элементом инновационных технологий социального обслуживания должна стать их ориентация на овладение непосредственно получателем социальных услуг, способностей социального самообеспечения, социальной самозащиты [2, с. 189].

В настоящее время, когда провозглашен курс на учет индивидуальных особенностей и потребностей получателей социальных услуг, необходимо менять внутреннюю структуру стационарных учреждений. Профессионализация данного вида социального обслуживания должна начинаться с привлечения высококвалифицированных кадров в сфере предоставления социального обслуживания в условиях стационарных учреждений для граждан пожилого возраста и инвалидов, введения в штаты необходимых специалистов, создания современной материально-технической базы. Важной задачей специалистов именно в данной сфере является внедрение в практическую деятельность как хорошо зарекомендовавших себя традиционных технологий, так и инновационных технологических процедур и методов работы.

Главной целью деятельности учреждений социального обслуживания является содействие в улучшении социального и психологического статуса граждан пожилого возраста. Основные задачи — предоставление гражданам пожилого возраста социально-бытовых, социально-психологических, социально-педагогических, социально-медицинских, социально-экономических, социально-правовых и дополнительных услуг, не входящих в перечень гарантированных государством социальных услуг, и привлечение различных государственных, муниципальных и негосударственных структур к решению вопросов оказания социальной поддержки гражданам пожилого возраста.

Социальное обслуживание населения в Алтайском крае предоставляется в различных формах. Стационарное обслуживание пожилые люди получают в домах-интернатах. Нестационарное обслуживание предоставляется в территориальных центрах социальной помощи семье и детям — сегодня такие центры созданы практически во всех городах и районах края. Востребованными социально-бытовыми услугами среди пожилого населения, особенно в сельской местности, являются услуги социальных парикмахерских, созданных при центрах

социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов. Услуги оказываются как в учреждении, так и с выездом на дом.

Таким образом, в Алтайском крае социальное обслуживание пожилых людей является приоритетным направлением социальной политики. Сфера предоставления услуг достаточно широка и пользуется большим спросом. После выхода на пенсию начинается другая жизнь, к которой не так-то просто привыкнуть. Становится гораздо больше свободного времени, и тем важнее потратить его на себя с большей пользой. Именно на это направлена деятельность учреждений социального обслуживания.

Деятельность социального работника центра социального обслуживания населения в значительной степени сопряжена с работой с одинокими пожилыми людьми. Как правило, это люди в возрасте старше 60 лет, у которых в силу сложившихся жизненных обстоятельств и личностных особенностей нарушены или отсутствуют социальные связи. При возникновении каких-либо трудностей с поддержанием или установлением социальных контактов с ближайшим для человека окружением в пожилом возрасте ему значительно сложнее найти близкого по мировоззрению собеседника или друга. В этом случае содействие социального работника, волонтеров, просто инициативных людей становится необходимым.

Библиографический список

1. Архипова О. В. Работа с пожилыми людьми в пансионатах общего типа // Психология зрелости и старения. 2015. № 1.
2. Альперович В. К. Социальная геронтология. Ростов н/Д, 2016.
3. Дементьева Н. Ф., Модестов А. А. Дома-интернаты: от призрения к реабилитации. М., 2016.

Т. Ю. Дурманова (Барнаул)

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕСОЧНОЙ ТЕРАПИИ В РЕАБИЛИТАЦИИ НАРКОЗАВИСИМЫХ

По данным Всемирной организации здравоохранения, около 275 млн человек на 2017 год хотя бы раз употребляли нелегальные психоактивные вещества. Ежегодно от последствий наркозависимости умирают не менее 190 тыс. человек. Во «Всемирном докладе о наркотиках 2018» говорится о том, что «наркотические рынки продолжают расти, а производство кокаина и опиума достигает рекорд-

ных уровней, что создает комплексные проблемы по нескольким направлениям» [1].

По официальным экспертным оценкам, в Российской Федерации число наркозависимых составляет от 3 до 4,5 млн человек. По неофициальным данным — около 8 млн [2]. В Алтайском крае по итогам мониторинга за 2017 г. число зарегистрированных больных наркоманией составило 5301 человек. За последние пять лет в крае отмечается устойчивая тенденция снижения смертности от острых отравлений наркотическими веществами. Но при этом количество наркозависимых людей в Алтайском крае превышает средний показатель по России на 16,4%. На данный момент наркоситуация на территории края оценивается как «напряженная».

При изучении проблемы наркомании и ее последствий для общества следует применять междисциплинарный подход, а для решения — развивать межведомственное взаимодействие и проводить комплексную работу, направленную на профилактику наркомании среди населения, социальную реабилитацию и адаптацию наркозависимых и их семей. Для более глубокого изучения этого явления необходимо использовать потенциал различных наук. Так, социология способна проводить масштабные социологические исследования с целью мониторинга наркоситуации в стране, анализа проблем наркомании и их влияния на общество. Юриспруденция позволяет на законодательном уровне рассматривать и решать проблемы наркомании. Психология важна для выяснения причин наркомании, путей формирования зависимости и социальной реабилитации и коррекции. Социальная работа играет большую роль в коррекции поведения и адаптации наркозависимых через внедрение в реабилитационный процесс различных технологий.

Одной из технологий социальной реабилитации и адаптации наркозависимых может выступать песочная терапия, которая является инновационной технологией в психосоциальной работе с наркозависимыми больными. С помощью нее можно улучшить психологическое и эмоциональное состояние человека. Песочная терапия, опираясь на активное воображение, творческую деятельность и символическую игру, помогает зависимому построить путь между бессознательными процессами и сознательными, эмоциональными и рациональными, невербальными и вербальными. Часто зависимый человек не может объяснить словами свою проблему или запрос, он не понимает причин своих трудностей и не видит выхода из сложившейся ситуации, которая кажется ему неразрешимой. Через образы наркозависимый больной может отразить свой внутренний мир и все те

конфликты, которые мешают ему жить. Важным аспектом песочной терапии является то, что человек способен качественно изменять полученную на песке картину, перенимать полученный опыт и тем самым менять свой внутренний мир [3, с. 36]. Наркозависимый из состояния «пострадавшего», неспособного к росту и движению вперед, приобретает уверенность в собственных силах, начинает чувствовать себя «создателем и творцом» собственной жизни. Терапия песком позволяет выявить проблемы, определить имеющиеся ресурсы, скорректировать дезадаптивные модели поведения и сформировать ответственность за свою жизнь [4, с. 95].

С помощью песочной терапии можно достигать положительных психокоррекционных результатов в работе с наркозависимыми. Во-первых, развивается и усиливается внимание к своим чувствам, мыслям, переживаниям. Во-вторых, через творческую деятельность можно выразить свои фантазии и желания, а также снять эмоциональное напряжение. В-третьих, можно разрешить внутренние конфликты путем проигрывания проблемных ситуаций и освоения новых форм опыта. В-четвертых, песочная терапия позволяет развить чувство внутреннего контроля и порядка [5, с. 251–252].

Таким образом, наркомания является одной из актуальных и долгосрочных угроз человечеству по своим негативным последствиям. На наш взгляд, использование песочной терапии как технологии социальной реабилитации и адаптации наркозависимых способствует стабилизации и улучшению их психоэмоционального состояния. Дальнейшее изучение возможностей песочной терапии наркозависимых как инновационной технологии психосоциальной работы требует проведения экспериментального исследования.

Библиографический список

1. Всемирный доклад о наркотиках 2018: опиоидный кризис [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/FQsvUu.
2. Количество наркозависимых в России по данным МВД [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/4Y5X4a.
3. Тарарина Е. В. Песочная терапия: практический старт. Библиотека арт-терапевта. Киев, 2017.
4. Сакович Н. А. История и современные тенденции песочной терапии // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2.
5. Киселева М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб., 2007.

Ф. Б. Журавлев (Барнаул)

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Научный руководитель — О. Н. Замятина

Для начала нужно отметить в качестве базового пункта следующее суждение: реклама, в том числе национальная, не является универсальной для всех стран, и в национальной рекламе ярко проявляются особенности местного менталитета. Касается это и российской рекламы. Российские исследователи отмечают при этом, что ее самобытность начала проявляться в начале XX в. и характеризовалась тем, что российские рекламисты старались избегать агрессивных элементов в рекламе, основываясь на тонкости чувств, сентиментальности, сострадании к ближнему, верности дружбе, т. е. реклама в России носила «задушенный характер» и воздействовала на чувства человека с целью найти отклик в его душе [1, с. 66].

Социальная реклама, как явление достаточно новое для современной России, еще только институционализируется, что и формирует пространство не всегда эффективного и недостаточно полного использования ее потенциала. Эта ситуация связана также с широким распространением девиаций в современном российском обществе, преодоление которых не под силу средствами только социальной рекламы, но, однако, социальная реклама имеет большое значение в преодолении рисков духовно-нравственного характера [2, с. 4].

Если говорить об актуальной специфике социальной рекламы в России, то можно выделить в ней две категории. Первая — заказчиком выступают различные государственные структуры. Акцент в ней делается на пропаганде правильного образа жизни, вреде курения и употребления наркотиков, о пользе своевременной уплаты налогов и так далее. Качество рекламных роликов социальной направленности зачастую бывает низким, так как, вынуждая СМИ и рекламные агентства работать бесплатно, государство получает рекламу плохого качества [3, с. 116]. Вторая категория социальной рекламы связана с заказом негосударственных общественных организаций: Гринпис, ЮНЕСКО и других [2, с. 4].

Из всего множества государственных структур социальную рекламу более или менее регулярно используют лишь несколько, например ГИБДД. Также некоторое время назад в Москве появлялись щиты с рекламой армии. В принципе, такую рекламу трудно назвать социальной на сто процентов. Причина в следующем: государствен-

ный институт, используя для рекламы какую-то социально значимую ценность, преследует и свои коммерческие цели (например, поднятие престижа, улучшение имиджа и непосредственно материальный интерес). С помощью такого механизма государственные институты и используют социальную рекламу.

Социальная реклама в России имеет ряд проблем. Помимо вышеупомянутой проблемы качества, наблюдается трудность в доставке социальной рекламы адресату. В России уделяется мало внимания вопросу о том, что для различных типов целевой аудитории социальной рекламы необходимы различные информационные носители: Интернет, пресса, телевидение, радио, наружная реклама, в связи с этим социальная реклама часто не доходит до своего адресата, поэтому идет не по тем коммуникационным каналам [3, с. 116].

Иллюстрирует данную проблему опрос, проведенный компанией РОМИР Мониторинг [4]. В результате опроса выяснилось, что большинство опрошенных (52%) вообще не знают понятия «социальной рекламы». Лишь 25% респондентов подтвердили знание и положительное эмоциональное отношение к социальной рекламе, причем в первую очередь большая часть опрошенных вспоминала о рекламной кампании, проведенной АСИ по телевидению на тему отношений детей и родителей («Позвоните родителям»). По словам респондентов, этот рекламный ролик действительно заставлял задуматься над данной проблемой и вспомнить о своих обязанностях перед родителями, даже почувствовать какую-то вину перед ними. Также опрашиваемые вспоминали различные мероприятия, движения, митинги, посвященные темам наркомании, СПИДа, защиты детей и материнства, проводившиеся в городе и транслируемые СМИ.

Уже указанная проблема низкого качества социальной рекламы может быть иллюстрирована примером кампании, целью которой являлось продвижение идеи безопасного секса («Эта мелочь защитит нас обоих»). Но на вопрос социологов: «Какова главная идея акции?» — 20% респондентов заявили, что это реклама презервативов, 11% были уверены, что инициаторы кампании пытались привлечь молодое поколение к чтению брошюр о половом воспитании, а 2% увидели в акции пропаганду сексуальной жизни. 1% опрошенных поняли так, что иметь несколько любовников одновременно вовсе не так уж и неприлично, а 63% сказали, что таким образом медики призывают молодежь заботиться о своем здоровье [5]. О гарантии безопасности для партнера никто из респондентов не вспомнил, хотя создатели этой рекламы надеялись именно на такую ассоциацию.

Также существует проблема отсутствия денежных средств (для производства телевизионных роликов, для оплаты эфирного времени или места на щитах), так как немногочисленные социальные кампании финансируются и государством, и бизнесом по остаточному принципу [6]. Проблему может решить государство увеличением бюджета либо для собственной социальной рекламы, либо для содействия в размещении социальной рекламы некоммерческими организациями, либо для поддержания мероприятий, направленных на популяризацию социальной рекламы. В России на социальную рекламу тратилось менее 1% объема рекламного рынка, несмотря на то что общественность оценивает социальную рекламу как важную и нужную.

Так, согласно исследованиям компании РОМИР Мониторинг, 72% опрошенных россиян относится к социальной рекламе в общем положительно, 44% считает, что социальная реклама способна повлиять на решение проблем общества, а 68% респондентов даже критикует государство за плохую пропаганду национальных ценностей и в первую очередь — духовных, нравственных, культурных. Именно поэтому в 2003 г. компаниями «Lowe Adventa», «McCann Erickson Russia», «BBDO Moscow» была учреждена некоммерческая организация «Союз Создателей Социальной Рекламы» («СССР»), которая призвана заниматься созданием и проведением социальных рекламных кампаний. Начиная с 2004 г. совместно с МВД России, МЧС, Министерством здравоохранения и социального развития РФ была развернута социально-информационная наглядная программа, в которой упор делался как раз на аудиовизуальные средства социальной рекламы [7, с. 161].

Примерно с 2011 г. начался активный показ роликов социальной рекламы в супермаркетах, что способствовало большему охвату аудитории. Первопроходцами стали такие крупные торговые сети, как «Перекресток», «Паттерсон», «Петровский», «Столица» и другие [7, с. 161].

В целом исследователями отмечается, что количество качественных рекламных роликов на социальную тематику с каждым годом растет. Ниже представлены примеры грамотно поставленной рекламы, раскрывающей действительно важные социальные проблемы.

Проблема 1: безопасность на дорогах. Пример социальной рекламы: акция ГИБДД по Калининградской области «Ангел-хранитель». По трассе в сопровождении инспекторов ходил человек в белом одеянии, с крыльями за плечами и нимбом над головой, уговаривая водителей быть осторожнее [8].

Проблема 2: загрязнение окружающей среды. Пример социальной рекламы: брошенные банки и бутылки голосуют на дорогах, прося подбросить их до урны, или снимают квартиру — «мусорный бак» [9].

Проблема 3: курение. Пример социальной рекламы: прохожий в ролике сайта takzdorovo.ru просит закурить у другого. Парень хлопает себя по карманам, но вместо того чтобы достать зажигалку, танцует и подмигивает: «Бросил!» [10].

Проблема 4: отсутствие привычки к чтению. Пример социальной рекламы: серия плакатов рекламного агентства Slava, где рисованные классики русской литературы выступили в роли спортсменов. К примеру, Толстой сообщает, что после 500-й страницы открывается второе дыхание, а Пушкин призывает начинать с небольших текстов и постепенно увеличивать нагрузку [11].

Проблема 5: деградация семейных ценностей. Пример социальной рекламы: серия «Все равно?!» компании News Outdoor [12].

Проблема 6: отсутствие эмпатии к некоторым людям. Пример социальной рекламы: интерактивный ролик «Выбери, кого спасти» проекта «Большие люди». На экране, поделенном пополам, мы видим умиряющих маленькую девочку и взрослую женщину. Около них находятся близкие, ждущие скорую помощь. Когда же она приезжает, перед зрителем встает вопрос, кого спасти. Вне зависимости от нашего выбора, в финале ролика появляется надпись: «90% благотворительных фондов помогают только детям» [13].

Несмотря на достигнутые успехи, в настоящее время необходимо проделать много работы для совершенствования социальной рекламы в России. Для этого требуются совместные усилия креативных рекламщиков и их спонсоров как государства, так и частных компаний.

Библиографический список

1. Хаврота Ю. В. Реклама как средство массовой коммуникации в России в конце XIX — начале XX в. // Власть. 2011. №7.
2. Шаповалов Г. В. Основные этапы развития социальной рекламы в России // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. №3.
3. Мерзлякова А. В. Тенденции и проблемы развития социальной рекламы в России // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2012.
4. Исследовательский холдинг Ромир [Электронный ресурс]. URL: <https://romir.ru/>.

5. Эта мелочь защитит обоих [Электронный ресурс]. URL: https://wikimultia.org/wiki/Эта_мелочь_защитит_обоих.
6. Минбалеев А. В. Современное состояние и перспективы развития правового регулирования социальной рекламы [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru/base>.
7. Шершукова Е. В. Специфика социальной рекламы в России: современное состояние // Молодой ученый. 2011. Т. 2. № 4.
8. В Калининградской области полиция проводит акцию «Ангел-хранитель» [Электронный ресурс]. URL: <https://39.xn-b1aew.xn--p1ai/news/item/1342251/>.
9. Кампания «У мусора есть дом» удостоилась новых наград [Электронный ресурс]. URL: http://vse-ravno.net/nagrody-27_12_2011.
10. Бросил курить! Социальная реклама [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LJnE9bA9nAc>.
11. Проект «Занимайся чтением» (рекламное агентство SLAVA) [Электронный ресурс]. URL: <https://newtonew.com/culture/proekt-zanimajsa-chteniem>.
12. Time with Children [Электронный ресурс]. URL: <http://vse-ravno.net/en/campaigns/people/vremya-s-detmi>.
13. Южденич Е. Кого спасти — взрослого или ребенка [Электронный ресурс]. URL: https://www.sostav.ru/news/2012/11/22/outofthebox_bolshie_ludi.

К. А. Зайцев (Барнаул)

РОЛЕВАЯ ИГРА КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТЫ С ДЕЗАДАПТИВНЫМИ ПОДРОСТКАМИ

Научный руководитель — И. В. Антонович

Деадаптация представляет собой нарушение отношений в школе, семье, со сверстниками и с самим собой. Подростки испытывают трудности познавательного и коммуникативного характера и имеют неадекватную самооценку. Она сопровождается неуспеваемостью, ухудшением взаимоотношений в школе и семье, повышенной агрессивностью и конфликтностью, употреблением алкоголя и наркотических веществ, развитием различных зависимостей, суицидами. Основными характеристиками социально-психологической деадаптации подростков выступают неуспешность подростка в учебной деятельности и межличностных отношениях со сверстниками [1, с. 66].

Например, особенностью школьной дезадаптации испытуемых «группы риска» являются повышенная нейрофизиологическая истощаемость, неусидчивость, эмоционально-волевая незрелость, отставание в предметных знаниях по сравнению с успешно адаптированными ровесниками (лишь 9,4% подростков хорошо справляются с учебной программой), а также отсутствие дополнительных социально-психологических ресурсов, необходимых для компенсации переживания социального стресса и снижения эмоционального напряжения [2, с. 257].

Увеличение числа подростков, которым не удается адаптироваться к условиям жизни и требованиям, предъявляемым к самим подросткам, приводит к возникновению дезадаптации у подрастающего поколения.

Предотвращению этих явлений призвано образование, обращенное к внутреннему миру подростков, способствующее реализации их способностей, адаптации в ходе позитивной социализации. Первичная профилактика дезадаптации подростков как аспект системы школьного воспитания нацелена на предупреждение попадания подростков в «группы риска», направлена на блокирование зарождающейся дезадаптации посредством психолого-педагогической поддержки, способствующей преодолению возникающих у подростков индивидуальных трудностей в процессе жизнедеятельности образовательных учреждений, повышению их адаптации, стрессоустойчивости к меняющимся условиям жизни, усложняющимся требованиям системы образования [3, с. 90–94].

Успешная социально-психологическая адаптация предполагает достижение социального статуса и взаимоотношений с окружением, удовлетворяющих подростка. Неудачная адаптация предполагает социальный регресс или девиантное поведение. Некоторые авторы отмечают, что процесс социально-психологической адаптации и ее результат определяется уровнем развития личных качеств подростка [4, с. 405–410].

Согласно данным статистики (за 2011 г.), в современной России более 65 тыс. семей находятся в социально опасном положении, что составляет в общей сложности около 200 тыс. человек, из них 60% — дети [5, с. 100]. В Алтайском крае в 2013 г. на заседании комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав было отмечено, что количество семей, находящихся в социально опасном положении, в регионе насчитывает 4814, что составило 1,5% от общего числа семей в крае. Дезадаптация подрастающего поколения является заметным риском для общества, потому что возникает угроза нормальному функционированию социальных институтов, например таких, как семья или школа. Увеличится подростковая преступ-

ность, и будут развиваться девиантные практики среди подрастающего поколения.

Основная задача психолого-педагогической коррекции — помочь сделать информированный осознанный выбор (на основе предоставленной консультантом информации), помочь овладеть навыками оценки степени риска и умению определить его уровень, что позволит подростку балансировать и принимать правильные решения [6, с. 96].

Но на сегодняшний день коррекция дезадаптивного поведения осуществляется недостаточно эффективно: не реализуется потребность в общении и саморазвитии индивидуальных способностей, не развиваются адаптационные способности подрастающего поколения, а также слабо развиты средства, препятствующие развитию и способствующие преодолению дезадаптации у подростков.

На данный момент существует множество технологий помощи в адаптации дезадаптивным подросткам. Например, психолого-социальная коррекция в форме групповых бесед или различные виды арт-терапии: музыкотерапия, песочная терапия, психодрама, игротерапия. В настоящее время большую популярность приобретают активные формы обучения, и ролевая игра — одна из таких технологий в проблемном поле подростковой дезадаптации.

Большой интерес представляют работы немецкого исследователя Roger Schaller, который понимает ролевые игры живого действия как инструмент к дальнейшему развитию управления собой. В книге «Пути к их сердцам» он рассказывает об активной практике использования различных видов ролевых игр в профилактических программах для работы с «трудными», агрессивными подростками и молодежью, чтобы воздействовать на личность молодых людей в области самообразования, самореализации, бесконфликтного общения, создания атмосферы ненасилия в семье и в обществе [7, с. 221–226].

Исследователи выделяют мотивационную, образовательную, воспитательную, развивающую, коммуникативную, обучающую, компенсаторную, терапевтическую, релаксационную, психотехническую и рекреативную функции ролевых игр [8]. Участие в ролевых играх живого действия ставит подростков перед необходимостью совершать действия, соответствующие социальным нормам. Ролевые игры могут формировать коммуникативные навыки, личную активность, интеллектуальные и творческие способности, способствовать физическому развитию подростка. В них представлены многие сферы жизнедеятельности: общение, познание, практическая работа, духовно-культурная деятельность, спорт, игра. Ролевая игра, как творческий акт, дает возможность выразить и реализовать себя.

Использование ролевых игр живого действия не является универсальным способом коррекции дезадаптивного поведения. Но ролевые игры как точные модели реального общения позволяют диагностировать, корректировать и формировать личностные качества подростков, добиваясь эффективных результатов в их воспитании.

Библиографический список

1. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2012.
2. Диагностика школьной дезадаптации / под ред. С. А. Беличевой. М., 1993.
3. Овчинникова Г. А. Социальная дезадаптация подростков «группы риска» // Вестник Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 4–1.
4. Педченко В. В. Критерии и показатели социально-психологической дезадаптации старшего подростка // Молодой ученый. 2017. № 5.
5. Социально опасное положение семьи и детей: анализ понятия и методология оценки / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, В. М. Маркиной. М., 2015.
6. Сиягина Н. Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. М., 2003.
7. Герлах И. В. Сюжетно-ролевая театрализованная игра как средство формирования социально значимых качеств личности // Вестник КГУ им. Некрасова. 2010. № 3.
8. Берелехис А. А. Функции ролевой игры // Ork-club journal. 1996. № 1.

А. П. Калинина (Барнаул)

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕУЧЕБНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СТУДЕНЧЕСКОМ ОБЩЕЖИТИИ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Внеучебная и воспитательная деятельность играет важную роль в формировании личности, с рождения ребенок социализируется и впитывает в себя базовые правила и нормы, принятые в обществе, а делает он это как раз с помощью той работы, которую организовало для него старшее поколение. Внеучебная и воспитательная деятельность в системе высшего образования, а также в студенческом общежитии отличается от школьной некоторым рядом признаков и подра-

зумекает под собой некую деятельность, направленную на развитие личности, а также создание условий для самоопределения и самореализации молодого человека на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей, принятых в обществе правил и норм поведения в интересах самого индивида, государства и общества в целом, которая включает в себя время аудиторных занятий и свободное от учебы время. Целью данной деятельности является гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание студентов, формирование социально-личностных и профессиональных компетенций, создание условий для эффективной профессиональной самореализации и удовлетворение потребностей обучающихся в интеллектуальном, культурном, нравственном и физическом развитии [1, с. 329].

Принято считать, что воспитание должно быть направлено на реализацию двух взаимосвязанных целей — обеспечение процесса социализации гражданина общества и поддержку процесса индивидуализации личности [2, с. 274]. Организация внеучебной и воспитательной работы в общезитии так или иначе закреплена в различных государственных нормативно-правовых документах, например, в Федеральном законе «Об образовании», Указе Президента РФ «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания», Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 гг.», в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, а также в Основном законе и нормативно-правовых актах того региона, в котором находится вуз, и в локальных нормативных актах конкретного вуза.

Однако самым важным документом, который закрепляет внеучебную и воспитательную деятельность в студенческом общезитии и не противоречит вышестоящим нормативно-правовым документам, считается приказ об утверждении данной организации, ежегодный план мероприятий воспитательной и внеучебной работы. Например, в Алтайском государственном университете деятельность Студенческого городка закреплена в приказе «Об утверждении положения о Студенческом городке» и в плане воспитательной и внеучебной работы Студенческого городка АлтГУ на 2018 календарный год.

Внеучебная и воспитательная деятельность в студенческих общезитиях разных вузов примерно одинаковая, она включает в себя следующие направления:

1. Социально-психологическая адаптация первокурсников.
2. Организация студенческого самоуправления.

3. Культурно-массовая работа.
4. Профилактика правонарушений.
5. Работа по внедрению здорового образа жизни.
6. Экологическое воспитание [2].

Внеучебная и воспитательная деятельность является важным направлением деятельности в студенческом общежитии, так как она во многом располагает оптимальными условиями для самораскрытия и самореализации студентов, предоставляет возможность познакомиться себя в различных ипостасях и направлениях деятельности [3, с. 158]. Рассмотрим более подробно каждое из них.

Ежегодно вуз принимает в свои ряды ребят, только что окончивших школу, на момент поступления большая часть из них закрыты для общения и не знают, как реализовать себя в правильном русле. На этом этапе активно должно включиться учебное заведение и конкретно та структура, которая занимается внеучебной и воспитательной деятельностью, в нашем случае это администрация студенческого общежития. Проблема адаптации студентов первого курса к новой образовательной среде является актуальной для современной системы высшего профессионального образования, поскольку от ее успешности на начальном этапе обучения зависит результативность всей дальнейшей профессиональной подготовки будущих специалистов [4, с. 87].

Немаловажным звеном в системе управления в высшем учебном заведении принято считать студенческое самоуправление, которое осуществляет свою деятельность не только на базе всего учебного заведения, но и в административных подразделениях, таких как студенческие общежития. Студенческое самоуправление помогает администрации общежития в осуществлении всех остальных направлений внеучебной и воспитательной работы, в том числе и в адаптации первокурсников, а также является официальным представителем интересов всех жителей общежития.

Также немаловажное место занимает духовно-нравственное и культурно-эстетическое воспитание, под которым мы понимаем формирование системы духовно-нравственных знаний, эстетических ценностей и вкусов, развитие творческих способностей студентов и обеспечение возможности участия большинства студентов в культурно-творческой деятельности, приобщение к духовным ценностям и культуре других национальностей [5, с. 382].

На сегодняшний день очень актуален вопрос студенческих правонарушений, особенно среди жителей общежитий. Каждое высшее учебное заведение и административное подразделение старается

оградить себя от нежелательных негативных последствий студенческих правонарушений и для этого готовит программу для профилактики студенческих правонарушений.

Работа по внедрению здорового образа жизни организует свободное время студента, к основным направлениям деятельности можно отнести проведение мероприятий по профилактике зависимого поведения и сохранению репродуктивного здоровья, вовлечение студентов в занятия в спортивных секциях и участие студентов в различных спортивных мероприятиях.

В каждом общежитии ведется работа по экологическому воспитанию, на базе студенческих общежитий студентов приучают к чистоте и порядку, а также призывают к защите окружающей среды. К основным мероприятиям экологического воспитания принято относить привлечение студентов к активной природоохранной деятельности, а также участие в мероприятиях разного уровня, направленных на защиту окружающей среды, например на субботниках или генеральных уборках [2, с. 289].

Проанализировав основные направления деятельности, мы приступили к анализу конкретного нормативно-правового документа, а именно — к предварительному анализу «Плана воспитательной и внеучебной работы Студенческого городка Алтайского государственного университета на 2018 календарный год» и выявили ряд недостатков. В данном документе указаны не все направления деятельности или раскрыты не полностью, например, не прописана работа со студенческим самоуправлением и работа по профилактике правонарушений и патриотическому воспитанию, что, на наш взгляд, является недоработкой администрации Студенческого городка АлтГУ. В дальнейшем мы планируем более внимательно рассмотреть работу Студенческого городка и провести сравнительный анализ нормативно-правовой базы Студенческого городка ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» с результатами опроса студентов, проживающих в общежитиях АлтГУ, по проблеме реализации направлений внеучебной и воспитательной деятельности.

Воспитание студентов, проживающих в общежитиях, — сложный и многогранный процесс, требующий от организаторов тщательного отбора воспитательных средств, постоянного взаимодействия с администрацией и студенческим советом. Всесторонне рассмотрев структуру внеучебной и воспитательной работы в студенческом общежитии, мы можем сделать вывод, что без этих направлений студент не сможет реализовать себя в полной мере, так как они решают очень важные задачи.

Библиографический список

1. Филатова О. В., Ильина Ю. В., Семенова Ю. В. Внеучебная деятельность в вузе как условие формирования ключевых компетентностей у выпускников социального факультета // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №3.
2. Гольдман А. А., Никифоров И. И., Иванова Р. П. Приоритетные направления воспитательной работы в вузе (на примере МПТИ(Ф) СВФУ) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2.
3. Любин А. В. Воспитательная работа в общезнании медицинского вуза // Преподаватель XXI века. 2017. № 4–1.
4. Арендачук И. В. Воспитательная работа как компонент психолого-педагогического сопровождения адаптации первокурсников к образовательной среде вуза // Вестник Моск. Ун-та. Серия 20: Педагогическое образование. 2015. № 4.
5. Семенова М. Г. Специфика влияния социально-культурных условий на процесс совершенствования системы формирования гражданской культуры студенческой молодежи // Ученые записки Казанского филиала Российского гос. ун-та правосудия. 2015. № 11.

А. С. Кобец (Республика Алтай)

ПРОФИЛАКТИКА ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Научный руководитель — Е. В. Литягин

По данным Росстата, после снижения доли тяжких и особо тяжких преступлений в 2000–2008 гг. с 8,9 до 6,8% произошел их значительный рост в последние годы. По отчетам МВД, в 2016 г. это составило 21,5% от всех преступлений несовершеннолетних [1]. К негативным тенденциям также стоит отнести и рост доли несовершеннолетних преступников женского пола, а также вовлечение подростков в виды преступной деятельности, ранее для них нехарактерные: преступления в сфере компьютерной безопасности, валютного мошенничества, вымогательства, торговли оружием, наркотиками и т. д. Еще одна негативная тенденция связана с ростом участия несовершеннолетних в организованной преступности. Увеличение абсолютного числа правонарушений, произошедшее после 2014 г., сигнализирует о возможном переходе динамики показателей подростковой и детской преступности в негативную фазу, отражающую ухудшение социальной ситуации в стране.

Подобная тенденция наблюдается и в Республике Алтай. Так, если в 2014 г. было зарегистрировано 2889 преступников, то в 2017 г. выявлено уже 3210 лиц, совершивших преступления. Тем не менее в сравнении с Алтайским краем, который находится в пятерке лидеров сибирских регионов по наличию преступности [2], Республика Алтай оказалась самым «спокойным» регионом Сибири, что является в определенной степени показателем более высокого уровня правосознания в молодежной среде.

Это подтверждается и результатами социологического исследования латентных конфликтов и рисков в полиэтнической среде Республики Алтай, в ходе проведения которого было обнаружено, что практически 70% респондентов либо считают, что в их населенном пункте нет особых конфликтных проявлений, либо затруднились ответить, либо уклонились от ответа.

Среди обозначенных жителями Республики Алтай проблем преступность (мошенничество, кражи, вымогательство, коррупция, драки, хулиганство, разбой и т. п.) находится на четвертом месте по степени значимости. Всего 4,9% опрошенных считают данное явление актуальным. Однако лидирующие социальные проблемы непосредственно связаны с делинквентным поведением: алкоголизм (6,3%), межличностные конфликты (5%), конфликты на межнациональной почве (5%) [3].

Изучение подростковой преступности требует прежде всего рассмотрения социальных факторов ее возникновения, определяющих условия социализации и проявляющихся на различных уровнях социальной организации. От выявления причин делинквентности и разработки профилактических мероприятий по противодействию данному поведению в молодежной среде зависит то, каковым будет будущее поколение, а следовательно, и общество в целом.

Правосознание формируется в процессе социализации личности, на который оказывают влияние и различного рода этнические факторы, такие как язык, культура, менталитет, традиции, обычаи. Семья же выступает как главный социальный институт передачи «национальной памяти». Данный процесс можно рассмотреть на примере социализации молодежи Республики Алтай.

В традиционной алтайской семье опыт поколений передается от старших в виде обрядов, обычаев, традиций. Главной чертой в социализации молодого поколения алтайцев является уважение к старшим. Также ценятся такие качества у девушек, как послушание, спокойствие, скромность. Весомый авторитет имеет женщина как мать и хозяйка дома.

Помимо алтайцев в Республике Алтай проживает большое количество других этносов со своими традиционными ценностями, установками и стереотипами. Возможное столкновение интересов в процессе социализации между молодым поколением различных этнических групп представляет особую опасность для данного региона. Хотя на данный момент количество преступлений, носящих национальный характер, по официальным данным, не превышает нормы, между тем неэффективная национальная политика государства может привести к межнациональным противоречиям и конфликтам.

Несмотря на то что культура народов Республики Алтай не забыта молодым поколением, последнее время на нее существенное влияние оказывает западная массовая культура. Многие этносы и народы начинают следовать моде, теряя свои национально-культурные особенности. Особенно ярко это выражено в молодежной среде. Подрастающее поколение игнорирует морально-нравственные традиционные устои, что зачастую ведет к повышению уровня делинквентных проявлений и социальной дезорганизации общества.

В целях противодействия и предупреждения преступности МВД по Республике Алтай организовало тесное взаимодействие с Правительством Республики Алтай, прокуратурой, Государственным Собранием — Эл-Курултаем и другими государственными органами. Представители данных структур вошли в состав республиканских межведомственных комиссий правоохранительной направленности. Во время комплексной совместной работы были достигнуты определенные положительные результаты.

Профилактика делинквентного поведения должна проводиться еще в школьном возрасте, причем не только с учащимися, но и с их родителями. Это поможет выявить и предотвратить возможные отклонения у подростков, которые со временем могут перерасти в серьезные проблемы.

Также необходимо усилить контроль за социальными сетями, в которых на сегодняшний день подавляющая часть населения, особенно молодежь, проводит много времени. Некоторые преступные группировки используют Интернет в качестве инструмента манипулятивного воздействия на общественное сознание и рекрутирования в свои ряды.

Кроме этого, на государственном уровне необходимо обеспечить досуговую деятельность молодежи, направив ее в социально позитивное русло. От организации системы воспитательной работы в разнообразных формах (спортивные секции, кружки, клубы по интересам и т. п.) зависит развитие и совершенствование личности, что приво-

дит к повышению культурного и интеллектуального уровня общества в целом.

Поскольку Республика Алтай является многонациональным субъектом Российской Федерации, не стоит забывать об особенности каждого этноса. В целях профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов необходимо воспитывать у молодого поколения уважение к представителям других культур. Однако все должны понимать, что являются гражданами единого государства и на уровне самоидентификации гражданская принадлежность должна доминировать.

Еще одной важной составляющей профилактики делинквентного поведения в Республике Алтай является усиление контроля за компетентностью представителей правоохранительных органов. Зачастую из-за превышения должностных полномочий сотрудники МВД теряют свой авторитет у молодежи. Особенно это опасно для подростков 14–17 лет, если им лично или со слов их родителей приходилось сталкиваться с подобной ситуацией. Негативное отношение к работникам правопорядка может обернуться правовым нигилизмом и массовыми беспорядками.

В целом в Республике Алтай уровень делинквентного поведения в молодежной среде несколько ниже, чем в среднем по Российской Федерации. Однако при отсутствии государственной политики в организации процесса социализации подрастающего поколения объем делинквентного поведения будет увеличиваться. В настоящее время уже существуют различные способы профилактики и минимизации данного явления, которые необходимо комплексно и активно применять в деятельности всех социальных институтов, прежде всего таких как государство, семья, система образования, религиозные, культурные и общественные организации.

Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — апрель 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/13357360>.

2. Шушкин В. С. Алтайский край вошел в ТОП-5 регионов по уровню преступности [Электронный ресурс]. URL: www.aif.ru.

3. Литягин Е. В., Табакаев Ю. В., Дудик С. Г., Хвастунова Ю. В., Кыпчакова Л. В., Буханько И. С. Комплексный мониторинг латентных конфликтов и рисков в полиэтнической среде Республики Алтай : монография. Горно-Алтайск, 2015.

Н. В. Кужим (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Научный руководитель — О. Н. Замятина

До появления самого понятия «детская субкультура» («субкультура детства») незначительная часть ученых обращали внимание на существование особого детского мира, который обладал собственной культуральной системой. Такой интерес возник в XX в. и был связан с изучением преимущественно фольклорных текстов. В России первым попытался исследовать детскую субкультуру профессор Г. С. Виноградов, опубликовавший в 1920-е гг. серию работ, где выделил детский фольклор из обширной области народной словесности [1].

Понятие детской субкультуры возникло в 60–80-е гг. XX в. в связи с ростом гуманизации и демократизации общественной жизни: ООН (Организация Объединенных Наций) в 1959 г. была принята «Декларация прав ребенка», 1979 г. объявлен Годом ребенка. В эти годы исследователями детской субкультуры были в основном фольклористы, поэтому предмет их интереса основывался на песенках, отговорках, анекдотах и т. д. Фактически все перечисленное и является языком детской субкультуры.

Прежде чем переходить к определению «детской субкультуры», обозначим термин «субкультура» в целом. Согласно мнению П. С. Гуревича и Е. Г. Соколова, субкультура — «особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами, стандартами поведения» [1, с. 91–99].

Следует сказать, что дети действительно имеют собственную культуру, которая отличается от взрослой и выступает самоценной в современном мире.

Перейдем к трактовке термина «детская субкультура». По мнению российского психолога В. В. Абраменковой, «детская субкультура — в широком значении — все, что создано человеческим обществом для детей и детьми; в более узком — смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития» [2, с. 60–69].

Российский социолог, специалист в области социологии детства С. Н. Майорова-Щеглова дает следующее определение детской субкультуры: «совокупность особенностей поведения, форм общения,

способов деятельности самих детей, а также социокультурные инварианты, зафиксированные в детском языке, мышлении, игровых действиях, фольклоре» [3].

Под детской субкультурой Е. П. Чеснокова понимает «подсистему культуры того общества, к которому принадлежат дети, но при этом обладает относительной автономией» [3, с. 1–5].

По мнению М. В. Осориной, под детской субкультурой подразумевается результат коллективного творчества многих поколений детей, она передается от ребенка к ребенку в непосредственном общении [4].

Итак, детская субкультура — это продукт социального взаимодействия и коллективного творчества детей в свободном общении, играх, познавательной деятельности в неформальных группах. Субкультура детства выступает одним из источников существования мира детства, которая сохраняет и передает из поколения в поколение нормы и ценности мировосприятия, особенности общения и своеобразия взаимоотношений ребенка со всем, что его окружает.

Детская субкультура имеет свои характерные особенности. Являясь подсистемой культуры общества, к которому принадлежат дети, всегда сохраняет относительную автономность и самостоятельность. Детская субкультура носит консервативный характер, обладает своеобразными «цензурными фильтрами», не позволяющими расшатывать ее традиции. Вместе с этим она обладает гибкостью, т. е. реагирует на события окружающего мира и ассимилирует новую информацию, вводя ее в традиционно детские культуральные структуры [4].

Еще одной особенностью является двойственность детской субкультуры. Это проявляется в том, что, с одной стороны, мир детства заявляет о своем отличии от мира взрослых, а с другой стороны — выступает как скрытое, диалогическое обращение к миру взрослых, самобытный способ освоения взрослого социального мира, способ самоутверждения в нем.

Субкультура детства призвана удовлетворять важнейшие потребности ребенка: потребность близости с другими людьми за пределами семьи, потребность в самостоятельности и участии в социальных изменениях, потребность в признании, завоевании личностного статуса и пр.

За счет этого детская субкультура выступает в качестве универсального механизма социализации ребенка, так как максимально способствует естественному включению ребенка в систему социальных связей и отношений, в ходе которого он познает мир сверстников, взрослых и имеет возможность транслировать окружающим

свой собственный внутренний мир, а также удовлетворять потребность в самостоятельности и активности. Таким образом, в детской субкультуре, как и в общей культуре, формируется целостный жизненный опыт индивида.

В статье будут рассмотрены три функции субкультуры детства. Во-первых, детская субкультура выступает в качестве взаимоотношений между членами игрового сообщества и отношений с окружающим миром природы и взрослых.

Во-вторых, обеспечивает гармонизацию процессов социализации-индивидуализации. Под этим подразумевается, с одной стороны, активный процесс социальной адаптации, т. е. для эффективного приобщения к детской субкультуре специально создаются условия, которые обеспечивают накопление социального опыта (взаимодействие ребенка со взрослым и сверстниками, развитие командной работы и т. д.). Здесь формируются такие социально значимые качества, как социальная уверенность, активность, самостоятельность, инициативность [5].

С другой стороны, обеспечивается процесс индивидуализации, т. е. ребенок учится осознавать свои отличия от сверстников, на фоне чего происходит формирование личностных предпочтений, интересов.

В-третьих, формирует ценностное отношение к миру. Эта функция основывается на общих воспитательных возможностях детской субкультуры при формировании ценностно-смысловой сферы ребенка.

Таким образом, с точки зрения социализации субкультура детства оказывает влияние на формирование личности и формирование Я-концепции ребенка. Благодаря детской субкультуре ребенок обретает свою сущность, конструирует свой собственный мир. В субкультуре детства создаются условия, которые наиболее эффективно влияют на успешность адаптации и гармонизации основных процессов.

С точки зрения социальной значимости для науки в целом субкультура детства способна в большей степени полно и разносторонне показать социокультурную природу детства, раскрыть особенности картины мира ребенка, проанализировать обыденную практику детства с точки зрения теории культуры [5, с. 272–274].

Изучение и исследование субкультуры детства важно не только для психологии и педагогики, но также необходимо для социологии. Исследования в этой области имеют большое значение для настоящего времени. Из-за социальных сетей, где в большинстве своем формируются различные субкультуры, ребенок оказывается под огромным влиянием. Это может проявляться в «избегании реальности», где бесследно проходит все детство ребенка, зависимо от Интернета.

Выявление проблем, связанных с детской субкультурой, особенно важно в сфере современного образования [6].

Таким образом, исходя из результатов своих исследований, социолог может дать определенный образ современного ребенка, а также разработать рекомендации для нахождения общего с ним языка. Это может помочь как педагогам, так и родителям приобщить ребенка к субкультуре детства, которая, в свою очередь, является эффективным средством обеспечения социального взросления.

Библиографический список

1. Стрелкова О. В. Детская субкультура как компонент социального развития старших дошкольников // Вестник Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2013. № 5.

2. Суворкина Е. Н. Субкультура детства как модель автономной реальности детства // Вестник Ряз. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2012. № 3.

3. Шумилова А. А. Специфика детской субкультуры // Огарёв-Online [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru>.

4. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / под ред. Е. Егерова. СПб., 2016.

5. Иванова Н. В. Социализирующие возможности детской субкультуры // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2016. № 5.

6. Замятина О. Н. Функции образования в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2017. Вып. № 9.

В. А. Кузнецова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ, ВЫШЕДШИХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Научный руководитель — О. Н. Колесникова

Современное общество является большой сложной социальной системой, которой, как и любой другой, свойственны различные динамические процессы, социально-экономические и политические преобразования. Наше государство вводит регулирующие нормы взаимоотношений людей в обществе, т. е. законы, которые регламентируют правовые отношения граждан. Нарушения прав граждан и законов РФ уголовно наказуемо. До сих пор лишение свободы остается одним из широко применяемых видов наказания граждан, преступ-

пивших черту закона. Лишение свободы как особая форма государственного наказания предназначено для восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений.

Уголовное наказание не имеет намерений нарушить социальные связи граждан. Наоборот, цели наказания прямо противоположны, и достижение их невозможно без укрепления связей гражданина с обществом. Цель уголовного наказания определяется необходимостью изолировать правонарушителя для предотвращения рецидивов преступлений, которые опасны для общества, а также создать специальные условия для целенаправленного исправительного воздействия на преступника [1, с. 28].

В России ежегодно из мест лишения свободы освобождается несколько тысяч женщин. Большая часть осужденных женщин — люди трудоспособного возраста, которые должны пройти процесс реабилитации и социализации, благодаря чему найти свое место в ряду законопослушных граждан. Но на этом пути стоит слишком большое количество проблем. Так как социальная реабилитация бывших заключенных является большим комплексом мероприятий и считается сложным многогранным процессом, то она охватывает ряд направлений социализации: нравственное, психологическое, практической подготовки к жизни в обществе, освоения новых социальных ролей, постановления полезных контактов, устранения или нейтрализации отрицательных факторов, препятствующих возвращению данной категории граждан в число законопослушных.

Социальная реабилитация бывших заключенных — важнейшая задача для общества в целом, институтов социализации, социальных групп и общностей, в том числе семьи. Она является значимой для самих людей, освобожденных из мест лишения свободы, так как влияет на их психическое и физическое здоровье, бытовое и семейное благополучие.

Существует большое количество исследований, посвященных рассматриваемой проблеме, однако еще не предложено единое понимание социальной реабилитации лиц, вышедших из мест лишения свободы. Социальная реабилитация освобожденных из мест отбывания наказания возможна только при условии, что сам человек хочет восстановить нормальные отношения в семье, по месту жительства, в трудовом коллективе, так как должна носить добровольный характер.

Также трудно согласиться с чрезмерно широкой трактовкой социальной адаптации освобожденных, включающей в себя не только по-

ведение индивида, но и процесс исправления осужденного во время отбывания наказания, деятельность государственных и общественных учреждений. Исполнение наказания в лучшем случае может создать предпосылки для последующей адаптации, а в худшем — препятствовать ей [2, с. 48].

Задачи уголовно-исполнительной системы нашей страны — воспитание осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений. Россия занимает третье место (после Китая и Индии) по самому большому тюремному населению [3, с. 53]. Длительная изоляция в местах лишения свободы нередко способствует тому, что человек, возвращающийся в общество, становится психически неуравновешенным, озлобленным, с высокой склонностью к правонарушениям. Государство в целях социально-нравственного оздоровления общества призвано разрабатывать комплекс мер политического, социально-экономического, нормативно-правового и организационно-воспитательного характера. Это обуславливается тем, что от принятия государством нужного и правильного решения во многом зависит судьба не только самих лиц, вышедших на свободу, но и всего общества. Если государство не окажет им своевременно социальную помощь, то эти люди потеряют попытку вырваться из порочного круга правонарушений, законопослушания.

Но, к сожалению, в России пока не совсем закрепились система и политика социально-реабилитационной работы с освобожденными, не оформился спектр социальных технологий; подобный вакуум является следствием отсутствия в стране последовательной, понятной и эффективной социальной политики.

Социальная адаптация — это многосторонний процесс, включающий в себя способы приспособления, регулирования, гармонизации взаимодействия индивида со средой. Деятельность в оказании помощи бывшим заключенным в зарубежных странах осуществляется на высоком уровне.

Анализ сущности и содержания процесса социальной адаптации освобожденных показывает, что данный процесс далеко не всегда протекает гладко и бесконфликтно. Вышедшему на свободу приходится преодолевать различные препятствия как внутреннего, так и внешнего, от него не зависящего, характера.

Несмотря на работу, проводимую с лицами, освободившимися из мест исполнения наказания, проблемы трудоустройства данной категории граждан остаются прежними: низкая мотивация к труду, отсутствие желания пройти переобучение, неспособность выполнять работу по состоянию здоровья, негативное отношение администра-

ции к приему на работу лиц, имеющих судимость. Однако главным препятствием при трудоустройстве освобожденных является жилищная проблема, поскольку прием на работу указанных лиц во многом зависит от наличия жилья и прописки.

Воспроизводство нормальных семейных отношений является также важным фактором успеха или неудачи социальной адаптации. От того, как встретят родные, как сложатся взаимоотношения, во многом зависит дальнейшая судьба освобожденных лиц.

Воссоздание нормальных коммуникативных связей, установление бесконфликтных отношений в обществе — еще один важнейший момент адаптации бывших заключенных. Поиск общения чаще ведется в знакомой среде, где легче ориентироваться, получать информацию, находить сочувствие. Следствием такого взаимодействия может быть совершение освободившимися новых преступлений.

Библиографический список

1. Решетников Е. В. Проблемы социальной адаптации лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы // Следователь. 2010. № 7.
2. Сутормин Ю. В. Социальная адаптация и социальное сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Работник социальной службы. 2012. № 10.
3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. М., 1994. Т. 2.

И. А. Кульгускина (Барнаул)

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Научный руководитель — Е. А. Попов

Сегодня наиболее остро выросла необходимость понимания сущности и противоречивости социальных процессов и явлений в современной российской действительности. Такой общественный процесс, как волонтерство, считается одним из важнейших для изучения в структуре социологического знания.

Социальная общность волонтеров характеризуется определенной совокупностью, объединением людей, которые оказывают конкретную помощь без материального вознаграждения. Добровольцы обладают всеми необходимыми ресурсами и единством, схожестью интересов, целей, задач. Волонтерская деятельность является наи-

более распространенным процессом как в российском обществе, так и за рубежом [1, с. 2].

Исследования, посвященные феномену волонтерства, призывают к адекватной теоретической оценке со стороны научных дисциплин и прежде всего — со стороны социологии, которая также занимается изучением волонтерской деятельности. Структура социологического знания рассматривает волонтерство под разными углами, анализирует в качестве определенной социальной системы, института, общности и деятельности.

Исследования волонтерства как социального института позволяют выделить структуру, функции, принципы, цели. Волонтерство представляется как организованная структура, как институт гражданского общества, включающий в себя:

- 1) волонтерские практики как социальное взаимодействие их национальных и интернациональных проявлений;
- 2) волонтерские объединения различных организационных форм;
- 3) социальные, экономические и политические ресурсы;
- 4) традиции и образцы поведения волонтеров;
- 5) легитимные нормы и правила волонтерской деятельности на основе общечеловеческих и гуманистических ценностей [2, с. 114].

При рассмотрении структуры волонтерства необходимо выявить социальные группы и слои. М. В. Певная в работе «Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики» опирается на собственные исследования, проведенные в 2014–2016 гг., и приходит к рассмотрению следующих групп волонтеров:

- 1) «настоящие волонтеры» — это наиболее активные добровольцы, реализующие свою деятельность и планирующие продолжать ее в дальнейшем;
- 2) «потенциальные волонтеры» — являются потенциалом общественного роста, не всегда позиционируют себя как волонтеры;
- 3) «пассивные волонтеры» — любят заниматься волонтерской деятельностью, но при этом не относят себя к волонтерам и не стремятся продолжать данную деятельность;
- 4) «полуволонтеры» — позиционируют себя в качестве волонтеров, но не стремятся продолжать волонтерство, часто не получая особого удовлетворения от этой деятельности [3, с. 341].

Социологический подход исследует волонтерство как необходимую часть общественной жизни, а также непосредственное влияние на социум. Социология позволяет изучить волонтерскую деятельность в контексте самых разных аспектов, провести его комплексный анализ в качестве социального института и общности.

Е. А. Луговая в своем исследовании «Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России» выделяет такие подходы к пониманию феномена волонтерства, как структурно-функциональный, культурологический, системный, социологический. Именно благодаря последнему, по ее мнению, возможно получить достаточные сведения о профессиональной, социальной, демографической структуре данного процесса, а также о мотивах волонтеров [4, с. 8].

Согласно результатам исследования А. А. Барсамовой, «важная для развития добровольчества характеристика социального контекста — это масштабы и формы помогающего поведения в социуме» [5, с. 94]. К профессиональным волонтерам относятся люди, которые выбирают помогающие профессии [6, с. 592].

При рассмотрении волонтерской деятельности Г. Е. Зборовский в статье «Проблема волонтерства в структуре социологического знания» отмечает несколько ее направлений:

- 1) в социальной сфере волонтерская деятельность направлена на решение проблем, касающихся больных детей и пожилых людей, которые непосредственно нуждаются в помощи;
- 2) экологическое волонтерство занимается спасением животных, борется с загрязнениями окружающей среды и за сохранение лесных массивов от их уничтожения;
- 3) особое значение имеет поисково-спасательная деятельность волонтеров. Данное направление занимается спасением жизни людей особенно в период стихийных бедствий;
- 4) развитие спортивного волонтерства связано с подготовкой и проведением спортивных мероприятий — универсиад, Олимпийских игр, чемпионатов;
- 5) политическое волонтерство предполагает активное участие добровольцев в подготовке и проведении выборных кампаний, различных политических акций, деятельности политических партий и общественных движений;
- 6) военное волонтерство означает добровольное участие в военных действиях, которые могут вестись как на территории страны, так и за ее пределами;
- 7) религиозное волонтерство распространено среди верующих и направлено на привлечение новых сторонников религии и т. д. [1, с. 17–18].

История российского и мирового добровольчества показывает, что участие в волонтерской безвозмездной деятельности способствует усвоению духовно-нравственных и моральных ценностей, положительным переменам в личности, решает задачу формирования буду-

щей гражданской и патриотической позиции, способствует большей социализации индивидов.

Таким образом, волонтерское движение имеет определенную структуру, которая реализует не только благотворительную деятельность, но и достаточно большой спектр общественно полезной деятельности без денежного вознаграждения. Социальная значимость волонтерства выражается в функционировании его в качестве социального института, направленного на организацию общественной активности людей. Его социальная полезность, выражающаяся в оказании определенной помощи, определяется возрастанием потребности населения в повышении качества жизни и услуг в сфере социальной защиты, а также повышенным потенциалом волонтерской деятельности.

Библиографический список

1. Зборовский Г. Е. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник Перм. нац. исслед. политех. ун-та. 2017. № 3.
2. Певная М. В. Волонтерство как социологическая проблема // Вестник Уральского фед. ун-та им. Б. Н. Ельцина. 2013. № 2.
3. Певная М. В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики : монография. Екатеринбург, 2016.
4. Луговая Е. А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России : автореф. дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2012.
5. Барсамова А. А. Ресурсы российского добровольческого движения: анализ. докл. по результатам исслед. фонда «Общественное мнение» 2012–2013 гг. М., 2013.
6. Саралиева З. Х. Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии. М., 2016.

Е. В. Литягин (Горно-Алтайск)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И БОРЬБЫ С НАРКОТИЗАЦИЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Проблема наркотизации населения и разработка эффективных мер противодействия распространению наркотической зависимости актуальна в современной России. В этой связи сотрудниками научно-исследовательской социологической лаборатории ГАГУ в октябре 2017 г. было проведено исследование общественного мнения жителей Республики Алтай. Выборочная совокупность была сформирована на основе статистических данных по полу, возрасту, сфере заня-

тости, а погрешность при сборе социальной информации не превысила допустимые 3%, что является показателем репрезентативности и достоверности данного исследования.

В ходе социологического исследования было выявлено, что среди наиболее острых проблем, существующих в Республике Алтай, по мнению опрошенных, лидируют такие: безработица, качество дорог, алкоголизм, качество медицинского обслуживания, состояние жилищно-коммунальной сферы. Наркомания по степени значимости занимает в данном рейтинге «острых» проблем лишь 8-е место. Только 23,2% опрошенных включили наркоманию в эту категорию. Наряду с отмеченными выше проблемами были названы также бедность (маленькие зарплаты, низкие пенсии), недостаток мест в детских садах, высокие цены, качество образования и другие.

Анализ ценностных установок респондентов выявил пять наиболее значимых приоритетов: здоровье, счастливая семейная жизнь, материальное благополучие, друзья, интересная работа. При этом абсолютным лидером выступает ценность здоровья (76%). Наименее значимыми ценностями оказались: творчество, познание, счастье других и общественное признание.

Исходя из выявленных в проведенном исследовании основных причин распространения наркомании («моральная деградация общества, вседозволенность»; «неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие», «безработица, экономические проблемы» и «излишняя свобода, отсутствие организованного досуга») необходимо разработать стратегию профилактики и борьбы с наркотизацией населения по следующим направлениям:

идеологическая работа — формирование морально-нравственных идеалов, культивирование социально позитивных ценностей в общественном сознании посредством институтов социализации: системы образования и культуры, семьи, СМИ;

социальная работа — организация бесплатных, общедоступных клубов, кружков, сообществ, движений, связанных с продуктивной, полезной творческой деятельностью (организация досуга, связанная с общественно-полезным времяпрепровождением, существовала в бытность СССР. Представляется весьма полезным изучение советского опыта организации досуга и при определенной модернизации лучших форм использования в современной практике);

правоохранительная работа — хотя влияние наркобизнеса и доступность наркотиков находится на 5-м месте по степени важности причин распространения наркомании (30,2%), а значение «плохой работы правоохранительных органов» подчеркнули лишь 18,2% опро-

шенных, все же респонденты при выборе мер противодействия распространению наркомании высоко оценивают значение профилактических мероприятий и ужесточение контроля, пресечение и наказание за распространение наркотиков.

Необходимо сконцентрировать профилактическую работу именно с молодежью (во всех учебных заведениях, центрах дополнительного образования, спортивных секциях, кружках, клубах, дискотеках и т. п.), а именно: увеличить количество спортивных, культурных и развлекательных центров (спортивные клубы, кинотеатры, бассейн, аквапарк, выставочные центры, клубы по интересам и т. д.), активизировать информированность респондентов о законодательной ответственности в Российской Федерации за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ.

Для решения проблем наркотизации необходимо в первую очередь ужесточить наказание за наркопреступления, активизировать работу с молодежью, принудительно лечить наркоманов, организовать систематическую профессиональную работу специалистов в области профилактики наркозависимости, повысить доступность помощи психологов, психотерапевтов.

Необходимо увеличить количество наиболее эффективных мероприятий профилактики наркомании: физкультурные и спортивные мероприятия, выступления бывших наркоманов, лекции и беседы в учебных заведениях.

Повысить эффективность таких мероприятий, как беседы специалистов-наркологов с родителями учащихся, студентов; тематические программы и фильмы на телевидении; антинаркотическая реклама на телевидении, радио, в прессе; выступления в СМИ известных авторитетных людей, медиков, сотрудников наркоконтроля.

Пересмотреть формат и содержание публикаций в Интернете, специализированных сайтов, специальных буклетов и брошюр о вреде наркотиков, статей в прессе.

Н. В. Лихошерстова (Барнаул)

АБОРТ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

На протяжении многих веков искусственное прерывание беременности было незаконным, а аборт часто приводил к потере здоровья и даже смерти матери. Было два способа избавиться от ребенка:

ядовитые травы и механическое воздействие, приводившее к выкидышу. Если ребенок все-таки родился, но был нежелателен, то его умерщвляли. Поэтому искусственное прерывание беременности было менее распространено, чем убийство детей.

Первым государством, легализовавшим аборт на своей территории, стала РСФСР в 1920 г. [1, с. 681]. В настоящее время более чем в 50 странах легализовано искусственное прерывание беременности, но существует ряд ограничений на ее разрешение. Иногда прерывание беременности допускается только в особых случаях. В странах, где аборт считается преступным деянием, регулярно проводятся кампании по борьбе с искусственным прерыванием беременности. В ходе многочисленных исследований было установлено, что ограничение прав человека усугубляет проблемы и последствия аборт [2, с. 20–22].

В течение долгого времени и молодые, и пожилые люди были обеспокоены проблемой искусственного прерывания беременности и ее влиянием на общество. Исследования социологов показали, что аборт делается по нескольким причинам. Наиболее распространенная и очевидная — предотвращение нежелательной беременности.

Последствия искусственного прерывания беременности для семьи и общества являются вторичными. К первичным последствиям можно отнести повышенную вероятность развода или раздельного проживания, изнасилование, низкий материальный уровень и неустойчивое психическое здоровье, неправильный выбор партнера. Тем не менее аборт является результатом отношений, и если искусственное прерывание беременности воспринимается партнерами как травматическая ситуация, это может послужить причиной распада семьи.

Трансформация института семьи обусловлена более глубокими социальными процессами, связанными с изменениями во всех сферах жизни общества. Благодаря легализации искусственного прерывания беременности и широкому применению методов предупреждения нежелательной беременности в обществе изменился подход к значимости рождения детей.

Отношение к искусственному прерыванию беременности обуславливалось прежде всего нравственными нормами и традициями общества, условиями жизни семьи. Одной из причин искусственного прерывания беременности является несовершенство законодательства об охране здоровья граждан. Меры поддержки семей с детьми в основном направлены на поддержку беременности и родов, дальнейшая же помощь семьям с детьми практически отсутствует. Если рождение ребенка ожидается у относительно здоровой семейной пары,

они могут прервать беременность вследствие низкого материального уровня, многодетности, занятости на работе.

Помимо многочисленных медицинских причин, для подростков и молодых девушек беременность нежелательна больше из-за психологических проблем, таких как страх, стыд, боязнь родителей, ответственность за беременность. Из психологических признаков, так или иначе влияющих на отношение женщин к искусственному прерыванию беременности, можно выделить возраст женщины, желание в будущем иметь детей или приверженность идеям чайлдфри [3, с. 134–136], религиозные взгляды, эмоциональные особенности характера человека, его умение нести ответственность и принимать обдуманные решения. Социологический опрос показывает, что большинство женщин отрицательно относятся к аборту и считают, что ребенок в утробе матери — это развивающийся живой человек на любом сроке беременности [4, с. 68]. Несмотря на хорошо сформированные представления молодежи об их праве на искусственное прерывание беременности, его приемлемых причинах и возможных последствиях, остаются нераскрытые темы, в отношении которых многие не имеют сформированного мнения.

Таким образом, для решения проблемы сокращения числа абортов, особенно среди молодого поколения, государству необходимо рассмотреть ряд более действенных мер [5, с. 122]. Реализация социальных программ государственной поддержки материнства и детства, а также внедрение системы образовательных программ по половому воспитанию и просвещению подрастающего поколения позволят ситуации с проблемой искусственного прерывания беременности в стране сдвинуться в лучшую сторону.

Библиографический список

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/42778>.
2. Останькович Ж. И. Отношение женщин к проблемам искусственного прерывания беременности // Молодой ученый. 2017. № 17.
3. Никифорова А. И. Социальный феномен чайлдфри // Современные вызовы региональному социуму. Барнаул, 2018.
4. Семеник Д. Г. Делать ли аборт? М., 2017.
5. Жуков В. И. Законодательство об абортах: мировые тренды и национальные интересы [Электронный ресурс]. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2018/2018_3/Zhukov.pdf.

И. С. Максимов (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ГИБДД И ГРАЖДАН ВО ВРЕМЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

На протяжении всей истории правоохранительные органы являлись ведущим звеном в обеспечении общественного порядка государства. Еще в 1718 г. была создана организация, отвечающая за охрану общественного порядка, именуемая полицией, которая отвечала за безопасность внутри государства [1, с. 307–308]. Посредством глобализации и роста инфраструктуры полиция начала делиться на отдельные подразделения, которые отвечали за свою сферу деятельности. Исключением не стала и Государственная автомобильная инспекция, сегодняшняя Государственная инспекция безопасности дорожного движения (далее — ГИБДД). Сегодня задачами ГИБДД являются не только профилактика нарушений правил дорожного движения (далее — ПДД), но также пресечение преступлений и административных правонарушений. В связи с огромным ростом транспортных средств на территории Российской Федерации ГИБДД все чаще обращается за помощью к гражданам и общественным объединениям с целью привлечения последних к профилактике нарушений ПДД.

Согласно требованиям ст. 10 Федерального Закона «О полиции», «полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами» [2]. Особый порядок взаимодействия с правоохранительными органами граждан и различных общественных организаций устанавливается Федеральным Законом «Об участии граждан в охране общественного порядка» [3]. Данным нормативно-правовым актом предусмотрено участие граждан и общественных организаций в обеспечении общественного порядка, а также регламентированы условия, которым должны соответствовать категории граждан, вступивших в ряды общественных организаций. Нельзя не отметить и тот факт, что общественные организации правоохранительной направленности возникают на территории, которая определяется представительным органом соответствующего муниципально-образованного образования и в дальнейшем именуется народной дружиной [3].

В случае соответствия общественные объединения в установленном порядке заносятся в реестр как организация правоохранительной направленности, только после этого они могут приступать к вы-

полнению обязанностей, связанных с обеспечением охраны общественного порядка. Внесение в реестр гарантирует участникам народной дружины материальное стимулирование и льготы, а также страховую компенсацию в случае получения травм при осуществлении деятельности, связанной с охраной общественного порядка. Однако граждане не допускаются к охране общественного порядка, если заведомо известно, что какая-либо деятельность по охране общественного порядка может нести угрозу их жизни и здоровью. Народные дружинники вправе отказаться от выполнения возложенных на них обязанностей, если внезапно возникла угроза их жизни и здоровью. Права народных дружинников обширны, в них входит масса обязанностей, связанных не только с содействием правоохранительным органам, но и проведением акций, которые пропагандируют деятельность сотрудников полиции.

Проблема привлечения граждан к охране общественного порядка всегда была актуальной. Невозможно построить четкую структуру народной дружины, не воспитав в каждом ее участнике активную жизненную и общественную позицию. Подразумевается несколько факторов морально-психологического восприятия кандидатов, вступающих в ряды народной дружины: это прежде всего нравственность, беспристрастность, мотивированность и патриотизм. Данные факторы гарантируют добросовестное выполнение обязанностей. Необходимо отметить, что конструкция шаблона добровольного помощника весьма обширна. Каждый из добровольных помощников самостоятельно выбирает для себя род деятельности. Помощь правоохранительным органам оказывается не только при проведении культурно-массовых или спортивных мероприятий, но и в виде сбора и анализа данных о правонарушениях, в том числе работа в социальных сетях [4, 23–24].

Деятельность сотрудников ГИБДД в большинстве случаев публична, и привлечение народных дружинников не может ни сказаться на положительной тенденции в формировании тесного взаимодействия с социальной средой. Наиболее распространенным и безопасным видом привлечения народных дружинников к деятельности подразделений ГИБДД является перекрытие дорог и улиц при проведении культурно-массовых мероприятий. В 2018 г. произошло массовое реформирование подразделений ГИБДД, по результатам которого численность сотрудников ГИБДД резко уменьшилась и нехватка кадров очень сильно сказалась на деятельности подразделений ГИБДД. Фактически при перекрытии улиц и дорог при проведении культурно-массовых мероприятий дружинники выполняют ответственные

функции по информированию населения о предстоящих событиях, участвуют в регулировании общественного порядка.

Немаловажную роль дружинники выполняют при организации специальных мероприятий, направленных на выявление и пресечение злостных административных правонарушений и преступлений. Тесное взаимодействие с правоохранительными органами осуществляется на максимально безопасных условиях, каждая деталь последовательно оговаривается. Присутствует четкий план действий народных дружинников. Дружинники по собственной инициативе привлекаются на личном автотранспорте, организуют скрытое несение службы совместно с экипажами ГИБДД. При совместной работе с народными дружинниками значительно повышается коэффициент пресечения злостных административных правонарушений, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения. Добровольные помощники положительно пропагандируют деятельность правоохранительных органов в социальных сетях, тем самым добиваясь привлечения внимания общества к существующим проблемам.

В связи с тем что работа правоохранительной направленности очень опасна, народные помощники не всегда бывают готовы предотвратить вовремя нарушение законности и при этом не навредить себе. Тем не менее в современном мире невозможно сосуществовать без какой-либо поддержки, и помощь таких людей бесценна. В результате необходимо организовывать специальные подготовительные курсы для кандидатов в народные помощники, чтобы обеспечить приобретение ими навыков в определенных ситуациях, связанных с помощью правоохранительным органам.

Библиографический список

1. Лосев А. Н., Новиков С. В. Добровольные народные дружины как фактор воспитания социально активной личности // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2014. Т. 9. № 12.
2. О полиции : Закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konsultantplus.ru>.
3. Об участии граждан в охране общественного порядка : Закон Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konsultantplus.ru>.
4. Новиков С. В. Добровольные помощники полиции: мировой опыт и российская реальность // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2016. Вып. 1 (5).

Е. А. Меркетова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Понятия дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, определены Федеральным законом «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Дети-сироты — лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель. Дети, оставшиеся без попечения родителей, — лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах и др. Лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, — лица в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель, а также которые остались без попечения единственного или обоих родителей и имеют в соответствии с настоящим Федеральным законом право на дополнительные гарантии по социальной поддержке [1].

Согласно своему правовому статусу дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, до 18 лет находятся под опекой учреждения, в котором пребывают, затем переходят в иные социальные институты и организации, прежде всего профессионального образования. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, чаще всего до поступления в учреждения профессионального образования проживали в детских домах или домах интернатного типа. А ребенок, живущий в детском доме, отличается от ребенка, живущего с родителями, во-первых, тем, что у него выше риск психоэмоциональных перегрузок, во-вторых, он социально дезадаптирован [2].

Выпускники учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сталкиваются с большими сложностями, когда вступают во взрослую жизнь. К наиболее распространенным проблемам относятся: организация быта, досуга, питания, обеспечение жильем, взаимодействие с социумом. Вхождение в самостоятельную жизнь становится переломным моментом, от которого зависит их дальнейшая судьба и профессиональная карьера. Большое зна-

чение для формирования личности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют стремления, желания, надежды, т. е. отношение к своему будущему. Однако, как показывает практика, для них характерно жить сегодняшним днем, важны ближайшие конкретные планы, а не отдаленное будущее. Если же перспективные планы и намечаются, то они не заполнены реальным содержанием.

Неуверенность в себе, низкая самооценка приводят к тому, что они не ориентированы на совершенствование своего образовательного уровня, на приобретение профессии, зачастую не знают, что для этого необходимо делать. Они рассчитывают на общество, государство и других попечителей. В результате у них формируется боязнь внешнего мира, недоверие к нему [3]. В обществе существует множество стереотипов в отношении данной категории, суть которых в том, что для таких детей характерно асоциальное поведение, обусловленное их генетикой и особенностями происхождения. В отношении этих молодых людей общество имеет негативные ожидания, основанные на предубеждениях, рисующих их необразованными, неопрятными, склонными к криминалу. Такое отношение социума в дальнейшем приведет к тому, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, будут действовать в соответствии с ожиданиями общества, вести аморальный образ жизни.

Одной из приоритетных задач для успешной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является совершенствование системы работы специалистов организаций. Социальная адаптация лиц данной категории в условиях учреждения среднего профессионального образования заключается в социализации студента. Социализация — совокупность социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает сумму знаний, норм, ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноценного члена общества. Среднее профессиональное образование реализует иную цель и форму социализации. С одной стороны, это адаптация на более высоком уровне к новой вещно-производственной и информационной среде, где требуются специальные знания и навыки, приобретаемые в процессе профессионального образования. С другой стороны, это также развитие творческих способностей, подготовка к управленческой и инновационной деятельности в производственной и социальной сфере [4].

Образовательная среда среднего профессионального образования характеризуется двумя показателями: ресурсным потенциалом и способами организации. Но не всякая образовательная среда способствует успешному протеканию процесса социальной адаптации,

социально-личностному и культурному росту студента из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Адаптация будет успешной только в такой среде, где социокультурное содержание превращается в средство и содержание образования. Адаптацию можно рассмотреть через сопровождение студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как совокупность социально-педагогических и психолого-педагогических процессов становления их личности.

Основное содержание социальной работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, заключается в защите их прав, контроле за условиями их содержания, социальной реабилитации и адаптации, помощи в трудоустройстве и обеспечении жильем. Реализация всех этих задач возложена на социальную психологическую службу учреждений [5]. Согласно определению Л. Я. Олиференко, социально-педагогическая поддержка — это особый вид социально-педагогической деятельности по оказанию помощи, которая заключается в том, что профессионально подготовленные люди выявляют, определяют и разрешают проблемы ребенка, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. Категория детей, лишенных родительской опеки, нуждается не просто в помощи окружающих, а именно специально организованной социально-педагогической помощи [6].

Социально-педагогическая и психологическая поддержка в совокупном единстве всех своих сторон представляет собой деятельность, направленную на оказание превентивной и оперативной помощи студентам-сиротам в решении их проблем в среде жизнедеятельности. В структуре поддержки можно выделить социальную, психологическую и педагогическую составляющие. Социальная составляющая связана с соблюдением социальных гарантий студентов-сирот, предусмотренных законодательными актами. Психологическая включает в себя психодиагностику, психопрофилактику и психокоррекцию студентов-сирот. Педагогическая составляющая предполагает деятельность по созданию условий для самореализации в ходе профессионализации и педагогическую коррекцию данного процесса. Основными формами и методами социально-педагогической поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются: консультация, игровые занятия, коррекционные и информационные занятия и др.

Таким образом, социально-педагогическая поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях учреждения среднего профессионального образования представляет собой

комплексную работу социального педагога, педагога-психолога, кураторов групп, преподавателей, которая направлена на помощь студентам указанной категории в успешной реализации себя во взрослой жизни, в поиске своего места в ней. Актуальной задачей социально-педагогической поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, становится не только обеспечение разностороннего развития личности студентов, их профессиональная подготовка, но и создание условий для полноценного обогащения социального опыта и адаптации в обществе.

Библиографический список

1. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Дружинина А. А. Основные направления социально-педагогической работы по формированию самостоятельности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-napravleniya-sotsialno-pedagogicheskoy-raboty-po-formirovaniyu-samostoyatelnosti-detey-sirot-i-detey-ostavshih-sya-bez>.

3. Кварталова Д. Н. Социально-педагогическая деятельность по адаптации детей-сирот в условиях среднего профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.informio.ru/publications/id3116/Socialno-pedagogicheskaja-deyatelnost-po-adaptacii-detei-sirot-v-usloviyah-srednego-professionalnogo-obrazovaniija>.

4. Лейниш Т. Л. Организация социально-педагогической поддержки детей-сирот в профессиональной образовательной организации [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/organizatsiya-sotsialno-pedagogicheskoy-podderzhki-detey-sirot-v-professionalnoy-obrazovatelnoy-organizatsii>.

5. Майданова Т. В. Опыт социально-педагогической поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/opyt-sotsialno-pedagogicheskoy-podderzhki-detey-sirot-i-detey-ostavshih-sya-bez-porecheniya-roditeley>.

6. Микелевич Е. Б. Особенности социализации студентов-сирот в образовательном пространстве университета [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-sotsializatsii-studentov-sirot-v-obrazovatelnom-prostranstve-universiteta>.

Х. А. Назарова (Томск)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ СРЕДЫ МАЛОГО БИЗНЕСА

Научный руководитель — С. В. Негруль

В настоящее время в России предприятия малого бизнеса зачастую пребывают в условиях нестабильной внешней среды и, как правило, характеризуются еще «слабой» (низкой) организационной культурой [1]. Отсюда следуют неполное осознание целей организации, небрежность в использовании такого ресурса, как человеческие отношения в интересах сплочения коллектива, а также несущественность действий руководителей фирмы, нацеленных на формирование и стабилизацию высокого качества жизни работников. Исходя из этого, работники предприятий могут находиться под неким давлением, поэтому изучение их неформальных практик особенно важно для понимания сущности сложившейся структуры социально-трудовых отношений [2, с. 128–134].

Неформальные практики — это негласные действия, которые работники предпринимают в разных условиях, чтобы достигнуть устойчивости, спокойствия и комфорта на рабочем месте. Чаще это индивидуальные способы приспособления, «выкручивания». Такие практики могут применяться по отношению к коллективу, к руководителю, к работе в целом и иметь разные характеристики. Отсюда вытекает вопрос: какие же неформальные практики выстраивают работники?

В качестве методологических ориентиров использованы постулаты активистского подхода, рассматриваемого В. А. Ядовым, Э. Гидденсом, П. Бурдьё, где ключевое понятие — субъект (актор) — всегда действующий индивид. Социальные практики, которые он выстраивает, могут быть как целесообразными действиями, которые направлены на изменение окружающих условий, так и повседневными действиями, привычными поступками. Негласные действия, которые предпринимает акторы в разных условиях, исходя из того, какими социальными ресурсами они обладают, стоит назвать неформальными практиками. Социальные ресурсы позволяют индивидам получать социальные преимущества. Позиция любого индивида, группы или института в социальном пространстве может быть охарактеризована с помощью двух координат: это общий объем ресурсов и соотношение их разных видов. Но также стоит отметить, что активистский подход не отрицает воздействия социальной структуры, т. е., с одной

стороны, на субъект влияют объективные социально-экономические закономерности, а с другой стороны — сам субъект строит социальную действительность.

В исследовании участвовали сотрудники малого предприятия ИП Кириленко в городе Томске. Это предприятие специализируется на розничной торговле (флористика). Розничная торговля в малом бизнесе занимает лидирующее положение, это самый распространенный вид деятельности в числе малых предприятий. Более 30% организаций малого бизнеса в России имеют такую специфику [3]. Данное предприятие является типичным для своего сегмента деятельности, характеризуется многофункциональностью руководителя, неправовыми практиками управления (что способствует формальной незащищенности работников), низкой организационной культурой из-за недостаточно определенных формальных норм в организации, конкретных обязанностей сотрудников и прочего. С помощью неформализованного интервью опрошены восемь сотрудников. Информанты были выбраны с помощью отбора типичных случаев.

В ходе анализа мы выделили множество неформальных практик. С одной стороны, они все разные и непохожие друг на друга, но с другой стороны, среди них можно выделить определенные типы, которые могут иметь общую характеристику. А также мы можем их объединить, исходя из причин их формирования, из того, насколько они распространены, сколько лиц принимают в них участие и т. д.

Были выделены такие неформальные практики, как **имитационные**. Эти практики присутствуют в условиях, когда сотрудник предприятия не отличается высокой ответственностью в работе. С помощью таких практик сотрудники играют роль хороших работников, делают видимость того, что выполняют задачи, но на самом деле их деятельность никак не отражается на результатах. Такие практики, как правило, отличаются индивидуализмом, т. е. работник, выстраивая их, фигурирует обособленно от своего коллектива. Работник способен выстраивать имитационные практики тогда, когда он не имеет зависимости от работы (у него есть некий ресурс, позволяющий ему в любой момент покинуть рабочее место, если потребует ситуация). Такие сотрудники относятся к работе со спокойствием, они удовлетворены своим положением и не стараются добиться успехов.

Но благодаря своей демонстрации работник получает такой ресурс, как положительное отношение со стороны руководства. Пользуясь этим, он начинает выстраивать практики по отношению к руководству, которые были бы ему максимально полезны. Такие практики можно назвать **договорными**, например, просьбы об отгулах,

отпуске в определенное время и тому подобные. Договорные практики также характеризуются индивидуализмом и не несут в себе неправовой характер.

Отдельно от договорных практик стоит выделить *патерналистские*. Отличие заключается в том, что если в первом случае по факту работник ничего не дает своему руководителю, но при этом получает выгоду от него, вводя в заблуждение, то во втором случае работник действительно выкладывается в работе по максимуму, тем самым получая заработную плату выше, например, чем у других сотрудников, и не наталкивается на санкции. Такая практика также формируется благодаря такому ресурсу, как положительное и доверительное отношение руководства, но это отношение складывается не только из качественно проделанной работы, но и из других неформальных практик, например, *разоблаченных*.

Практика разоблачения наблюдается со стороны работников, которые очень ответственно подходят к обязанностям. Наблюдая, как другие не выполняют поручений начальства, сотрудник, взаимодействуя с руководителем, может жаловаться на коллектив, тем самым «сдавать» своих коллег, рассказывая, кто и как работает. Данная практика характеризуется как нетипичная, крайняя, но является взаимовыгодной для руководителя и сотрудника. Можно предположить, что этот редкий случай также может возникнуть из-за отсутствия такого ресурса, как поддержка со стороны коллектива.

Затрагивая коллектив, стоит отметить, что на предприятиях малого бизнеса типичным явлением представляется такая неформальная практика, как *солидаристская*. Эта практика возникает между сотрудниками, исходя из взаимовыручки, взаимоподдержки в работе. Данная практика носит в себе коллективистский характер. Она проявляется независимо от того, удовлетворен сотрудник работой или нет. Нужно отметить, что такая практика, вероятно, возникает в небольшом коллективе, чем и характеризуется малый бизнес.

Зачастую сотрудники не имеют ресурсов, которые бы способствовали их независимости от работы, т. е. они устроены из необходимости обеспечить себя. При этом они могут быть неудовлетворены условиями труда. Из-за этого могут формироваться *уклоненческие* практики, при которых сотрудники намеренно избегают работы. Данные практики характеризуются растягиванием времени или же простым увиливанием от работы. Практики уклонения способствуют ухудшению работы организации.

Еще нужно затронуть практику, которая может приводить к уменьшению прибыли организации, — это так называемая *присвоенче-*

ская практика. Она зачастую возникает из-за того, что сотрудник испытывает чувство несправедливости по отношению к себе (нарушаются его права, применяются штрафные санкции). А обладая таким ресурсом, как «свобода действия», сотрудник имеет выбор: «отомстить» руководителю за санкции по отношению к себе или нет (например, забрать рабочий инвентарь домой). Эта практика затрагивает правовые нормы, что может способствовать их размыванию в сознании работника.

В завершение нужно сказать, что с помощью описания и анализа данных были выявлены смыслы, обосновывающие выбор неформальных практик работниками. Сотрудники строят определенные неформальные практики, исходя из того, в каких условиях они работают и как они эти условия воспринимают. Они могут быть как удовлетворены своим положением в организации, так и неудовлетворены. Также неформальные практики выстраиваются, исходя из того, какими ресурсами обладает работник, эти ресурсы могут быть материальными и нематериальными. И нужно отметить, что одни неформальные практики могут способствовать приобретению неких ресурсов, которые провоцируют другие неформальные практики.

Во время работы были выделены конкретные практики работников. И в ходе анализа неформальные практики были разделены по типам, которые имели общие характеристики: имитационные практики, договорные, патерналистские, разоблаченческие, солидаристские, уклоненческие, присвоенческие. Следует отметить, что партнерских практик с руководителем не было обнаружено, а патерналистские оказались несколько видоизмененными. Подтверждено, что неформальные практики работников можно разделять: практики по отношению к руководителю, по отношению к коллективу, а также по отношению к работе. Также можно выделять практики как типичные, так и крайние, коллективистские и индивидуалистические, правовые и неправовые, позитивные и негативные.

Библиографический список

1. Ганулич М. А. Организационная культура предприятий малого бизнеса в условиях изменяющейся внутренней и внешней среды : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2004.
2. Запорожец О. Игра в рынок: диспозиция сил (формальные и неформальные практики адаптации индивидов к новой экономической среде) // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования / под ред. И. Б. Олимпиаевой. СПб., 2003.

3. Россия в цифрах. 2017 : крат. стат. сб. / под. ред. А. Е. Суринова. М., 2017.

Е. С. Недосекова (Барнаул)

ПЯТАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ: УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научный руководитель — О. Н. Замятина

Вопрос эмиграции в России всегда стоял особенно остро по сравнению с другими странами. Поскольку из России на протяжении многих лет выезжают на постоянное жительство за границу одни из самых талантливых и образованных граждан. В данной работе мы решили изучить, какие тенденции наблюдаются в пятой волне эмиграции, какие эмиграционные настроения преобладают у россиян на современном этапе. Данная тема достаточно актуальна для современной России, поскольку проблема эмиграции «лучших умов» сохранилась с прошлого столетия. Для того чтобы можно было наметить пути ее решения, нужно сначала проанализировать, что происходит в обществе сегодня.

Эмиграция — «переезд граждан из своей страны в другую на постоянное место жительства или на определенный срок по различным причинам». Последние могут быть самыми разными, но смысл у этих причин всегда один — «в стране, которую покидает население, условия и/или перспективы жизни в той или иной степени хуже, чем в принимающей стране». Поскольку люди стремятся к лучшей жизни, то страна, в которой растут эмиграционные потоки населения, должна признавать, что возможности для жизни и развития граждан на ее территории находятся не на должном уровне и уступают принимающим этих граждан странам. То есть анализ эмиграционной ситуации позволяет судить о ситуации в государстве в целом [1, с. 101]. Поэтому мы решили проследить, как изменились эмиграционные стремления населения России в пятой волне эмиграции (с 2010 г. по настоящее время) в целом и какие эмиграционные настроения преобладают на сегодняшний день.

Так, по итогам социологического опроса 2011 г. на вопрос о желании уехать за границу (за пределы бывшего СССР) на постоянное жительство «определенно да» ответили 7%, «определенно нет» — 48%. В 2017 г. эти показатели составили: 3% («определенно да») и 56% («определенно нет»). Вариант ответа «никогда не думал об этом» (т. е. о переезде на постоянное жительство за границу) в 2011 г. вы-

брали 69% респондентов, а в 2017 г. процент никогда не задумывавшихся об эмиграции за границу вырос до 74, вариант ответа «иногда подумываю над этим» в 2011 г. выбрали 21%, а в 2017 г. — 16% [2].

То есть желание постоянно проживать за границей у россиян снизилось, существенно возрос отрицательный настрой по данному вопросу. Возможно, это связано с внешнеполитической ситуацией на Западе, с ухудшением отношений европейских стран с Россией. Эксперты ВЦИОМ отмечают, что «все больше людей довольны жизнью в России, а миграционные законы других государств становятся жестче». Возможно, именно по этой причине большая часть российских граждан не стремится уехать жить в другую страну, а предпочитает оставаться в своем государстве. Это подтверждает и исследование ВЦИОМ. По данным опроса в 2018 г., 88% россиян изъявили желание остаться в своей стране [3].

Аналитики «Левада-центра» говорят о том, что спад антироссийских настроений связан с событиями вокруг Украины и с одобрением внутреннего политического строя на фоне противостояния России с внешним миром [4].

Несмотря на это, часть россиян все же надеется на лучшую жизнь за рубежом. В 2014 г. число российских эмигрантов превысило 308 тыс. человек, что в восемь раз превышает число эмигрировавших из России в 2011 г. (37 тыс. человек) [5, с. 500]. Лидером по числу прибывших мигрантов из России является США, далее Канада, страны ЕС, Турция, Китай, Израиль, Австралия, Республика Корея, Япония, страны Южной Америки и Ближнего Востока [1, с. 109].

Исследователи выделяют следующие группы, которые в пятой волне эмиграции из России преобладают по численности: рантье, невесты и женихи, предприниматели, представители крупного бизнеса, ученые, высококвалифицированные специалисты и учащиеся. Ну и, соответственно, каждый из них преследует свои цели от выезда за границу. Для рантье это приобретение, аренда недвижимости, инвестирование. Женихи и невесты стремятся к заключению брака в принимающей стране. Представителям бизнеса выгоднее инвестировать в экономику той или иной страны. Ученые стремятся к успешному трудоустройству в научных, исследовательских центрах, университетах, к более высокой заработной плате и лучшим возможностям для карьерного роста. Ну и учащиеся поступают в учебные заведения в других странах [1, с. 109].

Так, экономически развитые принимающие страны используют селективный подход и «вымывают» ценные человеческие ресурсы из России — образованных, деятельных, энергичных молодых лю-

дей в возрасте до 35 лет. По данным социологических опросов, названную социальную группу не устраивают экономическое положение дел в России, ситуация в социальной сфере и отсутствие хотя бы каких-то признаков, которые могли бы изменить положение нашей страны в лучшую сторону [1, с. 109–110].

В 2012 г. эмиграция высококвалифицированных специалистов за границу составила 47%. При этом возросла численность кандидатов и докторов наук, эмигрировавших из России. Если в 2003 г. их было 63 человека, то в 2012 г. их число достигло 234 человек [5, с. 504].

Всероссийский опрос, проведенный ВЦИОМ 14 августа 2014 г., показал, что эмиграционные настроения преобладают в молодежной среде (от 18 до 24 лет). Причиной этому является несоответствие спроса на рынке труда и существующих предложений. Учебные заведения выпускают специалистов, которых рынок не требует. В результате, не найдя работу в России, наиболее грамотные и энергичные специалисты отправляются туда, где их знания и энтузиазм пригодятся и окупятся сполна. В наиболее развитых странах очень ценят наших специалистов и считают, что «заполучить советского (или теперь уже российского) специалиста — значит обеспечить успех фирмы» [6, с. 315–318].

Таким образом, на данный момент большая часть российских граждан либо не настроена уезжать из нашей страны, либо никогда не задумывалась над этим вопросом. Получается, что россияне на сегодняшний день стали лояльнее к ситуации в стране, что, возможно, проявляется из-за мировых санкций в отношении нашего государства, да и в целом отрицательных настроений к нам, что поднимает патриотический настрой граждан Российской Федерации. Также данная тенденция может быть связана с тем, что на фоне событий на Украине внутригосударственные проблемы в России людям кажутся не такими шокирующими. Но, несмотря на позитивные настроения в российском обществе, все же существенная доля россиян эмигрирует в более развитые страны (пик эмигрировавших пришелся на 2014 г.). На это у каждой социальной группы есть субъективные причины. Стоит отметить, что в основном выезжают на постоянное жительство за рубеж представители таких возрастных групп: 18 лет — 24 года и 25–35 лет. Причем большинство из них являются высокообразованными, квалифицированными специалистами.

Библиографический список

1. Воробьева О. Д., Алешковский И. А., Гребенюк А. А. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв. // Век глобализации. 2017. № 4.

2. Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады). Эмиграционные настроения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/19/emigratsionnye-nastroeniya-2/>.

3. ВЦИОМ. Известия: Россияне отреклись от заграницы [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9190>.

4. Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады). Меньшинство на выезд [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2014/06/06/menshinstvo-na-vyezd/>.

5. Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. № 2.

6. Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6.

М. В. Плотникова (Барнаул)

СОПРОВОЖДАЕМОЕ ПРОЖИВАНИЕ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПОДРОСТКОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Научный руководитель — О. Н. Колесникова

Неприспособленность к независимой самостоятельной жизни — серьезная социальная проблема, с которой сталкиваются во взрослой жизни дети-инвалиды. В России, по данным Федеральной службы государственной статистики, количество инвалидов на начало 2018 г. составляет 12 111 000 человек, из них 656 000 — дети-инвалиды [1]. Наличие в социальной структуре общества такой доли детей-инвалидов, а также тенденция к инвалидизации населения определяет социальную работу с данной категорией одним из приоритетов в системе социальной защиты населения, вследствие этого возникает необходимость в совершенствовании системы оказания им социальных услуг.

Во многих зарубежных странах проблема включения людей с инвалидностью в социум активно решается путем развития системы социального обслуживания, внедрения новых подходов к организации их проживания и трудоустройства, обеспечения возможностей для проведения досуга и общения. Одним из таких новых подходов к проживанию инвалидов относится сопровождаемое проживание. На данный момент в России назрела острая необходимость в сопровождаемом проживании подростков с инва-

лидностью. Именно сопровождаемое проживание позволит обрести максимально возможную независимость в рамках удовлетворения основных жизненных потребностей, овладеть необходимыми умениями, позволяющими обслуживать себя без посторонней помощи людям с инвалидностью, реализовывать свои равные права жить в обычных местах своего проживания и быть включенными в местное сообщество.

Сопровождаемое проживание — это комплекс услуг, обеспечивающих максимально возможную самостоятельность проживания вне стационарных учреждений гражданам, которые нуждаются в существенной посторонней помощи. Услуги оказываются на основе принципа сопровождения [2, с. 279–286]. Сопровождаемое проживание направлено на поддержку их максимально возможной самостоятельности в организации своего быта, досуга, взаимодействия и общения с другими людьми, а также на обеспечение необходимого ухода в условиях нестационарного проживания.

Получатели сопровождаемого проживания — лица, имеющие инвалидность, нуждающиеся в постоянной или временной посторонней помощи в связи частичной или полной утратой возможности самостоятельно себя обслуживать, передвигаться, общаться и решать другие вопросы жизнеобеспечения и социальной сопричастности вследствие нарушений интеллектуальной и (или) физической сфер человека [3, с. 77–80].

В России можно выделить два формата проживания: временное и постоянное. Временное предполагает две формы сопровождения — учебно-тренировочную и кризисную, предполагающие оказание помощи в ограниченном времени и пространстве. Постоянное сопровождаемое жизнеустройство существует также в разных вариантах, оно включает в себя: сопровождаемое общежитие с постоянно проживающим социальным работником; социальные деревни; проживание инвалида в собственном жилище при помощи приходящего социального работника; социальные квартиры постоянного проживания. На данный момент большой практический опыт по сопровождаемому проживанию накоплен в Пскове, Перми, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, во Владимире. Наиболее успешным является опыт Пскова. В 2005 г. была создана учебная квартира, целью которой стало формирование навыков самостоятельности в бытовой, социально-коммуникативной, досуговой деятельности. Продолжительность курса обучения составляла четыре месяца, после чего ребята возвращались домой к родителям. В связи с тревогой родителей о дальнейшее судьбе своих де-

тей было принято решение создать интеграционные мастерские, где семьи занимались не только досуговой деятельностью, но и обсуждали, у кого что получается и не получается дома, каковы перспективы. В июле 2013 г. были оборудованы две квартиры постоянного проживания. В квартирах проживают пять молодых людей и девушек с сопровождением, которое оказывают социальные работники и педагоги-психологи.

Сопровождаемое проживание для Алтайского края является инновационной технологией. На данный момент ведется активное перенятие опыта у коллег из Пскова и Владимира. На базе филиала Комплексного центра социального обслуживания населения города Барнаула в Ленинском районе ведется оборудование учебно-тренировочных квартир. На базе филиала в Железнодорожном районе открыта интеграционная мастерская полиграфии и фотографии, где подростки занимаются профориентационной работой, изготавливают печатную продукцию и создают короткометражные мультипликационные фильмы. В дальнейшем планируется создание социальных квартир для людей с инвалидностью.

Таким образом, сопровождаемое проживание как инновационная технология требует дальнейшего развития. В Алтайском крае заложено начало использования данной технологии, внедрение сопровождаемого жизнеустройства поможет людям с инвалидностью не только успешно социализироваться в общество, развить навыки коммуникативного общения, но и реализовать творческий потенциал.

Библиографический список

1. Уровень инвалидизации в Российской Федерации : Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/q7iuCS.
2. Романычев И. С. Модель сопровождаемого проживания инвалидов как альтернатива стационарному проживанию // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения : сборн. статей IV Междунар. науч.-практич. конфер. : в 3 ч. 2017.
3. Нестерова Т. Ф. Независимая жизнь инвалидов — взгляд в будущее // Ученые записки СПб. института психологии и соц. работы. 2008. Т. 10. № 2.

К. В. Поневин (Барнаул)

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ СИСТЕМЫ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УСЛОВИЙ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Научный руководитель — Т. В. Чуканова

Независимая оценка качества оказания услуг в социальной сфере — новация, появившаяся в России в 2013 г., на протяжении всего недолгого периода существования она переживает период улучшения и проработки своей методической и законодательной базы. Практически с каждым годом появляются новые законы и постановления, которые вносят какие-либо изменения в действующую систему независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере социального обслуживания.

Так, с 6 марта 2018 г. начал действовать Федеральный закон № 392 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы», который вносит множественные изменения в систему организации и проведения независимой оценки качества условий оказания услуг в социальной сфере [1].

Изменения начинаются с названия самой новации. Если раньше название звучало как: «независимая оценка качества оказания услуг организациями в сфере социального обслуживания», то теперь звучит так: «независимая оценка качества условий оказания услуг организациями в сфере социального обслуживания». С добавлением слова «условий» произошло уточнение и ограничение предмета независимой оценки. Теперь оценивается не качество оказания самих услуг, а именно условия оказания услуги.

Также изменению подверглись и критерии оценки. Теперь у общественных советов появляется сложность в возможности устанавливать дополнительные критерии оценки, помимо общих, установленных федеральным законом: так как в Федеральном законе № 392 про них ничего не сказано, следовательно, у данной возможности теперь нет нормативных оснований.

Общих критериев оценки тоже коснулся ряд изменений. Во-первых, изменились их конфигурация и акценты. Во-вторых, появился новый критерий «доступность услуг для инвалидов». Также теперь не нужно оценивать «компетентность» работников. А вместо критерия «удовлетворенность качеством оказания услуг», появился критерий «удовлетворенность условиями оказания услуг».

Также изменению подверглась деятельность советов по проведению независимой оценки качества. Изменился субъект формирования общественных советов, теперь это общественные палаты соответствующего уровня. Общая схема формирования совета выглядит следующим образом:

- 1) органы исполнительной власти направляют обращение в общественную палату своего уровня;
- 2) общественная палата в месячный срок формирует совет;
- 3) общественная палата информирует органы исполнительной власти о составе созданных при них советов.

Утверждение положения о совете остается в полномочиях соответствующего органа государственной власти или органа местного самоуправления.

В новом законе выделяются два вида организаций, из представителей которых должны формироваться общественные советы. Это «общественные организации, созданные в целях защиты прав и интересов граждан» и «общественные объединения инвалидов». Также установлен запрет на вхождение в состав советов представителей органов государственной власти и органов местного самоуправления, равно как и представителей любых организаций, осуществляющих деятельность в соответствующей сфере. И также исчезло требование о том, чтобы при формировании совета была исключена возможность возникновения конфликта интересов.

Немного изменились и полномочия общественного совета. Теперь у общественного совета нет возможности влиять на цели и условия работы оператора, организации, которая осуществляет сбор и обобщение информации о качестве условий предоставления услуг [2]. Также общественные советы больше не смогут формировать предложения для разработки технического задания для оператора. Они смогут только принимать участие в рассмотрении проектов документации о закупке работ, услуг и т. п.

Произошло изменение и с формулировкой функции оператора. Раньше он был ответствен за сбор, обобщение и анализ информации, теперь же — только за сбор и обобщение информации. Также теперь оператор должен осуществлять сбор и обобщение информации не толь-

ко в соответствии с показателями, характеризующими общие критерии оценки качества условий оказания услуг, но и в соответствии с порядком сбора и обобщения информации о качестве условий оказания услуг организациями, который будет утвержден Правительством РФ.

В результате данных изменений были внесены корректировки в методическую базу, уточнены и проработаны функции исполняющих и контролирующих сторон, предпринятые действия направлены на решение проблем, о которых ученые и эксперты говорят с момента создания института независимой оценки, проблем, связанных с недостатками методического сопровождения и институциональными рисками [3].

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы : Федеральный закон Российской Федерации от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ // Российская газета. 2017 г. № 279. 8 декабря.

2. Вахтин А. А. Новый этап институционализации независимой оценки качества услуг в социальной сфере // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики : сборн. матер. IV Междунар. науч.-практич. конфер. М., 2018 г.

3. Рагозина Л. Г., Цацура А. Е. Независимая оценка качества оказания социальных услуг: первые результаты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 2015.

Е. А. Попов, А. Х. Бугазов (Барнаул, Кыргызстан)

ФИЛОСОФИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК СИСТЕМА ЗНАНИЙ

Значимость философии права видится прежде всего в том, что данная область знаний оперирует не только нормами, что более всего характерно для правовой науки, но и ценностями, которые отражают коллективное и индивидуальное бытие человека. Это свидетельствует об особом положении философии права в изучении правовой жизни человека и общества. С этой точки зрения философия права оказывает существенную поддержку любой из отраслей юридической науки.

Смысл такого взаимодействия заключается в том, что юристу, выходящему за рамки нормативности и нормативного подхода в оценках права и правовой реальности в целом, предстоит серьезный аксиологический анализ юридических установлений. И в этом случае философия права помогает взглянуть на норму права под иным углом зрения — не только как императивное образование, придуманное законодателем, но и как неотъемлемую часть ценностно-нормативного комплекса. А этот комплекс уже имеет отношение к человеческой культуре, что само по себе имеет непреложную ценность и высоту. Поэтому знание философии права позволяет любому исследователю, имеющему дело с правовыми нормами, проникнуть в глубь культуры и там отыскать истоки нормообразования. В свою очередь, это имеет значение для понимания истинности и ложности, добра и зла, свободы и несвободы и иных состояний и свойств в применении правовых норм или в отношении к ним.

Если философия права вполне сложилась как цельная научная область, то попытки дифференцировать ее на различные «подотрасли» и главным образом в угоду или на основании отраслевого деления юридической науки не всегда выглядят убедительными и целесообразными. Главным аргументом здесь может служить то, что такие «философии права» (например, философия уголовного права) часто не имеют своей собственной уникальной теоретико-методологической базы в границах философии и к тому же зачастую оперируют категориями и понятиями преимущественно из юриспруденции. Вместе с тем следует признать возможность и допустимость дальнейших разработок в этом направлении, для того чтобы получить дополнительные веские доводы в пользу концептуализации философии той или иной отрасли права. В этом ракурсе выход в свет монографии «Философия уголовного права: постановка вопроса» можно признать и своевременным, и важным, поскольку продолжает традицию отыскания четких оснований выделения философии уголовного права в самостоятельную область науки. Примечательно, что автор монографии не исключает возникновения ситуации, когда может потребоваться своего рода оправдание «необходимости философского измерения уголовно-правовой реальности» [1, с. 14]. Но, разумеется, помимо этого автором вносится новая нота в интерпретацию богатого наследия философии права, и это достижение, пожалуй, более значимое, нежели закрепление научного статуса философии уголовного права.

Представляется, что «постановка вопроса» произошла в силу того, что автор научного труда, являясь прежде всего профессиональным

юристом, поставил серьезную цель перейти с поля доминирующего в юридической науке нормативистского подхода в пространство социокультурного анализа. Нужно признать, что для юридической науки это нетривиальный путь, а для философии уголовного права — принципиальный, так как правовые доминанты отрасли уголовного права должны уступить место ценностно-нормативному пониманию развития конкретной отрасли права.

Программные акценты, сделанные автором монографии во введении, позволяют рассчитывать на то, что мы имеем дело не с дескриптивным исследованием и все же более чем с «постановкой вопроса». Иначе следующее суждение, которое мы встречаем во введении: «Соизмерение и противопоставление уголовно-правового знания и философского опыта имеют под собой онтологическое основание» [1, с. 20] и которое само по себе способно увести нас дальше «постановки вопроса», не приобретает столь значимого в контексте монографии звучания. Между тем автор предполагает, что в границах метафизического опыта философия права способна «определить пределы уголовно-правового взгляда» [1, с. 22] и вынести оценки уголовно-правовой реальности. Данный ракурс понимания права и какой-либо правовой реальности представляется крайне небезынтесным, а сказать иначе: довольно волнующим, поскольку открывает реальные перспективы надюрисдикционной (или даже субстанциональной) интерпретации правовой реальности. Это направление, нехарактерное для актуальной философии права, можно признать стержнем или фундаментом философско-правовой рефлексии. Автору, который обратил на это внимание, явно не все равно, в каком ценностно-смысловом поле будет оцениваться состояние и развитие права. И большая удача науки — если это поле займет именно философия права.

От вдумчивого и основательного экскурса в историю и описание современного состояния философии уголовного права автор монографии С. А. Бочкарёв переходит к той части работы, в которой особое место занимает рефлексия по поводу уголовно-правовой действительности. Отмечаются, например, «пороги» и «пороки» научного познания уголовно-правовой реальности. Строго говоря, мы не являемся поклонниками навешивания ярлыков научного или же какого-либо иного кризиса, так как под кризисом часто на самом деле маскируются иные свойства объекта, углубляться в изучение которых не всегда достает времени и желания. Но в данном случае автору монографии удалось представить убедительные доводы относительно кризисности уголовного права, причем аргументы как сугубо юридического характера, так и философского. В связи с этим трудно что-либо проти-

вопоставить следующему суждению, прозвучавшему в монографии: «Представители научного сообщества не готовы мириться с обезнучиванием законодательного процесса, что, безусловно, заслуживает признания и всяческой поддержки. Возможно, своей непримиримостью они стремятся решить до сих пор актуальный для современной науки вопрос о выживании и сохранении» [1, с. 132].

Концептуализация философии уголовного права, как видно из монографии, происходит в условиях дифференциации или даже противопоставления взглядов «теоретиков» и «практиков». Разумеется, в стане и тех и других сформированы и культивируются иногда очень стереотипные представления о сущности и развитии уголовно-правовой отрасли, соответствующей ей научной сфере и учебной дисциплины, а также возникают мнения и оценки по поводу философии уголовного права. Справедливо в связи с этим звучит наблюдение автора монографии: «Отличие позиций практиков и теоретиков права налицо. Соприкосновения их взглядов не просматривается. Емкая аргументация, основанная на длительном отслеживании и анализе эмпирических данных, внимании к широкому кругу криминологических показателей, не убеждает представителей науки. Они считают, что для итоговых выводов о стабильном и позитивном развитии социально-правовых процессов в целом и уголовно-правовых в частности не имеется достаточных оснований» [1, с. 144].

Полагаем, что и «теоретикам», и «практикам» может недоставать аргументов, когда речь заходит о философии уголовного права. Причина этого кроется в неизбежности возвращения к особенностям уголовного права как юридической отрасли и даже уголовного закона как концепции уголовной политики государства. Даже философам может потребоваться уход из поля собственно философии в уголовное право. В этих случаях важное значение приобретает возврат к скрепляющим общество ценностям права, как отмечается С. А. Бочкарёвым. Как раз этот момент может стать определяющим в продолжении судьбы всей философии уголовного права.

На наш взгляд, самой любопытной частью рецензируемой монографии является ее финальная глава под названием «Потенциал философского измерения уголовного права». Измерение, конечно, понятие философии не совсем принадлежащее, однако оно точно отражает суть проблемы. А вот «метафизика уголовного права», о чем здесь идет речь, может стать своего рода «философией в философии» или гимном именно философии уголовного права. «Заявленная тема, — как пишет автор монографии, — на первый взгляд может показаться несостоятельной» [1, с. 273]. Действительно, определен-

ный скепсис возникает, но только лишь при восприятии заголовка, апеллирующего к метафизике. С содержательной позиции С. А. Бочкарёву удалось в философском измерении уголовного права продвинуться так далеко только потому, что он отвлекся от довлеющего над любым исследователем нормативизма в понимании уголовного права и не остановился перед сложностями, почти всегда дающими о себе знать, когда даже вскользь упоминается метафизика. Трудно себе представить связь человека, имеющего какое-либо отношение к уголовному праву или его нормам (например, практикующего юриста или законодателя), с метафизикой. Между тем автор монографии почувствовал необходимость в установлении этой связи и явно не ступешался перед «метафизикой уголовного права», таящей в себе загадки. Но отчасти эти загадки способна разрешить герменевтика, потенциал которой автор также привлекает для понимания уголовного права, а точнее — его философского измерения. Полагаем, что в этом ключе С. А. Бочкарёв сумел найти верный подход к философии уголовного права и выполнил свою, пожалуй, главную задачу — предпринял не только «постановку вопроса», но и предложил верные и довольно перспективные направления дальнейших исследований в границах философии уголовного права и междисциплинарного осмысления уголовной политики.

Библиографический список

1. Бочкарёв С. А. Философия уголовного права: постановка вопроса : монография. М., 2019.

М. В. Рекунова (Барнаул)

ДАУНШИФТИНГ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

Современное общество, с одной стороны, представляет собой глобализированное информационное поле, в котором любая новость становится известна всему миру через несколько секунд после ее возникновения, а с другой — как ни парадоксально, это и общество отчуждения, в котором, несмотря на такую широкую доступность информации и высокую возможность коммуникации с человеком из любой точки мира, каждый из нас может почувствовать себя одиоко. Такое противоречие закономерно возникает именно на почве высокой информатизации современного мира, когда из-за огромного потока

информации, сваливающейся на нас ежедневно, зачастую не остается места и времени на частное общение, а привычка «выставлять свою жизнь напоказ всем» только усугубляет ситуацию. Феномен социального отчуждения закономерно порождает и множество других, одним из которых является объект исследования данной статьи, а именно дауншифтинг.

Дауншифтинг — социальный феномен, представляющий собой добровольный и сознательный отказ человека от карьерного роста и «чужих целей» в пользу саморазвития, самопознания и «жизни для себя».

Термин «downshifting» представляет собой кальку английского глагола to downshift, переносное значение которого означает «добровольно отказаться от работы, связанной со стрессом, ответственностью, отнимающей все свободное время, ради спокойной жизни», а дословное — «переключение автомобиля на более низкую передачу». Интересен тот факт, что данный термин изначально был заимствован из лексики автомобилистов. Он также родственен понятиям «simple living» (с английского — «простой образ жизни») и «опрошение» (выбор человеком образа жизни, связанного с отказом от большинства благ современной цивилизации). Впервые термин появился на страницах американской газеты «The Washington Post» в 1990-е гг. Западное определение дауншифтинга — отказ от высокой должности и доходов ради простой и неторопливой жизни в кругу семьи. И, конечно, нечто подобное на Западе уже было — субкультура хиппи, зеленый туризм. Как об особом движении о дауншифтинге заговорили в то же время, а именно после появления книги Эми Солтсмен «Дауншифтинг: достижение нового успеха на пониженной передаче», впервые изданной в 1990 г. в США и ставшей национальным бестселлером. Книга помогла спонтанным дауншифтерам начала 1990-х осознать себя как общность, поэтому считается, что история самого дауншифтинга как отдельного движения начинается именно с момента ее публикации [1, с. 8].

В книге Эми Солтсмен «Дауншифтинг: достижение нового успеха на пониженной передаче», ставшей на момент зарождения и развития популярности социального феномена «настойной книгой» спонтанных начинающих дауншифтеров, были сформулированы пять основных общих принципов дауншифтинга:

- 1) добровольно сделать «шаг назад»;
- 2) вернуться к спокойному стабильному состоянию;
- 3) снизить хотя бы на время требования к карьере;
- 4) уехать из большого города;

5) найти себе работу на дому на принципах самозанятости [2].

Теперь обратимся к классификации типов дауншифтеров с точки зрения различных исследователей.

Так, известный израильско-американский социолог Амитай Этциони в одной из своих статей выделяет три типа дауншифтеров:

- 1) собственно дауншифтеры (представители различных социальных слоев, принявшие решение изменить темп работы с целью получить больше свободного времени при снижении доходов);
- 2) сторонники радикального упрощения образа жизни (высокооплачиваемые топ-менеджеры, бизнесмены, юристы, представители шоу-бизнеса), разочаровавшиеся в своей рутинной деятельности и решившиеся полностью изменить жизнь;
- 3) участники «движения простой жизни», избравшие такой путь на основании тех или иных убеждений, обычно достаточно устойчивых и образующих определенную систему (эти убеждения чаще всего связаны с экологическими убеждениями и идеями, а также духовными поисками) [3].

К сожалению, несмотря на то что социальный феномен дауншифтинга возник еще в конце прошлого столетия и в настоящий момент довольно широко распространен в развитых странах Европы, Северной Америке и Австралии, его научная исследованность на сегодняшний день недостаточно полна и систематизирована.

«Подобное противоречие — малая изученность весьма распространенного явления — ученые (те немногие, которые занимаются данной проблематикой) объясняют тем, что в развитых странах дауншифтинг является скорее укорененной социальной практикой, нежели предметом научных дискуссий» [4, с. 4].

Действительно, данный социальный феномен практически не фигурирует (в качестве главной темы исследования) не только в научных, но и публицистических статьях. Однако, как ни странно, больше всего работ на представленную проблематику предлагают австралийские ученые, разграничивая, однако, модели дауншифтинга Европы, Америки и Австралии [5].

Необходимо сказать, что в России дауншифтинг как таковой развит слабо. Чаще всего его можно пронаблюдать в двух мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге. Распространение феномена по стране напрямую зависит от материального положения регионов: чем выше уровень достатка человека, тем больше у него возможностей «бросить все» и начать вести совершенно иной образ жизни.

Разумеется, модели российского дауншифтинга заметно отличаются от уже устоявшихся европейских — менталитет и условия рын-

ка труда в данном случае являются главными критериями различия. Здесь также необходимо снова заострить внимание на том, что российский дауншифтинг — это явление совершенно новое для нашей культуры, поэтому еще не обособившееся, а только формирующее свою особенность.

Социологи выделяют также постоянный и временный дауншифтинг. Первый является состоянием, из которого уже не возвращаются обратно к карьеризму и гонке за славой и деньгами. Это полноценное отречение от прежних жизненных моделей и нежелание прибегать к ним повторно. Это кардинальная перемена жизненных устоев. Второй — все-таки больше временное явление в жизни человека, используемое им для разрешения внутренних конфликтов, устранения синдрома хронической усталости, решения других вопросов. Это некий тайм-аут, который берется для того, чтобы привести в порядок свой внутренний мир [6].

Причинами дауншифтинга могут стать как внешние, так и внутренние факторы. Наиболее часто ему подвержены сотрудники высшего звена, которые занимают руководящие должности, — они очень часто задерживаются на работе допоздна, решают споры и конфликты, очень часто находятся в состоянии стресса и в жестких условиях конкуренции. Все это можно отнести к внешним факторам. А вот состояние здоровья — это, скорее всего, внутренний критерий. Есть много случаев, когда люди, занимавшие высокие посты, бросали все и отправлялись в глухие деревни в поисках свободы и тишины (например, Герман Стерлигов). Очень часто они не могут совладать со своими амбициями и отправляются на поиски чего-то более интересного. Исходя из практики, есть наблюдение, что многие выбирают частичный дауншифтинг: сотрудники отказываются от своей работы не полностью, а идут переходом по карьерной лестнице на позиции более низкого уровня, тем самым пытаясь найти гармонию и соблюсти равновесие между духовными и материальными ценностями. Кстати, далеко не всегда дауншифтинг означает снижение доходов и понижение статуса. Радикальная смена профессии может стать источником гораздо большего заработка и, например, привести к созданию собственного бизнеса [7, с. 104].

Еще один вариант дауншифтинга без денежных потерь и без смены социального статуса — переход из крупной компании в безымянную, который может сопровождаться ростом компенсации и повышением в должности, но одновременно будет шагом вниз в глазах работодателей. На желание пожертвовать статусом и хорошей зарплатой ради новых знаний при смене рода деятельности рабо-

тодатели реагируют положительно. Данный вид дауншифтинга — не столько движение вниз, сколько открытие новых горизонтов, возможность смены не только профессии, но и образа жизни и мировосприятия. Максимально эффективным человек может быть, когда делает дело своей жизни, когда его профессия — это его призвание [8, с. 43].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что, несмотря на относительно низкую научную степень изученности феномена, дауншифтинг в настоящее время продолжает уверенно набирать популярность в обществе. Необходимо помнить, что данный феномен, как и любое другое социальное явление, возникающее в обществе, не может не влиять на конструирование новой реальности, с которой нам уже пришлось столкнуться. Главное — предугадать возможные последствия явления и проследить те изменения в обществе, которые произошли и будут происходить в этой связи.

Библиографический список

1. Etzioni A. Voluntary Simplicity: Characterization, select psychological implications, and societal consequences // *Journal of Economic Psychology*. 1998. Vol. 19.
2. Котляров А. В. Дауншифтинг без экстрима: кризис на пике карьеры М., 2008.
3. Дрейк Дж. Дауншифтинг: как меньше работать и больше наслаждаться жизнью. М., 2007.
4. Бренер М. Карьера и образование: игра на понижение [Электронный ресурс]. URL: https://gaap.ru/articles/karera_i_obrazovanie_igra_na_ponizhenie/.
5. Мерзлякова В. Н. Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 4.
6. Прихидько А. И. Дауншифтинг как социально-психологический феномен // *Психологические исследования*. 2008. № 1 (1).
7. Характеристика дауншифтинга как новой тенденции трудового поведения. Понятие дауншифтинга и история его возникновения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psdaily.ru/datas-559-1.html>.
8. Солтсмен Э. Дауншифтинг: достижение нового успеха на пониженной передаче. М., 2005.

А. С. Сивоконь (Барнаул)

КРИТЕРИИ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УСЛОВИЙ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Научный руководитель — Ю. А. Калинина

В настоящее время общество характеризуется созданием благоприятных условий для развития граждан, достойных условий жизни для конкретного человека и увеличением объема возможностей для самостоятельного обеспечения своих базовых потребностей. Для улучшения условий оказания услуг одним из способов является проведение независимой оценки, где можно проанализировать деятельность учреждений, составить рейтинг и дать рекомендации по улучшению деятельности.

Под независимой оценкой рассматривается оценка деятельности организации социальной сферы в соответствии с критериями и показателями оценки, определенными Минтруда России, а также формирование рейтингов качества работы организаций социальной сферы. Независимая оценка осуществляется на основе следующих принципов [1]:

- законность;
- открытость и публичность;
- добровольность участия общественных объединений;
- независимость мнений граждан, экспертов, общественных объединений;
- полнота информации, используемой для проведения оценки;
- компетентность и профессионализм членов общественного совета.

Независимая оценка качества условий оказания услуг организациями социальной сферы является одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления получателям социальных услуг информации о качестве условий оказания услуг организациями социальной сферы, а также в целях повышения качества деятельности данных организаций, предусматривает оценку условий оказания услуг по таким критериям, как открытость и доступность информации об организации социальной сферы; комфортность условий предоставления социальных услуг, в том числе время ожидания предоставления услуг; доступность услуг для инвалидов; доброжелательность, вежливость работников организаций социальной сферы; а также удовлетворенность условиями оказания услуг [2].

Одним из критериев независимой оценки является открытость и доступность информации об организации социальной сферы. Под открытостью и доступностью можно понимать наличие полных, актуальных, понятных сведений об организации социальной сферы и предоставляемых в ней услугах, которые могут быть получены как гражданами, так и организациями, заинтересованными в получении данной информации. Наличие всесторонней достоверной информации поможет получателю сделать выбор при обращении к поставщику социальных услуг; открытость информации поможет избежать злоупотреблений в предоставлении социальных услуг.

Организации социальной сферы обеспечивают открытость и доступность следующей информации о:

- дате государственной регистрации, учредителях, месте нахождения, филиалах (если имеются), режиме и графике работы, контактных телефонах и адресах электронной почты;
- структуре и об органах управления организации социального обслуживания;
- форме социального обслуживания, видах социальных услуг, порядке и об условиях их предоставления, о тарифах на социальные услуги;
- численности получателей социальных услуг по формам социального обслуживания и видам социальных услуг за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации и в соответствии с договорами за счет средств физических лиц и (или) юридических лиц;
- руководителе, его заместителях, руководителях филиалов (при их наличии), о персональном составе работников (с указанием с их согласия уровня образования, квалификации и опыта работы);
- материально-техническом обеспечении предоставления социальных услуг (наличие оборудованных помещений для предоставления социальных услуг, в том числе библиотек, объектов спорта; наличие средств обучения и воспитания; условия питания и обеспечение охраны здоровья получателей социальных услуг; доступ к информационным системам в сфере социального обслуживания и сети Интернет);
- количестве свободных мест для приема получателей социальных услуг по формам социального обслуживания, финансируемых за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации, а также оплачиваемых в соответствии

с договорами за счет средств физических лиц и (или) юридических лиц;

- объеме предоставляемых социальных услуг за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации и в соответствии с договорами за счет средств физических лиц и (или) юридических лиц;
- наличии лицензий на осуществление деятельности, подлежащей лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- финансово-хозяйственной деятельности;
- правилах внутреннего распорядка для получателей социальных услуг, правилах внутреннего трудового распорядка, коллективном договоре;
- наличии предписаний органов, осуществляющих государственный контроль в сфере социального обслуживания, и отчетов об исполнении указанных предписаний.

Организации социальной сферы обеспечивают открытость и доступность следующей информации по следующим показателям [3]:

1. Наличие на официальном сайте организации (учреждения) информации о дистанционных способах обратной связи и взаимодействия с получателями услуг и их функционирование: телефона; электронной почты; электронных сервисов (форма для подачи электронного обращения (жалобы, предложения), получение консультации по оказываемым услугам и пр.); раздела «Часто задаваемые вопросы»; технической возможности выражения получателем услуг мнения о качестве условий оказания услуг организацией (учреждением) (наличие анкеты для опроса граждан или гиперссылки на нее).

2. Доля получателей услуг, удовлетворенных открытостью, полнотой и доступностью информации о деятельности организации (учреждения), размещенной на информационных стендах в помещении организации (учреждения), на официальном сайте организации (учреждения) (в % от общего числа опрошенных получателей услуг).

Информацию о деятельности организации социальной сферы необходимо размещать на информационных стендах в помещении организации и на официальных сайтах организации в сети Интернет. Сбор и обобщение информации о качестве условий оказания услуг осуществляются по каждой организации социальной сферы, в отношении которой проводится независимая оценка качества в текущем году, в соответствии с показателями, характеризующими общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями соци-

альной сферы. Источниками информации о качестве условий оказания услуг являются:

- официальные сайты организаций социальной сферы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, информационные стенды в помещениях указанных организаций;
- официальный сайт для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
- результаты изучения условий оказания услуг организациями социальной сферы, включающие: наличие и функционирование дистанционных способов обратной связи и взаимодействия с получателями услуг; обеспечение комфортных условий предоставления услуг; обеспечение доступности для инвалидов помещений указанных организаций, прилегающих территорий и предоставляемых услуг;
- мнение получателей услуг о качестве условий оказания услуг в целях установления удовлетворенности граждан условиями оказания услуг (анкетирование, интервьюирование, телефонный опрос, интернет-опрос, в том числе на официальном сайте организации социальной сферы и т. п.).

Методика выявления и обобщения мнения граждан, включая требования к формированию выборочной совокупности респондентов, утверждается Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Отчет о выполненных работах по сбору и обобщению информации о качестве условий оказания услуг должен содержать [4]: перечень организаций социальной сферы, в отношении которых проводились сбор и обобщение информации о качестве условий оказания услуг; результаты обобщения информации, размещенной на официальных сайтах организаций социальной сферы и информационных стендах в помещениях указанных организаций; результаты удовлетворенности граждан качеством условий оказания услуг, в том числе объем и параметры выборочной совокупности респондентов; значения по каждому показателю, характеризующему общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями социальной сферы (в баллах), рассчитанные в соответствии с единым порядком расчета показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями в социальной сфере; основные недостатки в работе организаций социальной сферы, выявленные в ходе сбора и обобщения информации о качестве условий оказания услуг; выводы и предложения по совершенствованию деятельности организаций социальной сферы. Результа-

ты независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в социальной сфере предоставляются в виде публичного отчета высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации).

Независимая оценка качества условий оказания услуг организациями социальной сферы позволяет получить ценную информацию по трем главным задачам социального обслуживания: это повышение качества и доступность социальных услуг для населения, повышение информированности потребителей о качестве работы организаций социальной сферы и мотивирование качества работы организаций социальной сферы.

С 2015 г. в РФ проводится независимая оценка качества деятельности учреждений социальной сферы, за эти годы отработывался и уточнялся инструментарий, методики расчета, в 2018 г. было принято решение перейти к единым расчетам итоговых результатов во всех учреждениях и организациях социальной сферы.

Форма и содержание независимой оценки качества видоизменяются в зависимости от развития и реализации, от различных моделей системы управления качеством, достижений науки и техники, расширения спектра оказываемых социальных услуг и другого.

Библиографический список

1. О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания : приказ Министерства труда и социальной защиты РФ № 391а от 30 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70380338/>.

2. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70552648/10d301ff8c591d4998794284efb981ad/>.

3. Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы : приказ Министерства труда и социальной защиты РФ № 317н от 23 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71965442/paragraph/1:0>.

4. Об утверждении правил сбора и обобщения информации о качестве условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охра-

ны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы : постановление Правительства РФ № 638 от 31 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71959160/paragraph/1:1>.

А. С. Смирнова (Барнаул)

РОЛЬ УЧЕНИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ МБОУ «ЛИЦЕЙ № 3» ГОРОДА БАРНАУЛА)

Научный руководитель — М. С. Галиев

Школьное ученическое самоуправление в современной социологии вызывает особый интерес. Развитие этого процесса в школьной среде позволяет включать детей в социальные ситуации, формирующие определенный образ поведения, дает не только знания, умения и способности деятельности, но и возможность ориентироваться в нестандартных ситуациях, прежде всего в ситуациях выбора. Поэтому исследователи рассматривают ученическое самоуправление как средство формирования социализации школьников.

Являясь понятием предельно широким, социализация представляет собой, с одной стороны, процесс и результат взаимодействия личности и общества, важнейший механизм включения индивида в общественные структуры посредством выработки социально необходимых качеств, с другой — социализация рассматривается как внутриличностный феномен, связанный с усвоением определенной системы знаний, норм и ценностей во взаимодействии индивида и социума [1].

Органы ученического самоуправления в школе представляют собой одну из форм социализации. Тема самоуправления актуальна для современной школы, которая должна обучать не только наукам, но также она должна научить человека быть самостоятельным, совершать добрые дела, отвечать за свои поступки, принимать решения, защищать свои права. Ученики хотят приходить в такую школу, которая сможет подготовить их к жизни в изменяющихся условиях. И если в школе нет самоуправления, то вряд ли она может идти в ногу со временем.

Ученическое самоуправление — это возможность самим учащимся планировать и организовывать свою деятельность, участвовать в решении вопросов школьной жизни, проводить мероприятия, которые

им интересны. Это возможность продемонстрировать уникальность своей личности, накопить опыт общения, преодоления трудностей, испытать ответственность за свои поступки, освоить общественный опыт. Развитие ученического самоуправления можно рассматривать как часть системы гражданского воспитания, которое стало очень актуальным. Задачи гражданского воспитания — это воспитать лидера, научить демократическому общению, умению работать в коллективе, развить творческие способности. Это научит детей понимать запросы и требования общества и через ученическое самоуправление даст возможность реализовать и сопоставить себя с теми требованиями, которые выдвигает общество [2].

Основными же задачами школьного самоуправления являются: активное вовлечение каждого школьника в разнообразную деятельность, что является основным механизмом формирования личности; обучение школьников управленческой деятельности, что воспитывает ответственность и самостоятельность обучающихся; повышение интеллектуального уровня школьников, воспитание в детях добра и милосердия; развитие творческой индивидуальности ребенка.

Участвуя в работе органов школьного самоуправления, учащиеся приобретают целый ряд привычек и навыков, умений и знаний, например, осуществлять выбор в рамках принятых правил и быть успешным в выбранной деятельности, развивать свои силы и способности, адаптироваться к социальным условиям. У них развиваются определенные нравственные качества и черты характера, такие как способность понимать и принимать других, адекватно оценивать свои силы и способности, контролировать себя [3].

Значительным потенциалом в решении проблемы социализации старшеклассников средствами ученического самоуправления обладает лицей, поскольку такой вид общеобразовательного учреждения предъявляет повышенные требования к освоению содержания образования, предполагающего профильную направленность [4, с. 23–28].

В МБОУ «Лицей № 3» города Барнаула ученическое самоуправление представлено в форме независимого союза лицеистов (далее — НСЛ), состав которого формируется сроком на один учебный год.

Формирование этого объединения ученического самоуправления проходит в три этапа. На первом этапе в октябре идут выборы президента лицея. Избранный президент и кандидаты автоматически входят в состав НСЛ. На втором этапе избранный президент может предложить в качестве членов НСЛ еще трех учеников по согласованию с другими членами НСЛ. На последнем этапе происходит процесс распределения ролей и обязанностей. Каждому члену совета дается либо

определенная возрастная группа, с которой ему надо будет взаимодействовать (например, начальные классы), либо определенное направление деятельности (например, правовое воспитание). При этом члены совета помогают друг другу при необходимости.

Данная модель ученического самоуправления зарекомендовала себя с наилучшей стороны с точки зрения процесса социализации учащихся.

Во-первых, у каждого члена НСЛ есть своя команда, что позволяет вовлечь большое количество учеников в этот процесс.

Во-вторых, большинство детей, участвующих в деятельности союза, вступают в другие организации лица (клуб молодых избирателей МИР, волонтерские отряды «Шаг в будущее» и «Союз добрых сердец», клуб защитников дикой природы «Природоград» и другие).

В-третьих, ученическое самоуправление как образовательный феномен, интегрирующий в себе интеллектуальную, эмоционально-чувственную и деятельностную сферы, обладает высоким потенциалом развития личности.

В лице самоуправления школьников рассматривается как важный элемент образовательной среды. Развитие системы ученического самоуправления — это создание благоприятного психологического микроклимата. Работа школьного самоуправления позволяет учитывать мнение учащихся при планировании работы лица. Обсуждение важнейших вопросов школьной жизни в его структурах дает возможность решать проблемные ситуации, развивает самостоятельность и чувство сопричастности к жизни класса и лица. Школьное самоуправление учит принимать ответственные решения, воспитывает лидерские качества, способствует, таким образом, успешной социализации школьников.

Реализация данных проектов способствует социализации учащихся, так как создаются условия для применения ими «гражданских знаний и умений» в повседневной жизни.

Библиографический список

1. Голованова Н. Ф. Социализация и воспитание ребенка. СПб.: 2004.
2. Калиш И. А. Типичные ошибки ученического самоуправления // Народное образование. 2013. № 7.
3. Рожков М. И. Развитие самоуправления в детских коллективах : учеб.-метод. пособие. М., 2004.
4. Слабоспицкая М. В. Модель социализации старшеклассников средствами ученического самоуправления // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2012. № 1.

А. С. Соколова (Барнаул)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Научный руководитель — С. А. Воронина

В мире все больше усиливается влияние человека на природу. Экологическая ситуация обостряется, и количество глобальных проблем в этой сфере увеличивается: истощаются запасы природных ресурсов, загрязняется природная среда, обостряется экономическая и политическая борьба за сырьевые ресурсы и т. д.

Средства массовой информации, предоставляя обществу сведения в понятной и доступной форме, являются главным источником экологической информации в XXI в.

Определение понятия «средства массовой информации» официально закреплено в ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации». СМИ считается «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [1].

Следует учитывать, что СМИ не только распространяют экологические знания среди населения, но и способствуют формированию экологического мировоззрения.

При этом, владея возможностью формирования общественного мнения, СМИ соединяются в сообщества и организации, ведущей целью которых является освещение экологической темы, обнаружение разного рода угроз и возможных опасностей, которые могут послужить причиной экологических катастроф на планете, а также привлечение общественности к экологическим проблемам [2, с. 41].

Часто экологи и организации, занимающиеся экологическими проблемами, недооценивают средства массовой информации как мощный источник силы, способной многое решать в области охраны окружающей среды, а СМИ уделяют недостаточно внимания проблемам экологии, а порой допускают ошибки и неточности при подаче экологической информации [3, с. 34].

Таким образом, возрастает потребность в точной, последовательной и эмоционально уравновешенной информации о состоянии окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов.

В своей работе «Специфика экологической информации в СМИ как средства конструирования экологического сознания россиян»

О. В. Корунова описывает результаты социологического исследования новостных программ. На основании проведенного контент-анализа сформулированы следующие выводы:

- 1) экологической информации на телевидении мало, однако так же мало, как и информации по любой другой теме;
- 2) частота освещения темы окружающей среды в периоды наличия и отсутствия экологических информационных поводов практически одинакова;
- 3) в целом сообщения экологической информации длятся около трех минут;
- 4) больше половины сообщений об экологии транслируются в неудобное для восприятия время и, следовательно, не достигают своей аудитории [4, с. 1–3].

Транслируемая СМИ экологическая информация, таким образом, несет в себе образцы преимущественно потребительского отношения к природе, при котором сама по себе окружающая среда обладает весьма низкой ценностью [4, с. 3].

В своей работе «Некоторые теоретические и исторические аспекты экологического просвещения в СМИ» Б. П. Невзоров пишет: проведенный в последнее время государственными и общественными организациями анализ публикаций по экологическим проблемам в различных СМИ показывает, что одного осознания проблем недостаточно, а нужно их достаточно однородное освещение, формирующее активную позицию в обществе, направленную на объединение усилий в борьбе за сохранение природы [5, с. 24].

Вместе с тем следует учитывать, что экологические СМИ, обеспечивающие просвещение населения всех возрастов и общества в целом, имеют свою специфику, не изучив которой, нельзя конкретно представить себе всей сложности огромного комплекса средств (идеологических, политико-воспитательных, нравственно-этических, а также экономических и научно-технических) по охране природы и обеспечению экологической безопасности человека [5, с. 24].

Итак, значительная часть ущерба, который наносится природе, можно отнести к низкой экологической культуре и слабой осведомленности. Несмотря на возрастание экологических проблем, в последнее время прослеживается тенденция в нечеткости подачи информации СМИ о состоянии окружающей среды, происходит свертывание экологической информации, внимание СМИ к защите природе недостаточно. К сожалению, СМИ часто ограничиваются лишь констатацией существования той или иной экологической ситуации, не пытаясь анализировать ее причинно-следственные отноше-

ния, не ищут пути ее решения. Также следует отметить, что воспитание населения в плане бережного отношения к окружающей среде находится на низком уровне.

Таким образом, средства массовой информации несут огромную ответственность за отражение не только конфликтов с природой, но и сложности их решения. Для работников средств массовой информации весьма важны сбор точной, достоверной и эффективной информации, избегание схематизма и объективность.

Библиографический список

1. О средствах массовой коммуникации : Федеральный закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 (ред. от 18.04.2018 г.) // Российская газета. 1992. № 32.

2. Довыденко Е. И. Информационное влияние на общество // Сахаровские чтения 2018 г.: экологические проблемы XXI в. : матер. 18-й Междун. научн. конф. Минск, 2018. Ч. 1.

3. Коханова Л., Засурский Я. Экологическая журналистика, PR и реклама. М., 2007.

4. Корунова В. О. Специфика экологической информации в СМИ как средства конструирования экологического сознания россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 7.

5. Невзоров А. А., Невзоров Т. Б. Некоторые теоретические и исторические аспекты экологического просвещения в СМИ // Вестник КемГУ. 2017. № 1.

Ю. В. Трофимова (Барнаул)

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ НА ЭТАПЕ ВХОЖДЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Деятельность сотрудника полиции характеризуется высоким риском и экстремальностью профессиональных условий, что определяет требования к личности сотрудника полиции, а именно: от сотрудника полиции ожидается высокая готовность принимать решения при выраженном лимите времени и дефиците, изменчивости информации. Осложняется ситуация еще и тем, что от принимаемого решения зависят жизнь, здоровье людей, сохранность материальных, социальных, культурных объектов.

В этой связи проблема принятия решения становится актуальным предметом исследований современной психологии. Общей характеристикой всех современных моделей принятия решения является его отнесение к ситуации выбора из имеющихся альтернатив [1]. Также автор отмечает, что функция принятия решения может быть описана и как управление собственной активностью, т. е. организация активности и контроль ее целесообразности, и как способ сокращения вариативности или преодоления неопределенности [1, с. 121–131]. В исследованиях психологов отмечается, что принятие решения не ограничивается когнитивными возможностями личности, чаще рассматривается как «взаимодействие познавательных (мыслительных, когнитивных) и личностных (субъективных, смысловых) регуляторов». Человек прогнозирует не только развитие ситуации, но и личностную цену принимаемого решения, включая оценку, «кем я становлюсь в результате такого моего выбора» [2, с. 3].

Мы предположили, что у большинства сотрудников полиции на этапе вхождения в профессию сформирован продуктивный стиль принятия решения, а также сотрудники полиции с продуктивным стилем принятия решения будут характеризоваться и более выраженным психологическим благополучием.

В исследовании приняли участие 85 сотрудников полиции, стаж трудовой деятельности которых в системе МВД РФ не превышает двух лет. С целью проведения исследования нами были использованы диагностические методики: Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР, адаптация Т. В. Корниловой) [3, с. 4], «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф) [4, с. 82–93].

Данные по МОПР были подвергнуты кластерному анализу (метод полной связи). В результате были выделены два кластера, на основе которых участников исследования разделили на две группы. Первую группу составили 41,2% сотрудников полиции, принявших участие в исследовании. Особенностью респондентов первой группы являются невысокие значения по шкале «бдительности» при средних значениях по шкалам «избегания» и «прокрастинации». Во вторую группу вошло 58,8% сотрудников полиции, принявших участие в исследовании. Данные участников второй группы характеризуется высокими показателями шкалы «бдительности» при менее выраженных показателях шкал «избегания» и «прокрастинации».

Полученные результаты отражают два типа индивидуальной регуляции принятия решения в условиях неопределенности, на выявление которых и ориентирована методика.

Анализ полученных данных по методике МОПР в двух группах респондентов, проведенный при использовании непараметрического критерия Манна-Уитни, выявил значимые групповые различия по всем шкалам МОПР: для шкалы «бдительности» $U = 474$, $Z = -3,57$, $p = 0,0003$, для «избегания» $U = 196$, $Z = 6,06$, $p = 0,0001$, для «прокрастинации» $U = 142$, $Z = 6,54$, $p = 0,0001$, для «сверхбдительности» $U = 169$, $Z = 6,29$, $p = 0,0001$.

На основании полученных данных мы можем говорить о том, что бдительность как стилевая характеристика личности человека, принимающего решения, во второй группе достоверно выше, что отражает более выраженную готовность и способность к уточнению целей и задач решения, рассмотрению альтернатив, связанных с поиском информации, ее продуктивной ассимиляцией и оценкой перед выбором. Согласно теоретической модели, заложенной в МОПР, «бдительность» является единственным копингом, который позволяет принимать рациональные решения.

Значения по шкале «избегание» достоверно ниже во второй группе респондентов, что отражает их меньшую готовность избежать самостоятельного принятия решения, перекладывать ответственность на других, чем у респондентов в первой группе сотрудников полиции.

Значения по шкале «прокрастинация», отражающей прибегание человека, принимающего решения, к необходимости откладывать решения, к попытке рационализации сомнительных альтернатив, достоверно выше у сотрудников полиции первой группы.

Данные по шкале «сверхбдительность» достоверно выше у участников исследования, отнесенных нами ко второй группе. Это говорит о том, что они реже неоправданно «мечутся» между разными альтернативами, реже принимают импульсивные решения в выборе между альтернативами, чем участники исследования, отнесенные нами к первой группе.

Таким образом, мы можем говорить, что большинство сотрудников полиции на этапе вхождения в профессиональную деятельность могут принимать конструктивные решения. Однако высок процент респондентов, чье принятие решений откладывается, перекладывается на других лиц, а также данные респонденты нуждаются в поддержке со стороны более «опытных» сотрудников для принятия решения, т. е. нуждаются в формировании особой компетенции, связанной с принятием решений.

Качество принимаемых решений, а также результаты принятых решений, на наш взгляд, могут влиять на психологическое самочувствие, благополучие.

Проверяя данное предположение, мы сравнили результаты, полученные по методике «Шкалы психологического благополучия» (К. Рифф) в разрезе ранее выделенных групп сотрудников полиции, различающихся по стилю принятия решения. Сравнительный анализ проводился с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни. Так, проведенный анализ позволяет отметить, что по шкалам опросника «автономность», «личностный рост», «позитивные отношения» достоверных различий не выявлено. Однако по таким шкалам, как «компетентность», «жизненные цели», «самопринятие», «общая шкала благополучия», значения второй группы с преобладанием такого стиля принятия решения, как «бдительность», достоверно выше, чем в первой группе. Таким образом, мы можем сказать, что сотрудники второй группы имеют более высокие значения психологического благополучия, а именно: респонденты данной группы открыты новому опыту, стремятся развиваться или учиться воспринимать новое. Представители данной группы имеют цели, придающие их жизнедеятельности направленность, мотивированность на прогрессивное развитие, а также они положительно оценивают себя, свою жизнь и получаемые результаты.

Проведенное исследование актуализирует проблему психологической подготовки слушателей факультета первоначальной подготовки вуза МВД России, а именно — необходимость разработки и осуществления психолого-педагогического сопровождения, основные направления которого, на наш взгляд, связаны с актуализацией социально-личностных компетенций, овладение которыми обеспечивало бы, с одной стороны, эффективное решение профессиональных задач, а с другой — личностное развитие офицеров, начинающих профессиональную деятельность [5, с. 131–132].

Библиографический список

1. Солнцева Г. Н. Принятие решения и решение проблем: соотношение понятий и психологических закономерностей // Мир психологии. 2016. № 4.
2. Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40.
3. Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31.
4. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. № 2.
5. Трофимова Ю. В. Копинг-стратегии офицеров младшего начальствующего состава, проходящих первоначальную подготовку в вузе

Е. Д. Феданюк (Барнаул)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Научный руководитель — С. А. Воронина

Общество — динамичная система, претерпевающая постоянные изменения. С процессом усложнения общественной структуры появлялись и новые формы управления. Формационный подход К. Маркса и Ф. Энгельса предполагает пять стадий общественной эволюции, которым соответствуют обусловленные ими типы производственных отношений. Сначала первобытные, рабовладельческие, затем феодальные, капиталистические и коммунистические [1, с. 3]. Сейчас общество делится на классы, и устройство его еще более сложное. Разные социологи подходят к решению вопроса о стратификации общества с различных точек зрения. Но одно неоспоримо: в обществе существует и будет существовать два основных класса — высший и низший [2, с. 25].

Исторически термин «средний класс» возник довольно давно. Им стали обозначать совокупность общественных групп, занимающих промежуточное положение между крайними общественными классами. Так, К. Маркс писал о среднем классе современного ему капиталистического общества как «о многочисленном классе крестьян и ремесленников, которые почти в равной мере зависят от своей собственности и от своего труда» [3, с. 118].

Средний класс — это круг разнородных групп. Как раз данная ситуация обуславливает многочисленные социологические исследования. В общем смысле под средним классом (слоем) понимается большое количество социальных групп, не имеющих отношения ни к вершине общества, ни к его низам. Средний класс (слой) всякого общества появляется из большого количества недостаточно похожих друг на друга групп. Его состав находится в прямой зависимости от исторических индивидуальностей его образования общественной структуры всякого общества. На современном этапе изученности выявлен ряд данных, характерных средним классам передовых западных обществ:

- достаточный уровень доходов;
- владение представительной недвижимостью, обеспечивающей условную свободу, наличие личного «дела»;

- высокое профессиональное образование и квалификация;
- условное довольство статусом, небольшой политический консерватизм, заинтересованность в поддержке социального порядка и устойчивости;
- личная идентификация со средним классом [4, с. 39].

Понятие среднего класса в России остается весьма дискуссионным, и дискуссия идет уже второе десятилетие. В России существуют как минимум четыре подхода, весьма различных между собой, — эту классификацию предложила М. Красильникова на основании результатов, полученных в ходе исследований среднего класса «Левада-центром» в 2015 г.

Первый подход, апологетический, постулирует, что *средний класс в России не просто существует, но последовательно растет и развивается*. Средний класс в России, по мнению адептов этого направления, как и в других индустриально развитых странах, выполняет роль мотора экономической активности, стабилизатора в социально-политической сфере. Принадлежность к среднему классу определяется по таким признакам, как возраст (молодежь / средний возраст), образование, проживание в крупных городах. По опросам «Левада-центра», у 70% респондентов доходы недостаточно высоки, чтобы позволить себе траты, кроме текущих нужд вроде оплаты жилья, покупки еды, обуви или одежды. Россиян, которые, по словам социолога, могут позволить себе выбирать между различными потребностями, остается меньше 30%. По уровню достатка эти обладатели свободы потребительского выбора могли бы «претендовать на звание среднего класса». Более того, обычно они к нему себя и относят, как и значительная часть остального населения России.

Второй подход утверждает, что *средний класс в России существует, но он не такой, как в развитых странах*, — хотя он и производит до 1/3 ВВП, но не имеет необходимого объема имущества, сбережений, доходов, поэтому весьма уязвим для разного рода потрясений. В рамках этой точки зрения считается, что средний класс по своему мировоззрению не отличается от основной массы российского населения. То есть это тоже патерналисты, реального спроса на модернизацию общественных институтов от них не проистекает. Самые радикальные левые представители этого течения называют средний класс компрадорским, обязанным своим существованием коррумпированному государству [5, с. 34].

Третий подход: *в России нет среднего класса*. На постсоветском пространстве мы наблюдаем руины социального образования, которое можно назвать «предсредним классом» (люди интеллектуаль-

ных профессий со стабильным уровнем жизни и зачатками профессионального самосознания). Он-то и выступил главным субъектом революционных преобразований, приведших к краху СССР. Со сломом в 1992–1995 гг. этого советского конструкта нового образования на его месте так и не возникло, так как государство ведет хаотическую политику, не способствующую образованию и укреплению среднего класса; препятствуют этому и периодические кризисы.

Последний, четвертый подход: *средний класс в России есть, но он отличается от западного аналога по главному критерию — материальному*. Его представители занимаются нефизическим трудом, обладают высоким уровнем профессиональной компетенции, но не имеют накоплений и значительного имущества. Поэтому они не способны быть средним классом, их убеждения не коррелируют с убеждениями «одноклассников» Западной Европы и США. Никаким авангардом в развитии страны такой класс, естественно, не является [5, с. 37].

На основе исследований перспектив развития и подходов анализа среднего класса двух крупнейших российских социологических служб — Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и «Левада-Центра», проводимых в 2014–2016 гг. в России, определены группы рисков (экономические, социальные, политические), которым подвержен российский средний класс.

Экономические. Главным здесь представляется мировой кризис. Так, 42% российских респондентов опасаются новой волны кризиса, 46% считают, что если он произойдет, для России он будет тяжелым и долговременным. Ситуация в экономике осложняется тем, что сам факт ожидания наличия кризиса влияет на поведение людей — сокращаются расходы, инвестиции, что влияет на экономическую динамику.

Социальные. К ним отнесены неэффективные реформы социальной сферы, введение полностью платного здравоохранения и образования, также повышение пенсионного возраста.

Политические. Централизация и персонафикация политической власти. Определены основные слои, имеющие шансы и условия для вертикальной социальной мобильности и вхождения в состав среднего класса, названные «протоклассом». В него вошло население, занятое на рынке труда нефизическим трудом, не имеющее высшего образования; население, занятое на рынке труда физическим трудом, имеющее высшее образование; студенты вузов, которые получают первое и второе высшее образование; незанятое население с высшим образованием [6, с. 73].

В России на сегодняшний день существует достаточно много барьеров, препятствующих росту среднего класса. До тех пор, пока они не будут преодолены, нельзя говорить об успешном его развитии. Перспективы формирования среднего класса в российском обществе зависят от успешной адаптации населения, формирования продуктивных моделей социально-экономического поведения, адекватных сложившейся хозяйственной ситуации. Характеристики процесса адаптации в настоящее время очевидны. Прежде всего на смену доминировавшим ранее надеждам на государство приходит существенно большая ориентация населения на собственные силы и возможности. Жестко заданные типы социально-экономического поведения уступают место разнообразию типов социального действия. На смену прямому и непосредственному властному хозяйственному и идеологическому контролю приходят такие универсальные регуляторы, как деньги и правовые нормативы. Новые способы и стандарты поведения обусловлены различными источниками формирования, хотя часто они не корректируются ни устойчивыми нравственными нормами, ни правовыми санкциями. Другими словами, развитие среднего класса, а также повышение его благосостояния во многом зависят от социально-экономического развития общества. Существование мощного среднего класса является гарантией политической стабильности, охлаждает политиков в стремлении делать резкие повороты, заставляя выбирать умеренный курс в экономике, социальной сфере и политике [7, с. 118].

Российский средний класс может стать действительным средним классом, отвечающим своему определению и социальному предназначению, но для этого он должен стать массовым средним классом, включив в себя большую часть представителей социально значимых профессий и занятий. Когда речь идет о менее чем 10%, невозможно говорить о существовании полноценного среднего класса в стране.

Из сказанного следует, что социально-экономические условия, сложившиеся в ходе российских реформ, мало способствуют формированию среднего класса. Прежде всего это связано с масштабами «параллельной» экономики, в которой реализуется значительная часть экономической деятельности среднего слоя российского общества. В этой связи насущной задачей становится поиск социальных технологий, направленных на сужение масштабов теневой деятельности, на втягивание средних слоев в рамки легальной экономики. Нельзя забывать и об огромной роли государственной политики в формировании среднего класса [8, с. 20].

Таким образом, считая средний класс более устойчивой частью любого общества, многие исследователи прогнозируют, что на сегодняшний день главным создателем современного финансового процесса России будет средний класс. Именно средний класс России помимо бюрократического аппарата остается гарантом общественной и политической прочности. Отличаясь возвышенной образовательной степенью и компетентностью, общественной и финансовой энергичностью, присутствием вещественных активов, именно средний класс обеспечивает и будет обеспечивать финансовое постоянство и реструктуризацию бизнеса и занятости. Поэтому перспективы развития среднего класса мы оцениваем достаточно высоко.

Библиографический список

1. Семёнов Ю. И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность. М., 1998.
2. Кравченко А. И. Социология : учебник для высш. учебн. учрежд. М., 2016.
3. Авраамова Е. М. Новые вызовы расширению российского среднего класса. М., 2017.
4. Копкин А. Ю. Средний класс в российском обществе: трудности и перспективы формирования // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки : электр. сб. ст. по мат. XXXIX Междунар. студ. науч.-практ. конф. М., 2016. № 10 (39).
5. Левинсон А. Российский средний класс и кризис. М., 2015.
6. Локосов В. В. Перспективы среднего класса в современном российском обществе // Известия. Гум. науки. М., 2016. № 1.
7. Беляева Л. А. Средний класс: проблемы формирования и развития в России // Мир России. М., 2015. Т. 5. № 2.
8. Беляева Л. А. И вновь о среднем классе России // Социологические исследования. М., 2016. № 5.

Е. А. Федулова (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Научный руководитель — А. Н. Домашев

Тема потребления рассматривалась только в экономических науках вплоть до XIX в. и только в качестве предпосылки для достижения целей в производстве. С началом XIX в. были заложены основы социологического подхода, связанного с изучением индивидуального

потребления. Также вопрос потребления начал интересовать историков, антропологов и культурологов. Это расширило взгляд на потребительское поведение. В 1980-е гг. в Европе и США на кафедры маркетинга пришли работать антропологи, социологи и даже литературные критики, что естественно расширило взгляд на потребительское поведение. В результате критика традиционного подхода началась уже изнутри кафедр социологии. Возникшее направление в социологических исследованиях получило название «нового». К 1990-м гг. его право на существование было признано наряду с традиционной школой. Характерная черта нового направления — это фокус на культуру и социальные проблемы. С первыми попытками разработки теории потребления связаны имена Карла Маркса, Торстейна Веблена, Георга Зиммеля, Вернера Зомбарта, Макса Вебера.

Для начала определим понятие «потребление» с точки зрения экономии. Под потреблением обычно понимается использование полезных свойств, предметов или процессов, благодаря которым они приобретают характер блага. И это, несомненно, верно. Но к потреблению, определяемому с экономической точки зрения, следует отнести использование не всяких, а только ограниченных благ, в которые, вдобавок, вложены человеческие усилия, что отделяет эти блага от чистых продуктов природы [1, с. 5].

Согласно теории товарного фетишизма К. Маркса, люди видят в товарах некое сверхъестественное явление. На первый взгляд, товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений [2, с. 91], а производители товаров, в свою очередь, конкурируют между собой. Вследствие общественного разделения труда они являются взаимозависимыми. Благодаря связи, которая осуществляется между ними через рынок, происходит овеществление, т. е. продукт труда становится товаром. Отношения между людьми начинают принимать форму общественных отношений между товарами. Товарный фетишизм проявляется в культе денег.

Т. Веблен предложил теорию демонстративного поведения. Она подразумевает такое использование потребления, при котором человек подтверждает владением свое богатство. Мода трактуется как феномен, свойственный обществам с четкой иерархией, где она выполняет ряд функций, основная из которых — визуализация статуса и материального положения. Мотив поведения владельца (покупателя) демонстративно расточительного деяния — потребность в подчинении установленному обычаю и существованию на уровне признанных обществом норм вкуса [3, с. 73]. Т. Веблен также выде-

ляет основные инстинктивные склонности людей и относит сюда инстинкт праздного любопытства, склонность к приобретательству, набор эгоистичных склонностей, привычки, родительский инстинкт.

Г. Зиммель выдвинул социологическую теорию моды. Т. Веблен и Г. Зиммель полагали, что мода формируется в высших слоях населения. Свойством моды Г. Зиммель называет выравнивание индивидов, соединение их в группы и отделение одних групп от других. Высшие слои следуют определенной моде, тем самым они обозначают свою принадлежность к какому-то определенному кругу. Высшие слои становятся неким примером для подражания относительно низших слоев, становятся для них привлекательными. Низшие, в свою очередь, желают перенять эту моду на себя, пройти через этот символический барьер. Здесь начинает рождаться слежка за вышестоящими, которая заставляет их отказываться от прежней одежды и добиться ассоциативной причастности к вышестоящим в иерархии.

«Роскошь есть такая трата, которая выходит за пределы необходимости» — такое определение дает В. Зомбарт исследуемому феномену [4, с. 236]. В своей работе «Роскошь и капитализм» В. Зомбарт выделяет субъективную роскошь, т. е. ту, которая определяется ценностным суждением, и объективную — объясняется физиологическими и культурными потребностями человека. Также он выделил два мотива социальной деятельности, связанных с роскошью: альтруистический и эгоистический. Эгоистический подразумевает использование роскоши для себя, альтруистический — роскошь, доступная для окружающих. В. Зомбарт видит роль женщин в развитии капитализма. Мужчины пытались угодить женщине, которая требовала эгоистической роскоши и дорогих подарков. Это и поспособствовало процветанию производства, торговли, развитию ремесел и многому другому.

М. Вебер в своей концепции статусных групп выделил факторы, влияющие на неравенство людей в обществе. Он различил класс собственников, которые получают доход от собственности, добывающий класс — доход, получаемый от продажи рабочей силы, и социальный класс, включающий интеллигенцию, специалистов с высоким уровнем образования, но не имеющий своей собственности. Классовый статус он определяет по уровню обеспечения себя товарами, внешним условиям жизни и субъективной удовлетворенности.

Подводя итог, можно обратить внимание на то, что концепция Г. Зиммеля схожа с представлениями Т. Веблена. Различия в концепциях заключаются в том, что Т. Веблен выдвигает осознанное желание демонстрации богатства, а у Г. Зиммеля мода рождается от же-

лания подражать, независимо от модели поведения (является ли она демонстративной или нет).

Общим для Т. Вебера и В. Зомбарта является признание главной роли в капитализме культурно-этических факторов, а не экономических, в отличие от Маркса. Также они противопоставляли ему свои принципы.

Библиографический список

1. Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1.
2. Маркс К. Г. Капитал. Т. 1. 1867.
3. Гурова О. Ю. Социология моды: обзор классических теорий // Социологические исследования. 2011. № 8.
4. Ефимов Е. Г. Теория роскоши Вернера Зомбарта // Научный потенциал регионов на службу модернизации. Волгоград. 2011.

*М. И. Черепанова, А. А. Горбунова, Д. А. Глухверова,
С. А. Сарыглар (Барнаул)*

АПОКАЛИПСИС К РЕАЛИЗАЦИИ НЕ ОБЯЗАТЕЛЕН: ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ⁴

Представлены обобщенные результаты социологических мониторингов 2009–2018 гг. по оценке риска деструктивных тенденций в поведении населения, увеличивающих смертность разных социальных групп населения СФО. Описана взаимообусловленность разнообразных социальных условий и факторов, определяющих эскалацию рискованного аутоагрессивного поведения. Сделаны выводы о том, что рост депопуляции населения сибирского приграничья обусловлен, кроме системного кризиса, депривацией актуальных компонентов социального благополучия в жизнедеятельности населения [1, с. 88].

Актуальность демографических проблем приграничных регионов СФО обусловлена тем, что, несмотря на некоторую незначительную положительную динамику к росту населения с 2012 г. в целом по России, исследуемые в статье территории СФО продолжают тенденцию

⁴ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» № 28.2757.2017/4.6 (2017–2019).

к депопуляции, значительным потерям населения, главным образом за счет миграции, а также роста смертности населения. Причем среди причин смертности населения значительное место принадлежит внешним, неестественным причинам, к которым современные российские демографы относят убийства, самоубийства, отравления, высокий уровень алкоголизации, дорожно-транспортные происшествия и пр. [2, с. 18].

Представлены обобщенные результаты социологических исследований, выявляющих основные детерминанты, провоцирующие рост антивитальных, саморазрушительных практик. Выявлены некоторые этнические различия, заключающиеся в том, что в Бурятии данной тенденции больше подвержен бурятский этнос, в других исследуемых территориях деструктивное поведение больше характерно для представителей русского этноса [3, с. 132–139].

Был изучен фрагмент массива данных по следующим регионам: Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская область, Республика Бурятия. Во всех представленных территориях дифференцированный, но в разной степени низкий социально-экономический уровень развития общества, что является базовой основой для распространения рисков деструктивного, в том числе аутоагрессивного поведения, что доказано в современных теориях социальной интеграции. Одним из главных факторов риска в изучаемых территориях СФО является высокий уровень безработицы, который на треть выше, чем в среднем по России [2]. Результаты исследования подтвердили наличие линейной зависимости уровня суицидальной активности населения от количества безработных в регионе. Кроме того, существенным фактором риска снижения ценности жизни и самосохранительных резервов населения является длительность безработицы. Так, выявлена статистически значимая связь допустимости суицидов у респондентов Республики Бурятия, Новосибирской области в зависимости от длительности безработицы ($p = 0.001$). Анализ социально-демографических показателей у населения, длительно являющихся безработными, позволил выделить различные возрастные группы риска, среди которых преобладают мужчины в возрасте 22–26, а также 50 лет и старше.

Таким образом, в наибольшей степени подвержены латентному риску саморазрушительного поведения мужчины описанных возрастных категорий, проживающие в приграничных регионах СФО. Выявлено не только абсолютное суицидогенное влияние безработицы, а также тот факт, что ее ожидание, неустойчивость, ненадежность в своем благоприятном профессиональном будущем значительно усиливает ощу-

щение своего неблагополучия. Так, согласно данным опросов, около половины населения изученных регионов имеют опасения и тревогу, связанную с возможностью потери настоящей работы. Во всех представленных регионах СФО среди опасений безработицы преобладают объективные причины — плохое экономическое положение предприятий, что во многом определено спецификой экономической депрессивности регионов. Пятая часть опрошенных респондентов выражает справедливое опасение не найти впоследствии работу.

На примере населения Красноярского края показано, как уровень тревоги, связанной с опасением потерять работу, способен повысить толерантное отношение к суициду [3, с. 503]. Удовлетворенность профессиональной деятельностью вносит значительный, иногда решающий вклад в общую удовлетворенность жизнью, создает основу для ощущения благополучия. Среди жителей СФО полностью удовлетворены работой и карьерой только 40% респондентов. Среди главных факторов, снижающих удовлетворенность карьерой, — недовольство заработной платой, отсутствие карьерного роста и пр. Большинство представителей населения считают, что они достойны более высокого социального положения.

Выявлено, что забота о материальном достатке постоянно или часто не дает покоя 40% населения, которые в это же время испытывают большие перегрузки, усталость в процессе работы. Все эти причины обуславливают неуверенность в завтрашнем дне, повышают настроение социального пессимизма, снижают общую удовлетворенность своей жизнью, усиливают риск антивитаальных практик. Согласно данным опроса, можно констатировать, что денег хватает только на продукты питания и оплату коммунальных услуг у пятой части сибиряков, а денег не хватает даже на продукты питания, постоянно приходится брать в долг у 4% населения. Каждый третий представитель сибирского приграничья не уверен в завтрашнем дне. Данные тенденции стимулируют рост шансов попасть в группу суицидального риска ($p = 0.01$). Для большей части выборки представителей населения СФО (85%) характерно состояние социальной фрустрации, заключающееся в том, что желаемое и заслуженное социальное положение не соответствует реальному, действительному. Частое ощущение социальной фрустрации вызывает самый большой процент допустимости суицидов при определенных условиях ($p = 0,000$). Четверть опрошенных респондентов СФО прогнозирует ухудшение своего материального положения.

Наиболее неблагоприятная ситуация зафиксирована в Бурятии. Около половины населения Бурятии оценивают свои материальные

перспективы как негативные или неопределенные, что отражает невозможность оценить и прогнозировать свое будущее. Выявленные тенденции усиливаются ощущением нестабильности, небезопасности жизнедеятельности в данном регионе. Подобные прогнозы население делает на основании оценки своего реального материального положения. Согласно представленным данным, только для трети респондентов СФО характерен социальный оптимизм относительно своего ближайшего будущего. Остальные опрошенные не видят значительных изменений или опасаются ухудшений своего материального благосостояния, что является основой их социального пессимизма. Так как существует линейная и достоверная зависимость суицидогенности от негативных субъективных оценок качества своей жизни, как несоответствующего желаемому и достойному, допустимость суицидов при низкой оценке качества своей жизни значительно возрастает ($p = 0,000$). Это говорит о том, что около 10% населения СФО могут совершить суицидальные попытки в ближайшем будущем.

Важным показателем социального настроения населения сибирского приграничья является его удовлетворенность разнообразными аспектами жизнедеятельности в современном социуме. Анализ рейтинга показателей низкой удовлетворенности населения СФО различными аспектами своей жизни выявил, что от 10 до 50% жителей недовольны разными аспектами своей жизни, которые составляют в целом основные условия существования личности в современном обществе. Кроме того, четверть респондентов в СФО недовольна в целом своей жизнью, и это наиболее опасная в суицидогенном отношении группа. Для данной группы может быть характерно ощущение жизненного тупика, кризиса, других негативных переживаний. Слабо реализуются все составляющие профессиональной деятельности, карьеры, такие как условия труда, оплата труда, возможности профессионального роста, безопасность труда и др. Кроме того, можно констатировать для значительной части населения СФО низкий уровень удовлетворенности другими разнообразными аспектами жизнедеятельности: семейными, обусловленными коммуникациями со значимыми людьми, своим здоровьем, самим собой. Значительно влияющим на рост социального напряжения, депрессии является феномен социальной фрустрации, так, по данным опроса, считают, что достойны лучшей жизни, чем есть в действительности, от 76% респондентов Красноярского края до 85% опрошенных в Бурятии [4, с. 68].

Данная ситуация, характерная для населения исследуемых приграничных территорий, значительно снижает ощущение социальной субъектности, собственной значимости, лишает важных социально-

психологических резервов. Каждый четвертый сибиряк считает свои жизненные силы, резервы достаточно ограниченными в решении важных и значимых проблем и утверждает, что требования жизни часто превышают их возможности. Так, состояние апатии, социального пессимизма, отказ от значимых ранее ценностей может стимулировать толерантное отношение к антивитальным установкам, которые в целом стимулируют разнообразные девиации, снижают самосохранительный потенциал населения, стимулируют высокий уровень смертности населения от внешних причин.

Библиографический список

1. Черепанова М. И. Модели воспроизводства суицидального риска в приграничных регионах России : дис. ... докт. соц. наук. СПб., 2016.
2. Официальный сайт Госкомстата [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/.
3. Черепанова М. И. Региональная специфика латентных суицидальных рисков населения республики Бурятия // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2012. № 6.
4. Черепанова М. И. Субъективные оценки социального благополучия населения Красноярского края как индикаторы суицидального риска // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33).

С. Г. Чудова (Барнаул)

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ БАБУШКИ: «РИСУНОК» СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Что такое бабушка в нашем сознании? Это пироги, вязанные носки, сказки и широта души. Именно такие ассоциации возникают, когда слышишь это уютное и теплое слово. Вот только в последние десятилетия складывается ощущение, что настоящие бабушки скоро останутся лишь в сказках, а в реальной жизни их поглотит суровая действительность. Социологи замечают: с трендом на активную старость приходит и изменение роли бабушки. Подпитывает такой тренд движение «анти-эйдж», или, как его еще называют, идеология «продуктивного старения».

Роль бабушки как воспитательницы внуков тоже подвергается сегодня сомнению. Крепчает институт нянь, появляются частные детские сады и ясли. Может создаться впечатление, что бабушка как явление скоро исчезнет совсем и в будущем дети станут, подобно Алек-

сандру Сергеевичу Пушкину, с теплотой вспоминать какую-нибудь Арину Родионовну, а не маму своей мамы.

Однако, притом что участие бабушек в воспитании внуков рассматривается как неизбежное, эта сфера внезапно оказалась полем для конфликтов отцов и детей. Идеология родительства за последние 30–40 лет настолько изменилась, что у сегодняшних мам представления о том, как стоит ухаживать за детьми, порой кардинально отличаются от взглядов бабушек. По сути, этот поколенческий разлом намечился еще в начале нулевых годов. Именно тогда к нам с Запада пришла идея, что воспитание детей — это ответственный и тяжелый труд, который нельзя пускать на самотек. Любое неверное движение может оказать на ребенка плохое влияние и иметь долгосрочные последствия. Сегодня огромную роль в воспитании детей играет популярная литература. В ней очень часто можно встретить негативные отсылки к опыту предыдущих поколений. Конструируется образ бабушек и дедушек как тех, от чьего опыта нужно максимально дистанцироваться. Сегодня наше общество экспертно ориентированно — в самых разных сферах считается, что опора на научные (на самом деле часто на псевдонаучные) знания — это хорошо, а советы и личный опыт — это плохо. Именно тут и кроется подвох. Желание бабушек воспитывать внуков по-своему и давать советы воспринимается родителями как вмешательство в дела молодой семьи. Такой тренд намечился примерно с нулевых годов XXI в. и пока не сдает своих позиций.

Если до этого много поколений подряд старшие в роду представлялись носителями опыта и мудрости, то сегодня эта роль, безусловно, подвергается сомнению. Родители решаются открыто спорить с бабушками и дедушками, отстаивать свою точку зрения по вопросам воспитания, отвергать любые предложения и настаивать на правильности своего подхода.

А как сама молодежь видит образ бабушки? Какие ожидания, надежды и потребности, по их мнению, она должна удовлетворять?

В данной статье представлен вторичный анализ социологического исследования, проведенного в 2015–2016 гг. ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств» [1].

Так, образ бабушки в молодежной среде в целом был представлен как аксиологически положительный. Характеризуя собственных бабушек, молодые люди нередко подчеркивали следующие качества: заботливость, доброту, отзывчивость, гостеприимство, энергичность, интеллигентность, миролюбивость, наличие кулинарных талантов, способность понять и поддержать близкого человека,

умение быть интересным собеседником, способность создавать уют в доме. В идеальном образе бабушки был перечислен ряд личностных качеств (заботливость, отзывчивость, способность поддержать советом и т. д.), указывающих на то, что прародитель в ее лице нацелен на активное взаимодействие со своими повзрослевшими детьми и их внуками. При этом отмечалось, что активная вовлеченность в жизнедеятельность детей и внуков возможна при условии осознания бабушкой своей особой роли, связанной с представлением о появлении внуков как новом этапе личного пути, удлиняющем жизненную перспективу [2, с. 72].

Активный тип поведения бабушек, по сути, реализующих функцию социализации и инкультурации подрастающего поколения, включает в себя воспитательные, обучающие и культурно-досуговые виды занятий [3, с. 109–110], устанавливает тесную межпоколенную связь, не исчезающую с годами: *она меня воспитала, многому научила, я ей по гроб жизни буду благодарна* (ж., 1988 г. р.).

Градации отношения молодежи к собственным бабушкам можно структурировать по пяти ключевым направлениям.

Первое направление — личные качества. Их спектр разнообразен, но в целом согласуется со стереотипным набором социально одобряемых и социально порицаемых человеческих качеств. Настоящая / респектовая бабушка никогда не сетует на жизнь и не утомляет окружающих бесконечными жалобами на здоровье. Важным качеством бабушек является мудрость. Образ бабушки — это часто образ мудрого советчика, легитимность советов которого обеспечивается наличием богатого жизненного опыта. Существенной чертой, способствующей формированию положительного отношения внуков к прародителям, является умеренность в советах со стороны последних: совет не должен превращаться в назойливое нравоучение или нотацию о том, как следует жить. Современная городская молодежь в процессе своего становления демонстрирует активное неприятие прямого социализирующего воздействия со стороны взрослых. Для молодых людей открытое внешнее руководство и непосредственная регламентация деятельности даже при условии их адекватности воспринимаются как ограничения на пути самопознания, саморазвития и самоутверждения [4, с. 122]. Распространенной деталью образа бабушки является то, что в связке дети — родители — прародители она выступает защитницей внуков.

Второе направление — наличие или отсутствие способности адаптироваться к техническим инновациям в повседневной жизни: способность прародителей адаптироваться к техническим инновациям

в быту — умение / неумение пользоваться основным набором функций современных средств связи (мобильный телефон), персональным компьютером, различной бытовой техникой (хлебопечка и т. д.).

Третье направление — особенности мировосприятия, включая специфику отношения к окружающим в целом и к молодежи в частности. Важной чертой положительного образа бабушки является толерантное отношение прародителя к молодежи, способность к взвешенным оценкам поступков молодых, проявление уважения и интереса к их увлечениям. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку бабушка остается воспитателем, наставником, учителем, но ей не чужда и способность учиться чему-либо у внуков. Так достигается определенный паритет в отношениях прародителей и внуков.

Четвертое направление — наличие либо отсутствие занятия, определенного вида деятельности, дела. Положительно оценивается молодежью наличие занятия у бабушек, под которым понимается труд на рабочем месте. Большой стаж трудовой деятельности вызывает уважение, а в сознании молодых в равной мере фиксируются как официально отмеченные заслуги собственных бабушек, так и заслуги, признанные ближайшим окружением. Подчеркнем, что пенсионный возраст не осмысливается молодежью как рубеж, после которого активность пожилого человека должна прекратиться. Если бабушка не продолжает трудовую деятельность, то она должна непременно обрести определенное дело по душе, самореализовываться в нем. Отсутствие дела, по мнению молодежи, ведет к десоциализации пожилых, утрате содержательного наполнения проживаемых дней, заполнению свободного времени бессмысленными и в какой-то мере опасными, по мнению молодежи, занятиями: длительным просмотром телевизионных программ, распространением сплетен.

Пятое направление — особенности внешнего облика. Молодежь в данном случае не стремится распространить элементы общеполодежного стиля на собственных бабушек: напротив, подвергается оценке в первую очередь умение следить за собой, наличие вкуса при выборе одежды. Здесь можно видеть любопытный пример взаимообмена мнениями между пожилыми людьми и молодежью: и те и другие весьма чутко улавливают символическое нарушение общепринятых норм в языке костюма. Если пожилые в большинстве случаев осуждают различные варианты субкультурной униформы молодых, то ситуация, когда пожилые пытаются активно следовать молодежной моде, как правило, осуждается молодыми.

Обобщая проанализированный массив материала, следует отметить, что в современной семье отчетливо наблюдается устойчивая

связь внуков и прародителей, т. е. связь через поколение. Также необходимо отметить, что при всем многообразии аксиологических вилок, формирующих положительное или отрицательное отношение внуков к прародителям, образ бабушки аксиологически оказывается заряженным положительно, поскольку при отрицательном отношении к родственнику слово бабушка практически не применяется.

В целом можно заключить, что бабушки являются частью нас, нашей идентичности. Они достраивают ее до максимальной полноты. Те, кто не имел возможности общаться с прародителями, лишены шанса собрать важную часть пазла в своей личной истории. Любимые бабушки — это носители великой мудрости, которой они готовы делиться со своими внучатами. А мудрость, как известно, помогает нам не просто выживать в этом мире, а жить в нем с удовольствием.

Библиографический список

1. Тихомиров С. А. Образ бабушки: материалы социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11 (ноябрь).

2. Кулькова Е. Я. Изучение ролевых позиций в межпоколенной семье // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2007. Т. 8. № 2.

3. Краснова О. В. Бабушки в семье // Социологические исследования. 2000. № 11.

4. Шумская Л. И. Социально-психологические особенности личностного становления современных студентов // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества. СПб., 2005.

Т. В. Чуканова, Е. П. Шунк (Барнаул)

ТЕОРЕТИКО–ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИППОТЕРАПИИ КАК ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В настоящее время актуальной является проблема социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Такие дети испытывают значительные трудности в социализации и реализации своего потенциала. Это связано как с особенностями самих детей, так и с отношением к ним общества. Освоение особен-

ными детьми социального опыта, включение их в существующую систему общественных отношений требует от общества определенных дополнительных мер, средств и усилий. В связи этим актуальным становится поиск новых методов и технологий социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. Одной из таких технологий является иппотерапия. Обратившись к истории воздействия верховой езды на человека, можно глубже понять сущность иппотерапии как технологии социальной реабилитации.

Положительное влияние лошади на человека было замечено еще в древнейшие времена. Гиппократ писал: «Человек быстрее излечивается верхом на коне, а меланхолики быстрее расстаются с дурными мыслями». Целебное воздействие верховой езды описывал в XVIII в. французский энциклопедист Дени Дидро. Так, в трактате «О верховой езде и ее значении для того, чтобы сохранить здоровье и снова его обрести» он писал: «Среди физических упражнений первое место принадлежит верховой езде. С ее помощью можно лечить много болезней, но возможно также и их предупредить, как только они проявляются». Научное обоснование воздействия иппотерапии на организм в конце 19-го столетия дал французский доктор А. Перрон. Он утверждал, что верховая езда активизирует дыхание и двигательные функции организма, улучшает кровообращение, позитивно влияя на человека [1]. В конце XIX в. во Франции вышла книга доктора Колине, опубликовавшего выводы о пользе верховой езды для человека: «Рассматривая, в частности, органические системы, на которые оказывает влияние верховая езда, мы видим самое прямое ее влияние, во-первых, на пищеварительный аппарат, а затем на кровообращение, дыхание и нервную систему. Верховая езда существенно регулирует процессы выделения, испарения и всасывания, очевидно, что физиологическое воздействие этого упражнения отражается на всем организме» [2, с. 18].

Одной из основоположниц метода была норвежка Э. Бодикер, она применяла иппотерапию при реабилитации бывшей спортсменки-конницы Лиз Харел, перенесшей полиомиелит и частично парализованной. Реабилитация была настолько успешной, что в результате Лиз даже смогла участвовать в Олимпийских играх в дисциплине выездка. В 1953 г. по инициативе Э. Бодикер норвежские власти открыли специальный центр лечебной верховой езды для детей-инвалидов [3, с. 56]. Еще одним из основателей иппотерапии как технологии реабилитации является французский профессор Ю. Лаллери, который в 1960–1970-х гг. проводил комплексное изучение теории влияния лошади на выздоровление человека и использовал получен-

ные выводы в своей лечебной практике. Ю. Лаллери определил иппотерапию как метод психосоматической терапии, целью которого является помощь в достижении психологической и двигательной независимости, формирование у человека способности правильно реагировать на изменяющиеся обстоятельства.

В России история иппотерапии как метода реабилитации берет свое начало с 1991 г., с момента основания детского экологического центра «Живая нить», где впервые в России начали применять иппотерапию для реабилитации детей с тяжелыми нарушениями здоровья [4]. В 1994 г. в Москве прошла первая Всероссийская международная конференция по иппотерапии. Был заключен договор о последипломном обучении специалистов с Тбилисской медицинской академией. Выпускники курсов получили сертификаты международного образца по специальности «Инструктор по ЛФК и иппотерапии в системе физической реабилитации». В ноябре 1997 г. была учреждена Национальная федерация лечебной верховой езды и инвалидного конного спорта (НФ ЛВЕ ИКС). В 1999 г. НФ ЛВЕ ИКС стала действительным членом Международной организации верховой езды для инвалидов (FRDI) [5].

Возможности терапевтического применения лошади весьма широки, в связи с этим возникает двойственное толкование термина иппотерапия. В наиболее общем смысле иппотерапия — это любое благоприятное воздействие на человека с помощью лошади. В таком случае терапевтический эффект может достигаться не только с помощью самой лошади, но и с помощью ее образа (игрушек, сказок, рассказов, рисунков, кинофильмов). Данная терапия также имеет пассивную и активную формы. Пассивная форма заключается в наблюдении за лошадьми, активная — в непосредственном взаимодействии.

Активная форма также имеет два вида: лечебная верховая езда (ЛВЕ) — это самостоятельное катание верхом человека с терапевтической целью, и непосредственно иппотерапия — технология реабилитации, при которой ребенок едет на лошади, которую ведет помощник, и выполняет специализированные упражнения при помощи инструктора, также в занятии принимают участие два страхующих ребенка человека по бокам лошади. Как лечебная физическая культура она основана на использовании биологической функции живого организма — функции движения, которая имеет для человека не только биологическое, но и социальное значение. Верховая езда требует и развивает у ребенка осознание своих действий, концентрацию внимания, умение ориентироваться в пространстве. На занятиях иппотерапией ребенок испытывает огромное желание пообщать-

ся с лошадью, почувствовать себя всадником, преодолеть страх, обрести уверенность в себе. Разнонаправленность мотивации отличает данный метод.

В воздействии иппотерапии на занимающегося можно выделить два основных фактора: это эмоциональная связь с лошадью и достаточно жесткие, требующие активной мобилизации физических и психических усилий условия верховой езды. Сочетание данных факторов создает уникальную реабилитационную ситуацию. Занятия иппотерапией обеспечивают комплексную активизацию и мобилизацию организма — мотивационную, психологическую, физическую. Характерной особенностью данного метода реабилитации является то, что занятия проходят в эмоционально насыщенной атмосфере, сопровождаются, как правило, общим подъемом активности занимающихся, повышением настроения, психического статуса.

Таким образом, иппотерапия является технологией комплексной социальной реабилитации детей с ОВЗ. Посещение иппотерапии возможно рассматривать с позиции инвестиции в человеческий капитал, так как данная технология способствует приобретению новых навыков, раскрывает потенциал личности, развивает умение контролировать ситуацию, доверие к людям, повышает уверенность в себе. Данная технология может выступать как механизм социальной мобильности, поскольку на занятиях ребенок самореабилитируется, приобретает новые для себя роли, изменяет свое социальное положение.

Библиографический список

1. Климова В. К., Стрелкова Я. А., Шимохина М. В. История возникновения иппотерапии и опыт ее применения в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <http://mognovse.ru/ns-istoriya-vozniknovniya-ippoterapi-i-opit-ee-primeneniya-v.html>.

2. Колине. О верховой езде и ее действии на организм человека / пер. с франц. И. К. Мердера под ред. Л. Каченовского. М., 2000.

3. Полежаева А. Б., Зуева Е. А. Иппотерапия: путь к здоровью (Лечение верховой ездой). М. ; Ростов н/Д, 2003.

4. Официальный сайт ДЭЦ «Живая нить» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.livingthread.ru/content/view/1/2/>.

5. Ноэми Р. Иппотерапия в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://horseworld.ru/modules/AMS/article.php?storyid=114>.

В. Л. Швайгерт (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЛИЦАМИ, ОСВОБОДИВШИМИСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Научный руководитель — О. Н. Колесникова

Только за 2017–2018 гг. в Алтайском крае до 40% осужденных в первый же год после выхода из мест лишения свободы вновь совершали преступления, ведь многие из осужденных возвращаются в ту же нездоровую среду, в которой жили до тюрьмы: пьющие родственники, потеря социальных связей, отсутствие работы — все это подталкивает освободившихся заключенных вновь свернуть на «кривую дорожку».

Можно выделить два основных вопроса, с которыми сталкиваются осужденные при выходе на свободу, — «где жить?» и «куда устроиться на работу?». При освобождении из мест лишения свободы специалисты по социальной работе стараются сформировать у них правильное отношение к работе, к соблюдению закона, к активному участию в общественной жизни. Более того, в местах лишения свободы в Алтайском крае работают четыре профессиональных училища и десять филиалов, где осужденных учат по 12 специальностям. В каждом подразделении работают «Школы освобождающихся», куда приглашаются специалисты из разных сфер. С осужденными проводятся специальные тренинги. Например, как правильно пройти собеседование, как и где искать работу, в какие инстанции обратиться за помощью. Ежеквартально в учреждениях проводятся «Дни занятости», где приглашенные специалисты служб занятости населения рассказывают о состоянии рынка труда, о возможности приобретения новых специальностей. Так что при желании на волю человек может выйти, уже имея профессию, востребованную на рынке труда. За полгода до освобождения колонии дополнительно делают запрос в предполагаемое место жительства осужденного, чтобы выяснить, какие там есть вакансии, желают ли родственники принять его к себе. Все собранные документы отправляются в социальные службы края или муниципального органа.

Освободившиеся из мест лишения свободы желают начать новую жизнь. Но при попытке трудоустроиться почти у 40% бывших заключенных возникают трудности. Хотя большинство из них владеет профессией, которую они получили в колонии, потенциальные работодатели отказывали им в трудоустройстве, как только узнавали о су-

димости [1]. В последнее время работа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы, заметно активизировалась. Достаточно вспомнить, что в 2010 г. в Алтайском крае появилась межведомственная комиссия по социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы. Различные структуры смогли наладить взаимодействие друг с другом по этому вопросу. И главное, должностные лица различного уровня, органы местного самоуправления стали понимать, что проблема стоит остро и ею надо заниматься более активно. Результат не заставил себя ждать — из 6400 освободившихся в прошлом году 925 человек пришли в те или иные социальные институты, чтобы получить помощь в трудоустройстве, восстановлении документов, юридические консультации и т. д. [2].

Растет количество социальных центров, которые работают с бывшими осужденными. Центры реабилитации предназначены для оказания психологической, юридической и социальной помощи, а также содействуют во вторичной социализации. В Алтайском крае таких центров насчитывается более тридцати. Но среди них можно выделить два центра, которые непосредственно работают с осужденными: Центр «БОМЖ» и Комплексный центр социального обслуживания населения г. Барнаула.

Сильно осложняет социальную реабилитацию осужденных разрыв социальных связей с семьей, бывшими коллегами, друзьями. Потеряв все свои связи, не имея квартиры, работы, они отправляются на улицу. Но даже для таких людей путь к нормальной жизни не заказан. В Барнауле существует Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства, который добился определенных успехов в работе с гражданами этой категории. В его стенах постояльцам не только дают временный ночлег, оказывают медицинскую помощь, помогают в трудоустройстве, содействуют в оформлении документов, удостоверяющих личность, получение страховых полисов, но в первую очередь стараются дать надежду. Здесь бывшие заключенные, которые стали бездомными, могут почувствовать искреннее участие, заинтересованность и уважение к их личности.

В Комплексном центре социального обслуживания населения г. Барнаула социальная работа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы, осуществляется в логической последовательности и условно разделена на несколько этапов. На начальном этапе работы с лицами, освободившимися из мест лишения свободы, проводится информирование, которое осуществляется посредством размещения информации о деятельности учреждения и предоставлении соци-

альных услуг на стендах всех структурных подразделений учреждения, интернет-сайте учреждения, а также в СМИ.

Основной этап работы предусматривает несколько блоков:

- *информационно-диагностический блок* включает в себя получение информации о потенциальном клиенте, проверку информации на достоверность, первичную диагностику его социальных проблем, выявление внутреннего потенциала, а также сбор дополнительной информации о социальном и психологическом статусах клиента и его семьи, анализ выявленных проблем клиента;
- *прогностический блок* направлен на систематизацию разносторонней информации о клиенте, разработку программы его социального сопровождения;
- *реабилитационный блок* предполагает отслеживание динамики реализации программы социального сопровождения гражданина, в который входят: социальный патронаж, социальное сопровождение и оказание практической помощи;
- *контрольный блок* заключается в отслеживании результативности проведенных мероприятий и корректировке программы социального сопровождения гражданина.

Алгоритм социальной работы Комплексного центра социального обслуживания населения г. Барнаула по социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, состоит из следующих блоков: обращение клиентов; информирование и консультирование; оказание срочной помощи; оказание комплекса социальных услуг.

В рамках социальной реабилитации и трудовой адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в Комплексном центре социального обслуживания населения г. Барнаула организовано межведомственное взаимодействие в решении социальных проблем посредством заключения двухсторонних соглашений [3].

Межведомственная работа по взаимодействию с осужденным регламентирована постановлением администрацией Алтайского края от 20.03.2017 № 56-р «О комплексных мерах по социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, в Алтайском крае на 2017–2020 годы» [4].

Таким образом, учреждения социального обслуживания Алтайского края предоставляют все виды социальных услуг лицам, освободившимся из мест лишения свободы, осуществляют комплексное сопровождение лиц, организуют работу по информированию данной категории об услугах, предоставляемых в рамках их деятельно-

сти. Учреждения проводят системную совместную работу с органами и учреждениями системы профилактики, направленную на социальную реабилитацию и постпенитенциарную адаптацию с целью недопущения становления лиц, освободившихся из мест лишения свободы, на путь совершения повторных преступлений.

Библиографический список

1. Технологии социальной работы : учеб. пособие для студ. высших учебных заведений / под ред. И. Г. Зайнышева. М., 2010.
2. О государственной социальной помощи : Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 29.12.2015). М., 2016.
3. Наумов С. А., Поздняков В. И., Семенова С. А., Строева Г. В. Нравственное, правовое и трудовое воспитание осужденных, содержащихся в воспитательных колониях : учебно-метод. матер. / под ред. докт. юр. наук Е. Г. Багреевой. М., 2011 г.
4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014). М., 2014.

К. В. Яныканова (Барнаул)

МОБИЛЬНЫЙ БРИГАДНЫЙ МЕТОД СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОКАЗАНИЯ СРОЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ

Научный руководитель — О. Н. Колесникова

В настоящее время социальное обслуживание является неотъемлемой частью государственной системы социальной защиты граждан. Сущность данного процесса тесно связана с социальной работой как практической и социальной деятельностью, которую Е. И. Холостова рассматривает в виде «оказания государственного и негосударственного содействия человеку с целью обеспечения культурного, социального и материального уровня его жизни, предоставления индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц» [1, с. 98]. Государственная и общественная поддержка отдельных категорий населения, находящихся в трудной жизненной ситуации и неспособных преодолеть ее самостоятельно, т. е. поддержка,

имеющая целевой характер, представляет собой суть социальной защиты населения.

При оказании социальных услуг населению специалисты отделения срочного социального обслуживания применяют следующие технологии: социальная диагностика, социальная адаптация, профилактика, консультирование, мобильная служба (оказание социальных услуг гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации и проживающих в малых отдаленных населенных пунктах района), оказание дополнительных социальных услуг [2, с. 97–99]. Мобильная служба является мобильным формированием, предназначенным для оказания социальных, реабилитационных, медицинских, бытовых, юридических и других услуг: пожилым гражданам и инвалидам в связи с экстренной необходимостью; маломобильным группам населения малых и отдаленных сельских поселений. Мобильная социальная служба может предоставлять социальные услуги, входящие в перечень гарантированных государством, и дополнительные социальные услуги. Деятельность мобильных служб, созданных из числа таких специалистов, как социальные работники, психологи, специалисты по социальной работе, направлена на оказание социальных, медицинских и психологических услуг. По согласованию в состав мобильной службы включаются представители лечебно-профилактических учреждений, органов местного самоуправления, внутренних дел, Пенсионного фонда Российской Федерации, общественных организаций и другие юридические и физические лица, предоставляющие услуги населению. Принципами мобильного социального обслуживания являются гуманность и уважение к личности; добровольность и доступность; адресность и оперативность предоставления услуг; конфиденциальность; профилактическая направленность.

На первых этапах появления «Мобильной социальной помощи» она внедрялась в работу центров как экспериментальный метод социального обслуживания населения, который сравнивался с участковым методом обслуживания на дому. В отличие от услуг надомного социального обслуживания, данный вид социальных услуг предполагает возможность их разового или временного (на определенный срок) оказания, что дает возможность, во-первых, предоставить помощь всем, кто в ней нуждается; во-вторых, способ оказания помощи более гибкий, мобильный и экономически эффективный, чем традиционная система социальных услуг [3, с. 21–59].

В различных регионах России в срочных отделениях присутствует своя специфика осуществления деятельности мобильных бригад. Уже наработанную технологию разовой помощи населению каждый

регион видит по-своему и старается ее расширить новыми услугами, направлениями деятельности. По просьбе жителей (клиентов) социальные работники организуют различные мероприятия, создают клубы по интересам, группы самопомощи. Но в каждом регионе она проводится одинаково в соответствии с определенными этапами, в ходе которых социальные службы стараются наиболее полно и качественно оказать социальную помощь нуждающемуся населению. Специалисты обращают внимание и на поступающие предложения от жителей по совершенствованию практики выездных бригад: привлечение специалистов разных профилей, применение новых методов работы и др.

Мобильная служба «Социальный экспресс» уже внедрена в некоторых регионах Российской Федерации: г. Москве, Московской, Брянской и Пензенской областях, Красноярском крае, Республике Бурятия. В своей деятельности руководствуется международными актами, Конституцией РФ, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, региональными нормативно-правовыми актами и др.

Для Республики Алтай, как и для многих других регионов Российской Федерации, характерна территориальная отдаленность многих населенных пунктов от социальной инфраструктуры. Согласно официальным источникам, в Российской Федерации насчитывается более 150 тыс. деревень и сел, многие из которых располагаются на отдаленных территориях от городов и районных центров. В силу различных причин некоторые граждане не имеют возможности получить вовремя или же вовсе некоторые социальные услуги, будь это плохая инфраструктура, климатические условия, ограниченные возможности жизни, преклонный возраст и т. д. В связи с этим организация социального обслуживания и социальной защиты населения на селе весьма актуальна и необходима. Территориальная отдаленность многих населенных пунктов от социальной инфраструктуры и острая нуждаемость клиентов, проживающих в сельской местности, в своевременном оказании социальных услуг обусловили активное развитие мобильных служб социального сопровождения. Центры социального обслуживания на селе, по сути, должны представлять собой квинтэссенцию всевозможных сервисов, быть комплексными службами, способными разрешать многосторонние проблемы.

Внедрение инноваций в общественном секторе и социальной сфере позволит значительно улучшить качество услуг, предоставляемых населению, сократить сроки их предоставления, обеспечить обрат-

ную связь в отношении контроля своевременности и качества, а также повысить их доступность. Внедрение и использование такой инновационной технологии, как мобильная социальная служба «Социальный экспресс», позволит высвободить рабочие места, сократить финансовые затраты, уменьшить очередность на стационарное обслуживание и повысить качество предоставляемых услуг; позволит обеспечить равный доступ нуждающимся гражданам к гарантированному комплексу услуг, а также охватить ту часть населения, которая не пользуется принципом заявительного обращения в социальные службы. Такая «мобильная» технология сопровождения действует по принципу «переход от активного клиента к активной социальной помощи и поддержке» [4, с. 71–164].

Таким образом, можно отметить, что выездная «Мобильная бригада» — инновационный метод социальных служб, деятельность которой осуществляется в отделениях срочной помощи комплексных центров. Она направлена на повышение уровня жизни и полноценное оказание социальных услуг всем нуждающимся гражданам, независимо от условий их проживания. Такое направление инновационной деятельности представляется важным, так как государство заинтересовано в развитии социальной сферы и предоставлении социальных услуг всем без исключения нуждающимся в этих услугах гражданам Российской Федерации. Многими регионами страны уже используется данный метод. В некоторых он получил хорошее развитие и поддержку, а потому область деятельности и возможности более расширены, чем в других, где мобильные социальные службы только недавно начали действовать.

Библиографический список

1. Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми : учебник для бакалавров. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
2. Технологии социального обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов на дому : учеб. пособие. М., 2007.
3. Бабнищев А. Н. «Мобильная бригада» — эффективная технология повышения доступности и качества социальных услуг жителям отдаленных населенных пунктов в сельской местности // *Работник социальной службы*. 2013. № 7.
4. Платонова Н. М., Платонов М. Ю. Инновации в социальной работе : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М., 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Наталия Христова, Международное высшее бизнес-училище (г. Ботевград, Болгария), профессор, доктор психологических наук

Антипова Юлия Александровна, Алтайский государственный университет, студент

Баёва Анастасия Александровна, Алтайский государственный университет, студент

Блохина Екатерина Андреевна, Алтайский государственный университет, студент

Болотова Алёна Викторовна, Алтайский государственный университет, студент

Борисова Ольга Владимировна, Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий

Боровинская Юлия Константиновна, Алтайский государственный университет, студент

Бугазов Анвар Хусаинович, Кыргызско-российский славянский университет, профессор, доктор философских наук

Будлянская Лилия Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Великжанина Кристина Андреевна, Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры социальной работы

Ветошкина Наталья Николаевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Воронина Светлана Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук

Галиев Марат Салимжанович, МБОУ «Лицей №3» города Барнаула, учитель истории и обществознания

Глуховерова Динара Алиевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Голубицких Юлия Викторовна, Алтайский государственный университет, студент

Горбунова Анастасия Андреевна, Алтайский государственный университет, ассистент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Горшунова Елизавета Евгеньевна, Алтайский государственный университет, студент

Грошева Дарья Владимировна, Алтайский государственный университет, студент

Гуреева Мария Александровна, Алтайский государственный университет, студент

Данилова Мария Викторовна, Алтайский государственный университет, студент

Дерягина Виктория Викторовна, Алтайский государственный университет, магистрант

Домашев Анатолий Николаевич, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат филологических наук

Дубровина Яна Юрьевна, Алтайский государственный университет, студент

Дурманова Татьяна Юрьевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Ежова Валентина Андреевна, Алтайский государственный университет, студент

Журавлев Федор Борисович, Алтайский государственный университет, студент

Зайцев Константин Александрович, Алтайский государственный университет, студент

Замятина Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук

Иванова Анастасия Александровна, Алтайский государственный университет, студент

Иода София Вячеславовна, Алтайский государственный университет, студент

Калинина Анастасия Павловна, Алтайский государственный университет, студент

Карамышев Николай Петрович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии

Качур Анна Степановна, Алтайский государственный университет, аспирант

Кашкарова Алена Алексеевна, Алтайский государственный университет, студент

Кашченко Алексей Сергеевич, Алтайский государственный университет, магистрант

Кеняйкина Анастасия Евгеньевна, Алтайский государственный университет, студент

Климова Ксения Ивановна, Алтайский государственный университет, студент

Кобец Анна Сергеевна, Горно-Алтайский государственный университет, студент

Колесникова Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, декан факультета социологии, кандидат социологических наук

Комышниковна Екатерина Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант

Коростелева Ольга Тимофеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, доктор социологических наук

Котенок Елизавета Григорьевна, Алтайский государственный университет, студент

Кротова Александра Алексеевна, Алтайский государственный университет, студент

Кряклина Тамара Федоровна, помощник депутата Алтайского краевого Законодательного собрания, профессор, доктор философских наук

Кужим Наталья Викторовна, Алтайский государственный университет, студент

Кузнецова Виктория Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант

Кульгускина Ирина Александровна, Алтайский государственный университет, студент

Литягин Евгений Владимирович, Горно-Алтайский государственный университет, доцент кафедры права, философии и социологии, кандидат философских наук

Лихошерстова Наталья Владиславовна, Алтайский государственный университет, студент

Лобанова Анастасия Дмитриевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Мазурина Юлия Романовна, Алтайский государственный университет, магистрант

Максимов Иван Сергеевич, Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю, инспектор ДПС отдельной роты ДПС ГИБДД ГУ МВД России по Алтайскому краю

Малетина Анна Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Меркетова Евгения Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант

Мицких Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Монгуш Алдынай Артис-ооловна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Кызыл, Республика Тыва), научный сотрудник сектора прикладной социологии и политологии

Мотина Анна Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант

Мукова Людмила Александровна, Международное высшее бизнес-училище (г. Ботевград, Болгария), профессор, кандидат юридических наук

Нагайцев Виктор Валентинович, Алтайский государственный университет, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Назарова Христина Александровна, Томский государственный университет, студент

Недосекова Екатерина Сергеевна, Алтайский государственный университет, студент

Никифорова Алина Игоревна, Алтайский государственный университет, студент

Оргина Ксения Александровна, Алтайский государственный университет, студент

Плотникова Марина Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант

Поневин Константин Викторович, Алтайский государственный университет, магистрант

Попов Евгений Александрович, Алтайский государственный университет, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, доктор философских наук

Прокопьева Наталья Валентиновна, Гуляевская гимназия г. Барнаула, кандидат социологических наук

Прудникова Анастасия Вячеславовна, Алтайский государственный университет, магистрант

Пугачев Михаил Дмитриевич, Алтайский государственный университет, магистрант

Пустовалова Елена Валерьевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат философских наук

Радонова Анна Владимировна, Алтайский государственный институт культуры, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук

Рекунова Мария Валерьевна, Алтайский государственный университет, студент

Решетова Алена Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Романова Наталья Николаевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Саркисян София Геннадьевна, Алтайский государственный университет, студент

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна, Алтайский государственный университет, ассистент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий

Сивоконь Алена Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Синдяшова Анна Николаевна, Алтайский государственный университет, студент

Синцова Людмила Константиновна, Алтайский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии и культурологии, доктор философских наук

Сиротина Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Скосырева Снежана Олеговна, Алтайский государственный университет, студент

Смирнова Анастасия Сергеевна, МБОУ «Лицей № 3» города Барнаула, ученица

Соколова Анна Сергеевна, Алтайский государственный университет, студент

Стерлядева Наталья Анатольевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Струганик Влада Витальевна, Алтайский государственный университет, студент

Сытых Ольга Леонидовна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор философских наук

Тесля Юлия Игоревна, Алтайский государственный университет, студент

Трофимова Юлия Владимировна, Барнаульский юридический институт МВД России, доцент, кандидат психологических наук

Феданюк Елена Денисовна, Алтайский государственный университет, студент

Федулова Елена Андреевна, Алтайский государственный университет, студент

Фролова Виктория Сергеевна, Алтайский государственный университет, студент

Хатунцева Полина Евгеньевна, Алтайский государственный университет, студент

Хвастунова Юлия Викторовна, Горно-Алтайский государственный университет, доцент кафедры права, философии и социологии, кандидат философских наук

Цакова Ирина, Международное высшее бизнес-училище (г. Ботевград, Болгария), профессор, кандидат юридических наук

Черепанова Мария Ивановна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, доктор социологических наук

Чудова Светлана Георгиевна, Алтайский государственный университет, доцент, заведующая кафедрой социальной работы, кандидат социологических наук

Чуканова Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, заместитель декана факультета социологии, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Чурсина Наталья Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Шафоростова Светлана Николаевна, Алтайский государственный университет, студент

Шахова Екатерина Владимировна, Алтайский государственный университет, аспирант

Швайгерт Виталий Леонидович, Алтайский государственный университет, магистрант

Шрайбер Ангелина Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Шунк Елизавета Петровна, Алтайский государственный университет, магистрант (с 2016 по 2018 гг.)

Яныканова Карина Вячеславовна, Алтайский государственный университет, магистрант

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

Сборник статей

Выпуск 11

Редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Оформление обложки Ю. В. Плетнева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 24.04.2019.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 23,0. Тираж 100 экз. Заказ 196.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66